

Виктор Троицкий

ТРОПА И ПУТЬ
ИЗ ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ И ИДЕЙ

Москва

«ПЕРО»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Т70

Троицкий В.П.

Т 70   *Тропа и Путь. Из жизни людей и идей. Вып. 1. – М.: «ПЕРО»,
2018. – 264 с.*

ISBN 978-5-00122-665-9

Читателю предлагается попытка изложения, предпринятая в странном (или просто смешанном) жанре: отчасти это мемуары, отчасти научная публикация, отчасти философский дневник. Может быть, лучше было бы назвать так: в поисках утраченного времени. Стало быть, делается попытка представить время жизни военного инженера-программиста, его близких и друзей в период создания и эксплуатации сложных технических систем оборонного назначения.

*На обложке воспроизведена одна из ипостасей Тропы
(октябрь 2018 года).*

Экз. №

ISBN 978-5-00122-665-9

© Троицкий В.П., 2018

**ТРОПА И ПУТЬ.
ИЗ ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ И ИДЕЙ**

СОДЕРЖАНИЕ

I. Наш хронотоп	5
<i>Опот.1.</i> Точка на карте	7
<i>Опот.2.</i> Тропа	12
... <i>Опот.3.</i> Хронотоп	17
II. Думать и делать	27
<i>Опот.4.</i> Имена профессии	32
<i>Опот.5.</i> Интенциональность	40
<i>Опот.6.</i> Наша Ада	47
III. Форма числа	Вып. 2
<i>Опот.7.</i> Китайская теорема и СОК	Вып. 2
<i>Опот.8.</i> Число как форма	Вып. 2
<i>Опот.9.</i> Великие НЕ математики	Вып. 2
IV. Символизм	Вып. 2
<i>Опот.10.</i> Проблема символа	Вып. 2
<i>Опот.11.</i> Семиотическое существование	Вып. 2
<i>Опот.12.</i> Символы бесконечности	Вып. 2
V. Информация и время	Вып. 3
<i>Опот.13.</i> Количество информации	Вып. 3
<i>Опот.14.</i> Что такое время?	Вып. 3
<i>Опот.15.</i> Машина времени	Вып. 3
VI. Сложные системы	Вып. 3
<i>Опот.16.</i> Множества и системы	Вып. 3
<i>Опот.17.</i> Двойственные эвристики	Вып. 3
<i>Опот.18.</i> Морфизмы и модели	Вып. 3
VII. Русская философия	Вып. 3
<i>Опот.19.</i> Вопрошание	Вып. 3
<i>Опот.20.</i> Имяславие	Вып. 3
<i>Опот.21.</i> Путь	Вып. 3

VIII. Приложение 1. Статьи и публикации	53
Семиотическое существование (1978)	53
К вопросу о времени... (1983)	64
Долгий путь одной метафоры. Ю. Шрейдер	64
К вопросу о времени, или Слово в похвалу чтения.....	66
Лопасня: волны смысла (1998)	74
Несколько эпизодов службы офицера отдела боевых алгоритмов (2012)	84
IX. Приложение 2. Послания, дневники, письма	111
Еще раз об АРИЗе (1977)	111
В мировом масштабе (1978)	115
Вещи (1983)	117
Опыты: первые главы (1980–1984)	120
Зачем пишу, почему?	120
Пропасть	121
О ноле	122
Мы и они	126
Алеф.....	127
Шум дождя.....	130
Rex	130
Философия перечисления.....	132
Случай с причинностью	135
Про капусту.....	137
Буду разным.....	138
Факты и принципы.....	139
Квантовая механика литературы.....	141
Моя «Алиса»	144
Чтиво (апрель 1979 – август 1987)	148
В экклезиастовой шкуре (1990)	257
Ода любимой (1995)	259
Комментарии к изображениям	261

I. НАШ ХРОНОТОП

Да, мой Друг, согласен: назвался груздем, полезай... куда следует. За свои слова у нас всегда как-то было принято держать ответ. Держать – буду. Ведь сам же я и призывал, и не так давно, на очередном нашем «Дне программиста», мол, пора нам *взяться за мемуары* и, в конце концов, надо же описать, зафиксировать, увековечить, как и что мы когда-то делали, как и чем жили. А, вместе с тем, хорошо бы и выяснить причину того, что именно заставляло и заставляет нас не забывать свое прошлое, возвращает к нему вновь и вновь, – вот уже много лет подряд – буквально заставляет, да, периодически-регулярно собираться здесь, в подмосковном военном городке, на дружескую вечеринку во славу «Дуная Чернецкого» и главного творца его Мусатова, во славу Августы Ады Лавлейс, во славу нашего общего дела...

Сразу оговорю ограничения и некоторую узость предпринимаемой писательской затеи. А именно: берясь за эти воспоминания-размышления, не буду выделять некое «объективное» описание, этакую безразличную и безличную, «общезначимую», на всех и всякого рассчитанную хронику или аналитический отчет. Мне это не то чтобы не с руки, но просто скучно. Буду самолично держать ответ за то, что именно мне (было и есть) дорого в этом нашем общем чернецком житии. Мой отбор фактов, деяний, лиц и событий, взятых в описание, предстает здесь неизбежно субъективным, лично-моим, и уж не знаю, нужно ли за это (как принято среди людей, воспитанных в советском – следовательно, коллективистском – обществе) извиняться. Да, я вознамерился стать летописцем или, сказать точнее, очеркистом, но очеркистом необъективным уже потому, что этот текст – персонально мой.

Еще прошу принять во внимание и то, что кроме «жизни людей» (того времени и того места жителей) мне важно было в определенной мере – даже, пожалуй, прежде всего, или даже преимущественно, – описать еще «жизнь идей», рождавшихся и народившихся там и тогда. А усомниться ли кто, что мир идей – необъективен, нематериален?! Потому ставлю окончательным приговором: данные «мемуары» будут и специально субъективны и преимущественно идеалистичны.

Основные запасы (все-таки явно необходимой) объективности и фактичности полагаю сосредоточить в справочно-вспомогательном аппарате, о котором пришлось, между прочим, немало озаботиться. Замышлен он, стало быть, в двух видах или отраслях:

в виде «Приложений», отнесенных в конец этих записок, где даны различные публикации, тексты и документы, так или иначе упомянутые в основном повествовании и составляющие, так скажем, главный отчетный

материал (они и будут своеобразными вехами фактичности на пути нашего описания), а также

в специальных экскурсах внутри основного текста, всякий раз выделенных под обще-родовым названием «*Onomatodoxia*» (на главном философском языке, т.е. по-гречески сказано: «мнение, представление об имени», буквально «именоположенность»¹); экскурсы по краям-границам своим обрамлены самостоятельным заголовком в начале и специальным значком окончания (#)², они сугубо призваны отвечать за точность и ясность «ключевых слов» предлагаемого повествования, тем самым задавая его и удерживая на крепком, надеюсь, понятийно-категориальном каркасе.

Собственно, первому экскурсу «за именами» теперь самое время и место, особенно если иметь в виду, что читать эти заметки будут не только «наши», что нужны пояснения для тех, кто не причастен пока еще к нашей *Чернецкой цивилизации* или, точнее, культуре. Едва не сорвалось с языка почему-то – Черняховской... да, была когда-то древняя славянская культура, от которой до наших дней остался крайне бедный археологический материал, но зато – по границам ее ареала – сохранились и донныне высятся циклопические Змиевы и Траяновы валы. Подозреваю (об оговорке), что это из подсознания всплывала примерно такая картинка-повествование: скоро, очень скоро все забудут, как в баснословные времена были возведены в Подмосковье гигантские сооружения стратегической системы противоракетной обороны (ПРО) города Москвы, как здесь кипели когда-то великие страсти, интеллектуальные, политические, житейские, творческие, даже любовные, всяческие страсти, как полнокровно цвела здесь жизнь сама, и вот теперь ничего нет, и разве что остаются и останутся, поросшие прытким кустарником, остатки пустующих «площадок», да еще будут выситься кое-где некие странные, безнадежно ржавые груды металла и строительного хлама непонятого назначения и происхождения, вроде тех гряд и всхолмий (валов) на краях обороны когда-то процветавшей древней цивилизации...

---

¹ Позднее, в нужном месте, когда окончательно вызреет повод к истории термина, еще специально разъясню такое словоупотребление. Пока же следует только сказать, что само слово «ономатодоксия» первым (в начале 20-х годов) использовал А.Ф. Лосев, преследуя большие философские и богословские цели. При этом для второй значимой части данного термина (*δόξα*) он привлекал смысл из поздне-греческого языка, койне, на котором написан священный текст Нового Завета, – «доброе имя», «слава». В целом «ономатодоксия» тогда означает «имени слава» или «имяславие». Подробности, стало быть, еще впереди.

² В литературе по математической логике таким значком принято обозначать конец доказательства теоремы, – это что-то вроде старинного и уютно (как сверчок) чирикающего Ч.Т.Д.

Но так – только еще будет. Пока нам предстоят немалые хлопоты ради сохранения этого недавнего «было», включая заботу о воскресении ныне утраченных или отчасти исчезающих именах и смыслах.

Opomatodoxia – 1. Точка на карте. Сама судьба свела нас в данную географическую точку Подмосковья, ей – спасибо. А нам теперь – подробное описание этой малой точки очень даже надобно. Вот он, военный городок в два десятка пятиэтажек, расположенный в километре на юг от *железнодорожной платформы Чернецкое*, что на Большом кольце Московской железной дороги. От платформы и получил городок свое неофициальное название, а платформа, в свою очередь, величается по *деревне Чернецкое*, каковая благополучно пребывает по другую сторону «железки», на три километра восточнее³.

На официальных картах городка-поселка не было. Единственное место, где при желании можно было увидеть его название – это табличка автобусного маршрута № 34, ведущего от вокзала г. Чехова в наш лес: «Чехов – Чернецкое». Впрочем, были еще почтовые адреса, но уже без всякого «Чернецкого»: корреспонденция шла или в «Чехов-7» (в окрестностях града Чехова было тогда много серьезных военных заведений, так что есть, к примеру, еще и «Чехов-8», то бишь «Солодовка») или, немного лет погодя, по адресу «Подольск-20». В наших текстах для «Дней программиста» я стал употреблять наименование «*Подольск-что-в-лесу*», которое, кажется, тоже вошло в обиход, пусть и в относительно узком кругу участников наших посиделок.

В городке с вышеперечисленными – выбирай на вкус! – названиями проживали когда-то и проживают поныне военнослужащие и члены их семей, имеющие отношение к *войсковой части 03863*. По-военному и тоже всерьез это именовалось «*отдельный радиотехнический узел дальнего обнаружения*». Дата основания в/ч 03863, по дате подписания соответствующего приказа – 7 ноября 1968 года (не так давно мы достойно миновали временную отметку «45 лет на страже космических рубежей», и хорошо было бы застать и узнать, как будет смотреться очередная юбилейная дата – она на пороге), первым командиром

---

³ Именно туда во времена почти доисторические пролегла народная тропинка, – «у Трофимыча» в любое время дня и ночи можно было купить водку. Вообще в запасниках *Wiki* можно найти весьма толковую информацию о нашей «точке на карте», о городке: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D7%E5%F5%E2-7>. Там нет, правда, упоминания о Трофимыче, чья «лавочка» была прикрыта из-за причастности к одному жуткому смертоубийству где-то в 1975-м году. Еще любопытная деталь новейшей географии: когда в 2012 году прочертили границы «новой Москвы», то она – в известной нам части прежнего Подмосковья – прошла как раз по *железнодорожной платформе Чернецкое*, так что *деревня Чернецкое* благополучно перекочевала под крыло Стольного града, а наш *городок* остался в прежнем качестве «под-».

части был назначен подполковник *Родионов Николай Иванович*⁴. «№-й отдельный радиотехнический узел» в переводе с языка военно-оперативного на язык военно-технический означает «*Дунай-ЗУ*» или «секторная радиолокационная станция дальнего обнаружения (СРЛС ДО) системы ПРО». Главный конструктор этого типа «*Дуная*» *Александр Николаевич Мусатов* (1925–2008), а головной разработчик – Научно-исследовательский институт дальней радиосвязи, *НИИДАР*, что в Москве был когда-то на Преображенке, а сейчас и в других местах. Почему-то для военных радиолокационных систем традиция «именоположения» утвердилась в гидронимической семантике, и потому мне, замечу попутно, пришлось иметь близкое дело со многими «реками» (рукотворными) – «*Дунаем*», «*Тоболом*», «*Енисеем*» и «*Доном*», довольно неплохо знакомился еще с «*Днепром*», «*Дарьялом*» и, наконец, «*Волгой*». А наш «*Дунай-ЗУ*» был, можно сказать, младшим братом «*Дуная-ЗМ*», который в свое время сотворил со товарищи главный конструктор *Владимир Пантелеймонович Сосульников* (1921–2008), сотворил и воздвиг «на *Кубинке*», т.е. возле подмосковной деревни *Акулово*.

Но в обиходе мы подобные названия, к примеру, «*Дунай*», почти не упоминали. Разумеется, надо было соблюдать режим секретности, и потому основное то место, где мы пропадали и дневали-ночевали, в обиходе чаще всего называлось неприятзательным эвфемизмом *Объект*⁵. Просто говорили: «тебе звонили с Объекта», «эх, оставил нужные записи на Объекте» и прочее в том же духе. «Шел по Тропе на Объект...» – вот описал привычный процесс того времени и употребил в короткой фразе сразу два больших символа. А когда началась «перестройка и гласность», всем стало известно (что-то, правда, мы и раньше слыхивали), как наши «объекты» величают у потенциального противника. Объект от *Сосульникова* в классификации НАТО – это «*Doghouse*», собачий дом или, вернее сказать, *собачья конура* (вполне изоморфное объекту название, почти

---

⁴ Он и мой первый командир части. Помяну добрым словом этого умного, волевого, умелого и жесткого профессионала: генерал-лейтенант в отставке Н.И. Родионов недавно скончался, 3 декабря 2014 года, на 84-м году от роду. Последний раз мы с ним немного (но весьма дружески) пообщались как раз на 45-летнем юбилее нашей части.

⁵ Как ни жаль, но в данном слове изначально не было особого философского смысла, извлекаемого, скажем, из противоположения *субъекта и объекта*. Номинация произошла от сокращения служебного именованья у военных строителей: «объект 0746». При этом конкретный номер (из номенклатуры крупных стратегических объектов, возводимых в разгар «холодной войны») был в обиходе, как правило, не нужен, осталось – «объект». Виноват, «Объект». Взгляд на нашу «точку на карте» как раз глазами строителя «объекта 0746» можно найти здесь: *Макаров А.А.* Военные строители с успехом форсировали «*Дунай*» // 40 лет на контроле космоса: Юбилейный сборник / Отв. ред. С.Ф. Боев. – М.: ОАО НПК НИИДАР, 2008. – С. 622–633. Неплохой рассказ о том, как трудно разбивали большую клумбу или песочницу, на которой потом с не меньшими (но уже другими) трудностями возвращались наши программистские цветочки, да и башенки из песка воздвигались там тоже.

иконичное: огромные антенны приемного устройства Акуловской станции, высящиеся над Кубинскими лесами в виде гигантского шалаша, при желании действительно можно сравнить с собачьим благоустроенным жилищем), тогда как мусатовский Объект – это «Cathouse», или *кошкин дом*. Назвали явно по аналогии, хотя очертаниями своими, генеральным видом приемных антенн наша Чернецкая станция существенно отличается от шалаша-конуры Акуловской. Скорее это гигантский разводной мост, по изысканному волшебству унесенный от берегов Невы ближе к Москве-реке и раскинувший свои пролеты по воздуху Подмосковья...

Натовское название, заметим, странным образом сказалося на «объектовом» фольклоре: с некоторых пор в наших программистских бумагах стали регулярно появляться силуэты кота, повернутого к зрителю задом, с раскинутым привольно хвостом и пышными усами, торчащими за пределами его крутых боков. Кот явно гулял сам по себе и между дел строго предупреждал программистов о главном в профессии: «Бди!». То бишь – не сделал ли ты, дружок, ошибку в только что составленной программе?! – Шутка, конечно. Теперь этот кот исправно украшает буклеты наших «Дней программиста». А вот еще одно замечание к «ономатодоксии», боюсь, не вполне шуточное. Как назовешь судно, так ведь оно и поплывет, не правда ли? А, к примеру, как натовские названия «сказались» на судьбе «Дунаев»? Положим, назвали – «кошкин дом», посему надо ждать пожара, следуя судьбоносной логике из песенки дедушки Корнея – «Тили-тили, тили, бом! Загорелся кошкин дом...» Но ведь случился-таки большой пожар (в мае 1989 года), только не на «Дунае-ЗУ», а на «Дунае-ЗМ», именно, не у кошки в обиталище, но у собаки. И этот пожар поставил жирный крест на судьбе акуловского Объекта. Чернецкий же Объект – жив до сих пор. Тьфу-тьфу-тьфу... Не иначе – его оберегает имя или какой технический ангел-хранитель. И, может быть, дело не только или не столько в котах, хотя они, как известно, существа мистические и сакральные. Не забудем, что «чернец» – это, попросту говоря, «монах», «одинокий молитвенник». Топоним же «Чернецкое» происходит, думаю, как раз от «чернец». И точка, и всё этим сказано или даже вполне удовлетворительно объяснено #

Большинство изложенных и описанных (далее по тексту) событий, состоявшихся как в мире материальном, так и в мире идеальном, нас тогда окружавших, мы с тобой, Друже, так или иначе обсуждали на вечерних наших прогулках. Да, именно. На работе, на службе, на Объекте не то, что пофилософствовать, даже просто спокойно поговорить было, довольно часто, практически некогда, да и негде, пожалуй. Зато порою выдавались благодатные (странно-неожиданно-свободные) вечера, ближе к ночи, и тогда-то совершались прогулки неспешные, перед сном, по дорожкам ночного городка, или в сторону Тропы, и в другие стороны, и самые разные темы – и

«по жизни», и «по технике», и «по философии» – оживали, вынашивались, обкатывались и, можно смело сказать, «оттаптывались» в тех наших пеших разговорах... Как-то сама собой сложилась эта дорогая для нас традиция, и была она многолетней, и прервалась она только тогда, когда ты, Друже, уехал-отбыл трудиться в адъюнктуру Харьковской академии. Довольно быстро я понял и оценил смысл одного совета, который мне давал когда-то большой философ и математик Ю.А. Шрейдер: «Если хотите разобраться в сложном вопросе, не пытайтесь одолеть его в одиночку, попробуйте популярно изложить и объяснить трудности своему собеседнику, и почти наверняка для вас самих проблема эта если и не разрешится, то станет более ясной и понятной» (несмотря на великую разницу в возрасте и, так сказать, по весовым категориям в науке, Юлий Анатольевич всегда был со мной на вы, все годы нашей долгой дружбы).

Действительно, многие и «завиральные» и вполне «земные» идеи той поры – технические, научные, философские тоже – укреплялись и закреплялись именно в наших вечерне-ночных разговорах, при нашей парной ходьбе, под ее аккомпанемент. Так, говорят, в античности состоялась целая философская школа «перипатетиков» (калька греч. *περιπατητικός* – прогуливающийся, прохаживающийся), по той причине состоялась, что великий Аристотель предпочитал давать свои лекции по ходу неспешных и длительных прогулок. Вот так и нам, вовсе уж и не великим и, абсолютно точно, не эллинам по праву рождения, потому и вышагивавшим отнюдь не под благосеннолиственным пологом оливковых деревьев и не по гладким мраморам тенистых портиков, а всё больше среди снегов, еще вполне белых (и ты нередко выходил «прогуляться», помню, в валенках, да – а что, очень уместно, удобно и даже процессу мышления способствует – не отвлекает), или по немного скользким бетонным плитам идущей вверх Тропы, – нам очень даже нравилось такое полезное времяпрепровождение. Подмосковные (чернецкие) *перипатетики*, видите ли...

Кстати, пора бы особо сказать как раз о нашей Тропе. Сколько же по ней пройдено, а главное, сколько «по ходу дела» здесь помыслено, подумано и помечтано! Спасибо Тропе! Именно на Тропе, точно помню, мне впервые пришла в голову мысль об особой роли специфического типа реальности – *реальности символической*, реальности символа, так что и моя первая (первая – в открытой печати) научная публикация «Семиотическое существование»⁶

---

⁶ *Троицкий В.П.* Семиотическое существование // Семиотика и информатика. Вып. 11. – М., 1979. – С. 52–65 (сборник вышел с запозданием, как раз нетипичным для «Семиотики и информатики», то был выпуск материалов за 1978-й год; как же я ждал этот сборник!). Статья воспроизводится в «Приложении 1», с более поздними комментариями в сносках.

вся, целиком была продумана, то бишь «протоптана» именно здесь, по-вдоль Тропы. И не она одна, надо прибавить, еще несколько философических затей⁷ обязаны своим появлением ей, Тропе родимой.

А еще Тропа прямо и не раз выручала, что называется, по службе. К примеру, она очень даже конкретно помогла, когда однажды нужно было явиться на Объект и что-то предлагать все-таки срочное сделать для селекции нового типа «ложняков» (ложных баллистических целей, кратко ЛБЦ)⁸, которые вдруг обрушились на нас, и при этом «домашний анализ» особенностей таких «подарков» никак не давал подходящего алгоритмического решения. А я в ту пору, как ты знаешь, служил Отечеству уже в другом месте, как-то променяв проблемы «Дуная» на иные, куда *большие* и по масштабу и трудностям (или просто – новые и непривычные) «гидротехнические» задачки на «Дону». Давненько, стало быть, не возвращался на наш Объект!

Утомительно-долго ехал тогда – от Софрино до Чернецкого путь неблизкий, да еще кружной и путаный, да – и всю дорогу неотступно думал о всяком-разном, и, увы, мало продвигаясь к нужному результату... И вот, отчетливо помню, стоило ступить на родную Тропу, стоило только незаметно войти в привычный ритм ее *шаго-мысли*, как в голове тут же блеснула и стала стремительно оформляться четкая – совершенно неожиданная и неочевидная – идея селекции. А когда входил в машинный зал, где уже дожидались члены рабочей группы по анализу ЛБЦ (тут и Алик Туркенич на месте, он тоже специально приехал из Москвы, чтобы «держать марку» разработчика и по-своему «спасти положение»), нужный алгоритм селекции был практически полностью готов: заноси рекомендации в протокол анализа, бери и скоренько реализуй в «железе»... Так было, чистая-пречистая правда.

---

⁷ Основное внимание было сосредоточено на содержательных, *качественных* аспектах теории информации (*количество* информации, после Шеннона, все давно умеют подсчитывать); меня особенно занимало тогда соотношение категорий информации и времени, прежде всего, это самое «и» между ними. Дать научно-популярное изложение такого «и»-подхода была призвана статья в журнале «Знание-сила» (№ 10, 1983) «К вопросу о времени, или Слово в похвалу чтению», вместе с введением к ней, каковое стремительно составил Ю.А. Шрейдер: «Заметка вроде маленькая, но полдня над ней просидел. Поверьте, Виктор, мне было чрезвычайно приятно это делать!». – Шрейдерово введение и ту мою статью (сейчас она автору совсем не нравится, но... *еже писахь, – писахь*) можно найти в «Приложении 1». Осталось прибавить, что редакция почтенного журнала поместила сей материал под рубрикой «*Любителям вечных проблем*», недавно и кстати тогда введенной – будто специально для чудаков вроде меня.

⁸ Об увлекательно-трудной эпопее многолетней борьбы с ЛБЦ отчасти (сколько позволяют здесь естественные «режимные» ограничения на высказывание) повествуется отдельно, в заметке «Несколько эпизодов...», см. «Приложение 1».

Тропа, феномен Тропы. Все-таки надо чуть подробнее описать ее, а то она буквально на глазах становится и как бы вконец не стала *чисто семиотической* реальностью: только названа, только окликнута по имени, и всё, и вроде ничто или никто уже не отзовется в ответ на полузабытое полузнакомое слово...

Onomatodoxia – 2. **Тропа.** Скажем так: она не только реальна, она очень даже материальна и приземлена, по земле простерта. Впрочем, нет, не совсем верно: теперь она выглядит, как описано ниже, только *духовно*, только в моей памяти, да-да, и в твоей, Друг, тоже, и наших друзей и коллег, конечно. Это ее бытие – прошлое и призрачное, как и вполне *идеальное*, да. Нынче, слышать, Тропу почти забросили, и не только по безденежью недавних времен, по ней и ходить-то особенно некому стало, стало проще туда-сюда доставлять народ автомобилями, и ее перестали особо поддерживать – мостки стали совсем «сельскими», нет освещения вдоль дорожки, ямины там и сям. Да и сам Лес принялся неуклонно втягивать Тропу в свое первозданное лоно: где бурелома навалил баррикадами, где подлесок запустил-направил в наступление, где плиту бетонную задвинул по размытому склону...

Пройдем путем-дорогою *той, прежней, во всех смыслах существовавшей Тропы*. Вот, стало быть, бодро выходишь из своей квартиры, поначалу, из 8-го дома (там моя семья обитала в квартире 14, еще коммунальной, «с подселением» – сиречь, одна комната с общим на две семьи санузлом и мизерной кухонкой), или из ново-построенного дома 15-го, что в самом дальнем углу городка, у кромки роскошного ельника (здесь квартира номер 35 уже будет чисто «своя», и о двух комнатах и даже с деревянным паркетом), вот, быстро одолев привычное и нетрудное поприще по асфальтовым дорожкам не особенно большого нашего городка, минуешь площадь перед входом на территорию казарменной зоны и штаба части (сегодня нам туда, к счастью, не надо), вот споро проходишь вдоль большого кирпичного здания гарнизонного дома офицеров (сиречь ГДО, признанного центра культурной и, какой там еще, да, партийно-политической жизни нашей части) и вот, по правую руку оставив плохонькое шоссе, где снуют и чадят городковские машины, вступаешь по бетонным плитам в орешниковое мелколесье, которое незаметно и сразу перерастает в лес, с солидными елями и березами в интерьере. *И в тишину первозданную тут же вступаешь*. Тропа уже целиком подхватила тебя!

Сейчас Тропа должна описать пологую кривую, для чего-то – в плане, так скажем, умозрительном – немного похожую на *греческую сигму* (в модификации, как эллины ставили букву в конце слова), а на деле, чтобы по большому радиусу обогнуть охраняемую территорию очистных сооружений и одновременно с таким наклоном да подходцем нырнуть в овраг глубокий. Там она без помех одолевает

ручей (на то годен мосток, довольно прочный при всей его видимой subtilности – был он когда-то металлический, а ныне сотворен из подручной материи) и как-то сразу принимается за свое главное дело, беря круто вверх и прямо: надо же вести непосредственно и привести подопечных своих на Объект. Или, что то же – к какой-либо новой, свежей, с лесными запахами, мыслишке. В твое распоряжение всего отводится минут пятнадцать-двадцать плодотворной ходьбы,

сдобренной птичьими трелями, (иногда) легким шумом ветра в вершинах деревьев – гарантированно – упомянутой тишиной. При особой сервировке, на октябрь преимущественно, *вам подадут листопад* с простенькой пестрядью банальных осин, классическими кленовыми остроуголиями и драгоценными вкраплениями багрового бересклета под ногами. Задушевно! Но мы еще не завершили свой путь. Тропа, всякий раз неожиданно, будто щелчком невидимых пальцев прерывая тихие думы твои, *выскакивает на опушку леса* и сходу предъявляет к просмотру обширное пространство (классически-русского) поля, где прихотливо расставлены человечьи игрушки для войны: впереди колючая проволока «Сосны» и шлагбаум КПП, чуть вдалеке «коробка» 201-го сооружения и циклопическая антенна приемного устройства 61-й станции (конструкции 62-й станции заслонены и уходят-сокращаются к горизонту, потому скромно не просятся в нашу реальность, с Тропы хорошо видимую и описываемую). *Это – Объект...*

Тропа пропустит или проведет нас, конечно, и в обратную сторону, от Объекта в сторону Дома, или, точнее было бы сказать, от Дома № 1 к Дому № 2 (ну, уж не знаю, в какой последовательности надо их проставить и нужно ли

вообще различать эти номера!), и в описании своем она особых деталей не прибавит, разве что *качество попутной мысли* случалось и выходило разное: когда движешься в сторону Объекта, мысль твоя обычно свежа и думается больше в охотку, и не обязательно «для дела» (Дома отдохнул), когда же идешь в обратную сторону, чаще всего мысль эта влачится какой-то заезженной и механической, само-повторяющейся и занудно-трудной – не отпускают скопившиеся за спиной «дела» (Дом не отпускает).

Впрочем, касательно функции и высокого, так сказать, назначения Тропы, мне не надо изыскивать своих особых слов. О тропах и о нашей Тропе верно и четко сказал по случаю замечательный филолог и философ А.В. Михайлов: всякая *настоящая* тропа «идет в такт шагам идущего и идет в такт шагам мыслящего», она «запечатлевает человеческую деятельность, трудится и мыслит вместе с человеком»⁹. Определение Михайлова является реальным комментарием, в свою очередь, к знаменитым построениям Мартина Хайдеггера, который в целом творческом своем периоде, в 1930-40-е годы, задумался и заговорил, можно сказать, очень даже по-нашему, по-русски и по-чернецки заговорил о *лесных тропах* (*Holzwege*) и специально о полевой, *проселочной дороге* (*Feldweg*) как неких точных образах или символах – не просто метафорах – философского поиска. Потому во многих его статьях и книгах «тропиночная» тема попадала прямо в заглавия: «*Wegmarken*» («Путевые знаки»), «*Die Stage des Anfangs*» («Тропинки начала»), «*Feldweg–Gesprache*» («Беседы на проселке»), «Об отрешенности. Из разговоров на проселочной дороге о мышлении» (по-немецки – опускаю). И еще Хайдеггер разъяснил, почему путь ищущего философа обязательно *должен уходить в лес*. Лес по необходимости нужен мыслителю, ибо сама мысль и порядок ее по-настоящему растут из элементарных, домысленных, досмысленных, первичных и вполне хаотических сил, мысль и порядок имеют в своей основе нераздельное, немислимое, еще только стремящееся к порядку, только еще материю, назначенную быть основой для ясной, обретающей форму идеи. И это – именно лес. Недаром греки, родоначальники и делатели философии, начиная, кажется, с Аристотеля использовали для обозначения «материи» как раз слово *hyle* («гиле», *лес*), которое впоследствии – причем весьма неудачно – перевели на латынь как *materies* (вроде как, получается, «древесина», м-да). Идущие Тропою *питаются гилетическими силами*, подведем мы в итоге к тому, что искали.

И прибавим еще немного историко-философского материала, для фактической справки, уже со специально «русским» оттенком: Хайдеггер любил жить в курортном Шварцвальде, он торил свои тропы до горной избушки в

---

⁹ Михайлов А.В. Мартин Хайдеггер: человек в мире // Михайлов А.В. Избранное. Историческая поэтика и герменевтика. – СПб.: Издательство СПбГУ, 2006. – С. 428.

Todtnauberg, но был при этом совсем не оригинален и не одинок, потому что еще в июне 1909 года Маргарита Кирилловна Морозова присылала своему князю открытку из горного и шварц-вальдова местечка *St.-Blasien*

(оно в 20-ти километрах на юго-восток от излюбленного Хайдеггером топоса), с изображением уединенной тропинки на фоне «необыкновенно симпатичного» пейзажа, с характерным названием *Philosophenweg*, и Евгению Трубецкому в его усадьбе Бегичево, в Калужской губернии, сей «философский путь» был явно по душе, ибо – находим в ответном письме признания князя¹⁰ – так и тогда влек его сей «путь» в глубины философии Владимира Соловьева и, вместе, всякий раз возвращал к любимой женщине #

Дефиниции сей да будет пока достаточно (Бог даст, от темы-концепта *Тропы* мы еще добредем до темы-концепта *Путь*, когда окажемся ближе к концу этих записок). Довольно давно, еще в сентябре 1983 года мне довелось – с благодарным, разумеется, чувством – поразмышлять и высказаться о Тропе и ее вполне определенном, весьма значительном месте в нашей жизни. Счастливая оказия появилась, когда нужно было поздравить великого русского философа Алексея Федоровича Лосева с юбилеем немалым, с 90-

---

¹⁰ Е.Н. Трубецкой – М.К. Морозовой // Взыскующие Града. Хроника частной жизни русских религиозных философов... – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – С. 194, 196. Копию открытки от М.К. Морозовой мне любезно предоставил *Владимир Кейдан* (Италия), автор-составитель «Взыскующих Града».

летием¹¹, и я по случаю (расхрабился и) сочинил для него эссеишко «Вещи». С десятков коротких заметок переписал шариковой ручкой, начисто, в школьную тетрадку, потом друже Саша Липовенко для каждой миниатюры сделал изящный рисуночек-иллюстрацию цветными карандашами, и я оперативно доставил наш подарок в столицу, засунув тетрадку в почтовый ящик квартиры 20 в подъезде дома 33 по улице Арбат. В итоге эту тетрадку Лосеву прочитали, в ответ нам вскоре пришло теплое благодарственное письмо. Такая вот неформальная публикация получилась¹².

Суммирую и надеюсь, что мне немного удалось показать и разъяснить: предлагаемые «мемуары», по существу дела, – это более-менее развернутая попытка вспоминать и размышлять о нашей реальной и, одновременно, символической Тропе, о людях, с нею (на ней, при ней) счастливо живших когда-то, об идеях и мыслях, на этой Тропе когда-то зачатых и даже, во многих случаях, оформленных. «Мемуары» – *тропиночные*; первое слово в этом жанровом утверждении вполне приблизительно и условно, тогда как заключительное – *наиточнейшее*.

Необходимую оговорку нужно еще, конечно, сделать относительно хронологических рамок предлагаемых воспоминаний и размышлений. Чернецкий период конкретно моей жизни простирается на четырнадцать лет, с августа 1973 года (когда получил, вернее, *сам себе взял назначение* по службе в войсковую часть 03863, и попал на стадию «заводских испытаний» нашего «Дуная») по август, тоже, 1987 года, когда был откомандирован для участия в испытаниях и приеме на вооружение вовсе не знакомого «Дона» и новой системы ПРО, а потом-таки там в Софрино и остался очень даже надолго. За указанные годы и буду, прежде всего, «речи держать».

Однако многие темы и сюжеты, только намеченные или родившиеся на жизненном этапе в Чернецком (вернее, в *Чернецком хронотопе*), получили свое развитие и некоторое завершение, скажем, в тех же научных публикациях – позднее и даже много позднее. Потому хронология моего повествования (особенно в терминологических экскурсах и «Приложениях») поневоле выходит-выплескивается за обозначенные рамки, и возвращаясь в

---

¹¹ За пять лет до этого, в 1978 году с теми же около-юбилейными намерениями посылался Лосеву целый стихотворный триптих, величался «В мировом масштабе». Придет время, и он будет опубликован в антологии «Алексей Федорович Лосев. Из творческого наследия. Современники о мыслителе» (М.: Русский мир, 2007. – С. 686–688). См. «Приложение 2».

¹² Серию миниатюр под названием «Вещи» теперь можно прочесть в «Приложении 2», здесь *in specie* о Тропе и одном из аспектов ее духовного бытия – миниатюра «Бетонка по пути на работу» (там, кажется, зрело-философского еще не много, больше мальчишеской романтики и публицистики). К сожалению, изящные рисунки А.Г. Липовенко воспроизвести здесь не смогу, ибо делались они в одном экземпляре.

более далекое прошлое – когда приходится обращаться к истокам тех или иных идей, и уходя ближе к дням сегодняшним – ибо всегда же хочется узнать, «чем всё кончилось» и «хорошо ли мы сидим».

Настала пора особо вспомнить о ключевом слове «хронотоп», только что произнесенном и уже вынесенном в заглавие данной части моего повествования. Эту великую мысль (или понятие, концепт) даже обиходно-бытовое словоупотребление неплохо знает – хотя бы когда глубокомысленно изрекают, к примеру, что-то вроде «*оказались в нужное время в нужном месте*». Это – про нас, конечно же! И когда мы заговорили о нашей реально-символической Тропе, на самом деле речь шла о том же, о *хронотопе*: ведь Тропы как феномена *только* пространственного не существует, ибо по ней надо еще обязательно идти, двигаться, *перемещаться в пространстве-времени*, попутно самому со временем вместе *изменяясь* и *мысля*, и она всякий раз остается в некотором достаточно четко фиксируемом и недалеком прошлом, т.е. опять-таки привязана ко времени, к одному из временных модусов. Тропа всегда *остается в дорогом для нас прошлом*.

Но у понятия хронотопа есть еще и собственная глубина, за которую, как данности здесь-и-сейчас, ответственна его недавняя интеллектуальная история. Мне хотелось бы о ней напомнить, и глубину таковую хотя бы немного (сколько по силам) испробую померить. Потому далее следует

Onomatodoxia – 3. **Хронотоп**. Сказать о соединении времени и места на подлинно философском языке, по-гречески и будет – «хроно-топ»: *χρόνος* (время) + *τόπος* (место, местность, пространство). В научный оборот, сначала среди филологов, особенно среди литературоведов и историков литературы, а затем и во всей гуманитарной среде (и у нас и на Западе) этот богатейший термин вошел с подачи Михаила Михайловича Бахтина (5.11.1895–7.03.1975). Вошел он (и вышел) из пионерской работы «Формы времени и хронотопа в романе», написанной Бахтиным в *страшное время* 1937–38 годов¹³. В начале этой книги можно найти самые, наверное, цитируемые в нашей культуре строки, имеющие важное общепhilosophическое (как и чернецкое, конечно) значение:

---

¹³ Сам я впервые штудировал эту книгу где-то в 1977-1978 году, услышав рассказ о ней от Ю.А. Шрейдера; о Бахтине же впервые узнал чуть раньше, приобретя только что вышедший тогда сб. «Контекст – 1974». Еще немного «бахтинистики», по случаю: пройдут годы, и один из самых крупных знатоков и интерпретаторов творческого наследия М.М. Бахтина станет моим ближайшим другом в науке, да и по жизни – это *Людмила Гогтишвили* (4.09.1954–9.02.2018). Кстати сказать, перу дорогой Милы принадлежит очень четкая и строгая статья «Хронотоп» в «Новой философской энциклопедии» (т. 4, 2000); правда, читатель найдет здесь *только бахтинское* содержание интересующего нас концепта. В известном смысле, мой экскурс суть некоторое прибавление к той статье Л.А. Гогтишвили или, точнее, ее дальнейшее историко-научное развертывание.

«Существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе, мы будем называть *хронотопом* (что значит в дословном переводе — «времяпространство»). Термин этот употребляется в математическом естествознании и был введен и обоснован на почве теории относительности (Эйнштейна). Для нас не важен тот специальный смысл, который он имеет в теории относительности, мы перенесем его сюда — в литературоведение — почти как метафору (почти, но не совсем); нам важно выражение в нем неразрывности пространства и времени (время как четвертое измерение пространства). Хронотоп мы понимаем как формально-содержательную категорию литературы (мы не касаемся здесь хронотопа в других сферах культуры).

В литературно-художественном хронотопе имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем. Этим пересечением рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп.

Хронотоп в литературе имеет существенное *жанровое* значение. Можно прямо сказать, что жанр и жанровые разновидности определяются именно хронотопом, причем в литературе ведущим началом в хронотопе является время. Хронотоп как формально-содержательная категория определяет (в значительной мере) и образ человека в литературе; этот образ всегда существенно хронотопичен¹⁴.

Михаил Михайлович оставил весьма подробные исследования для некоторых «индивидуальных» хронотопов (к примеру, в античном романе, у Франсуа Рабле, у Федора Достоевского) и выделил универсальную четверку для разных эпох и культур или, я бы сказал, подражая А.Ф. Лосеву периода первого «восьмикнижия», ввел свою *тетрактиду* — таковы хронотопы *дома* — *дороги* — *города* — *вселенной*. Мне думается, легко увидеть, что, к примеру, наши ***Тропа*** и ***Путь*** — это индивидуальные (чернецко-софринские) спецификации бахтинской ***дороги***. Как и вполне очевидно, что автор данной мемуарной затеи намерен выстраивать сугубо свой, более-менее *авторский* хронотоп.

Главное, на что особо напирал М.М. Бахтин во всех своих типологиях, — это необходимость понимания *неразрывности* (взаимосвязи) пространства и времени, да еще, пожалуй, для него важно выделение *времени* как ведущего

---

¹⁴ Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки исторической поэтики // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. — М.: Художественная литература, 1975. С. 234–235.

начала в едином целом хронотопа, во всяком случае, времени в хронотопе художественном, литературном.

Преимущественный интерес Бахтина ко времени, уже в конце его творческого пути, привел к необходимому представлению о гипертрофированном (по избытку времени) хронотопе, где пространственной составляющей оставалось уже совсем мало, простите за тавтологию, места. Но тут и привычное время существенно другое, оно (ибо – Большое) ближе всего к философско-богословской вечности: да, *sub specie aeternitatis*. Сначала Бахтин упомянул это представление в одном интервью, и оно было впервые опубликовано по-польски: «...я ввожу понятие Большого времени. В нем на равных правах существуют Гомер и Эсхил, Софокл и Сократ. Живет в нем и Достоевский, ибо в Большом времени ничто не пропадает бесследно, все возрождается к новой жизни. С наступлением новой эпохи все, что случилось прежде, все, что пережило человечество, — итожится и наполняется новым смыслом»¹⁵; а потом зафиксировал в кратком резюме для всей своей теоретической работы, вышедшем сразу после кончины автора: «Взаимопонимание столетий и тысячелетий, народов, наций и культур обеспечивает сложное единство всего человечества, всех человеческих культур, сложное единство человеческой литературы. Все это раскрывается только на уровне “большого времени”. Каждый образ нужно понять и оценить на уровне “большого времени”»¹⁶.

Бахтин – конечно, настоящий и большой ученый. Поэтому он, вводя новое для своей области науки представление, аккуратно ссылается на место зарождения нужной ему идеи в другой «епархии» – в частности, на «математическое естествознание» в рамках теории относительности А. Эйнштейна. К этому ответственному месту, собственно к физике мы обратимся чуть позже. А пока нам дорого еще одно указание на предшественников, которое Бахтин оставил в виде примечания (см. выше в цитировании «Форм времени») после слов «не касаемся здесь хронотопа в других сферах культуры». Вот оно: «Автор этих строк присутствовал летом 1925 года на докладе А.А. Ухтомского о хронотопе в

---

¹⁵ *Bachtin M.* W Wielkim Czasie // Polityka. Warszawa, 1971. № 20. – S. 6.

¹⁶ *Бахтин М.М.* К методологии литературоведения // Контекст – 1974. М.: Наука, 1975.– С. 211. Моя первая встреча с творчеством Бахтина была просто восторженной. Читал его потрясающие «тезисы» и на всяком месте надолго задумывался (сохранился конспект того первого чтения – уже тогда взял за правило пометчать на листочках основные мысли и цитаты из прочитанного, так что в большинстве книг нашей домашней библиотеки подобные бумажки до сих пор лежат и – случается – снова «срабатывают»). Причем, хорошо помню, «сделал стойку» отнюдь не на мысль о «большом времени» (она мне показалась тогда слишком «размытой»), но на гранд-формулу Бахтина – «не *точность* познания, а *глубина* проникновения» (конец с. 204). И тогда, и до сих пор эта формула звучит для меня как путеводный символ или пароль: в ней вижу верное описание принципиальной разницы естественно-научного и гуманитарного знания.

биологии; в докладе были затронуты и вопросы эстетики»¹⁷. Здесь нам открывается новая страничка истории большой мысли, не менее интересная.

Упомянутый исторический доклад (в виде кратких тезисов) великого русского ученого-физиолога и, надо прибавить, большого философа *Алексея Алексеевича Ухтомского* (13.06.1875–31.08.1942, погиб в блокадном Ленинграде, откуда уезжать не захотел) был найден и опубликован совсем недавно, когда за архивные бумаги академика всерьез взялись. Доклад называется «О временно-пространственном комплексе, или хронотопе», и читан перед студентами и сотрудниками Петергофского естественно-научного института осенью 1925 года¹⁸. Ухтомский продемонстрировал, какое значение для понимания физиологии высшей нервной деятельности имеют новые представления, появившиеся в физике, в релятивистской механике. Приведем наиболее важные для нас утверждения, – блестящую физиологию придется опустить, – где и произносится (видимо, впервые) *хронотоп*: «Относительность пространственных форм от движения и скоростей. Относительность одновременности, сосуществования и абсолютной твердости. Безотносительна лишь спайка пространства и времени, инвариантный хронотоп (Минковский, Эйнштейн). <...> Мы живем в хронотопе. Законы его инвариантны лишь при условии, что существует максимальная скорость распространения влияний = скорости света. Если вообще существует безотносительная, инвариантная величина, то это интервал в хронотопе, интервал между событиями<...> Камень преткновения: “время психологи” и “время физики”... *Хронос* и *часы*. Именно физиологии предстоит спаять их воедино. Человек – строитель знания и человек – участник истории – одно и то же существо. Наше знание о хронотопе всегда есть пробный проект предстоящей конкретной реальности по предваряющим признакам¹⁹. Правда или ложь проекта решается конкретной проверкой»²⁰.

В данном месте нашего «именного» экскурса можно с уверенностью констатировать, что А.А. Ухтомский взял и понял в «математической физике» куда

---

¹⁷ Там же. – С. 235 (примечание).

¹⁸ М.М. Бахтин, своим чередом, вспоминал о лете. Какими судьбами нашего философа-кантианца занесло, спросим, летом или осенью 1925 года к биологам и физиологам, да еще на очень специальный научный доклад о «сегментах головного мозга», «волнах возбуждения в синапсах», «энергиях раздражения» и прочем подобном? Нет сомнений, что выступление Ухтомского было целенаправленно анонсировано «в широких узких кругах», и была изначально заявлена мировоззренческая направленность и объяснительная мощь предполагаемого доклада.

¹⁹ Ах, если бы я мог прочесть эту строчку о «пробном проекте конкретной реальности» тогда, в конце 1970-х! Было бы намного проще строить свой «экстраполяционный подход» к понятию *информации*, да и самое *время* я бы с большей храбростью объявил «сопутствующим эффектом информирования». Впрочем, эти «сюжеты на Тропее» (причем без Ухтомского с его *доминантой* и *хронотопом* мы уже никак не обойдемся) еще предстоит изложить в дальнейшем.

²⁰ *Ухтомский А.А. Доминанта души. – Рыбинск, 2000. – С. 79–80.*

больше идей, чем М.М. Бахтин, прослушавший его давний доклад. Последний, как видим, ухватил только важную мысль о «*существенной взаимосвязи*» пространства и времени, Ухтомский же точно понимает буквально всё – и «относительность» пространства и времени (если их воспринимать в изоляции, порознь), и абсолютность их лишь в уникальной «спайке», и даже называет такую точными (прямо из физики взятыми) терминами «интервал» и «интервал на мировой линии». Всё – строго по Минковскому! Недаром имя великого математика и физика прямо фигурирует в революционном докладе 1925-го года.

Вот мы и подошли к учению о едином пространстве-времени, которое ввел и закрепил в науке Г. Минковский (22.06.1864–12.01.1909). В архивах Ухтомского пока вроде бы не нашлось свидетельств, на какие именно его работы опирался наш философ. С большой долей уверенности можно, впрочем, указать главную работу на русском языке, по которой широкая научная общественность (имею в виду не физиков, как таковых) ознакомилась с новым представлением о пространстве и времени, которого настоятельно требовала новая физическая теория. Это – текст выступления Г. Минковского «Пространство и время», переведенный и опубликованный проф. Васильевым А.В. в знаменитых сборниках «Новые идеи в математике»²¹. Приведем начало этой статьи, которое выглядит, конечно, эпически: «Воззрения на пространство и время, здесь развиваемые, возникли на опытно-физической почве. В этом их сила. Они направлены к коренному перевороту в нашем отношении к пространству и времени. Отныне пространство и время, рассматриваемые отдельно и независимо, обращаются в тени (*Schatten*) и только их соединение (*Union*) сохраняет самостоятельность»²². Остальное – чисто физическое знание – излагать здесь не приходится, у нас иная задача. Мы должны обязательно сказать о гранд-слове, к которому прибег Герман Минковский, хлопоча о таком «соединении» и ради этого на деле совершая объявленный «коренной переворот». Слово это вводится ускоренно и как-то почти незаметно, почти буднично, «на ходу»: от привычного представления о *пространственной точке (Raumpunkt)* он делает шаг к *мировой точке (Weltpunkt)*

---

²¹ Доклад Г. Минковского «*Raum und Zeit*», в котором предлагалась геометрическая интерпретация специальной теории относительности, был сделан на 80-м собрании немецких естествоиспытателей в Кёльне 21 сентября 1908 г. (вот, стало быть, подлинный *день рождения* хронотопа!), далее, 10 октября 1909 г. сообщение об этой работе уже в России сделал на заседании Казанского физико-математического общества проф. Д.М. Зейлигер, затем перевод доклада Минковского, выполненный А.В. Васильевым, был напечатан в «Известиях Казанского физико-математического общества», в № 4 за 1910 г. (всего лишь на полгода отстав от немцев – их публикация была в *Phys. ZS.* № 10, 1909). В сборнике «Новые идеи в математике» (1914) текст был издан повторно и уже для широкой мыслящей публики.

²² *Минковский Герман.* Пространство и время // Новые идеи в математике. – Сборник пятый. СПб.: Образование. – С. 1.

– при этом к пространственным координатам точки «просто» добавляется координата времени, – и призывает изучать траектории мировых точек, или *мировые линии* (*Weltlinie*), которые только и существуют в мире и данный *мир* (*Welt*) целиком составляют. Единство пространства и времени есть, стало быть, *мир*²³. Только если необходимо, мир распадается на главные составляющие свои, на пространство и время, отбрасывая *в нашу сторону* эти фикции (тени) мира... Итак, миром Г. Минковский нарекал именно то, что А.А. Ухтомский позднее передал словом, сложенным по смысловым составляющим мира по Минковскому – *хроно-топ*.

Вот, надо отметить, удивительный факт истории науки: физика XX века, вслед за Минковским, охотно взяла на вооружение саму его геометрическую интерпретацию (посредством, говоря терминологически точно, четырехмерного псевдоевклидова пространства, или пространства Минковского), и все, кому надо и не надо, дружно стали твердить о «четырехмерном континууме», «диаграммах Минковского» или о «мировых линиях», но сам-то термин «мир» (*Welt*) для обозначения, так скажем, *базового элемента* вселенной – не прижился. Не захотели физики «ворочать мірами». Дело немного исправили, получается, только русские ученые²⁴, да еще и не физики по профессии – Ухтомский с Бахтиным. А ведь Минковский, можно сказать, категорически настаивал на своем словесном выборе: он даже хотел вместо провозглашенного Эйнштейном знаменитого «постулата относительности», который казался ему «слишком бледным», учредить «*постулат абсолютного мира*» (или коротко: *мировой постулат*) – ***Postulat der absoluten Welt (oder kurz Weltpostulat)***²⁵ – вместо «мировой относительности» прямо противоположную, как видим, Эйнштейну «абсолютность міра» учредить #

Итак, теперь мы, исторической справкой вооружены, с полным правом можем говорить об основном предмете данного повествования – *наш Хронотоп*. Наш Чернецкий Хронотоп. Или даже – чуть подыгрывая

---

²³ Разумеется, в оригинале текста перевода А.В. Васильева это слово пишется как *міръ*. Старая (до реформы 1918 года) русская орфография позволяла очень красиво и, одновременно, точно различать двоящиеся, в сугубой дополнительности пребывающие смыслы. Словом *мир* по-русски выражается оттенок «согласие, соединение, равновесие» («всё то, что не война» – вспомним оппозицию в заглавии знаменитого романа Л. Толстого), а с заменой «и» на «и с точкой», т.е. словом *мір* – оттенок «окружающий мир, вселенная». И обе группы смыслов, получается, имел в виду Минковский, заключая их в единый термин *Welt*.

²⁴ И еще надо прибавить австрийского философа Людвиг Витгенштейна, который в своем «Логико-философском трактате» (1921) явно *брал быка за рога* и самую первую аксиому записал так: *Die Welt ist alles, was der Fall ist* (Мир есть всё, что имеет место). Для господина Витгенштейна, как видим, очевидно приравнивание *Welt* = Первоначало.

²⁵ *Minkowski German. Raum und Zeit // Jahresberichte der Deutschen Mathematiker-Vereinigung. – Leipzig, 1909. – S. 7.*

немецкому классику (в самом деле, его ключевое слово-концепт здесь уместно звучит и смыслы «хронотопические» ничуть не искажает) –
наш Чернецкий Мир.

Каждый из нас, стало быть, заполнял (и заполнил) этот Мир своей уникальной *мировой линией*. Собственно, о конкретно моей линии – из состава *наших* линий взятой – рассказ уже начат и еще будет, конечно, продолжен далее. Осталось только поведать об одной *особой точке* в пространстве-времени, из которой моя мировая линия, проходя в границах Чернецкого Мира, получила свое (кажется, случайное, но на деле очень даже закономерное и давнее множество результатов) подлинное начало. Перво-толчок. Где-то в первой части этой главы уже говорилось: «Сама судьба свела нас в данную географическую точку Подмосковья, ей – спасибо». Уточню: у моей «судьбы» (иными словами, у того самого «перво-толчка») сыскалось очень даже конкретное имя: *Тамара, учитель истории.*

Искомая особая перво-точка такова: *во времени* – это короткий интервал в ночь с 26 на 27 июля 1973 года, питерские мосты уже разводились, и самое время было идти к Кировскому (он же Троицкий – прямо под мою фамилию указание) мосту, дабы еще застать какое-то движение; *в пространстве* – понятное дело, здесь предстал град Петров, а в нем примерно центр и примерно середина Дворцовой набережной, и к этому прибавить, как блекло мерцающая Нева ворожит и колдует по левую руку от идущих, а четкий стук девичьих каблучков судьбоносно приближается со спины, то бишь настигает.

Обитателями и, так скажем, персонально-содержательными маркерами этой точки оказались два молодых офицера, новоиспеченных лейтенанта²⁶: они, в почти непрерывных разговорах о былом и о грядущем, не так давно покинули пиршественные столы (выпускники IV взвода II батареи профиля «б» первого выпуска высшего училища снимали зал в ресторане «Москва», на углу Невского и Литейного), потом задумчиво и не спеша прошагали сначала по Невскому (где с трудом освободились от пьяненьких финнов, запросто готовых брататься с «венелейнен упсюри» и пить водку прямо из башмака), потом покружили по Дворцовой площади среди многочисленной праздной публики, потом долго отсиживались в сквере возле Эрмитажа (где благополучно избавились от общества питерских этуалей, цепко приставших было к «перспективным кадрам»)… вот они и брели по Дворцовой набережной, как было сказано, в сторону Кировского. По-прежнему не

---

²⁶ В паре со мной бродил по ночному Питеру *Миша Кучумов*. Он получил назначение в Васильчиново, многие годы служил там в программистских отделах, на стрельбовом комплексе.

спешили – а куда торопиться, до утра и открытия метро еще далеко, да и светло, как днем. И вот их догоняют две девушки (веселые, стройные, одна другой краше), разговор с которыми завязался надолго и сразу, как только выяснилось, что они из Подмоскovie, «из города Чехова, древнее название его – Лопасня» (сразу видно – *типичные исторички* попались):

– О-о, как же, о городе Чехове знаем, туда многие наши получают назначение для дальнейшего прохождения...

Примерно через месяц, когда ваш покорный слуга, отгулявши в отпуске, прибыл на распределение в Солнечногорск, в штаб корпуса, он уже точно знал, что ему надобно ехать только в войсковую часть 03863, «под Чехов», – поскольку имел диплом с отличием и получил некоторое, так сказать, право выбора, вот и выбрал... полную событийную детерминацию. Одна из тех девушек звалась, конечно, Тамара. Ровно через год после нашей встречи на набережной (27 июля 1974 года) мы поженились. Вскоре в границах или пределах Чернецкого Хронотопа увидели свет два чудесных существа в Евином обличии – Елена (1975) и Мария (1978). В благодарность за ту перво-встречу и за рождение тех существ, в течение довольно многих лет я составлял для жены (приурочивая всякий раз ко дню рождения Тамары, к 16 января) нечто вроде эссе или домашних сочинений, на темы исторические и (или) философические. Они были, что называется, для домашнего употребления и существовали, естественно, в одном экземпляре.

Может быть, их стоило бы издать теперь отдельной книжкой²⁷. К этим рукописным эссе примыкает и одна работа, увидевшая свет с немалым тиражом (50300 экз.) – газетная публикация, статья «Лопасня: волны смысла»²⁸. Она тоже посвящена

Тамаре и, конечно, имеет достаточно очевидное касательство к характеристике нашего Хронотопа.

На большую часть жизни в Чернецком Мире приходится также некоторый (тоже сугубо личный) фон или контекст: довольно долго и более-менее регулярно мною велся дневник чтения, с энтузиазмом начатый после прочтения повести Даниила Гранина «Эта странная жизнь». Теперь могу только удивляться, сколь много пришлось усвоить в те годы разнообразной литературы – и специальной (по технике-инженерии, по радиолокации, по прикладной математике – для дела), и философской (параллельно научному поприщу, вполне стихийно и весьма интенсивно рос тогда как философ), и особенно текстов прозаических и поэтических.

---

²⁷ Поскольку книжка эта не знаю, когда созреет (сейчас бы я ее назвал, допустим, «Тарыбары для Тамары»), и пока тексты из тетрадок внуки потихоньку набирают на компьютере, заодно напрямую знакомясь с содержанием, я приведу хотя бы некоторые заглавия тех подарочных выпусков эссе: «1. Русь» (1974), о происхождении «известного» топонима, «2. Об эпитафиях» (1975), «3. Лабиринт» (1976), «4. Павел Флоренский» (1977), «5. Мы не одни» (1978), о проблеме коммуникации и Контакте, «6. Что есть истина?» (1979), «7. Миф» (1980), «8. Время – в теле, тело – во времени» (1983), «9. Полумесяц под крестом» (1993), «10. Дары Дарию» (1994), «11. О понимающем отношении к действительности» (1995), о теории и истории пра-символов А. Голана, «12. Свастика и ее тени» (1996), «13. Точка» (1997), «14. Имя стограда – Москва» (1998), «15. Вопросы: гнёздовская надпись» (1999), «16. Проблема: 2000» (2000), «17. О Софии и софийности» (2001)...

²⁸ *Троицкий Виктор*. Лопасня: волны смысла // Домашнее чтение, № 10 (144), май 1998. – С. 8. Воспроизводится в «Приложении 1» с некоторыми примыкающими материалами.

Дневник тогдашнего чтения, или, кратко, «Чтиво»²⁹, предназначался преимущественно для размышлений над художественной литературой. Это чтение, как и ведение самого дневника, очень помогало жить, *просто жить* (уж не знаю – может быть, и *странно жить*, в подражание герою той повести Д. Гранина), а еще оно отобразило и выразило, как теперь явственно вижу, какую-то очень важную сторону тогдашнего быта и бытия «возле Тропы», или «на Тропе». Правда, более полную и правильную картинку могла бы дать публикация синхронных «Чтиву» записей в большом моем интеллектуальном дневнике, скромно называемом «Опыты», и другом дневнике, фиксирующем те или иные наброски научных и научно-технических идей, – тот для удобства именовался почему-то «Талмудом». Но вываливать перед читателем весь этот немалый и доселе сокрытый рабочий материал – сокрытый, как нижняя часть большого айсберга, что выказывает над водами лишь обтаивающую на солнце вершинку малую, – весь этот массив каждодневной мыслительной и духовной работы сейчас было бы вряд ли целесообразно и, уж точно, не вполне вежливо. Оттуда буду переносить сюда разве что мизерную часть сюжетов, самых характерных, более-менее отточенных и, что называется, *ближе к теме*, здесь избранной.

Еще прибавлю немного иного «хронотопического» контекста, теперь уже более близкого и недавнего – относящегося ко времени, когда пишутся эти строки, и когда (больше в пространстве) локализация наша изменилась: с ноября 2014 г. мы с Тamarой оставили наш городок в Софрино и живем в г. Пушкино (семьи наших давно выросших детей оказались здесь еще раньше). Если специально называть то, чему выпало быть «на фоне», то особенно мешало всё ныне происходящее на Украине, конечно. Превеликая тяжесть так и висит над головой – и над душой, и давит. «Долбят» ведь родину моего отца, украинца Петра Васильевича Троицкого, до войны (той, Великой отечественной) так и не успевшего окончить Луганский пединститут... И братьев-славян, гибнущих там, страшно жалко, и в приближение Большой Войны так не хочется верить, сердце – совсем не принимает, а разум настаивает (профессионально и биографически – прежним милитаризмом, видать, серьезно задетый) и твердит: она все ближе и ближе. При дверях?! Ведь и дальше пошло-поехало – эти теракты, это

---

²⁹ Часть дневника впервые публикуется здесь в «Приложении 2», в охвате записей начиная с апреля 1979-го, от встречи с повестью о А.А. Любичеве (п. 1), и по август 1987 года, т.е. по время командировки в Софрино, (п. 476). «Чтиво» более-менее регулярно прослеживается до лета 2003-го года, т.е. в интервале *четверти века*, всего на круг – 1303 записи. Конечно, ранее эти тетрадки могли читать только самые близкие мне люди.

«геополитическое» крово-литие в Сирии, эти нескончаемые вселенские паразитизмы русофобии на Западе, словом, тревоги и здесь и там...

Но фон-контекст для моих писаний был, к счастью, и приятный, и даже очень. Приходилось еще регулярно выполнять, к примеру, священную обязанность четырех-кратно-дедушки и прогуливаться, сначала с коляской, где мирно почивать изволил (или пространства ближние озирал с подобающим интересом) Виктор свет Константинович, подарок дочки Леночки, а потом и пешим ходом, вдвоем тоже – приходилось. Прогуливались мы, нередко забредая в Пушкинский дендропарк, или по аллеям вдоль речки Серебрянки фланируя, и много думали на пару, и многие детали данных записок вполне «оттоптаны» нами, вместе, на этих прогулках. Как будто *прежняя Тропа* ожила и вернулась, в новых условиях. Как будто мир, стало быть, снова побеждает войну. Как, впрочем, и быть должно...

А чтобы покончить с необходимостями введения, скажу еще о системе организации комментариев, приложений и библиографии. Система предлагается самая немудрящая. Отсылки к двум «Приложениям» более-менее аккуратно размещаются, по мере необходимости, в основном тексте. Необходимые комментарии (или отступления) и отсылки на цитированную и (или) использованную литературу в основном тексте даются постраничными сносками, ссылки же на литературу в «Приложениях» везде оформляются двумя цифрами, заключенными в прямых скобках: первая указывает на номер источника в списке литературы, вторая отвечает за номер страницы в указанном источнике. Все прежние публикации воспроизвожу без особых изменений, не слишком строго (в смысле унификации для разновременных изданных материалов) оформляется и сама библиография. В ряде случаев пришлось давать, тоже в постраничных сносках (всякий раз оговариваемых) необходимую новую информацию или, что называется, реальный комментарий. Ибо, действительно, немало воды утекло с тех пор, как мы начинали – и думать и делать...

II. ДУМАТЬ И ДЕЛАТЬ

Нам, конечно, повезло. Во-первых и прямо говоря, *повезло с местом работы* (еще как, именно, работали или, если точнее воспроизводить адекватную тому времени лексику, – пахали) и *местом службы*: реально же служили Отечеству, действительно участвуя в создании первой в мире – первой реально в итоге работающей – стратегической системы ПРО, системы сугубо и перво-наперво оборонительной. Штатное-официальное название нашему коллективу было «отдел боевых алгоритмов и программ», т.е. нам «по

штату» следовало изучать, принимать от разработчиков-конструкторов, испытывать, участвовать в доработках и снова испытывать, усовершенствовать и сберечь боевые алгоритмы и боевые программы нашего «Дуная». Мы, представители «испытывающей и эксплуатирующей» воинской части, довольно быстро стали *знать, уметь и понимать* достаточно много для того, чтобы вполне на равных с «учеными» и «промышленностью» участвовать в анализе, совершенствовании и доведении до кондиции вверенной (сдаваемой) нам сложной технической системы. В какие-то моменты без нас уже не могли обходиться в принципе; уверен и просто знаю, что особенно это стало очевидно по ходу стремительно-героической эпопеи с «Першингами»³⁰.

Во-вторых, *повезло с новизной и творчеством*. Прямо на глазах и при нашем активном участии непрерывно создавалось (творилось!) небывалое, преодолевалось неожиданное и непредвиденное. Буквально на глазах и – когда особенно везло и счастливо совпадало по жизни – с нашим прямым вкладом решались подлинно творческие задачи, разгадывались подчас грандиозные технические и научные ребусы, ставившие нередко в тупик самих творцов-разработчиков. (Не забуду, к примеру, как при мне по-детски радовался солидный ученый Станислав Иванович Миронов, возглавлявший НИИДАРовских «вычислителей», когда он самолично, после долгих размышлений «дошел» до идеи – каковая кажется теперь совсем уж простой, почти тривиальной, – как объяснить происхождение мощного класса «ложняков» в присутствии радиоизлучения Солнца, и как потом началась долгая эпопея по реализации подавления ложных сигналов с помощью оригинального механизма «антистробов», целиком реализованного программно-алгоритмически). На наших глазах и с нашим прямым участием творились, открывались, реализовывались, получали осуществление *самые настоящие идеи*.

В-третьих, и это особенно ценно, именно *повезло с малой дистанцией между мыслью и делом*. Нам, программистам-алгоритмистам, судьба даровала возможность не раз и не два ощутить и познать это великое удовольствие или даже счастье – увидеть, как твоя идея, твоя (тобой выношенная, собственным трудом добытая и заслуженная!) мысль воплощается в жизнь, как мысль становится результативным действием. К примеру, конкретно – беру только одну строчку из списка в несколько сот больших и малых дел, за мною числившихся на то время: не умел «Дунай»

---

³⁰ Подробнее об истории с «Першингами» см. в «Приложении 1», соотв. глава в заметке «Несколько эпизодов...».

сопровождать некоторые цели, рвалась и рвалась нужная траектория, когда со «старта» в Капустином Яре запускались ракеты с удлинненным активным участком, а ты взял и крепко подумал, и написал программу новой баллистической обработки, и эти гадкие ракеты стали шелкаться как семечки, а заодно и с многими «ложняками» дело пошло на лад... Это ли не счастье, господа и товарищи – *так именно* думать и делать!

Да, нам повезло, потому что мы работали с алгоритмами и программами «Дуная» и, между прочим, в-четвертых, при этом нам *очень повезло с коллективом*. В коллективы для службы по нашей специализации (и у военных, и у «промышленности») редко попадали люди случайные, или глупые, или ленивые, или не способные работать в команде и «пахать» ради общего дела – подобные быстро отсеивались, они сами как-то отваливали.

Так хитро-мудрая жизнь взяла и устроила идеальный, «золотой» состав нашего отдела боевых алгоритмов и программ войсковой части 03863 (соответственно, в интервале со второй половины 1970-х до середины 1980-х годов, то был воистину «золотой век» нашей Чернецкой истории): Алексас Ионович *Кударис*, начальник отдела; ваш покорный слуга, в его заместителях трудился; старшие инженеры Павел Константинович *Турыгин*, Николай Михайлович *Епанешников*, Сергей Николаевич *Амелин*³¹; инженеры

³¹ Сергей нелепо погиб в ноябре 2009 года – на вечерней прогулке его сбила на автомашине какая-то скотина (так и не нашли); еще одна потеря в нашем списке, совсем

Александр Алексеевич *Романенков* и Анатолий Васильевич *Цаплин*... Каждый по своей части, в своем секторе ответственности знал и умел – всё. Это не хвастовство, но только нейтрально-скучный факт либо, если угодно, протокольная констатация. И печалюсь теперь, и светла моя печаль: того идеального, того органически-дружного отдела, того *единораздельного цехого* (беру системно точный термин у Лосева) давно нет на белом свете...

Не только в работе, на Объекте были мы вместе и, где нужно и должно, первыми, ни за кого не прячась. Если товарищ надумал совершить мелкий ремонт в квартире (что приходилось, по необходимости и в свой черед, делать каждому), то, пожалуйста, практически весь состав отдела являлся клеить обои. Если надобно пробежать лыжную эстафету на первенстве части,

пожалуйста, отдел выставлял свою «четверку» – и нередко бывал в призах; прошу сравнить и взвесить: у нас четверо берутся – из семерых, в команде какого-нибудь «центра» – из пары-тройки сотен крепких парней. Даже в той могучей отрасли повседневной военной деятельности, каковую величали «партийно-политической работой» (ППР – что и говорить, звучало и звучит вполне оценочно-уничижительно) и каковой нам заниматься было, мягко говоря, «не с руки», мы вполне могли подать подходящий пример. Вот,

---

недавняя: 27 октября 2015 года похоронили мы Сашу Кудариса, умер на 74-м годочке жизни. Спите, други, с миром!

скажем, наглядная агитация нужна, плакатик какой с призывом, что в штабном кабинете отдела повесить бы надо. Таких сколько хочешь, с изображениями Мужественных Защитников Отечества, обязательно в касках, у каждого за спиной высятся башни московского Кремля и звезды сияют рубиновые. А Саша Романенков углядел в газетке статью знаменитого репортера Василия Пескова с впечатляющей картинкой: девчушка малая выглядывает, сидя на руках, из-за плеча папы, прильнула к нему, а глазницы распахнуты прямо в твою душу, и подпись сотворена, хоть и весьма патетическая, но – абсолютно верная: «Что ты сделал, чтобы я жила на земле?» И вот мы дружно решаем: такое нам надо! – и звонит Саша прямо в редакцию «Комсомольской правды», и добывает в итоге прекрасную черно-белую фотографию этого милого дитяти, и вот уже ее бездонные очи смотрят со стены – в угловой комнатке отдела в штабе части, на втором этаже, – приглядывают за нашими диаграммами, графиками и блок-схемами, взирают очи, подбадривают, помогают работать сообща и под водительством самой правильной и могущественной идеологии. (Из политотдела, этак сквозь зубы, похвалили-таки «за нестандартный подход» к ППР). Это ведь тоже было – *и думать и делать*.

(Еще – и тоже в скобках, – замечу, потому как со скучной темой ППР и вообще делами партийными надо бы нам покончить. Однажды, когда отечественная «перестройка» была в самом разгаре, – то пришла, помнится, весна 1990 года, – зачем-то угораздило «товарища алгоритмиста» (и прочая – см. об именованиих далее) втянуться в текущую политическую жизнь: в нескольких воинских частях корпуса нашли во мне достойного кандидата в делегаты XXVIII съезда КПСС. И захотелось чудачку «думать и делать» на ниве общественно-полезной. И вот настало 19 апреля 1990 года, идет общее партийное собрание в родной в\ч 03863: обсуждают кандидатские «позиции» и «программы», причем явственно налицо всяческие попытки «завалить» и опорочить странного товарища, который поддерживает (какой ужас!) «Демократическую платформу» или даже «Демократический фронт». Наконец, подошло время выборов из четырех душ офицерских, из четырех кандидатов, и голосов «за» подано – у меня сохранилась протокольная запись итогов, –

- полковник Мицканюк П.П. – 36,
- полковник Кузьмин Б.М. – 68,
- подполковник Семенов В.М. – 103,
- подполковник Троицкий В.П. – 142.

Наш «демократ» (свежее *гранд-именование* или, если угодно, *ярлык* получивши) вроде бы даже победил. И тут «партийные органы» совершили

изящный маневр и, дабы избежать всеармейского, если не всесоюзного позора (конечно – получается, вроде бы многотысячный армейский корпус выдвигает *такого* делегата), просто объявили итоги собрания недействительными. Мол, некая – так и не понял, какая, – процедура выборов была как-то так нарушена, что... И это – всё. Родная КПСС бодро двинулась дальше к своему скорому краху, особых репрессий³² я на себе не ощутил, если не считать мгновенной ликвидации моего представления на орден за испытания новой техники, как раз тогда оформлявшегося. Да, и еще родилась и осталась раздумчивая и слегка печальная запись в дневнике «Опытов» – см.: «В еклезиастовой шкуре» в Приложении 2. Текст этот, как мне представляется, является любопытным документом и свидетельством ушедшей уже, но пока трудно забываемой эпохи «перестройки»).

Конечно, оценка нам и нас со стороны тогдашних «идеологических работников» – не самая, пожалуй, представительная, авторитетная или просто интересная. Куда полезнее и поучительнее вспомнить о том, как «народное» и массовое, хотя и, в известном смысле, стороннее отношение к нам было вполне выражено самыми разными *именованиями*, в спектре от сдержанно-нейтральных до отчетливо-уважительных. Сюда сгодятся также примеры *индивидуализированных* оценок-именований, особенно для меня, признаюсь, ценных и дорогих. Вот некоторый перечень и тех и других, в последовательности от весьма общих до вполне частных. А закончим наше рассмотрение неким интегральным и, пожалуй, самым точным (ко многому обязывающим и многое разъясняющим) именованием.

Onomatodoxia – 4. **Имена профессии.** В повседневном и относительно широком обиходе, как сложилось чисто исторически, т.е. стихийно, нас обычно называли, вспомним и перечислим без спешки:

---

³² Слово здесь вполне точное, – *репрессии*. Всё вполне могло быть. Ровно в те самые дни, когда в Чеховской воинской части выбирались «кандидаты в делегаты», командующий нашими войсками генерал-полковник В.М. Красковский записывал (для истории и дата проставлена – 16 апреля 1990): «В государстве происходит необъявленная контрреволюция. Идет перегруппировка сил. <...> Настроения нерегулируемой демократии проникают в Вооруженные силы. С каждым днем все труднее становится проводить встречи с личным составом, особенно с офицерами. Слишком много тупиковых направлений. Некоторые события не поддаются объяснениям.

В Центре контроля космического пространства вынужден был отстранить двух офицеров – старшего лейтенанта Пушкина и капитана Филиппова от должностей с последующим увольнением из Вооруженных сил ради недопущения ослабления воинского коллектива. Офицеры вошли в связь с Демократическим фронтом и пропагандировали его идеи среди офицерского коллектива и разлагающе действовали на них» (*Красковский В.М.* На службе неповторимой Отчизне: Воспоминания. В 3 частях. Ч. 2. Командующий «неизвестными» войсками. – СПб.: ВКА им. А.Ф. Можайского, 2007. – С. 274). Можно сказать, что Вальтер Макарович (в офицерском шутейном обиходе – Пистолет Пистолетыч) меня тогда не тронул.

1) *аналитики*, в смысле те, кто занимаются анализом функционирования всей «системы», особенно в нестандартных и сложных ситуациях, «аналитики» – ключевые игроки в обязательных для всех воинских частей нашего рода войск «группах анализа»; впрочем, греческое *ἀνάλυσις* (расчленение, разделение) не слишком хорошо выражает суть дела: каждый в составе «группы анализа» являл, конечно, свою частицу знания, но наша-то частица была самой объемлющей и обширной, потому более других пригодная скорее к обобщению и синтезу, или

2) *алгоритмисты* – таковые, по специализации, знают и понимают свою часть алгоритма работы «изделия» и, когда надо, модернизируют и совершенствуют его, а также вполне способны (а «по работе» это просто необходимо) охватить в деталях общий алгоритм работы всей «системы», пусть и в совместном – коллективном «алгоритмистов» справляемом – усилии (здесь и реализуется тот самый синтез); или, уже беря немного шире и допуская популярный сленг, –

3) *яйцеголовые*, именование с некоторым насмешливым оттенком, мол, «высоко парят, жизни не видят», их даже в суточный наряд не ставят, чтобы им только в свои машинные распечатки или на индикаторы регистров глядеть и на постороннее не отвлекаться... термин, как говорят, пришел к нам из американского обихода где-то в 1980-е годы³³, но мне он отчетливо слышался, кажется, уже в 70-е; или

4) *келдыши*, как явный отечественный аналог вражеским «яйцеголовым», генерализация имени академика М.В. Келдыша, заметим, большого математика и успешного организатора громадных технических проектов; но дело не только в лестной отсылке – через обобщенное имя – к «большой науке», в этом наименовании прочитываются многие иные намеки и смыслы, включая, как мне думается, и общекультурные и даже, неожиданно, эротические моменты³⁴.

---

³³ На ресурсе <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%F0%E9%F6%E5%E3%EE%EB%EE%E2%FB%E9> см. «Яйцеголовые»; возможно, этот термин-имя начал циркулировать сначала в среде советских военных НИИ (где неплохо работали реферативные и переводческие службы), для нашего же случая – в ЦНИИ-45 и НИИДАР.

³⁴ Изначально-тюркская семантика слова «кельди(ы)» или «гелди(ы)», с ласкательным суффиксом *-ш*: ‘он пришел’ или, в развернутой форме, ‘пришел долгожданный мальчик, родившийся после нескольких девочек’. Словом, во-о-т такой келдыш (да чего уж там – сказать хотели: шиш!) явился... Надо ли напоминать, что «программистско-алгоритмическая», так сказать, среда всегда была в Отечестве нашем преимущественно женская, и появление в ней мужских особей всяко-разно должно было выделяться, это несомненно. И еще комментариев вокруг гендера: у М.В. Келдыша была сестра, Л.В. Келдыш, тоже математик, но «келдыши» идут, конечно, именно от брата, который всегда тяготел к инженерным задачам и прикладной математике, тогда как сестра Людмила работала в «заоблачных» областях, будучи верной ученицей Н.Н. Лузина, она – из знаменитой «Лузитании». Тут о себе, грешном, прибавлю: когда в начале 1980-х годов стал активно интересоваться проблемами теории множеств и, через то,

Покончив с «массовыми» именами, остановимся на именовании индивидуализированных и попутно еще обратимся к академикам. Настоятельный совет описать – и тем самым рассказать для широкой публики, –

«повседневную жизнь» 5) *супер-инженеров*, работавших в советской «оборонке», я получил в свое время как раз от академика А.Н. Паршина³⁵, прочитавшего, в том числе в рукописи, некоторые мои мемуарные начинания. Так прозвучало еще одно – внешнее по отношению к нам – именование; при всем желании не могу утверждать, что оно так уж типично. А немного ранее, когда я подарил ему свою небольшую монографию «Диалог со сложными техническими системами» (изд. 1996), с удовольствием услышал именно от него другое, куда более привычное словцо

6) *инженер-философ*, как меня, задолго до Паршина, уже не раз в прошлом называли, подчас опуская, впрочем, первую часть этой титулатуры. К философским сюжетам и темам, скоро придет время, мы обратимся пристальнее. А еще, в коллекцию, надо прибавить давнее имя

7) *звездочет*, как меня уже Володя Радченко, главный баллистик НИИДАРА когда-то величать изволил. Величал любя, ценя – и немного в шутку, прощая мои фантазии и непрактичные порой завихрения: мол, подобно тому, как при шахматной партии должен быть мудрец, советующийся со звездами, так и при нашем деле всегда есть нужда в небесном, вверх направленном, взгляде, и вот ему, «нашем звездочету» такое узрение дано (конечно, надо принимать еще важное условие, что звездочет вовсе не есть верхогляд!). Собственно, подобное именование-нарекание также некоторым образом отсылает в область философской мысли. Но все-таки основное имя – и мое (тогда и в частности), и вообще наше, всегда было одно и общее –

основаниями математики, фигура Н.Н. Лузина и его искания стали мне более близки и понятны. Тогда же и стало вполне ясно, что сам-то я больше тяготею к «вечным», философским вопросам, скажем, в той же математике, так что если и относить меня к «келдышам» (допустим!), то скорее в «женской» (культивирующей вечно вопрошающим Лузиным) ипостаси. Затронутую тему *философского вопрошания* еще буду развивать в заключительных главах.

³⁵ С Алексеем Николаевичем Паршиным, выдающимся математиком и мыслителем, прихотливая судьба свела меня в марте 2002 года, когда мы познакомились и хорошо пообщались на конференции, проходившей в Институте истории естествознания и техники РАН и посвященной 120-летию со дня рождения о. Павла Флоренского (оба там выступали с докладами). Нашлось много общих тем и «пересечений» замыслов. В результате той встречи и целенаправленной подготовки, развернувшейся следом, в 2004 году нами был основан постоянно действующий научно-исследовательский Семинар «Русская философия: традиция и современность», работу которого А.Н. и возглавил. В 2009-м году академик Паршин решил вернуться к «чистой математике» и сосредоточиться на борьбе за судьбу Академии, а Семинар перешел, можно сказать, под мое попечение. Семинар вполне успешно живет и действует поныне, в мае 2015 года состоялось, помечу для наглядной конкретности, его 125-е заседание (беру «круглые» цифры).

8) *программист*, ибо занимались мы, прежде всего, программированием на электронных вычислительных машинах. Потому и для праздника наших встреч мы учредили и длительным усилием удерживаем название «День программиста». В этом имени – много соли, и аттической и чернецкой сразу. Мне уже пришлось на данную тему (по случаю) порассуждать, и текст с очень серьезным и, определю даже, важно-щеки-раздувающим названием «Несколько замечаний о семантике префикса *про-* в современном словоупотреблении» однажды громко-весело зачитывался на очередном нашем «Дне». Теперь кратко изложу так: *программист* – это тот, кто творит-созидает *программы*, исполняемые на ЭВМ с хранимой в памяти программой (фон-неймановская архитектура). Принципиально важно понимать происхождение и состав ключевого термина. Он, слава Создателю, греческий: *πρό* + *γραμμά* = пред (прежде, до) + писание (письмо) = предписание. То бишь: *предварительное описание деятельности*. В русском языке это слово зафиксировано в довольно широком значении, к примеру, словарем В.И. Даля: *программа* есть «краткий очерк, начертанье, перечень, изложение, содержание сочинения, предположенного издания, книги, журнала, преподаванья чего-либо... задача, пояснительная записка на заданную по выбору работу»³⁶. В более специфическом понимании, как термин для описания процесса функционирования ЭВМ «программу» – в США, в 1946 году – первым употребил П. Эккерт, главный инженер проекта *ENIAC*, у нас же черед этому слову настал в декабре 1951 года (замечу не без наивного эгоизма: в год моего рождения успели, и даже ко дню рождения очень даже близко), когда в отчете по работе над автоматической цифровой вычислительной машиной³⁷ было явственно указано, что «набор инструкций, необходимых для решения задачи, называется *программой*»³⁸.

А теперь – о самом, пожалуй, главном. *Главное* профессии программиста лежит, конечно, не в «правописании», не в составляющей *γραμμά*-деяния (хотя программист, безусловно, обязан владеть языком программирования и, скажем, той или иной отраслью прикладной математики со своим специфическим языком-письмом), но в этом ёмком греческом *πρό*, в знатном *предварении* или *предвидении*, без которого само программирование просто невозможно. Пишущий программу – в пределах выпавшей ему задачи или даже проблемы – должен всё понять, всё просчитать, всё предвидеть, всё упредить и учесть в своих построениях. Программисты, следовательно, по природе своей

---

³⁶ Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Том третий. П – Р. – СПб.-М.: Изд. Т-ва М.О. Вольф, 1907. – Стлб. 1249–1250.

³⁷ Вычислительная машина М-1 строилась под руководством И.С. Брука в лаборатории электро-систем Энергетического института АН СССР; заметим, что самый первый тест для машины (стало быть, *первая в СССР программа*) табулировал решение уравнения параболы.

³⁸ *Шилов В.В.* Удивительная история информатики и автоматике. – М.: ЭНАС, 2011. – С. 76.

9) *впередсмотрящие*. На случай, на состоявшееся, на свершившееся, на ставшее пишут *эпиграммы* (или – как в нашем теперешнем случае – записки в жанре мемуаров), на будущее же и для будущего – только *программы*. Программисты, в конце концов, и есть, в прямом смысле слова, прямо по тексту, без всяких оговорок и метафор скажем –

10) *служители будущего* #

Трудиться на будущее и для будущего, т.е. строить алгоритмы и затем программировать их выполнение, на чернецком Объекте нам пришлось в машинных кодах, на «языке программирования» для СЦВМ К340А. Собственно говоря, в том единственно доступном для нас виде диалога с техникой не существовало никакого другого развитого «языка» (потому ставлю извиняющие кавычки), и каждому программисту для работы приходилось вполне исчерпывающе владеть системой команд упомянутой вычислительной машины, да еще и весьма хорошо представлять себе все особенности функционирования вверенного ему «железа». Современные программисты, как известно, до таких «низин» или, более правильную и небходимую метафору-классификацию употреблю, до таких «оснований» давно уже не опускаются. Им это – не по зарплате.

Здесь надобно сделать одно существенное пояснение касательно общего облика «Дуная» и тогдашних особенностей работы по его созданию: решающее значение имел принципиальный и сознательный выбор, который в свое время сделал А.Н. Мусатов, отказавшись от использования уже разработанных или создаваемых универсальных ЭВМ в пользу (очень проблематичного и явно рискованного) проектирования собственных специализированных вычислительных машин и создания иных устройств цифровой обработки, работающих в едином функциональном комплексе³⁹. И он оказался абсолютно прав. В итоге удалось на заведомо «медленной» и дешевой элементной базе достичь совершенно фантастической по тем временам скорости обработки информации, громадной пропускной способности и достойной эффективности вычислений. А неизбежной платой за эти выигрыши стали как раз очевидные трудности и неудобства работы по

---

³⁹ Данное обстоятельство специально отмечал Валерий Черняев, наш разработчик операционной системы и программы «автоматического обнаружения», см.: *Черняев В.С.* НИО-9 на «Дунайской волне» развивает новое направление вычислительной техники // 40 лет на контроле космоса: Юбилейный сборник / Отв. ред. С.Ф. Боев. – М.: ОАО НПК НИИДАР, 2008. – С. 236. Талантливые инженеры НИИДАРА во главе с легендарными А.И. Кушским и Д.И. Юдицким (математика) и Е.С. Андриановым (конструкция) создали не просто *собственную специализированную* ЭВМ, но машину особую, *идейно-красивую* и во многих отношениях уникальную; см. подробнее в гл. III.

программированию в машинных кодах. (Тут напрашивается личная помета-воспоминание о языках и программистской грамотности: в разное время и с разной степенью интенсивности мне довелось «пользоваться» их высокородия «Алгол», «Фортран» и «Эль-76», баловался *Basic*’ом, а из машинных языков еще познал когда-то прелести программирования на 5Э92б, этом монстре Бурцева. Прямо скажем, не велик полиглот. Знаю, что многие мои бывшие коллеги – особенно «ныне действующие» – имеют в своем послужном списке много больше, до укращения «коварного и неподъемного» C++ и осмысленного манипулирования форматом HTML). Среди нас виртуозами и подлинными мастерами изъяснения на машинной мове всегда были, думаю, Паша Турыгин, Саша Липовенко, Толя Цаплин и Саша Бойков, и недаром все они по сей день профессионально заняты самым высоким в нашем деле – и в смысле значимости стоящих для решения задач, и в смысле уровня используемых алгоритмических языков – по-прежнему заняты самым высоким программистским «писательством».

На памяти именно нашего поколения (примерно 60-летних и далее) завершается, между прочим, качественно важный этап *само*й нашей профессии. Это убедительно показывается в статье Михаила Донского, выдающегося системного программиста, автора знаменитой шахматной программы «КАИССА». Подводя свои итоги, М. Донской формулировал так: «похоже, кончается не только мой жизненный цикл, но и жизненный цикл той творческой профессии, которой я занимался всю жизнь, и которая называлась профессией программиста. Сейчас профессия осталась, но, как и профессия шофера, она не требует творчества и особых знаний, а только определенных навыков. Программирование из искусства становится ремеслом, и я счастлив, что всю жизнь занимался программированием, пока это было так же интересно и почетно, как пилотировать самолеты во времена А. Экзюпери»⁴⁰. – Нам, друзья и подруги, действительно повезло застать романтические «времена Экзюпери»!

А задачки свои мы тогда решали-программировали, конечно, самые различные и достаточно разнообразные – от элементарного и, кажется, совсем простого прибавления новой, дополнительной *проверки какого-нибудь условия* к уже имеющейся организованной куче прочих проверок в некоторой уже созданной программе (ввести-то ее, сделать ее чего же проще: к примеру, возьми величину *A*, вычти из нее величину *B* и поставь условный – по знаку полученной разницы – переход куда надо... да только и здесь,

---

⁴⁰См. это высказывание и вообще о М. Донском на сайте «Виртуального компьютерного музея»: http://www.computer-museum.ru/histsoft/progr_cikl.htm.

бывало, приходилось хорошо поработать, чтобы понять, какое именно *A* с каким именно *B* еще не сочеталось в нужном для дела месте, приходилось много подумать и разведать тайного в твоей задачке, и все – ради одного такого нового «условия») до трудного путешествия по длинному и полному приключений *классическому маршруту* «проблема – алгоритм ее (раз)решения – новая программа – отладка и проверка оной – внедрение», где каждый этап мог предъявить тебе, программист-алгоритмист-аналитик-служитель будущего, самые суровые испытания на хлипкость.

Тут, впрочем, нужно отдельно и с некоторым даже нажимом сказать о поиске, выявлении и анализе именно *проблем*, занимающих первое, главенствующее место в упомянутой фундаментальной (приключенческой) цепочке: теперь-то хорошо понимаю, что именно их реальное, нисколько не убывающее наличие в нашей инженерно-испытательской практике более всего меня тогда волновало, увлекало и занимало⁴¹. Причем далеко не все эти «проблемы» получали и могли получать в дальнейшем какое-либо разрешение на уровне создаваемых алгоритмов и программ. Случались неожиданные выходы в большую системологию и теорию систем, и стимулы к немалым философским, мировоззренческим исканиям находились нередко тоже. Проблемы могли стать и *проблемами мировоззрения*. Об этом как раз и предстоит вести обстоятельный рассказ, ниже, начиная с гл. III.

Работы хватало, да и хватило на всех: программно-алгоритмический комплекс «Дуная» особенно энергично развивался и дорабатывался все 1970-е годы (самый пик интенсивности работ – перед постановкой системы на боевое дежурство в мае 1978 года) и всю первую половину 1980-х, и почти сумасшедшая нагрузка заметно снизилась только после завершения доработок и испытаний по задаче перехвата американских баллистических ракет средней дальности «Першинг-2». Как раз на этом временном отрезке, как уже было сказано, и развернулась основная творческая (и военно-техническая, и просто боевая) жизнь «золотого» состава нашего отдела боевых алгоритмов и программ войсковой части 03863, как и дорогих коллег наших «из промышленности» и «из эксплуатации». Друзья мои, привет вам и низкий поклон из дня сегодняшнего!

Да, и думать, и делать. И то и другое – довелось. Трудились, работали, служили Отечеству, служили счастливо и трудно. Думали и делали... Самое

---

⁴¹ Приходилось размышлять и собственно о проблеме изобретения, о процессе *придумывания* (изобретения) *нового*. Так родилась статья «Еще раз об АРИЗе» (1977), которую отослал в журнал «Изобретатель и рационализатор». Статью не приняли. Теперь привожу ее в «Приложении 2», поневоле относя (ибо публикация, как сказано, не получилась) к «посланиям» либо «письмам» или, точнее, к «письмам в редакцию».

дорогое, самое ценное, самое нужное, кажется, заключает в себе именно этот союз «и».

Теперь, по прошествии многих лет и испробовав разные жизненные поприща, вполне могу что-то обобщать и сравнивать, и потому дерзаю взять на себя смелость утверждать: каждый из нас получил тогда от судьбы и поныне бережно хранит настоящий подарок – интересную и поучительную, а бывало – драматичную, захватывающую и даже авантюрную, – историю творческой жизни на «Дунае» и, что то же, при Тропе. Историю, думается, в каждом индивидуальном случае разную, но всегда богатую, со своими муками, поисками, удачами, открытиями, победами и поражениями, и разочарованиями (в том числе прямо профессиональными) тоже⁴², со смехом, с потом, даже со слезами – если история из жизни и с правдой, в ней обязательно есть все это. И хорошо было бы к тем историям так или иначе возвращаться, да. Мне не стыдно (что там «не стыдно», уверенно скажу: мне светло и радостно!) это наше живое чернецкое прошлое вспоминать.

---

⁴² О памятном случае довольно «громкого» (и сугубо моего) программистского промаха тех лет однажды уже приходилось рассказывать, см.: *Троицкий В.П.* Школа Мусатова // 40 лет на контроле космоса: Юбилейный сборник / Отв. ред. С.Ф. Боев. – М.: ОАО НПК НИИДАР, 2008. – С. 678–679. Уместно будет припомнить еще об одном казусе, теперь уже коллективном (и мы, военные «аналитики», и разработчики от НИИДАРа вполне разделили этот форменный позор), когда однажды мы категорически и дружно отвергли нелепые, как казалось, претензии к реализованной на «Дунае» комплексной модели станции (КМС), которые нам предъявили «сорокопятчики», – у них, видите ли, не сходились результаты обнаружения настильных баллистических траекторий, которые имитируются их простенькой программой «функциональной математической модели» (ФММ), с нашими данными, полученными с помощью КМС. Что вы, коллеги уважаемые, хотите?! Наша «модель» занимает целую вычислительную машину, давно и тщательно проверена и откалибрована для всех случаев жизни, к созданию КМС приложили руку великие математики, а ваша ФММ и в сравнение-то не идет ни по размеру и точности, ни по логической изощренности, да еще, небось, и не отлажена вовсе («на коленке делали!»), и что вы, вообще-то, понимаете в нашей чудесной радиолокации... В итоге – далеко не сразу, после тягостных разборов и препирательств, – выяснилось, что показания «грубой» ФММ все-таки ближе к истине, и что это как раз мы «не всё понимали»: именно, не было принято во внимание одно весьма тонкое различие между сферической и биконической системами координат (и первым это ясно понял Паша Турыгин), которое никак не сказывалось в ФММ, но зато играло решающую роль при имитации радиолокационных измерений в КМС... Скандал получился о-о-очень масштабный, да еще и с большим шлейфом последующих реальных доработок не только в нашей «модели», но и в боевых программах «Дуная», было дело. Со стороны инициатора той «разборки» данная драматичная история однажды излагалась, см.: Воспоминания Бызова Александра Григорьевича // 40 лет на контроле космоса... – С. 509–510. Мне тоже важно было вспомнить ее, ибо менее всего хотелось бы впускать в эти записки пустую похвальбу и сплошные (пусть и хорошим только людям адресованные) дифирамбы, опасность которых всегда подстерегает любого «мемуариста».

Однако свой чисто программистский сюжет истории излагать здесь не буду, да и не хочу. При желании, правда, некоторый набросок «моего программирования» тех лет можно найти в заметке, опубликованной в коллективном сборнике «ПРО на рубеже веков»⁴³. Из следов (лично моей) Чернецкой истории, моей траектории в Чернецком хронотопе, как уже было обещано, в дальнейшем будет дана, преимущественно, только ее «проблемная» часть, т.е., в сущности, некоторая *история идей*.

Здесь же попробую высказаться о чем-то не менее важном в нашем деле, нежели какие-либо реализованные проекты и конкретные решенные задачи, а именно, об одной важной характеристике *хорошей* или *настоящей* работы (уверен, смею надеяться, что мне и моим друзьям удалось испытать и пережить удовольствие именно от таковой). Речь пойдет о проявившемся, проросшем и прояснившемся в нашем программистском ремесле общем свойстве бытия и сознания (ни много ни мало!), об *интенциональности* и близких к ней «умных» представлениях. Рискну воспользоваться этой довольно высокой философской (философско-психологической) категорией, которая позволяет охватить содержание вполне уникального и даже, может быть, главного свойства человеческой активности вообще и нашего (вполне конкретного, реально состоявшегося) профессионального опыта, в частности. Насколько мне известно, для особого случая именно программистской специализации интенциональность как таковая еще никогда не применялась и не примерялась.

Opomatodoxia – 5. **Интенциональность.** Это будет историко-философская справка и, одновременно, необходимое терминологическое уточнение. Базовый смысл слова *интенция* передан нам по эстафете, да попросту сказать, и предзадан еще древней латынью: *intentio* или *intendo*, именно, есть исходящее волевое усилие (усердие, рвение, стремление), внимание или проявление внимания, напряженное выражение. Все эти словарные оттенки описывают ту или иную ‘установку субъекта’ или ‘направленность субъекта вовне’, они рисуют – вместе – некий духовный вектор или определенную «силовую линию», выходящую от субъекта в мир, в сторону объектов окружающего мира. Латинское же *перво-слово*, если отнять приставку *in-* и сосредоточиться на его корне, в свою очередь, восходит к наипервейшему греческому – *τόνος* (между прочим, отселе пришел в наш язык «тонус»), т.е. напряжение, сила (в разновидности – как натянутость,

---

⁴³ *Троицкий В.П.* Несколько эпизодов службы офицера отдела боевых алгоритмов и программ // ПРО на рубеже веков: К 50-летию юбилею соединения противоракетной обороны: исторические очерки / Под ред. В.П. Троицкого. – СПб.: ВКА имени А.Ф. Можайского, 2011. – С. 179–193. Избранные «чернецкие» эпизоды описаны на с. 182–187, а также воспроизведены в «Приложении 1».

натяжение), ударение или тон (в звучащем слове или вибрирующей струне, потому говорим о некотором нюансе звучания: «интонация»). Стало быть, *всякая интенциональность*, скажем суммарно и почти общепонятно, *еще и тональна*, а *тональность* – для нас (по нашей причине, от нас исходящая) *всегда интенциональна*.

Представления об интенции и интенциональности теперь стоят, надо особо отметить, на ключевых позициях в современных школах феноменологии и аналитической философии сознания (кажется, и составляют там единственно интересное, в этих отраслях философии и логики – выскажу сугубо личное мнение). В современность же учение об интенциональности вернул австрийский философ Франц Brentano (1838–1917), которого в свое время очень интересовала специфика психических феноменов, и вот какой предлагался им радикальный и недвусмысленный критерий различения («Психология с эмпирической точки зрения», 1874): физические явления имеют главным своим признаком *протяженность*, а психические – направленность на-, *интенциональность*⁴⁴. Говорим при этом – вернул, ибо Brentano, предтеча многих новых направлений развития логики и психологии, позаимствовал это представление еще в средневековой схоластике, точнее, в чрезвычайно изощренной логике Иоанна Дунса Скота (1265–1308). Именно этот *doctor subtilis*, как его почтительно называли современники, полагал необходимым аккуратно различать даже целых две установки (направленности) человеческого сознания: одна ориентирована на объекты конкретной действительности (*intentio prima*), а вторая, представляющая

---

⁴⁴ См.: Васюков В.Л. Формальная феноменология. – М.: Наука, 1999. – С. 25–26, 28–29. Да будет нам позволен небольшой комментарий к этому важному моменту: ведь Brentano и последовавшие за ним философы существенно «подправили» великого Декарта. Последний, как известно, повелел различать в устройстве мира абсолютно непересекающуюся пару субстанций – субстанцию *материальную* (как раз она, принципиально, протяженна) и *духовную* (для нее, именно, свойственно мышление, но совсем не характерна протяженность). Тем самым Декарт узаконил знаменитый дуализм, в который раз и, казалось, окончательно отъединив материю от сознания. Brentанисты же вернули сознанию шанс встретиться с материей, поскольку у них материальному миру, да, оставляется свойство «протяженности», а вот сознанию даруется особая возможность и даже принципиальное, эксклюзивное свойство – свойство неистребимой устремленности за свои границы, устремленности (в том числе) к материальному миру, т.е. эта самая «интенциональность». Заодно достигался еще один важный результат: у Декарта, получалось, различие материального и духовного выглядело очень искусственно и даже насильственно (по принципу – «в огороде бузина, а в Киеве – дядька»), ибо что может быть дальше друг от друга на понятийном уровне, чем мышление и протяженность), тогда как Brentano производил это сопоставление на более общем и потому более подходящем (для сравнения) основании, – и пространственность и интенциональность можно рассматривать как некую исчислимую величину, только в случае пространственности эта величина *скалярная*, а в случае интенциональности – *векторная*. О фундаментальной направленности, «векторности» сознания у нас в дальнейшем еще будут поводы говорить подробнее.

собой последующие – следом за «первой» интенцией – проявления мысли, направлена на «умственные» объекты (*intentio secunda*) и является, по Скоту, собственно логической⁴⁵.

В истории постижения-понимания интенциональности можно продвинуться еще более чем на тысячу лет назад от времен Дунса Скота, к античным стоикам, только при этом нужно отвлечься от преимущественно психологической окраски *intentio* и принять во внимание сугубо античный (следовательно, безличный, в личности и субъекте не нуждающийся) космологизм. Речь идет о *космической* или *мировой симпатии* (греч. *συμπάθεια* – сочувствие, влечение, расположение к чему-либо или кому-либо), которая, по представлению мудрых греков и, в особенности, Посидония из Апамеи (умер в середине I в. до н.э.), пронизывает весь мир и делает его гармоничным. «Симпатия» охватывает и творит космическое целое через некое огненное «дыхание», через вездесущую «пневму», которая благодаря своему «напряжению» (вот где появляется обещанный *tónos*) «обеспечивает устойчивость космического континуума и разнообразие его внутренней структуры»⁴⁶. Античные стоики, пояснял в свое время А.Ф. Лосев, на базе представления о «симпатии» смогли построить и развить красивую теорию «о проникновении единого начала во все мельчайшие вещи и явления в мире и о возникающем отсюда наличии всего во всем»⁴⁷.

Специально отметим теперь сходство и, вместе с тем, существенную разницу в смысле понятий: так сказать, структурно-логически «симпатия» и «интенция» выражали фактически одно и то же – «устремленность», «направленность», «направленную установку», только в первом случае она исходит *от Единого*, надчеловеческого и надмирного начала (и так – для всего античного мироощущения), во втором – *от единственного*, от человека-субъекта (для Дунса Скота, Brentano и т.д. до наших дней). Лишь относительно недавно, уже в Новое время – после исследований «природы человека» у Шейфтсбери и Юма – термин «симпатия» покинул прежние космологические высоты и стал все больше использоваться в том узком психологическом и субъективистском значении, которое вполне подошло для нашего повседневного и бытового словоупотребления (к примеру, «моя симпатия» – изречь о даме сердца).

Нам осталось, верша понятийно-терминологический экскурс, попробовать найти нечто вроде отечественного аналога латинскому и греческому терминам в интересующей нас теме. Возможно, ближе всего к «интенциональности»

---

⁴⁵ Попов П.С., Стяжкин Н.И. Развитие логических идей от античности до эпохи Возрождения. – М.: Изд-во Московского университета, 1974. – С. 171.

⁴⁶ Столяров А.А. Симпатия космическая // Античная философия: Энциклопедический словарь. – М.: Прогресс-Традиция, 2008. – С. 666 (этакое веселенькое число выпало!).

⁴⁷ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. – М.: Искусство, 1979. – С. 700.

находится славянская «*страсть*» или «*страстность*». Их отличие состоит скорее в степени или градусе: экзистенциального и просто эмоционального заряда во втором слове много больше, конечно, чем в первом. «Интенциональность», получается, распределена в широком диапазоне от «бесстрастия» (*ἀπάθεια*) до «страсти» (*πάθος*), «симпатия» же занимает место где-то в средней («золотой») части всего диапазона #

В нашем случае совсем не трудно говорить о столь размашисто понимаемой, такой «вселенской» интенциональности-страстности-симпатии, причем говорить максимально конкретно и на примерах-фактах. Когда ты хорошо поработал (стало быть, и думая и делая), когда ты сам нашел, обмозговал и затем внедрил в алгоритмы функционирования этой громадной технической системы, носящей красивое имя «Дунай», свои собственные (значит, человечески-теплые) идеи, когда твоими руками созданы такие-то и такие-то шаги и развилки этих алгоритмов (самой жизни!) «Дуная», когда ты в итоге вложил и выложил, – да, с какого-то момента ты вдруг неотвратимо ощущаешь и даже понимаешь, что некоторая важная *частица тебя – уже там*, в этих программах, где-то среди железных труб антенно-фидерных устройств и бесконечной паутины проводов и кабелей, что ты попросту сроднился со своей «железкой», живешь вместе с нею, почти как она, можно сказать, и дышишь и мыслишь:

*... В ней мысли мозга моего,
Я думать начинаю в тактах...
Ей только объяснить, зачем – любовь
И отчего так пахнет бор сосновый,
Тогда сольем мы воедино кровь
И явится пред миром «Хомо новый»⁴⁸.*

Оно именно таково – интенциональное проникновение субъекта в объект, в задачу, и здесь естественным образом обнаруживается эта самая симпатия или, громче и храбрее если говорить, как раз *Φιλία, род любви* (да, по-хорошему надо было бы назвать недавний «именной» экскурс «Интенциональность, симпатия и любовь»), и отвести справке о третьем и, кажется, самом главном и «понятном» для нас термине много-много места, но я этого делать, из благоразумия, не рискну – иначе пришлось бы бросить всё и *длинный сочинять роман*⁴⁹). И объект, встречно, тоже проникает –

---

⁴⁸ Заключительные строфы из «Оды вычислительной машине» (1978), из давнего чернецкого фольклора, автор которой – «один безвестный программист», мне хорош известный.

⁴⁹ Для основы этого «романа» и для справки специально по «философии любви» рекомендовал бы к внимательному изучению знаменитый диалог Платона «Пир» («Συμπόσιον»), трактат-теодицею о. Павла Флоренского «Столп и утверждение Истины» (особенно «Письмо

прямиком в твое сердце. Уверен и глубоко убежден, моим коллегам-программистам, и особенно программисткам, нашим «отдельским» и, конечно, из «промышленности» (Алла Кушнарченко, Валя Ревякова, Наташа Татарина, Алла Резвых, Таня Тарасова, вы ведь со мною согласились бы?!), это счастливое чувство сродненности и даже сродства человека и творимого им «продукта» вполне знакомо, понятно и дорого. Чувство сродненности, сродства, взаимной пронизанности, духовного соединения... Впрочем, уже без всяких сложностей и терминологических (философических) затей не называлось ли это всегда и попросту: *любить свою работу?*

Во всяком случае, мне не раз доводилось свидетельствовать «любовное» чувство, в различных обликах и проявлениях, его наблюдая как у других (самое простое и очевидное, – если у коллеги «глаза заблестели», или «горят», причем действительно *страстно*, когда ему досталась интересная, редкостная задача; или самое не видное, но тоже понятное как раз в интенциональном ключе, когда товарищ продолжает упорно искать ошибку в своей программе даже во сне, да там, бывало, и прямо находит ее), так и обнаруживая эту сладостную «филию» за собой. Однажды даже пришлось в своих сердечных чувствах публично признаваться – когда написал «Оду любимой», вознося ее в адрес РЛС «Дунай-3У».

Когда однажды мы дружно поздравляли нашего Мусатова с 70-летием со дня его рождения (кажется, то было в мае 1995-го), сия «Ода» была ему мной вручена. Будет любопытно отметить, как он, наш неизменный

Главный, этим подарком в дальнейшем распорядился: в собственных мемуарах, которые несколько лет спустя публиковались в сборнике к 40-летию создания войсковой части 03863, он целиком воспроизвел «Оду» (и

одиннадцатое: «Дружба»), поэму-мелопею Вяч. Иванова «Человек» и еще, конечно, «*Noctes Petropolitanae*» Льва Платоновича Карсавина.

тем потрафил, конечно, моему авторскому самолюбию), но сделал это явно не для того, чтобы лишний раз привести и процитировать хвалы в свой адрес, но совершенно всерьез находя здесь уважительный жест, прежде всего, в сторону именно «Дуная», да еще и полагая, что романтический сей опус вполне убедительно и основательно сообщает едва ли не «о всех уникальных характеристиках и возможностях» его детища⁵⁰. Сиречь, выраженная в «Оде» вполне определенная «любовь к сооружению» была Главным одобрена, безоговорочно принята и даже, если так можно выразиться, великодушно, без всякой ревности, разделена.

Будет уместен еще один экскурс в историю, только уже не в «дунайскую», а в более позднюю «донскую»: даю иллюстрацию для интенциональности (проявления «любовного» отношения, универсального «симпатического» чувства) на ином материале. Кажется, это было осенью 1989 года, в пору, когда успешно завершились заводские испытания РЛС «Дон-2Н». В громадном ресторане санатория в Раково – от софринского Объекта сюда рукой подать – собралась тьма народа, столы ломаются от яств и вин, ему, народу ученому, научно-техническому и военно-промышленному, действительно было что отмечать: позади 15 лет напряженной работы, грандиозный Локатор, смотрите, построен! (Вообще-то сказать, мне на этом празднике было явно не место хотя бы потому, что сам-то ничего такого не «строил», всего-то около года назад присоединившись к испытаниям этого самого «функционального программного обеспечения» на «Дону». Но Лариса Павловна Галкина, глава программистско-алгоритмической братии Локатора, категорически потребовала: «Без этого “новичка” я в ресторан не поеду, и программисты мои тоже. Он много и положительно повлиял на исход доработок и испытаний». И начальство приняло ее неожиданный ультиматум). Речи, тосты, приветствия, здравницы. Вот слово берет сам Главный конструктор «виновницы торжества», Виктор Карлович Слока, красиво и долго говорит о трудах большого коллектива создателей «Дона», вспоминает пережитые трудности, – и далее неожиданно, речь свою верша, предлагает всем собравшимся выпить... «за любовь, без которой ничего бы не получилось»! Да, никак не оговаривая и не разъясняя, к чему или к кому эта гранд-любовь направляется, была или должна быть направлена. Он-то точно знал, о чем говорил в столь знаменательный момент. Через несколько лет, когда новую систему ПРО приняли на вооружение, за сотворение «Дона» В.К. Слока получил звезду Героя России.

---

⁵⁰ Мусатов А.Н. Как создавались станции дальнего обнаружения // 40 лет на контроле космоса: Юбилейный сборник / Отв. ред. С.Ф. Боев. – М.: ОАО НПК НИИДАР, 2008. – С. 39. Упомянутую «Оду любимой» можно найти в «Приложении 2».

Но возвратимся в Чернецкое, к нашему «Дунаю». Не удивительно, что именно в том месте, где подлинно царила и правила (воспользуемся авторитетной дефиницией) «любовь, что движет солнце и светила»⁵¹, была учреждена и утвердилась традиция отмечать «День программиста». С декабря 1994 года традиция почата и, с особым удовольствием констатирую, удерживается по сей день. То была инициатива Саши Романенкова, своим чередом возглавившего наш отдел (совсем в другом составе программистов-алгоритмистов, и в иные, далеко не лучшие для программистского ремесла времена), а выбор даты проведения «Дня» (10 декабря или около) и в честь чего проводить (в честь рождения «нашей Ады» и ее главного дела) – то идея Мирославы Петровны Ковальчук. А самое энергичное и стойкое удержание заданного темпа и качества «Дней» многие годы и во многом обеспечивала и обеспечивает «вторая Петровна», Валентина Ревякова-Касимовская. Каждый год – хотя большинство из нас уже давненько не заняты конструкторской

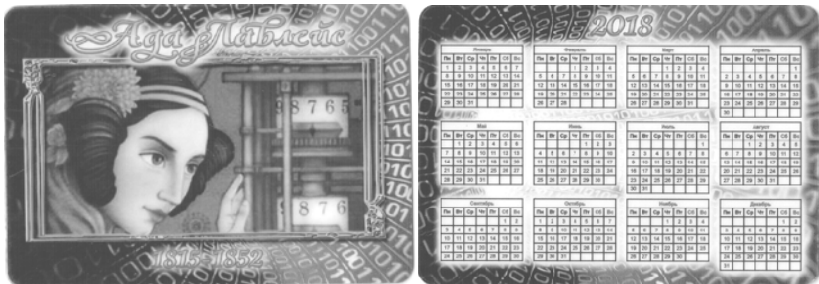
деятельностью, да и программирование для многих оставлено в прошлом, – мы съезжаемся в Чернецкое в этот день или вечер, порой переходящий в ночной симпозион, и предаемся воспоминаниям и размышлениям, и делимся новостями и успехами – и горестями, бывает тоже, – поминаем ушедших, и веселимся с очередной «культурной программой», посвящаем в специальность зеленую молодежь (ей теперь, согласимся, трудно «творить»),

---

⁵¹ Точнее скажем: *l'amor che move il sole e l'altre stelle* (Dante Alighieri. Divina Commedia, XXXIII. 145).

обмениваемся новыми книгами, стихами, песнями, заслуженно хвастаемся, наконец, известными свершениями на семейном поприще. Да, как же не радоваться череде наших новорожденных – кому что! – детей, внуков и правнуков. И всегда на вечере звучит приветствие от имени нашей Ады: «Спасибо вам за память друг о друге и обо мне».

Opomatodoxia – 6. **Наша Ада**⁵². Августа Ада Байрон, в замужестве графиня Лавлейс родилась 10 декабря 1815 года. Родители ее расстались, когда девочке едва исполнился месяц, и больше она не видела своего отца. Байрон посвятил дочери несколько трогательных строк в «Паломничестве Чайльд Гарольда», но при этом в письме к своей кузине заранее беспокоился: «Надеюсь, что Бог наградит ее чем угодно, но только не поэтическим даром...» Еще менее способствовала развитию у дочери литературных наклонностей мать, которую за увлеченность точными науками прозывали «принцессой параллелограммов». Ада получила действительно солидное образование, в том числе и в области математики (ее домашним учителем был профессор Август де Морган; кто из изучавших математическую логику не помнит «правило де Моргана»?!). К 1834 году относится ее первое знакомство с выдающимся математиком и изобретателем Чарльзом Бэббиджем (*Charles Babbage*), творцом вычислительной машины с программным управлением, названной им «Аналитической».

Машина Бэббиджа была задумана как чисто механическое устройство с возможным приводом от парового двигателя, но содержала ряд фундаментальных и новаторских идей, будто заимствованных из нашей «цифровой эры»: в ней задавалась работа с адресами и кодами команд, данные вводились с помощью перфокарт (причем отдельно использованы операционные карты и карты для данных), были предусмотрены «склад» для хранения чисел (ныне сказали бы –

---

⁵² В данном экскурсе (для справки) реферативно использую следующие ресурсы: www.peoples.ru/undertake/soft/bayron/ (образцовая биографическая статья А. Лейзеровича об Аде Лавлейс), www.fourmilab.ch/babbage/sketch.html (англоязычная статья-комментарий самой Ады, *Note A – Note G*, с ее пионерскими опытами программирования), учтена также первая, на русском языке, подробная публикация о леди Лавлейс в брошюре: Гутер Р.С., Полунов Ю.Л. Чарльз Бэббедж. – М.: Знание, 1973. – С. 36–40. Транскрипция фамилии *Babbage*, замечу и предупрежу строгого читателя, в разных источниках довольно разнообразна.

оперативное запоминающее устройство), «мельница» для операций над числами (арифметическое устройство, да еще какое «продвинутое» – Бебидж предусмотрел в нем систему «сквозного переноса» при суммировании и контроль «переполнения разрядной сетки»!), устройство вывода результатов (причем в нескольких видах информации), а также аналог современного устройства управления (с механическим исполнением того, что мы теперь в программировании называем «условным переходом»). Машина, заметим, так и не была построена в полном составе, ибо она намного опередила не только потребности, но и технические возможности своего времени.

И вот, Мэри Сомервилль, супруга де Моргана (она, переведившая на англ. язык трактат Лапласа по небесной механике, больше всех вдохновляла Аду на изучение математики), так описывала их первый визит к Бэбиджу: «Пока часть гостей в изумлении глядела на это удивительное устройство с таким чувством, с каким, говорят, дикари первый раз видят зеркальце или слышат выстрел из ружья, мисс Байрон, совсем еще юная, смогла понять работу машины и оценила большое достоинство изобретения». Бэбидж нашел в Аде не только благодарную слушательницу, но и верного помощника. Он искренне привязался к девушке, бывшей почти ровесницей его рано умершей дочери.

В 1835 г. Ада вышла замуж за Уильяма, восемнадцатого лорда Кинга, ставшего впоследствии первым графом Лавлейс. Появление детей только на время отвлекло Аду от науки, и вскоре, по просьбе Бэбиджа, Ада занялась переводом очерка итальянского военного инженера Л. Ф. Менабреа (в будущем профессора механики Туринского университета, одного из лидеров борьбы за объединение Италии). Слушая в Турине лекции Бэбиджа, этот Менабреа впервые дал подробное описание Аналитической машины Бэбиджа и его идей программирования вычислений. Леди Лавлейс не просто перевела очерк Менабреа (опубликован в швейцарском научном журнале) на английский язык, но и снабдила его обширными заметками-комментариями, которые намного превысили объем оригинального текста (всего семь блоков, от *Note A* до *Note G*). Все комментарии, отметим, тщательно обсуждались и согласовывались с Бэбиджем. Известный своей нетерпимостью к чужому мнению, Бэбидж, тем не менее, восторгался текстами Ады: «Чем больше я читаю Ваши примечания, тем более поражаюсь Вашей интуиции... Мне не хочется расставаться с Вашим превосходным философским рассмотрением моей Аналитической машины...». Работа Менабреа с комментариями, подписанными инициалами А. А. Л. (*Augusta Ada Lovelace*), вышла в свет в августе 1843 года. В комментариях Ады – строго вслед за примерами у Менабреа и с опорой на его «прото-программную» нотацию – приведены описания следующих программ для вычислений на машине Бэбиджа: программы решения системы линейных алгебраических уравнений с двумя неизвестными (в

Note B; здесь впервые употреблено понятие *рабочих ячеек*, которые «выражают любое положительное или отрицательное число вообще»); программы вычисления значений линейной тригонометрической функции (в *Note E*; для многократного повторения последовательности операций Ада ввела понятие *цикла* – самую фундаментальную конструкцию программирования); программы вычисления чисел Бернулли (в *Note G*; здесь для работы с числовыми рядами уже использованы *рекуррентные вложенные циклы*). А еще прозорливая Ада (см. *Note A*) очень ярко сформулировала хорошо видное ей свойство *универсальности* Аналитической машины (машина, сказано, «*ткет алгебраические образцы, как Жаккардовый ткацкий станок ткет цветы и листья*») и выдала на-гора великолепную и рискованную догадку о том, что вычислительные операции могут выполняться не только с числами, но и с другими объектами мысли, например, машина Бэбиджа может составлять *музыкальные пьесы* «любой степени сложности»... Во как!

Но время для самой Аналитической машины и для востребованности программистских подвигов Ады еще не пришло. Бэбидж был готов на все, чтобы раздобыть необходимые деньги на завершение строительства своего детища. В частности, вместе с супругами Лавлейс он был одержим идеей создания «подлинно научной» системы ставок на лошадиных бегах. Как и следовало ожидать, система не сработала и принесла большие финансовые потери. Наша Ада продолжала упорно играть, часто даже втайне от мужа и Бэбиджа, пытаясь усовершенствовать идею-фикс системы. На этом она потеряла почти все свои личные средства. К тому же ее здоровье неожиданно и резко ухудшилось, и 27 ноября 1852 г. Ада Лавлейс скончалась в возрасте 37 лет, как и ее отец (тот – в 1824 г.), и была похоронена рядом с ним в фамильном склепе Байронов в *Newstead Abbey*, возле Ноттингема.

Имя Ады Лавлейс буквально восстало из небытия в конце 1930-х годов, в связи с работами английского математика Алана Тьюринга (вспомним сугубо абстрактную «*машину Тьюринга*», 1936) и скорым появлением первых реально работающих ЭВМ. Тот же Тьюринг в знаменитой статье «*Может ли машина мыслить?*» (1950) очень внимательно рассматривал «ограничительную» точку зрения Ады Лавлейс как чрезвычайно авторитетную⁵³. В конце 1970-х годов по

---

⁵³ Тьюринг Алан М. *Может ли машина мыслить?* – М.: Гос. изд. физ.-мат. литературы, 1960. – С. 27–28 (глава «Возражение леди Лавлейс»). «Аналитическая машина не претендует на то, чтобы создать что-то действительно новое. Машина может выполнить все то, что мы умеем ей предписать» (с. 27) – так заочно спорила Ада с Аланом. Любопытно отметить, как автор предисловия к этой книге С.А. Яновская вынуждена была ставить вопрос, кто же такая «леди Лавлейс», к которой так почтительно обращаются математические гении (с.11), а редактор перевода Б.В. Бирюков тут же давал первую для советского читателя информацию о ней (на с. 27 об этом свидетельствует сноска 17).

заказу министерства обороны США был разработан язык программирования высокого уровня (для систем управления в реальном масштабе времени), который получил название *Ada*, в честь нашей Августы Ады Лавлейс. Заметим, что в СССР и России этот язык был известен, но приживался довольно плохо. Впрочем, и другое женское имя не добилось особого успеха: в 1980-х годах в МГУ была начата разработка проекта, во многом аналогичного *Ada* – диалоговой системы структурного программирования, базированной на гибком языке ассемблерного типа РАЯ (Развиваемый – или Российский – Адаптивный Язык). Проект к началу 2000-х годов окончательно заглох⁵⁴. Выходит, Ада все-таки лучше Раи #

Для полноты картины упомяну о других (не нашего формата) датах «Дня программиста» и, без того не обойтись тоже, о специализированном небесном покровительстве по случаю. Вышло, стало быть, так: официально такой «праздник» повсеместно ввели совсем уж недавно – Указом Президента РФ № 1304 от 11 сентября 2009 года, – и установлен «День» на *13 сентября*. Тем самым была поддержана «инициативу снизу»⁵⁵ отмечать профессиональный праздник программистов в 256-й день года, который обычно выпадает на 13-е, а в високосные годы – на 12-е сентября. Ясное дело, почему избрано число 256 – это 2 в 8-й степени, как символический жест в сторону особо выделенных чисел, как дань уважения зараз и бинарному представлению информации в бите, и стандартному байту (величине «двоичного терма» на восемь позиций)⁵⁶; но в итоге получается,

---

⁵⁴ О проекте «троичной» отечественной ЭВМ «Сетунь», структурном программировании и, специально, РАЯ см.: <http://habrahabr.ru/post/62589/>. Есть подробное описание проекта: Брусенцов Н.П. Из истории создания троичных цифровых машин в МГУ // Историко-математические исследования. Вторая серия, вып. 10(45), 2005. Думаю, по числу новых идей в области вычислительной техники и программирования российская «Сетунь» вполне может быть сравнима с системой IBM 7030 «Стречт», экспериментальным американским проектом 1950–60-х годов, – а тот специально как *пионерский и прорывный* замышлялся и очень много денег, между прочим, стоил.

⁵⁵ По данным *Wiki*, впервые в России саму идею празднования «Дня программиста» обнародовал глава издательского дома «Компьютерра» Д.Е. Мендрелюк (в публикации от 15 июля 1996 года – а мы, между прочим, к тому времени уже дважды отметили свой «День» и сознательно готовились к третьему!), и говорил он при этом о первой пятнице сентября, т.н. *чистой пятнице*. Далее, в 2002-м году сотрудники веб-студии «Параллельные технологии» организовали сбор подписей под обращением к правительству РФ в поддержку 256-го дня года как официального праздника программистов. Через семь лет важное государственное решение (с такой чисто формальной, еще раз напомним, привязкой) было принято.

⁵⁶ Необходимо-содержательный комментарий к термину «бит» приведу ниже, в разделе об информации и времени (гл. V). С «байтом» же случилась такая история: само слово (*byte* как сокращенное словосочетание *BinarY Term* – «двоичный терм») ввел в оборот Вернер Бухгольц (1956), который при проектировании суперкомпьютера «Стречт» отвечал за выбор систем кодирования. Байт обозначал тогда *пучок* (алгебраисты скажут еще – *кортеж* или, действительно,

конечно, сугубо искусственная дата, почти без всякой «очеловечивающей» привязки. Столь же искусственными выглядят и другие известные предложения для «Дня программиста»: таковы 22 апреля (исходя из государственной кодировки специальности «программное обеспечение вычислительной техники и автоматизированных систем» – 2204 или 220400) или, позднее ещё предлагалось, 23 января (по новой отечественной классификации специальности 230105.65), или 4 апреля, с прицелом, кажется, воздавать дань особого уважения или сочувствия *web*-программистам (по коду их «любимой» и самой частой ошибки 404). С последней датой оказался связан – католиками действительно отмечаемый – день памяти святого Исидора Севильского (ок. 560–636), этого вроде как *неофициального покровителя*... пользователей компьютеров и интернета. Так сказать, приняли во внимание знаменитый энциклопедизм архиепископа и последнего латинского Отца церкви.

Нам, конечно, нет никакого дела до всех таких жалких потуг потеснить нашу Аду Лавлейс с высочайшего места в мировой программистской иерархии, занимаемого ею по праву. Наш «День» навеки связан с Адой! Что же касается небесного покровителя, да еще если брать такового из числа граждан духовного сана... По крайней мере, для почитания среди отечественных (патриотически, конечно, настроенных) пользователей всяческих благ цифровой цивилизации я бы предложил имя автора трактата «Учение о числах» – имя монаха Кирика Новгородца, диакона и доместика (уставщика и регента) Антониева монастыря, первого нашего «числолюбца» и «промузга». Довольно уникальный для средневековой литературы случай – у этого трактата есть абсолютно точная датировка: 1136 год. А еще, кроме большой учености, Кириком щедро проявленной в области, так скажем, вычислительной или калькуляторской, еще какие, заметим, красивые и даже интригующе-загадочные (говорю как раз о «промузгах»⁵⁷) слова нашел он,

---

терм) из шести бит, одновременно передаваемых в устройствах ввода-вывода (ясно, что пяти бит здесь хватает, чтобы кодировать буквы английского алфавита, но если изображать еще цифры от 0 до 9, надобен тогда шестой бит). В рамках того же проекта байт вскоре был расширен до восьми бит, и эта величина теперь – классика. Вопрос о «длине термина» стал, конечно, важнейшим при введении в конструкциях ЭВМ побайтовой адресации памяти. А вообще в различных ЭВМ байты выходили размером от 4 (чего вполне хватает только для кодирования цифр) до 10; для советской машины «Минск-32» предпочли, к примеру, 7-битный байт. Одним словом, какой будет байт – дело случая, вкуса и... объемов финансирования проекта.

⁵⁷ Этого слова нигде, кроме трактата Кирика, не зафиксировано, оно – форменный гапак. Из рукописи «Учения» нужная цитата такова: «... да аще котории промузгы... или числолюбци и ритори...» (л. 343а РНБ. Погод. № 76). Характерное «про-» в кириковом «промузгы» явно отсылает к некоторому эллинскому образцу или прообразу. Есть и подходящая гипотеза (замечу, не моя –

первым специально фиксируя обозначение для трудного ремесла «мудрых вычислителей», причем именно у нас на Руси, да еще столь давно – в начале XII века! Вот только жаль, что сама дата его рождения в точности не установлена⁵⁸. Может быть, она еще откроется упорным историкам? Нам-то красивая такая веха в календаре очень даже пригодилась бы.

Продолжение, надеюсь, следует.

А пока прошу благосклонно принять Приложения.

Е.К. Пиотровской, 1985), что так оно и было: слово «промузгы» можно считать слегка испорченной калькой с греческого *προμύστοι*, т.е., переводя, 'те, кому дается право первого слова' или, если брать по смыслу чуть шире и подчеркивать именно аспект первенства, 'те, кто думают своей головой'. Соглашусь: подлинно впередсмотрящему, т.е. про-граммисту как раз и даровано право первого голоса (решающего слова) и вменяется обязанность думать самостоятельно, своей (именно) головой. Программист должен быть, конечно, «промузгом».

⁵⁸ Сам Кирик предусмотрительно указал, какого возраста он достиг к моменту завершения трактата, но сообщение то было с точностью до года: «а от рожения моего досоуда бяше лет 26» (346а РНБ. Погод. № 76; в оригинале цифры переданы, конечно, буквами с титлом). А вдруг в одном из списков откроется, что Кирик не поленился посчитать, сколько он прожил дней или даже часов?! – Постепенно привыкая «равняться на Кирика», почему бы мне не обнаружить, без стеснения и с удовольствием, что рукопись моей первой научной работы «Семиотическое существование» была закончена в конце 1977 года, т.е. автору исполнилось тогда именно 26 лет.

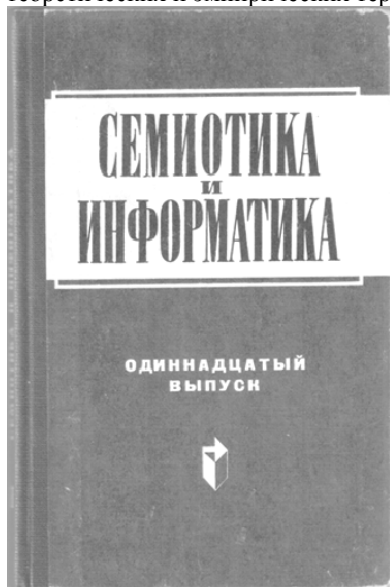

ПРИЛОЖЕНИЕ 1
СТАТЬИ И ПУБЛИКАЦИИ

СЕМИОТИЧЕСКОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ

§ 1. Проблема существования

Как известно, проблема идеальных конструкторов и, прежде всего, природа математических формализмов стала одной из самых активно обсуждаемых философами XX века проблем. После длительного периода равнодушия к вопросам существования стали всерьез заниматься онтологией своего предмета представители математического мира. Достаточно вспомнить имена У. Куайна, Р. Карнапа, Б. Рассела, Я. Хинтикки и др. Исследования тут ведутся сразу по нескольким направлениям: в модальной логике (проблемы интерпретации модальностей и квантификации модальных логик), в основаниях математики (пересмотр понятия математического объекта с целью устранения антиномий в теории множеств), в логической семантике (развитие теории именованности и проблема смысла и значения языковых выражений), в методологии науки в целом (исследование различий теоретических и эмпирических терминов).

Заслуживает специального комментария и тот факт, что если первоначально онтологические притязания математиков были незначительными и носили «местный» характер – таковы, скажем, известные критерии непротиворечивости или конструктивности в основаниях математики, – то в дальнейшем фронт работ значительно расшился. Об этом свидетельствует уже характерный акцент в терминологии наиболее интересных и, кажется, перспективных исследований: *эпистемическая логика* Я. Хинтикки, *возможные миры* в интерпретации модальностей у С. Крипке, концепция *онтологических допущений* У. Куайна и т.д.

Конечно же, известный критерий Куайна, гласящий, что «существовать – это значит быть значением квантифицированной переменной», не призван для некоего универсального разделения «бытия» и «небытия». Задача его, как и большинства прочих формальных построений с онтологическим

«привкусом», состоит в более простом – определить, «существование какого рода объектов предполагается данной теорией» [1, 48].

Как бы то ни было, проблема существования, а вернее, онтология объектов науки перестала быть предметом чисто философских рассуждений и обретает ныне междисциплинарный статус. Потому приобретает законный интерес всяческие свидетельства внимания к онтологическим проблемам со стороны нефилософских наук. В качестве положительного примера приведем один подход, зародившийся в области биологической систематики и развитый А.А. Любищевым [2] до уровня общенаучной значимости. Выдвигаемые здесь *критерии реальности* позволяют на основании таких базовых понятий, как «индивидуализация», «универсальность», «внутренняя организация» и др., вести речь о целой системе модусов существования. Видимо, можно вообще утверждать, что имеются серьезные предпосылки для изучения категории существования как некоторой сложной иерархии, обусловленной междисциплинарным характером онтологических проблем и самой природой научного знания в целом.

Именно в соответствии с этой возможностью нам представляется интересной точка зрения Ю.А. Петрова [3], который считает необходимым различать три аспекта, модуса или типа существования:

- *материальное* существование, когда данный объект в данный момент времени принадлежит множеству материальных тел;
- *потенциальное* существование, когда объект принадлежит множеству потенциально осуществимых объектов;
- *логическое* существование, когда объект принадлежит множеству объектов, определения которых не противоречивы.

Хотя такое деление в известной мере и отображает упомянутую иерархию модусов существования, нельзя удержаться от ряда критических замечаний, способствующих, как нам кажется, развитию и расширению предпринятого подхода.

Прежде всего, весьма текучими и вариативными предстают перед нами сами границы между материальным, потенциальным и логическим существованиями. Скажем, когда-то мировой эфир существовал (для ученых XIX в.) материально, ныне он не существует уже логически. Точно так же Г.В. Лейбниц относил свою Универсальную Характеристику к потенциально осуществимым объектам, известные же выводы об алгоритмической неразрешимости некоторого рода вычислительных задач это мнение бесспорно отвергли. Или: для Н.И. Кибальчика межпланетная ракета была если не потенциально, то уж точно – логически осуществима, в наше время она – скорее обыденная реальность.

Но, кроме относительности в чисто историческом плане, имманентно присущей рассматриваемой версии, имеется еще и порок логического характера. Уже наличие слова «принадлежит» в приведенных определениях не гарантирует однозначного установления типа осуществимости. Основная трудность состоит здесь в необходимости эффективной проверки

выполнения тех или иных условий, входящих в определения существования. Мы не будем излагать подкрепляющие этот тезис примеры и отошлем читателя за ними к критике *понятия принадлежности* «наивной» теории множеств, проводимой в работе [4]. Суммируя сказанное, можно провести следующее уточнение методологического (если угодно – еще и терминологического) характера: в приведенных определениях к слову «принадлежит» необходимо, как минимум, добавить оборот «в соответствии с современным уровнем научных знаний».

Следующее куда более существенное замечание касается того, что рассматриваемое деление модусов существования приспособлено *далеко не для всех* мыслимых возможностей. Куда, скажем, отнести знаменитое «множество всех множеств»? Это объект абстрактный (материально не существующий), влекущий известные парадоксы (не существующий логически) и вряд ли осуществимый потенциально из-за дурной бесконечности, немедленно возникающей при всякой попытке его «сконструировать». А как, спрашивается, быть с такими понятиями, как «энтелехия», «круглый квадрат», «планетарная модель атома» или «проклятие матери» (которого так боялся Иудушка Головлев, – пример подсказан Ю.А. Шрейдером) – попытка применить к ним хоть один из указанных смыслов существования окажется безуспешной. Или зададим совсем уж софистический вопрос, заранее обрекая его на безответность: существует ли *небытие* и если существует, то как? Видимо, никакие терминологические ухищрения тут не помогут. Но коль скоро обо всех подобных вещах мы можем говорить, рассуждать, даже изучать их свойства, то получается, что они все-таки... существуют. Да, существуют, но в особом смысле – семиотическом.

Определенно говоря, объект *существует семиотически*, будучи назван или обозначен и тем самым включен в сферу мысленного оперирования субъекта.

Только в семиотическом плане существует «круглый квадрат» или «цилиндрический шар», материально же существующий ваш сосед по квартире существует и семиотически, коль скоро кто-то поминает его дурным либо хорошим словом. Именно семиотическое существование позволяет литераторам-фантастам рассуждать о машине времени или «нуль-транспортёрках», именно оно помогает, скажем, историкам науки легко управляться с «изобретениями» предшественников – типа апейрона, мирового эфира или флогистона. Подобные примеры легко множатся.

§ 2. Соображения для апологии

Для более серьезной аргументации необходимости выделения еще одного модуса существования обратимся к математике, вернее, к математической логике. Одним из характерных ее разделов, так или иначе затрагивающим онтологические вопросы, является двоякая точка зрения на *интерпретацию кванторов* в референтивных и подстановочных системах.

При референтативной интерпретации выражение $x P x$ истинно, если всякий индивид (объект) x обладает свойством P . При подстановочной интерпретации это же выражение считается истинным, если для всех подставляемых вместо x терминов P истинно. Предлагаемое разделение подчеркивает, что в референтативных системах явно определена онтология рассматриваемых объектов, в подстановочных же системах, где значениями переменных являются не объекты, а термины, не содержится никаких способов указания на сами эти объекты [5, § 3]. Семиотическое существование реалей, «скрывающихся» за терминами подстановочной системы, как раз и призвано устранить онтологический разрыв между двумя типами систем. Именно такую *подразумеваемую интерпретацию* получил Ч. Парсонс, приписавший любой подстановочной теории некоторую онтологию, с помощью так называемых виртуальных классов [5, 32]. Методологическая оправданность отдельного модуса существования состоит при этом в подчеркивании принципиальной относительности указанного разделения систем.

Необходимость ясного понимания того, какой именно модус существования присущ объектам данного рассмотрения, хорошо иллюстрируется на примере «парадоксов» *материальной импликации*. Одним из источников этих парадоксов является пресловутый *принцип утверждения*, который так понимался Р. Карнапом: «Утверждать, что предложение истинно, значит то же самое, что утверждать само это предложение; например, два предложения – “Предложение «луна круглая» истинно” и “Луна круглая” являются лишь двумя различными формулировками того же самого утверждения» [6, 297]. Примером «парадоксальной» ситуации можно считать такое утверждение, являющееся в соответствии с правилами импликации истинным: «Если Луна сделана из сахара, то существуют ведьмы», более общая форма подобных высказываний – «из лжи следует всё что угодно». Видимо, в свое время К.И. Льюис не стал бы усматривать в таком выводе парадокса, если бы он не использовал (может быть, неосознанно) принцип утверждения. Именно последовательное проведение этого принципа приводит к заключению о материальном существовании консеквента импликации. Признание же за членами импликации семиотического существования (они названы, но и только!) автоматически снимает все или почти все трудности.

Противоположный пример тонкого онтологического различия являют собой известные представления о *модели* и *теории*, по А. Тарскому. Теорией T называется множество аксиом, состоящих из имен отношений $\{r_1, \dots, r_n\}$, названий переменных $\{x, y, \dots\}$ и логических символов, а также правила вывода, позволяющие получить новые истинные теоремы из данных аксиом. Модель M состоит из некоторого множества объектов $\{X, Y, \dots\}$ с заданными на них отношениями $\{R_1, \dots, R_n\}$. Модель будет являться моделью M данной теории T , если каждому имени отношения r_i сопоставлено отношение R_i , переменные $x, y, \dots$ интерпретируются как объекты $X, Y, \dots$, а все

аксиомы из T верны на M . В теории T нет объектов и их отношений, есть только соответствующие имена; можно утверждать, что провозглашается лишь семиотическое существование этих объектов и этих отношений. При переходе к M имена из T наполняются конкретным содержанием – полученные в M истинные высказывания есть высказывания об объектах, существующих в одном из смыслов по Ю.А. Петрову.

Резюмируем сказанное: понятие семиотического существования имплицитно содержится в некоторых уже известных формальных построениях, оно даже вполне естественно для разнообразных логико-математических контекстов. Вряд ли это следует считать неожиданным, если исходить из общепринятого ныне взгляда на математику как иерархию знаковых систем. Действительно, в пределах любой знаковой системы процесс символизации, акт использования знаков требует акта полагания семиотически существующих объектов рассмотрения. Этот тезис прекрасно согласуется с самыми общими суждениями о закономерностях семиозиса. Так, в известной работе [7] А.Ф. Лосев⁵⁹ вводит понятие единого и недифференцированного *акта символизации*, «семантического акта», который, в свою очередь, может быть представлен как единство актов более частного характера. Одним из таких частных действий, без которого, однако, невозможна символизация в целом, А.Ф. Лосев указывает *тетический акт* [7, 47] – акт «полагания того, что обозначается» (мы бы сказали – «акт провозглашения семиотического существования называемого объекта»). Другие же акты символизации, образующие «семантический акт», призваны осуществить переход от полученного обширного универсума всех мыслимых возможностей к более узким классам реальных объектов, подверженных здесь обозначению.

В этом месте наших рассуждений естественно поставить вопрос о том, как понимание соотносительности семиотического существования с другими видами существования способствует изучению старой проблемы знака и обозначаемого. Далее (в следующем параграфе) будет предпринята попытка частичного ответа на этот вопрос.

Здесь же, заключая нашу апологию семиотического существования, нельзя не вспомнить о семантических исследованиях К.И. Льюиса. В его концепции *смысла языковых выражений* четко различаются объем (денотат) и «охват» термина, тем самым признается обязательность анализа предметов возможного, противоречиво не мыслимого бытия. Мир, по Льюису, членится на три класса: реальных предметов, имеющих известные пространственно-временные координаты, предметов невозможных (как «круглый квадрат», логически недопустимых) и предметов, существование которых возможно, хотя их на самом деле (может быть, только временно) и нет. Такая

---

⁵⁹ Здесь – мое первое (печатное) обращение к творчеству Алексея Федоровича Лосева. Как раз во время размышлений над проблемой *семиотического существования* я обнаружил для себя это великое имя. Историю своего прихода к Лосеву еще, надеюсь, расскажу далее.

стратификация предметной области позволяет, как показал В.Б. Родос [6, 235–262], достаточно изящно решать известные семантические парадоксы и вообще строить на ее основе гибкую *теорию именованя*.

Рассмотрение семиотически существующих объектов как раз находится в согласии с подобной концепцией «возможных миров» и даже, видимо, может рассматриваться как развитие последней. В самом деле, «охватом» термина Льюис называет совокупность всех мыслимых предметов, к которым этот термин применим, но только если утверждения о существовании подобных предметов не влекут противоречий. Семиотическое же существование провозглашается не только для возможных и, разумеется, действительно существующих объектов, содержащихся в «охвате», но и для объектов противоречивых или же не несущих никакой валентной оценки. Полученное *расширение*, таким образом, можно считать максимальным – *охвачены* (именно) реальные, возможные, невозможные и нейтральные объекты. Включенный тут в рассмотрение класс *нейтральных объектов* может быть непуст: таковы, например, «мировая воля» (помните, Велимир Хлебников вопрошал, приходилось ли кому... играть с ней в карты?) или понятия психологического характера – «горе», «радость», «боязнь проклятия матери» и т.д. Использование семиотического существования можно рассматривать как продолжение тенденции, намеченной К.И. Льюисом и ведущей к разбиению универсума предметов на ряд заключенных в иерархию слоев [8, 255]. Если даже забыть о приведенных выше положительных примерах использования (использования эксплицитного) семиотического существования в математической логике, сознательное построение подобной иерархии может открыть новые возможности в области семантических исследований.

§ 3. Свойства семиотического существования

Прежде всего, нас будет интересовать соотношенность материального и семиотического существования. Непосредственное отношение к этому, на наш взгляд, имеет концепция *структурной эпистемологии*, основанная на развитии и обобщении понятия гомоморфизма структур [9]. Ключевым этой концепции является использование известного логико-алгебраического аппарата (вместе с намечаемыми расширениями) для анализа «элементарных актов сознания» и описание в терминах различных морфизмов широкого класса «гносеологических моделей». Однако при всей плодотворности такого подхода сам автор⁶⁰, рассуждая о перспективах и соотношении предложенной

---

⁶⁰ Тут – еще одна малозаметная примета времени: редакция «Семиотики и информатики» вынуждена была говорить здесь о безымянной *структурной эпистемологии* и о каком-то неведомом *авторе* ее, дабы в основном тексте данной статьи истребить упоминание гонимого тогда имени: Юрий Алексеевич Гастев (ну, а в списке литературы – что ж, пусть будет). О многих деталях биографии Ю.А. Гастева, скажем, о деле «нищих сибаритов» (по которому его благополучно «посадили») или о «дыхании Чейни-Стокса» (после судьбоносного явления которого он «вышел»), я тогда, конечно, не подозревал. Зато его работа «Гомоморфизмы и

схемы с другими возможностями, признает принципиальную ее ограниченность и необходимость создания ее «интенциональной» версии [9, 133]. Кроме того, соответствие между структурами знака и обозначаемого часто становится сугубо номинальным. Поучительным может послужить пример заимствования начертаний знаков-букв греческого алфавита из финикийской письменности. В последней, скажем, букву «а» изображали стилизованным иероглифом (знаком) головы быка; поначалу иероглиф и означал слово «бык» или «телец», но затем это слово («алеф» по-финикийски) и его знак стали обозначать букву, вернее, слог «а». Окончательный отрыв от скотоводческой действительности осуществили древние греки, которые полностью позаимствовали как начертание, так и название («альфа») для «а», но уже никак не связывали эти знаки с материальным их истоком: «бык» по-гречески звучит как «таурос».

Если продолжать примеры, то теперь не покажутся столь уж наивными «детские» вопросы такого характера: «Почему стол называли “столом” и что это слово “на самом деле” означает?». В свое время В. Хлебников искал «вещные воплощения» в буквах и звуках (образец его попыток – поэма «Зангези»), полагая, что в букве «з», например, сконцентрировано... предчувствие закона равенства углов падения и отражения луча света.

В подобных случаях очевидно желание искать и находить соответствие структур знака и означаемого там, где его (во всяком случае, столь прямо) нет. Здесь будет уместно напоминание о приемах схоластического учения о *сигнатурах* – внешних признаках внутренней сущности, которыми руководствовался знаменитый Парацельс в выборе лекарственных растений: де, от желтухи помогают растения с желтыми листьями, а листья почковидные обязательно умиротворяют боль в почках.

Видимо, нет надобности особо говорить о вреде подобных «сигнатур» для теории (и практики) познания. Что же касается семиотики, то в ней уже давно наметилась явственная «антисигнатурная» тенденция. Ведь еще Ч. Пирс высказывался вполне определенно: использование некоторых типов знаков («символов» – в его терминологии) предусматривает обязательную обусловленность, конвенциальность, поскольку для непосвященного сам по себе «символ» никак не характеризует денотат. Иначе говоря, в знаковой системе в этом случае совершенно условно закрепляется связь «знак – означаемое» и эта условность (равно – отсутствие прямого соответствия упомянутых структур) требует конвенциальности, обеспечивающей коммуникационные функции знака. Как раз тут-то и проявляется бессилие экстенциональной версии «структурной эпистемологии» – между знаком и обозначаемым устанавливается некое соответствие, закрепляется связь, в то время как между их свойствами нельзя вычленить никакого морфизма. И все

модели. Логико-алгебраические аспекты моделирования» (1975) была тогда для меня настоящей настольной книгой, и лежала она всегда рядышком – в одном, стало быть, идейно-верховном статусе – с лосевской «Проблемой символа» (1976).

это только потому, видимо, что свойства знака в данном случае не закреплены этой связью, а заключаются в мысленной сфере субъектов, состоящих в конвенции по пользованию знаком. Так, само по себе слово «стол» никак не соответствует характеру обозначенного им реального предмета обихода, однако *в тезаурусах* людей, пользующихся этим словом, в той или иной мере наличествуют необходимые характеристики стола. А слово «кварк» по своей этимологии может лишь навести на мысли о нездешности или даже трансцендентальности обозначенного (из-за родственных связей с полумистическими «Поминками по Финнегану», скажем), тогда как в знаниях физика за этим словом скрыто совсем иное – фундаментальная микрочастица, имеющая в качестве точных характеристик дробный заряд и большой дефект массы в определенных квантовых взаимодействиях.

Таким образом, в рассматриваемом типе обозначения очевидна недостаточность «экстенционального» описания; трудность состоит в том, что «интенционал» знака, его свойства заданы неявно, на идеальном уровне мышления субъекта. В терминах осуществимости это можно выразить так: любой знак сам по себе лишь провозглашает семиотическое существование обозначенного объекта или его частей и качеств, тогда как вести речь о том или ином морфизме, о соответствии материально (либо в каком-то еще смысле) существующему объекту можно, лишь беря во внимание целую совокупность знаков, т.е. *знаковую систему*, организующую тезаурус мыслящего субъекта.

Сказанное о соотношении материального и семиотического существований, как представляется, позволяет сблизить трудности *семиотики* и проблемы *теории систем* с холистической, антиредукционистской установкой последней. Ведь системы знаков качественно отличны от знаков, взятых в отдельности, – это следует уже из того, что структура знаковых систем может претендовать на какое-то соответствие материально существующим объектам, тогда как отдельные знаки на это обычно не способны. (Исключение, конечно, составляют иконические – в терминологии того же Ч. Пирса – но их всегда можно представлять как сложные знаки, как знаковые системы). Свойства целого качественно отличны от свойств его частей и не являются их простой суммой – этот тезис равно подходит, таким образом, как к семиотике, так и к теории систем. Именно потому столь перспективна точка зрения М.М. Бахтина о необходимости изучения в первую очередь текстов (т.е. знаковых систем), а не отдельных знаков, как то предписывала «голая» семиотическая традиция, начиная с Ч. Пирса и Ф. де Соссюра.

Еще одной трудностью «структурной эпистемологии», может быть, более существенной, является тот факт, что в некоторых случаях не только между отдельными знаками и реальностью, но и между реальностью и целыми знаковыми системами нет никакого морфизма. Именно такая возможность позволила Ю.А. Шрейдеру вести речь о вырожденных знаковых

ситуациях в случае текстов с «*порожденной семантикой*» [10, 154–155]. И вообще созданные человеческим воображением химеры⁶¹, такие, как «Бог», «рай», «разумная ЭВМ», всяческие фантазии ученого или конструкции поэтического мира художника, – все они существуют на (самом широком) семиотическом уровне и не всегда имеют точки соприкосновения с реальной действительностью. Непонимание этого факта и приписывание порождения ума чуждого им статуса осуществимости приводит к возникновению *фикций*, которые способны играть как положительную, так и отрицательную роль в познании. О научной значимости фикций убедительно рассуждал, например, А.А. Любищев [2]; плодотворность таких построений, как «демон Максвелла», планетарная модель атома или течение электронного тока как некоей жидкости, явно свидетельствует о научности и обоснованности их введения. Пожалуй, можно даже проводить типологию несуразностей или нелепиц, если понимать такую операцию как шаг в изучении иерархий существования, а не как схоластическую проблему, родственную, скажем, вопросу о количестве чертей, уместающихся на кончике швейной иглы.

В заключение отметим своеобразность отношения семиотического существования к *категории времени*. Оказывается, есть смысл говорить о том, когда предмет начинает существовать в семиотическом плане и когда оканчивает, а также какова динамика этого существования.

Неформальное определение в § 1 указывает необходимое и достаточное условие для семиотической осуществимости объекта – он должен быть обозначенным, названным, т.е. введенным в лоно знаковой ситуации. Так что условия для возникновения знаковой ситуации есть и условия для семиотического существования. Мы будем придерживаться точки зрения А.А. Ветрова, в одной из работ которого [11, 50] знаковая ситуация характеризуется наличием:

«1) предмета, выполняющего при определенных условиях функцию знака;

2) предмета, к которому знак отсылает;

3) смыслового значения (следа), при помощи которого осуществляется отсылка, и

4) организованной системы, отсылаемой к определенному предмету».

Пожалуй, только третий элемент знаковой ситуации требует пояснений. Он понимается как то самое изменение в памяти субъекта (в принципе описываемое на нейрофизиологическом уровне), которое ответственно за отсылку этого субъекта к обозначенному предмету с помощью соответствующего знака.

---

⁶¹ В исходном (моем) варианте здесь стояли более нейтральные *представления*, но бдительный редактор вставил свои *химеры*, ибо далее по тексту разворачивался «опасный» религиозный контекст. И «Бог» в публикации, конечно, должен был подаваться со строчной буквы, – такова очевидность недавнего нашего прошлого, – но редактор почему-то смилостивился на прописную, «взамен» настояв на упомянутых «химерах».

Однако, обратим особое внимание на четвертый элемент. Тут мы обнаруживаем принципиально относительный характер семиотического существования: знак и вообще текст (знаковая система) существует лишь в момент его использования, а это случается не часто, – когда он создается автором и когда воспринимается потребителем. В иные же моменты времени упомянутый элемент знаковой ситуации отсутствует, тем самым нет и обозначения, нет существования в семиотическом плане. Так что книга, покоящаяся на полке стеллажа, не есть текст в строго семиотическом смысле слова, ибо ее в данный момент никто не читает и не упоминает (не вспоминает) ее содержания. Она существует в таком случае материально, но не семиотически.

Кстати, нельзя ли в таком случае как-то «объяснить» удивительное свойство высокого искусства, к примеру, художественной литературы, ее способность *переносить читателя* (мысленно, конечно) в любую эпоху, в любую точку пространства-времени? Ведь с точки зрения существования в семиотическом плане мир героев Гомера обрел свой статус реальности сначала в момент написания «Илиады» и «Одиссеи», а затем вновь «рождался» лишь при чтении и обсуждении этих произведений спустя годы и века. Между актом творения и актом чтения (использования) лежит непрерывное временное зияние, которое отделяет и вместе с тем соединяет разнесенные во времени моменты античности и, скажем, нашего XX века. Чтобы в читательском «сейчас» предстал мир, рожденный фантазией Гомера, с его авторскими «было», «есть» или «будет», достаточно только читать и понимать текст. Фактор же времени, это самое временное зияние лишь в одном случае может помешать «переносу» нашего современника в мир Гомера: если забудется, в силу исторических причин утратится «ключ» к пониманию тех смысловых связей, тех идей, которые имел в виду автор⁶².

Итак, семиотическое существование из всех возможных временных форм выбирает только одну – *настоящее время*, «сейчас», «сегодня», т.е. ту форму, в которой представлены моменты создания текста или его непосредственного использования, прочтения.

Если отдавать дань формально-логическим проблемам и перед нами стояла бы задача построить логическое исчисление времени (в духе тех, что приведены в [12], например), то мы были бы вынуждены оперировать не только традиционными функторами «было, что», «позднее, чем», «ранее, чем», – пришлось бы привлечь и функтор настоящего времени «имеет место, что». Основоположник логики времени А. Прайор возражал когда-то против подобного явного введения настоящего времени, аргументируя это тем, что в таком случае неоправданно усложняются (или даже совсем не поддаются

---

⁶² В завершеном абзаце содержится зерно (предвосхищение) идеи «машины времени» как «машины информационной», – подробнее идея будет вполне развернута в публикациях «Предвосхищение в коммуникации: время текста» (1982) и «О “предельных объектах” семиотико-информационных исследований» (2004); о них еще будет речь в дальнейшем.

описанию на языке данной логики) итерированные временные выражения типа «было, что будет, что было событие А». Как следствие этого, теряется и сама возможность создания сколько-нибудь нетривиальной логики времени. Присоединяясь к критике, которой подверг эту точку зрения А.А. Ивин [12, 130], мы вынуждены добавить еще один аргумент против мнения А. Прайора: отсутствие представления настоящего времени в системе временной логики не позволит охватить анализом объекты, существующие именно семиотически (в силу указанных свойств этого существования).

Впрочем, и до сих пор еще, кажется, не создавалось формальных временных логик, прямо ориентированных на содержательные проблемы существования. Вместе с тем привлечение фактора времени как раз и призвано подчеркнуть относительность границ и объемов в иерархии модусов существования. В одном случае реальных объектов может быть несравненно меньше, чем существующих семиотически, – добавляются еще объекты допустимые (возможные) и нелепые; в другом случае материальный объект может не быть представленным в семиотическом плане, причем длительное время. Скажем, восьмая планета Солнечной системы материально существует, конечно, давно, но семиотически – только с 1846 года, когда люди о ней узнали и назвали ее «Нептуном».

Литература

1. Сокулер З.А. Проблема квантификации в модальной логике // Методы логического анализа. – М.: Наука, 1977.
2. Любичев А.А. О критериях реальности в таксономии // Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода. – М.: ВИНТИ, 1971. – Вып. 1.
3. Петров Ю.А. К вопросу о существовании значения общего имени в экзистенциальных высказываниях // Проблемы знака и значения. – М.: Московский университет, 1969.
4. Виленкин Н.Я., Шрейдер Ю.А. Понятия математики и объекты науки // Вопросы философии. – 1974. – № 2.
5. Целищев В.В. Логическая истина и эмпиризм. – Новосибирск: Наука, 1974.
6. Уемов А.Н. Построение логики высказываний без принципа утверждения // Неклассическая логика. – М.: Наука, 1970.
7. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. – М.: Искусство, 1976.
8. Родос В.Б. О значении языковых выражений // Методы логического анализа. – М.: Наука, 1977.
9. Гастев Ю.А. Гомоморфизмы и модели. Логико-алгебраические аспекты моделирования. – М., 1975.
10. Шрейдер Ю.А. Текст, автор, семантика // Семиотика и информатика. – 1976. – Вып. 7.
11. Ветров А.А. Семиотика и ее основные проблемы. – М.: Политиздат, 1968.
12. Ивин А.А. Логика времени // Неклассическая логика. – М.: Наука, 1970.

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ, ИЛИ СЛОВО В ПОХВАЛУ ЧТЕНИЯ⁶³

Долгий путь одной метафоры

В статье, которую вы сейчас прочтете, высказывается идея, что время чем-то родственно информации, что естественная мера времени – это получаемая информация. Идея эта не столь уж нова.

Стоит обратить внимание на другое. Как возможно знание о природе и свойствах времени? Как можно в принципе обосновать гипотезу о связи времени и информации? Здесь невозможен исследовательский эксперимент, ибо экспериментальные данные мы рассматриваем с самого начала в некоторой временной шкале. Свойства этой шкалы постулируются заранее, еще до того, как эксперимент задумывается. Трудно себе представить и возможность логически вывести «тождество» времени и информации. Ведь вывести нечто можно только из каких-то первоначальных, интуитивно очевидных свойств мира. А что может быть первоначальнее, чем интуиция о времени, в котором длится наше собственное существование. В проблемной ситуации, стоящей перед нами, остается один способ действия – обращаться к культурному опыту, в котором закреплена интуиция многих поколений. Именно это и делает автор статьи. Время осуществляется в чтении. Каждая эпоха читает свои главные книги. Начало Нового времени, эпохи великих открытий, было озаменовано лозунгом: читать книгу природы. Слово «книга» имело в сознании авторов этого лозунга буквальный смысл – природа полагалась сотворенной и несущей в себе некий замысел, который «читателям» следовало постичь. Сегодня мы слова «Книга природы» понимаем скорее как метафору. Но метафора эта содержательна научно. Разворачивающийся процесс чтения в известном смысле соответствует

---

⁶³ Данная заметка (составлена в апреле 1982 года, опубликована в сокращении) появилась как исполнение заказа от редакции журнала «Знание – сила». Виновен в том сотрудник журнала Владимир Ильич Левин (много народу «проехалось» по одной согласной в его фамилии!), в обязанности которого входил поиск интересных материалов среди «свежих» научных публикаций в различных академических журналах. Так он и наткнулся – еще на стадии подготовки к печати, – на мою статью «Предвосхищение в коммуникации: время текста» (Научно-техническая информация. Серия 2. Информационные процессы и системы. № 6, 1982. – С. 1–7). Тот же Левин попросил Юлия Анатольевича Шрейдера о кратком предисловии к затеваемой публикации, которая вышла в «Знании-сила» (№ 3, 1983). Юлий Анатольевич, вспоминая, даже своеобразно благодарил потом: «Спасибо, Виктор! Чтобы подступиться к предисловию, я с удовольствием перечитал несколько важных мест из *Confessiones* Августина Блаженного».

развитию культуры во времени. В. Троицкий обращает внимание еще и на следующую аналогию. Каждая эпоха имеет свое явно выраженное представление о времени. И, оказывается, в художественных текстах эпохи неявно реализовано то же самое представление о времени. Это делает аналогию между чтением (получением информации) и движением во времени (развитием) еще более содержательной и интересной.

Впрочем, просто высказать эту аналогию – мало. Необходимо развернуть ее, продемонстрировать ее, так сказать, мыслительную фактуру. Это, собственно, и есть содержание статьи В. Троицкого.

Чтобы извлечь из красивой метафоры (время – информация) действительное знание о природе времени, нужно в эту метафору погрузиться, проследить весь путь ее развертывания, почувствовать связанные с ней ассоциации.

Статья В. Троицкого при внимательном чтении вызывает разные мысли. Например, о том, что кроме «книги природы» есть «книга культуры», чтению которой сегодня нами придается все больший вес. (Не отсюда ли и мода «ретро»?) К такому чтению и приглашает автор. И приглашение заслуживает того, чтобы быть принятым.

*Ю. Шрейдер,
доктор философских наук*

О Книге Природы говорят теперь не часто и осмотрительно, ибо, хотя сама историческая подоплека этой метафоры во многом утрачена из обихода, сей опозитизированный способ выражения в какой-то неуловимый момент обратился литературным штампом – над ним нависла угроза ходульности, перспектива «украшать» общие места невразумительных словоизлияний.

Однако история продолжается, и, думается, о чтении Книги Природы следует и сейчас говорить с определенным – вполне научным – смыслом.

1.

Можно предложить читателю простой лингвистический эксперимент, основанный исключительно на нашем чувстве языка. Сопоставим сначала глагол «читать» с цепочкой слов «получать информацию и пребывать в потоке времени». Вдумываясь в смысл этого словосочетания, убеждаемся, что его вполне можно считать развернутым синонимом для нашего глагола действия. А если теперь вместо «читать» подставить другой глагол – «познавать», то замена эта никак не нарушит образовавшиеся было смысловые связи с тем же словосочетанием. Так мы получаем (лежащее на поверхности) этакое лингво-психологическое доказательство правомочности разумения о Книге Природы. «Читать» относится к «книгам», «познавать» – к природе, а «читать» и «познавать» в какой-то общей своей части имеют два понятия – время чтения и время получения информации, которые делают метафору о Книге Природы созвучной не только бытовой стилистике, но и научной точке зрения.

Следуя чувственной наглядности окружающего, наши первобытные предки получали «уроки времени» из повторяющихся от века сюжетов – каждодневных восходов и заходов солнца, неумолимого движения звезд и планет, циклической смены времен года. Это самозамкнутое, циклическое время, почерпнутое из мира вокруг и вне человека, неизбежно отразилось и в мире, созданном человеком, – прежде всего в произведениях искусства. И потому, читая древние эпосы, в которых еще жило такое осознание времени, мы не должны удивляться назойливым повторам описаний одних и тех же событий, схожих ситуаций, применению уже не раз испытанных словооборотов, эпитетов, готовых формул. В мерном рокоте звучащего повествования так и слышен шум эпического моря, бесконечной чередой волн набегающего на берег... Что было, то и будет, и что творилось, то творится, и нет ничего нового под солнцем...

И для любых достаточно больших периодов человеческой культуры всегда можно обнаружить согласие художественного понимания времени и того научного понимания, что рождалось при чтении Книги Природы. Этому согласию, этой синхронии легко найти общее основание: достижения и ошибки «физиков» и «лириков» определены общекультурным климатом данного «среза» цивилизации.

2.

Для демонстрации справедливости «принципа синхронности» (назовем так это согласие) совершим краткое путешествие по истории культуры, почти наугад выбирая те или иные характеристики времени и выясняя, схожи ли они расцениваются в станах «физиков» и «лириков» соответствующей эпохи. Начнем с «Божественной комедии» бессмертного Данте. Мы скоро убеждаемся, что время в «Комедии» фактически «выключено», события, люди, характеры располагаются на вертикали вневременности, а если и есть здесь какое-то подобие движения, оно тотчас безысходно замыкается на одном из кругов Ада. И налицо полное соответствие Дантова надвременного космоса и той специфической категории средневековой системы мира, каковую по праву можно считать центральной для многих богословских трактатов и штудий философов («физиков») его времени – ее имя вечность, надвременная вечность. Если же в «Комедии» все-таки и есть движение жизни, с которым мы связываем наше современное понимание времени, то оно воплощено только в самом авторе, смело пересекающем круг за кругом, воплощено единственно живым в той преисподней – и одним из немногих провозглашающих движение жизни в той переломной эпохе на пути к Возрождению.

Еще пример – об открытии субъективной формы времени Августином Аврелием (IV – V века нашей эры). Состоит оно в четком разделении «времени мыслимого» и «времени переживаемого». Первое – это время теоретическое, время догмата, которое религиозный мыслитель оставлял во власти Бога. Иное время – в восприятии простых смертных, время «земное», время субъективное, оно не столь канонично, оно может ускоряться и замедляться, обращаться вспять и останавливаться, и все это по прихоти человека. При всей новизне Августинова разделения фундаментальный вопрос «что есть время?» не звучит гласом вопиющего в пустыне – обостренное внимание к мукам одинокого «я», к событиям частной жизни мы находим уже в художественных текстах римского стоика Марка Аврелия, созвучных с «Исповедью» Августина. Снова согласие? Да.

Свидетельств в пользу принципа синхронности множество, их, видимо, не меньше того числа качеств и характеристик, что приписало человечество

(за свою немалую историю) этому многоликому времени. Даже возврат к старым урокам, уже усвоенным цивилизацией, – «повторение пройденного» на новом уровне. Вот мы читаем атеистические произведения Марка Твена и находим вдруг рассуждения некоего Реджинальда Селькирка – «Безумного философа»: «все, что произошло один раз, обязательно произойдет еще раз...» Как расценивать этот «закон периодического повторения» – стилизация ли это под архаическую цикличность или попытка самостоятельной обработки «сырой» эмпирии? Скорее – второе, иначе странной прихотью выглядит, к примеру, склонность жившего в другой культурной атмосфере русского поэта Велимира Хлебникова вновь усматривать циклы в историческом времени (цикличность войн, политических сдвигов, появления реформаторов). Антиисторизм, регресс? Но разве и в Книге Природы – мы возвращаемся в стан современных «физиков» – не найти цикличности? Если читателю неуютно вспомнить о часовой стрелке, по вечному кругу следующей в своем беге за ходом Солнца, то обратимся к наиновойшей космологии. Эта дочь XX века не очень-то определилась в своем отношении к необратимости времени, попутно лелея и пестуя еще и всяческие циклические, колебательные, «микмастерные» и прочие модели времени (см., к примеру, «Знание – сила», № 4, 1979 год).

А теперь немного логики. Если справедлив принцип синхронности, то мы получаем совпадение черт времени, определенных теорией и практикой познания, и в Книге Природы, и в Мире Текста. Иными словами, получаем возможность говорить, что существуют некие единые «механизмы», присущие и Книге Природы и Миру Текста. А так как тексты делались человеком по определенным правилам, которые можно реконструировать, то, выяснив, как рождалась нужная нам черточка рукотворного времени, мы уже можем обратиться и ко времени иного «текста» – времени Книги Природы.

3.

«Ах, как летит время!», или: «Как медленно тянутся дни»... Анализ контекста, в котором используются подобные словообороты, всегда дает неизменный результат: время «летело» в случае, когда мы пребывали в потоке информации (будь это при разговоре с интересным собеседником или, скажем, в поездке по незнакомым или, сконцентрируем ситуацию, экзотическим местам), когда же этот поток иссякнет, время «топчется на месте».

Вот почему в качестве механизма, «порождающего» время, можно рассматривать процесс получения информации при чтении художественного произведения, то есть видеть во времени *сопутствующий эффект информирования*, «производную» от информации.

Отправным пунктом для рассуждений нам послужит прекрасный образ времени, принадлежащий английскому физику А. Эддингтону, – образ летящей стрелы. И действительно, в самом общепринятом понимании время «линейно», одномерно, подобно стреле, и подобно ей же однонаправленно – от прошлого через настоящее к будущему. (Образ особенно ярок в сопоставлении: для циклического мифологического времени наших предков вполне соответствовала бы «модель» бумеранга).

Каждое из родовых свойств «стрелы времени» мы попытаемся увязать с теми или иными сторонами информационных процессов при чтении текстов. Начнем с линейности. В любой организации текста легко распознается доминирующее измерение, и в этом нет ничего неожиданного, поскольку, в конце концов, сама наша цивилизация «линейна», будучи пишущей и читающей, будучи Гутенберговой. Для извлечения информации из текста наши глаза по необходимости должны последовательно обозревать знак за знаком, слово за словом, предложение за предложением. Даже прочитываемые книги должны выстраиваться в относительно упорядоченные цепи – мы начинаем с букваря, а не с Достоевского. Как бы мы ни располагали письма – в строки слева направо на европейский манер или справа налево, подобно арабам, столбиками сверху вниз, как народы Юго-Восточной Азии, замысловатым бустрофедоном («по ходу быка»), как когда-то обитатели острова Пасхи предпочитали или (не всегда) древние греки, или по спирали, как на Фестском диске, – способ организации поступающей при этом информации неизменен. Он линейен, как будто бы мы имеем дело с одной сверхдлинной последовательностью букв. Такой неуничтожимой линейной структуре как нельзя лучше и соответствует одномерный поток времени.

Соответствие это давно обнаружено и чуть ли не занесено в прописные истины культуры: по известной эстетической классификации Лессинга, в живописи и других «пространственных искусствах» подробности (фрагменты, атомы произведения) выступают *одна подле другой*, а в литературе и вообще во «временных искусствах» – *одна за другой*. Таким образом, лессингово разделение недвусмысленно фиксирует нужный нам факт: отличительным атрибутом текста (литературы) является однонаправленное время. Интересно, что «ко двору» приходится не только те позитивные моменты, что так или иначе схвачены «пространственно-временной» классификацией, но и справедливые упреки в известной условности, негибкости альтернативы по Лессингу. Ведь двигаться от некоторого начала к некоторому концу, «от доски до доски» мы можем, «прочитывая» и «текст» архитектурного сооружения, и живописного полотна

– «произведения изобразительных искусств, пока они не прочитаны и не осуществлены во времени, вообще для нас не стали художеством», писал П.А. Флоренский⁶⁴, уже в начале нашего века критикуя традиционное разделение искусств на пространственные и временные.

Вспомним и о чтении прекрасных «текстов» рукотворного мира вокруг нас, с их живописью восходов и закатов, архитектурой холмов и гор, полей и лесов, музыкой птичьего говора. Только мысленно (кстати, известно ли, каким образом?) мы обладаем какими-то цельными картинами бытия, на практике же усваивая их только последовательно идущими фрагментами.

Но летящая оперенная стрела – символ сравнительно молодой, он пришел на смену архаическому циклическому времени, когда наступил переход от философии вечного возвращения к философии развития.

Оформление подобной цикличности времени давала Книга Природы (иных книг еще не было), когда «читатели» имели только самозамкнутые «повествования» – смену дня ночью, тепла холодом, одного властелина другим, зла добром, удачи несчастьем, – и все по кругу, по кругу... «Книжность» новой письменной традиции в сочетании с новым общественным климатом работала на «спрямление» времени, и теперь в окружающем мире человек уже нащупывал новую схему, осваивая категории «истории», «прогресса», тем самым затачивая острие «стрелы времени» и возлагая ее на лук познания.

Теперь – о втором качестве времени, об одно-направленности «стрель» – ее обязательных оперении и наконечнике. Анализ процесса чтения тут же доставляет нам интересные материалы и по этому вопросу. Чтение – не пассивное следование по указке чужой воли, это всегда активное деяние, в котором во главе угла поставлено предвосхищение результатов, стремление заглянуть за ту линию горизонта, что прочерчена, допустим, строчкой текста перед глазами.

Мы смеемся и задумываемся над гротескными персонажами Свифта, находя в них «знакомых незнакомцев», нам понятны искания и муки душевные героев «Войны и мира», потому что мы примеряем их жизненные пути к своему опыту, мы только еще тронули обложку, читаем незнакомое название – и уже проделываем гигантскую работу, сопоставляя книжкино имя с целым миром уже прочтенных книг. Направленность чтения выразима,

---

⁶⁴ Горжусь тем, что эта единственная ссылка на П.А. Флоренского (здесь – на его работу 1920-х годов «Анализ пространственности») тогда уцелела в журнальной публикации. Времена-то были, напомним, самого густого «застоя» или советского «старчества»: только что скончался Брежнев и на его место заступил тогда Андропов.

кажется, в одной простой схеме: мы вечно что-то с чем-то сопоставляем, мы *оцениваем разницу ожидаемого и действительного*, мы получаем информацию.

Чтение как разновидность информирования так нацелено, направленно именно потому, что само понятие информации (если его брать широко) таково же, – информации нет без предвосхищения и активного отражения действительности, без построения «ожидаемого». Именно здесь, в процессе *предвосхищения* на пути к информации, и появляются *временные* понятия – «раньше» и «теперь», «будущее» и «прошлое». А так как опережение, построение «ожидаемого» есть лишь (не единственное) слагаемое информации, то, получается, время – действительно, сопутствующий эффект информирования.

Имеем ли мы дело с получением информации в Мире Текста или из Книги Природы, в обоих случаях предвосхищающее, устремленное подобно стреле «чтение» изучается уже давно. Вот С.М. Эйзенштейн, много думавший о глобальных закономерностях культуры, высказывает мысль о том, что восприятие произведения искусства во многом определено пережиточным «инстинктом преследования добычи» – так для великого кинорежиссера оформилось то, что мы называли выше предвосхищением при информировании. Вот литературовед М.М. Бахтин в поисках ответа на загадку удивительной глубины и емкости художественного текста произносит формулу о «диалогичности слова» и поясняет это: «*Всякое слово направлено на ответ и не может избежать глубокого влияния предвосхищаемого ответного слова*». Вот психологи и физиологи свидетельствуют о «*моделях потребного будущего*» (Н.А. Бернштейн), механизмах «*опережающего отражения действительности*» (П.К. Анохин) – так они пытаются отразить в своих концепциях активность жизни, фиксируя ее на уровне особи, отдельного существа.

4.

У проблемы времени многовековая история, информация же как инструмент науки и познания – это детище немногих десятилетий только одного, двадцатого века. Намечаемый союз может быть плодотворным уже в силу преимуществ всего свежего и молодого рядом с опытом и изощренностью... Или скажем иначе: тысячелетняя интеллектуальная инерция, возможно, оставляла загадку времени в каком-то самодовлеющем замкнутом кольце, которое трудно, медленно раздвигалось и раздвигается донныне. С оформлением и заострением информационных проблем не образуется ли некая новая, «внешняя», объемлющая собой «кольцо времени» интеллектуальная среда?

Так, например, еще в шестидесятых годах чешский философ И. Земан предпринял попытку установить явную функциональную зависимость времени и информации (вплоть до построения конкретных графиков в декартовых координатах). Исследователь, в частности, пишет: «По мере развития познания в человеческой памяти конденсируется все большее количество информации, для получения которой человечеству уже больше не требуется времени... Можно высказать мнение, что, тогда как обычное солнечное время течет равномерно, время в развитии познания течет относительно солнечного времени неравномерно благодаря именно памяти, конденсирующей информацию, т.е. это время сравнительно замедляется по мере роста информации. Конкретно это означает, что в течение одинакового интервала обычного солнечного времени в нашем распоряжении имеется или мы можем воспроизвести в памяти все большее количество информации». Иными словами: с ростом плотности информации происходит замедление времени – и в пределе, если «информация об объективной реальности была бы конечной и исчерпывающей, время в развитии познания свелось бы к нулю подобно релятивистскому замедлению времени при достижении движущимся телом скорости света: любая информация всегда в наличии и не требуется временных задержек на ее получение» (тоже – Земан)⁶⁵.

Подобное подчинение времени неким верховным (здесь – информационным) процессам не окажется ли только очередным шагом к новому постижению мира, более тонкому и ясному? Как далеко разойдутся еще эти «кольца времени» – круги на воде необъятного Океана Познания?

Ответы и новые вопросы принесет будущее, а сейчас важно сделать возможно большее в пределах достигнутого и обозримого. Совместными «физико-лирическими» усилиями время становится не только более сложным, но и, в известной мере, более близким человеку. Ведь после Эйнштейна уже нельзя исключать наблюдателя (человека) из общей картины мира. Некоторые черты «самого по себе» времени могут выступать субъективными, привнесенными человеком, однако всегда остается объективной сама основа категории времени – тот материальный мир вокруг нас со всеми его сложностями и противоречиями. Не мы даем природе понятие времени, но природа навязывает нам это понятие! Из одной книги

---

⁶⁵ По условиям журнальной публикации, библиографические сноски здесь не полагались. Данную работу Иозефа Земана (она сыграла весьма большую роль в подтверждении и укреплении идеи «времени текста», с которой я тогда много носился) теперь грех не назвать полностью: *Земан И.* Познание и информация. Гносеологические проблемы кибернетики. – М.: Прогресс, 1966. – 254 с.

разные читатели (вернемся к теме чтения) извлекают различное в деталях – вот где произвол и место субъективности, – но всегда остается главное, наисущественное, что уже заложено в тексте, общем для всех читающих. Мы вычитываем упорядоченности из Книги Природы в меру наличной «грамотности», но делаем это именно под диктовку природы.

Как известно, великая метафора Книги, которую «открывают, разбирают по складам и читают, чтобы познать природу», особенно полюбилась мыслителям эпохи Возрождения. Но тогдашнему человеку, читавшему подобным образом, весь мир предстал сокровищем под знаками, иероглифами, которые необходимо было обнаружить и истолковать. Такое знание – это, скорее, герменевтика: схоластическая эрудиция (толкование книг) плюс «чернокнижная» магия (толкование мирового порядка).

Конечно, сейчас не идет речь о таком понимании Книги Природы, таком «чтении». Современный научный смысл «великой метафоры» состоит в другом: с ее помощью становятся рельефнее, осязаемее связи важных категорий нашего миропонимания, благодаря ей возможно целенаправленное использование сокровищ, накопленных гуманитарным и естественно-научным направлениями культуры. Так с информацией и временем – эти фундаментальные категории можно и *должно* рассматривать совместно.

Категории информации и времени – это на сегодня доступные человеку принципы организации мира. Обязательно в ходе дальнейшего развития наших представлений о мироустройстве будут претерпевать изменения и сами эти категории, и могут появиться (станут нам понятными) новые характеристики упорядоченности. Тогда – остается завершить сегодняшние заметки в такой полной уверенности – неизбежно понадобятся новые метафоры или новые модельные примеры, более сложные и адекватные, чем «чтение» и Книга Природы. И продолжится история.

1983

ЛОПАСНЯ: ВОЛНЫ СМЫСЛА

Наше небольшое исследование посвящено обыкновенному названию невеликой речки, многие тысячи лет исправно работающей левым притоком Оки. Это же слово-гидроним «Лопасня» служило и топонимом, причем в два приема. Совсем недавно так звучало название железнодорожной станции и, одновременно, рабочего поселка, расположившегося на берегах Лопасни, который с 1954 года стал именоваться городом Чехов (в честь Антона Павловича), а в старые летописные времена речным именем называли некое древнерусское поселение на этой же реке. – Не самое громкое имя, заметим.

Тем интереснее заняться вопросом, какое же значение или, точнее, какие смыслы укрывают подобные «рядовые» названия. Какие же волны накатывали на сердца и души далеких наших предков, когда они слышали, например, именно это слово-семибуквие? Чем же именно была для них – «Лопасня»?

Раскроем же летописи и выясним для начала, в каком окружении и с какими оттенками отложилось это слово в древних источниках. Начать можно, по старой и уже общепринятой краеведческой традиции, с первого упоминания имени:

6684 (1176) ... в

неделю (воскресенье) бы(ла) радость велика в граде Володимере и потом посла Стослав жены их Михалкову и Всеволожою пристава к ним с(ы)на свое Ол(е)га проводить е до Москве. Олег же проводит и взратися во свою волость к Лопасну... и то волость Черниговская (Ипатьевская летопись).

Святослав и Олег устроили проводы женам своих союзников не столько из вежливости, сколько по опаске – на Руси властвовала многолетняя усобица. Только что во Владимире отпраздновали очередную победу русских над русскими... Надо иметь в виду, что Лопасня долгое время принадлежала черниговским князьям и, поскольку находилась на «аппендиксе», глубоко вклинившимся в земли московские и рязанские, то нередко была предметом раздоров и объектом прямого разбоя. Вот характерное сообщение:

В лето 6862 (1354) ... месяца июня 22 дня Рязанцы взяша Лопасну, а тогда князь Олег млад бысть, и много зла створи крестьяном, и наместника изымаша, и ведоша в Рязань, одва (едва) его выкупиша (Владимирский летописец).

В это время Лопасня уже была московским владением, Олег упоминается, конечно, совсем другой, новые князья правят, а кровь льется прежняя, русская, христианская («крестьяном»). Сплотить единоверцев и братьев единокровных смог только общий враг – иго. И настал черед князю московскому Дмитрию Ивановичу готовить славу Куликова поля:

В лето 6888 (1380 – красный год русского календаря)... И поиде князь великий с Коломны с многими силами и, пришед, ста у Оки на усть Лопасны реки. И тут прииде к нему великий его воевода Тимофей Васильевич... со многими воинствы... и повели им (Дмитрий) Оку реку возитися, и заповеда коемуждо полку, глаголя сице: «аще кто идет по Рязаньской земле, да нитожже ничемуже коснется, и ничтоже возьмет у кого, и не единому власу коснется» (Потом и сам князь переправился, но...) Остави у Лопасны великого воеводу своего (и тот должен был повторять прежний княжий призыв)... да егда пешиа рати или конныа поедет за ним, да проводит их безблазно, и ничтоже от тех ратных, идя по Рязаньской земле, да не коснется ничему и ничтоже да не возмет у кого (Никоновская летопись).

Место бесконечных распрь и братоубийств, давняя точка схлеста княжеских амбиций, Лопасня вдруг услышала непривычные слова, которые навязчиво и требовательно – чтоб до каждого дошло! – повторяет и Дмитрий Донской, и безвестный описатель его подвига. Именно здесь, «реку возитися», у Лопасни облегчались русские от тяжелого груза и греха усобицы. – Но оставался еще иной страх и тревога, ведь впереди предстояла встреча с грозным, беспощадным и умелым в делах воинских противником. Недаром

многие летописи, живописующие начало похода Дмитрия, дружно повторяют одну и ту же фразу:

И прошед свою вотчину великое княжение и ста у Оки на усть Лопасны, переимая вести о (в других списках – «от» или «про») *поганых* (Московский летописный свод конца XV века).

На каком-то отрезке истории эти берега Оки в устье Лопасни стали сосредоточием напряженнейших ожиданий. Здесь пролегал русский Рубикон. Снова и снова подчеркивали летописцы важность и драматичность того момента:

А сам великий князь Дмитрий Иванович в понедельник перебродися с своим двором... и бысть в граде на Москве и по всем градом туга велика, и плач горек, и глас рыдания (Софийская первая летопись).

Куликовская битва завершилась победой, но еще почти два века не было покоя от Орды. Особенно великий переполох – и снова фигурировала Лопасня – приключился от «крымчаков», когда *в лето 7029 (1521) июля безбожный гордый Крымский царь Магмет Кирей... вскоре и безвестно иже при брезе Оки реки с воинством пришед, и грех ради наших великую реку удобь преиде сею, и великого князя воевод побииша... А иныя Татарове и в Воробьева, в великого князя селе, были и мед на погребех великого князя пили... Царь же* (Мухаммед-Гирей) *стоя на едином месте десять ден промеж Северки реки и Лопасны, за шездесят верст от Москвы* (Вологодско-Пермская летопись).

Дело то было при Василии III. Даже сын его Иван IV Васильевич, больше известный как Иван Грозный и как покоритель Казанского и Астраханского ханств, все еще с опаской и серьезностью относился к «татарскому вопросу». Летопись свидетельствует, например, о следующих подробностях «дипломатического протокола» того времени:

Лета 7064 (1556) ... месяца мая... А велел (государь московский) *у себя быти в Серпухове царевичу Каибуле Ахкубекову, цареву сыну Астраханского... а велел ему государь стояти в Торусе. Да в Торусе же быти велел передовому полку да правой руке, а болюму полку велел стояти усть Поротвы, а левое руке на Сенкине перевозе, а сторожевому полку усть Лопасны* (Лебедевская летопись).

Снова, как видим, Лопасня предстает местом схода натянутых струн надежд и опасений. Здесь же упомянутый «вопрос» и решился окончательно и бесповоротно некоторое время спустя:

В лето 7080 (1572)... месяца августа в 6, в среду... а приехал царь Крымский к Москве, а с ним силы его 100 тысяч и двадцать... и пособи Бог нашим воеводам... и Крымский царь побежал от них неvirно, не путми не

дорогами, в мале дружине; а наши воеводы силы у Крымскаго царя убили 100 тысячь: на Рожайи на речки, под Воскресеньем в Молодех, на Лопасте, в Хотинском уезде, было дело князю Михайлу Ивановичю Воротынскому с Крымским царем и с его воеводами... а было дело от Москвы за пятьдесят верст (Новгородская вторая летопись).

Так, перелистав летописи и потянув за ниточку одного-единственного названьица, мы получаем в руки драгоценную часть великого клубка времени, – единому слову благодаря.

Впрочем, уже и сами по себе эти слова «Лопасня», «Лопастня», «Лопасна», «Лопаста», эти летописные варианты от одного корня «лопас» представляют и самостоятельный интерес. У слов-логосов есть еще собственная, внутренняя, малая история, подчас не менее захватывающая и загадочная, чем история большая, внешняя. Имеет, еще как имеет смысл знаменитый детский вопрос «почему», – «почему так названо». Вот и мы спросим: а почему – Лопасня, что означает или, вернее, может означать это название? Немного займемся этимологией.

Первое же обращение к словарному запасу современного (пусть даже и обремененного высшим образованием) жителя России удачи не приносит. В самом деле, известный «Словарь русского языка» С.И. Ожегова сообщает лишь такую возможность толкования смысла нужного нам слова, толкования с таким горьковатым привкусом сопромата и шумом машинного движения:

ЛОПАСТЬ: 1. Широкий плоский конец чего-нибудь. Л. заступа. Л. плавника. 2. Плоская гребная часть весла, судовых колес, гребных и воздушных винтов.

Это в не столь давние времена, в полнейшем равнодушии к духу родного языка и родной культуры места обитания, скажем, улицы наделались не именами, но кличками вроде «Газгольдерная», «Индустриальная» или «Путейский тупик». Древний же дарователь имен просто не мог навязать своей реке-кормилице ничего чуждого, неживого... Однако не все так просто. Обращение к «Материалам для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского (издан в 1902 г.), безусловно, разочаровывает – здесь вообще нет слов с корнем «лопас». Увы! «Лопасня» обозначилась в древних документах (а «Материалы» собраны преимущественно по летописям и государственно-правовым актам) только в качестве гидронима-топонима, но не сохранилась как имя нарицательное. Даже когда дело И.И. Срезневского продолжили целые коллективы ученых, в сетях «Словаря русского языка XI – XVII вв.» (вышел в 1981 г.) оказалась явно небогатая добыча:

ЛОПАСТКА: Треугольная расшитая привеска.

ЛОПАСТЬ (ЛОПУСТЬ): 1. Лоскутки материи с треугольным или квадратным полотнищем. 2. То же, что ЛОПАТЕНЬ.

ЛОПАТЕНЬ (ЛОПОТЕНЬ): Железное орудие в виде желоба с острыми краями... для сверления, вырезывания дыр.

Старинные письменные источники, можно считать, исчерпаны. К счастью, чего не способны сделать писцы и книжники, то может народ, народный говор, устная народная традиция. Тем-то и ценен «толковый словарь» В.И. Даля, что он почерпнул драгоценной влаги именно из этого неисчерпаемого источника. И для «Лопасни» здесь столь много материала, что придется цитировать с большим разбором:

ЛОПАСТЫЙ, ЛОПАСТА, ЛОБАСТА, род водяного и водяной, русалки, живущих в камышах...; это некрещеные младенцы, либо проклятые люди, нетерпеливо ожидающие светопрествления;

ЛОПАСТЬ, ЛОПОСТЬ, широкий и плоский конец, нижняя часть заступа и лопаты; гребок весла потеси; личина у прялки (напечатано: пряхи), изнанка; горбыль ложки, ковша; ступня, лапа, стопа, подошва; флигель, пристрой, крыло дома; кожаный шлепок, которым бьют мух; кожаная пришивка к португее, куда вставляется шпага, штык; суконный верх казачьей шапки; крылья чепца, завязка у начолка, сороки (речь о головных уборах, женских); треугольные расшивные привесы у икон... ЛОПАСТЫЙ, с лопастью, с широким, плоским концом. ЛОПАСТНИК, род теса, который... идет в подстилку на барках под кули; лопасть что, делить на лопасти.

ЛАПАС, ЛОПАС, повесть, куда мечут сено, сенница, навес, верх у хлебного амбара...

Прежде чем приступить к некоторым выводам, добавим еще несколько новых значений (смыслов) для интересующего нас гнезда слов. Они не попались в свое время Владимиру Ивановичу, но все-таки осели (как крупницы злата поверх частной серки старательского грохота) на страницах современного «Словаря русских народных говоров»:

ЛОПАСНА, плоская часть кичиги (тоже головной убор)... ЛОПАСТЕНЬ, -ТНЯ, лопасть колеса водяной мельницы, «широкий колесный буравец» (составители не рискнули объяснить, что это такое, не соблазнимся и мы); ЛОПАСТИНА, ступня ноги... большое весло, используемое как руль; ЛОПАСТНИК, доски для строительства речных судов;

ЛОПАСТЫЙ, ... в суеверных представлениях домовой; ЛОПАСТЬ, ... верх прялки, куда привязывают кудель, бьющая часть цепа, ... расщелина в бревне, куда забивают клин; ЛОПАСТИ, ... спускающиеся на спину широкие ленты, прикрепленные сзади к головному убору, ... ленты в косе у девушек, ...

*украшение на иконах –
клинообразные лоскутки
матери, обшитые
кружевами или тесьмой.*

Итак, какой же смысл уложили древние дарители имен в слово «Лопасня»? Уже было сказано, что все ремесленно-технические варианты мы оставляем вне нашего этимологического изыскания, и они здесь присутствуют только для полноты коллекции, и только. (Впрочем, мы сразу – неявно – предположили, что имеем дело со стандартным случаем, когда сначала именуется река, а

лишь позже – селение на ней; если допустить теоретически возможный обратный случай, то в основу ойконима вполне могла бы попасть форма типа «место, где много навесов для сушки сена» или «место изготовления рулевых весел», к примеру). Тогда за вычетом «технотронной» составляющей в имени реки Лопасни можно сыскать по меньшей мере два слоя: условно говоря, составляющую сказочную и составляющую репортажно-портретную. Если отдать предпочтение первой, то нашу «Лопасню» надо прочесть, как «река лопастых (лобастых)», т.е. излюбленное место проживания водяных и русалок. Тяготеющие же к рационализму и наглядности вполне могут выбрать «портретную» версию, которая подчеркивает качества широты и плоскостности объекта именованного. Что ж, это хорошо подходит Лопасне, спокойно и привольно, а в старину наверняка и полноводно текущей в своих низких и плоских берегах. Или – Русалочья, или – Плоская. Не помешает добавить еще – Ленточная, если вспомнить об украшениях на девичьих головных уборах. Кому что любо, тот пусть то и выбирает, но не забудем и о прочих богатствах возможностей. А мы, сохраняя нейтралитет, дадим еще один вариант толкования, уже скорее специально-гидрографический. Для этого нам нужен «Словарь народных географических терминов» Э.М. Мурзаева (1984 г.), из которого и прочитаем напоследок:

ЛОПАТКА, плоский мыс; наносная песчаная коса, вдающаяся в озеро или в море, обычно у устья реки, доставившей материал для ее образования.

В названии «наносной песчаной косы» хорошо видно изначальное родство слов «лопасть», «лапа» и «лопата», ибо все они говорят о чем-то «лопастном», о чем-то «с широким плоским концом». Вот и полноводная река, впадая в Оку и принося с собой песок и глину для «лопатки», вполне могла получить имя по этому своему «трудовому отличию». Кстати, тогда и сами ее крестники должны были когда-то обитать именно в районе устья Лопасни – так нечаянно выявляется дополнительный аргумент к давнему спору историков, где же находилось древнерусское поселение Лопасня (Лопасна), в среднем течении реки или, как предположено выше, в устье...

ЛОПАСНЯ... как много в этом слове, в этих звуковых и смысловых волнах и слилось, и отозвалось!

1998

Не удержусь от нескольких прямо-таки необходимых (пусть и задним числом вводимых) добавлений к публикации 20-летней давности.

А) Этот текст получился как приношение в память выдающегося, да,

Чеховского педагога и краеведа. На сохранившемся у меня экземпляре газеты «Домашнее чтение», с данной статьей о Лопасне, есть две надписи, фломастером начертанные: поверх – «Дорогому Алексею Михайловичу ПРОКИНУ в знак искреннего восхищения и на память от составителя и вдохновительницы. 6.VI. 98», внизу – «P.S. Очень хочется написать о речушке Сумерь, нынешней нашей соседке, но пока мало что ОТЗЫВАЕТСЯ, разве вот: “Шумер”...».

Мы с Тamarой очень хотели вручить нашу публикацию А.М. Прокину (2.04.1924–15.06.1998), но не успели – великий Историк и великий Учитель (он влюбил в историю Отечества не одну только Тamarу) трагически погиб под колесами автомобиля в родном граде Чехове, рассеянно переходя шоссе. В Лопасне

родился, в Чехове ушел. Немного времени спустя, в 2001 году в граде Чехове – в сквере возле Симферопольского шоссе, на площади «у танка», – был установлен памятник ему (бюст на высоком постаменте), с надписью: «От благодарных учеников».

Б) Исток реки Лопасня лежит совсем близко, в нескольких километрах от нашего военного городка, у деревни Богоявление. Так что, друзья мои, Лопасня – очень даже близкое, просто наше, родное, «городковское» имя.

В) Самым настоящим гимном русской (восточно-славянской) словесности звучит, как мне кажется, уже простой перечень названий притоков Лопасни (в порядке их следования от истока к устью): Челвенка, Никажель, Жабка, Тербенка, Катешовка, Воскресенка, Сухая Лопасня, Люторка, Родинка, Смородинка (Талежка), Самородинка, Сосенка, Аночинка, Прудновский ручей, Бешенка, Бественка, Залужка, Соломенка, Сушка, Елинка, Волосовка. Их *сладко повторять*, воистину.

Г) Эту статью о смыслах Лопасни, для небольшого заработка⁶⁶, я сделал из старой заметки «Лопасненские маргиналии», которая еще летом 1992 года заняла свое рабочее место (или была надолго погребена) в «Опытах». В статью для «Домашнего чтения» не стал переносить одну заключительную часть этой заметки, трактовавшую о возможном *балтийском* следе или даже источнике в нашем дорогом имени. Тогда ограничился только «русскими» смыслами. – Видимо, напрасно. Историю «обыкновенного названия невеликой речки» теперь завершу, наконец, с опорой на старые «Опыты» и на «балтийский» мотив:

... А потом я раскрыл словарь «Прусский язык» В.Н. Топорова, – на всякий случай, на букву *L*, – и душа моя зело возрадовалась. Статьи о «пламени» (*lopis*) и «лопате» (*lopto*), как они представлены в языке вымершего прибалтийского народца, оказались самые что ни есть пролопасненские. Может быть, в мою копилочку легла самая блестящая монетка. Что славянское слово «Лопасня» может быть балтинизмом, доказательства нужно подождать годик-другой, когда тот же Владимир Николаевич доведет другой свой фундаментальный труд (наряду с многотомным «Прусским языком»), а именно, скрупулезнейшее исследование «Балтийский элемент в гидронимии Поочья» доведет до

---

⁶⁶ Напомню, что в конце 90-х в Отечестве нашем с финансами было крайне туго, денежное содержание господам офицерам выдавали с большими задержками, а то и вовсе забывали – мол, сами разберутся или разбегутся, да... вот и приходилось подрабатывать литературным трудом, то и дело творя различные культурно-просветительские материалы, в основном, взятые из прежних заготовок: на серьезные разработки времени и желания, конечно, не было.

среднего течения р. Оки, – и настанет черед Лопасни⁶⁷. А пока вышли в свет только два выпуска, касающихся «водных объектов» только верховьев Оки, мне остается проявить самостоятельность и опираться лишь на собственную (филологически-непросвещенную) интуицию, – зря, что ли, я так вострепетал над томом с тиснением «L» на обложке! Вооружившись наблюдениями В.Н. Топорова, к лопасненским маргиналиям придется добавить еще целую серию неожиданных встреч, – прусских, балтских, балтийских.

Во-первых, по-пруски звучащее «пламя» имеет очень наглядное, очень непосредственное оформление. В этом *lopis* Топоров обнаруживает некую предельную, некую высшую смысловую точку очень серьезной технологической цепочки (или – целой космогонии) *добывания огня*: сначала, в первоначально *пустом* (лишь в потенции содержащем будущий «огненный цветок») очаге последовательно зарождается *хаос* печного жара, вслед за которым – как смысловая кульминация, – обретает «более совершенную, “центрированную” форму» плоский, языкоподобный, широким *полотнищем* взмывающий кверху лепесток пламени. В.Н. вполне явно говорит и о маргинальности *lopis*: «Появление пламени означает границу [тут я подпрыгнул, читая «Словарь»! ведь, сколько сил уж потрачено, чтобы рассуждать об искомой пограничности-маргинальности «Лопасни»] между “предритуальной” частью и собственно ритуалом <...>: пламя – это зрелость, сила и мужественность огня». Таким образом, вегетативность, *растучесть* огня естественно выражается на основе тесного клубка идей вокруг корня **lēp/*lōp*: лепесток, лопасть, плоскость, лопух, лепесть... Дорости до чего-то «вытянуто-плоского» даровано огню, как и растению – даровано *огненному кусту*.

Правда, рискну не согласиться с Владимиром Николаевичем, когда он заключает о *естественном* именовании «пламени» по-пруски и отказывает в естественности же «пламени» по-русски (де, «в славянских языковых традициях к тому же корню [**lēp/*lōp*] в связи с пламенем, огнем приходилось обращаться лишь в метафорическом плане»). Ведь, посмотрите, в ряду *плоскость – лопис – пламя* прусское (среднее) слово среди слов русских выглядит вполне своим, – вполне русским, да еще и выполняет добрые функции посредника, делая зримым ответ «плоского» на «пламени».

Во-вторых, по-пруски звучащая «лопата», как и собственно-русская «лопата» дают новые повороты в сюжете о маргиналиях. Не странно, но как

---

⁶⁷ К сожалению, академик В.Н. Топоров (05.07.1928–05.12.2005) работу по гидронимии Поочья так и не завершил. Но зато, какие драгоценные вещи он успел еще написать помимо того – «Святость и святые в русской духовной культуре» (в 2-х тт.), «Петербургский текст русской литературы» и (ставлю такое не по месту) др.

раз естественно именовать инструмент для общения с огнем в высшей степени созвучным, родственным образом – Топоров говорит здесь даже о *соприродности* стихии и инструмента, имея в виду специально *печную* (загнеточную) *лопату*. Причем, что интересно, причастность к «огненности» не лишает ту же лопату и прежнего «растительного» мотива: до сих пор лезвие у этого инструмента называют (строго говоря – изредка) «лепестком» или «листочком», а рукоять оного – «череш(н)ком», словно перед именуемыми не техническая конструкция, а какая-то ботаническая. И это еще не конец, и еще есть поводы говорить о *порубежье*, *пограничье* нашей лопаты. Хлебная лопата – она ведь *сователь* (хлеба в печь), она же – приспособление для трупосожжения, если переходить от поздних «сований» к более древним (и более *значимым*) перемещениям тел. Лопата и огонь – посредники, соучастники на границе жизни и смерти, заключает Топоров и делает изящный переход из области этимологии в область культурологии, ибо занятия «происхождением слов», действительно, позволяют «восстановить важнейшую символическую роль лопаты» как заместителя или напоминателя о «мире ином». Сполохи и отблески древнего, кровного смысла воскресают даже в нынешнем (или недавнем) фольклоре, напоминает Топоров: «В лесу живем, в кулак жнем, пенью кланяемся, лопате молимся», или «Когда гром гремит, выноси лопату на двор»...

По-пруски да по-русски поговорили, теперь черед латыни. Напомню: у римлян *margino* означало «обводить по краям, обрамлять, окаймлять», а *margo, marginis* соответствует смыслу «край, межа, граница». Ставим точку.

Остается только, закрывши том «Словаря» И.Х. Дворецкого, воздать хвалы капризной судьбе – за дарованную ею возможность считать родным немудрящее имя «Лопасня». Первое офицерское назначение «в Чехов» в 1973 году – позволило. А пример многогранности, много-мысленности одного-единственного топонима увеличивает надежду в то, что, действительно,

мир наш – тесен,

мир – без щелей,

мир – полон смысла,

мир, всего веселей,

наш мир – интересен.

1992

НЕСКОЛЬКО ЭПИЗодОВ СЛУЖБЫ ОФИЦЕРА ОТДЕЛА БОЕВЫХ АЛГОРИТМОВ И ПРОГРАММ

Мой послужной армейский список довольно короток и прост: по окончании в 1973 году Пушкинского ВКУРЭ ПВО (позднее этот военный институт вошел в состав Военно-космической академии им. А.Ф. Можайского) был назначен на должность инженера командно-технического пункта (КТП) передающего центра СРЛС–61 войсковой части 03863, откуда примерно через год переведен в отдел боевых алгоритмов и программ той же части, где и прослужил до августа 1987 года, когда был откомандирован в войсковую часть 75555 для участия в испытаниях и приеме на вооружение новой системы ПРО. С ноября 1992 года возглавил отдел боевых алгоритмов и программ корпуса. Уволен в запас из рядов Вооруженных сил в декабре 1998 года. Словом, проработал в отделах боевых алгоритмов и программ, что называется, безвылазно 25 лет, с единственным небольшим перерывом в 1982 году на академические курсы «для руководящего инженерного состава войск ПВО» в Харьковской ВИРТА. Вот об этой четверти века армейско-программистско-испытательской жизни и хотелось бы дать здесь краткий отчет.

Из великого многообразия событий и свершений, довольно плотно составивших живое наполнение указанного отрезка биографии, выбираю для описания (и соответствующих воспоминаний) всего несколько эпизодов. Надеюсь, что мой по неизбежности личностный взгляд на ускользающий *Plusquamperfekt*, на «давно прошедшее время» сможет по-своему показать и в целом охарактеризовать определенную роль и место офицеров-программистов (нашей «службы алгоритмов и программ») в создании, эксплуатации и совершенствовании уникального и сложнейшего оружия – стратегической системы ПРО.

Эпизод первый – прощальный и с некоторыми итогами

Начать лучше, пожалуй, с конца, т.е. с последнего (был уже «исключен из списков») публичного выступления перед собранием офицеров и служащих Управления корпуса, состоявшегося 7 декабря 1998 года, на традиционных проводах в запас. Благо, что это выступление оказалось зафиксированным, теперь его остается только в точности воспроизвести. А приводить его здесь имеет смысл именно потому, что по своему характеру, по самому «определению жанра» оно получилось действительно итоговым.

«Дорогие товарищи, дорогие друзья!

Спасибо за оказанную мне честь, поскольку вы сегодня собрались здесь ради одной персоны. Спасибо за добрые слова и лестные оценки по поводу моей деятельности. Спасибо за все! Никогда не забуду эту волнующую минуту.

Озирая пройденный путь службы в армии – а это, вместе со временем учебы в военных учебных заведениях, составляет все 29 лет, – могу твердо сказать главное: я всегда был верен нашему оружию, нашим войскам противоракетной обороны. И еще, скажу без преувеличений и нисколько не рисуясь, перед вами стоит вполне счастливый человек. Счастливый, потому что мне всегда было интересно жить все эти годы. Да, как-то так все сложилось в жизни, что, в общем и целом, удалось совместить (обычно трудно соединимые) вещи, – работу, службу и творчество. Сам теперь удивляюсь, но это правда. Тут сегодня уже говорили, что в моем лице сошлись военный, инженер и философ. И это тоже правда. Я благодарен судьбе, что всю армейскую жизнь мне (и некоторым моим друзьям, которым примерно так же повезло) пришлось постоянно что-то испытывать, что-то дорабатывать и совершенствовать, что-то анализировать и изобретать. Пришлось более чем “плотно” заниматься радиолокацией и вычислительной техникой, причем в самых высших и новых отделах этих отраслей. Пришлось всерьез осваивать небесную механику и математическую статистику. Дело дошло и до таких разделов математики, о существовании которых даже не догадывался – а жизнь буквально заставила и привела (таковы, к примеру, идеи “нечетких” множеств, сгодившиеся для развития принципов “весовой” обработки в задачах обнаружения, или теория фракталов, чрезвычайно полезная для уплотнения цифровой информации). Пришлось осваивать практику научного эксперимента, понадобилось изучать и применять общие принципы системотехники и системологии, и многое еще можно было назвать и вспомнить. Кстати сказать, некоторый опыт испытания и “доводки” сложной военной техники (а пришлось иметь дело с двумя большими радиолокаторами, “Дунаем” и “Доном”, и с системами ПРО двух поколений) дал мне, если позволите так выразиться, некоторые права на небольшую монографию, – ее два года назад издали в Тверской академии под названием “Диалог со сложными техническими системами”. Здесь, кажется, удалось более-менее убедительно совместить наблюдения военного инженера и обобщения философа – самодеятельного, конечно, “от сохи” выросшего философа.

Недавно на “Дне Программиста” в Чехове (для этих встреч, много лет подряд, в декабре мы собираемся на базе войсковой части 03863) меня уже “проводжали на дембель” мои бывшие сослуживцы и соработники. И вот там

не поленились подсчитать, что только на СРЛС “Дунай–3У” в боевых программах работает около 200 более-менее крупных новшеств, предложенных и реализованных мной. Кое-что удалось “внедрить” и здесь, на Софринском объекте. Что ж, будет не стыдно, что называется, сочинять мемуары!

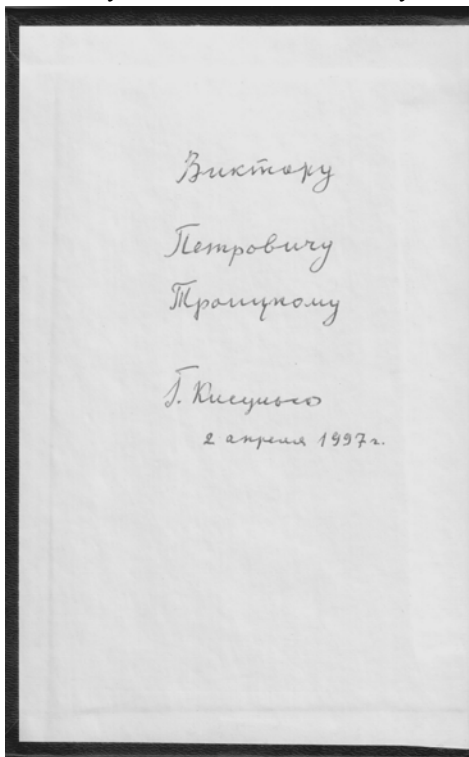
Моим друзьям-программистам, как и мне, выпала не только особая, не только редкая, но и счастливая, да, возможность всегда получать интеллектуальное удовлетворение и радость от того, что твои идеи и мысли, твой труд

дают явные результаты и успешно воплощаются в непосредственной реализации. Мы, прежде всего, служили Отечеству, и служили очень конкретно. Не следует и не должны мы забывать, что еще совсем недавно шла *настоящая война*, пусть и “холодная”. И тогда, по меньшей мере, дважды нам пришлось ощущать на себе жуткое приближающееся дыхание другой войны, уже совсем “горячо” приходилось: сначала, когда у китайцев на вооружении появились дальнобойные “Дун–3”, и мы стали очень даже всерьез готовиться к удару по Москве оттуда, с “объекта Г” (так тогда шифровались эти дела), и еще раз немного позже, когда разразился знаменитый кризис “SS–20 против Першинг–2”. За своими родными электронными вычислительными машинами приходилось просиживать или, вернее, проживать по многу дней и ночей и месяцев, трудно было... да, трудно и увлекательно. О тех временах и о том, как приходилось служить, говорит такой факт, чисто количественный и статистический по виду, но очень содержательный и характерный по сути: более половины офицеров из состава нашего отдела боевых алгоритмов и программ Чеховской части (это период – примерно первая половина 1980-х годов) получили высокие правительственные награды...

И ни на минуту, ни на секунду не было тогда сомнений, *кто* враги, *откуда* исходят угрозы Родине, и что труд твой Родине нужен и даже попросту необходим. Это сейчас настали странные времена, когда подобной

ясности вроде как и нет, и о твоей офицерской востребованности теперь – весьма большой вопрос.

Благодарно хочется вспомнить людей, с которыми бок о бок приходилось служить и трудиться. Поверьте, это были блестящие коллективы и выдающиеся личности. Благодарю судьбу за то, что она даровала возможность познакомиться и, в дальнейшем, даже дружить с теми, кто составили славу отечественной науки и инженерного дела, если не сказать, инженерного искусства, – с Григорием Васильевичем Кисунько, отцом-создателем нашей ПРО (как драгоценные реликвии, берегу его книгу, знаменитую в наших относительно узких кругах, –

“Секретная зона” с автографом, книгу, написанную кровью сердца, и храню по случаю подаренную им кружку из темного небьющегося стекла: “Будешь чай пить и меня, грешного, вспоминать”)⁶⁸, с Ларисой Павловной Галкиной, на чьих хрупких плечах, можно сказать, воздвиглась и стоит и, главное, заметно поумнела наша знаменитая РЛС “Дон”, с Николаем Кирилловичем Свечкопалом, одним из ключевых участников первого в мировой истории ракетного перехвата в марте 1961 года... тут можно долго перечислять. Хочется вспомнить и помнить, с почтением и благодарностью, высших военных руководителей наших. В первую очередь это Юрий Всеволодович Вотинцев,

подлинный создатель Ракетно-Космической Обороны СССР и России, и это Николай Иванович Родионов, о котором то же самое нужно смело сказать применительно к войскам ПРО. Низкий поклон и благодарность за уроки, за

⁶⁸ К столетию со дня рождения Г.В. вышла в свет хорошая научная биография: *Трошин Г.И.* Григорий Васильевич Кисунько – основоположник противоракетной обороны СССР, выдающийся радиопизик XX века, писатель, поэт. – М.: Новые технологии, 2018. – 224 с.

понимание и отеческое отношение – командирам, под чьим началом довелось служить здесь, в Управлении корпуса, генерал-лейтенантам Карташову Николаю Петровичу и Мартынову Сергею Сергеевичу. Хочется сказать искреннее “спасибо” и нашим ветеранам, многое мне и моим сослуживцам давшим и в служебной деятельности, и в чисто человеческих отношениях – Владимиру Михайловичу Юневу, нашему начальнику штаба, Виктору Павловичу Новикову, нашему главному инженеру, Валерию Владимировичу Голяновскому, моему предшественнику во главе отдела боевых алгоритмов и программ корпуса, Ивану Васильевичу Малькову, моему давнему другу и начальнику самого дружественного для “алгоритмистов” отдела, Александру Владимировичу Коршунову, начальнику автомобильной службы, доброй души человеку и образцовому – для меня – офицеру... У этих ветеранов можно и должно учиться мастерству, брать пример и службы и служения.

Некоторые славные традиции Управления корпуса, увы, теряются или уже утеряны – тут я трезвый реалист. Но хотелось бы пожелать всем вам, остающимся “в рядах”, чтобы эти печальные процессы замедлились, а вы бы добавили своего огня души. И еще – желаю вам, чтобы вас не победила рутинка. Помните, что у наших войск было блестящее прошлое и все еще остается крепкий – и материальный и духовный – фундамент. Будете помнить и знать об этом – будет у нас и уверенное будущее.

Благодарю вас. Здравия вам желаю! До свидания!»

Может быть, из сказанного надо прояснить – для будущих историков, если таковые, впрочем, еще найдутся, – только два словоупотребления. За словом «востребованность» стоит, конечно, естественное желание любого профессионала, чтобы его умения и труды были использованы и, что называется, замечены, а если еще и оценены, то хотя бы зарплатой, раз в месяц получаемой (но так ли было в 90-е годы?!). А то, что обозначено эвфемизмом «рутина», яснее ясного обозначилось в нашей армейской жизни и даже грозило стать едва ли не главным и единственным, когда высокие горе-реформаторы попытались «скрестить ежа и ужа» и включить силы и средства РКО в состав РВСН. У нас и раньше хватало «бумаг» и всякой отчетности (оно и понятно – иерархический принцип управления в армии того просто настоятельно требует), но тот вал формалистики и бюрократического усердия, который обрушили «ракетчики» на «этих противоракетчиков», не поддавался уже никакому сравнению. На самом деле, конечно, здесь столкнулись две принципиально разные школы военного строительства, а мы, исполнители «велений свыше», оказались свидетелями и жертвами этого совершенно ненужного катаклизма. Для многих офицеров Управления корпуса, как и для меня, данное переподчинение стало – как ни

жаль было уходить, – главной причиной увольнения из Вооруженных Сил. Нисколько не колебался в своем решении даже тогда, когда предлагалось перейти на весьма элитную службу в Научно-технический совет РВСН. – Но не будем о грустном. Теперь, когда снова возрождается структура Космических войск и совершенствуются организация Войск ПВО (не знаю, какие новые названия-номинации здесь еще будут), хотелось бы верить, что подобный печальный опыт недавнего прошлого только поможет сберечь подлинное лицо и укрепить подлинные традиции нашего общего дела.

Эпизод второй – борьба с «ложняками»

Много чем приходилось заниматься в эти годы, и многие (порой чрезвычайно запутанные и, смело скажу, сложные) технические, инженерные и военные «ребусы» пришлось разгадывать, да. Но особенно памятна первая и архитрудная задачка, с которой пришлось столкнуться уже в 1974 году, едва начав программистскую службу – борьба с «ложными баллистическими целями» (ЛБЦ), или «ложняками» или, как мы по-свойски их именовали, «лебедями» или «птицами» (аналогичные «птицеводческие» проблемы многие годы занимали наших коллег на Кубинской РЛС и, конечно, на радиолокационных станциях СПРН). Это, похоже, как первая любовь – разве ее забудешь...

А вот ситуация поначалу была – хуже некуда. Тогда шли заводские испытания СРЛС–61, и не было практически ни одного дня «работы в эфир», чтобы станция не «завязывала» траекторий ЛБЦ. Дело усугублялось тем, что явно не хватало

информации для анализа причин их, «ложняков» этих, появления, ибо довольно долгое время они фиксировались лишь визуально (по средствам индикации). На это безнадежное дело меня и снарядил начальник отдела подполковник Сыроватский Анатолий Сергеевич: ступайте, лейтенант, дело для нас новое, разбирайтесь, думайте, добывайте данные – где, когда и почему, скоро отвечать придется... Следует прибавить для полноты картинку, что требованиями ТУ на РЛС «Дунай–ЗУ» задавался тогда совершенно

смехотворный уровень ложных тревог – не более одной атакующей цели в сутки (!), на цели же «пролетающие» вообще никаких ограничений не накладывалось. О чем думали господа заказчики и каким именно местом, не знаю (хотелось бы, право же, посмотреть, как чувствовал бы себя тот командир, у которого вверенная ему боевая система каждый день начинает разворачивать перехват несуществующей цели противника, или же радиолокационные средства системы аккуратно раз в смену высылают на КП СПРН сообщения вроде как «ракетного нападения»). Ясно только, что отсутствие жестких требований к частоте появления «ложняков» было одной из причин того, что проблема ЛБЦ была довольно слабо проработана уже на уровне проектирования. Фактически не была она разработана и в «большой» теории, – если не считать одного параграфа в учебнике, где учили тривиальным расчетам вероятности правильного обнаружения и ложной тревоги по заданному отношению сигнал-шум и порогу обнаружения. Словом, вся надежда была на практическую отработку. А где практика – там и «войска» (если они хорошо обучены) пригодились.

Первым делом удалось убедить нашу «промышленность» в настоятельной необходимости расширить и развивать боевое документирование, чтобы было с чего заняться подробным анализом причин и особенностей «ложняков».

Вершиной достижений в этой области стало введение непрерывной циклической записи на магнитных дисках практически всей траекторной информации и технического состояния аппаратуры, а также создание мощных – по объему не меньших, чем боевые программы, – вспомогательных программ обработки этой обширной информации; многие наши офицеры эффективно работали над созданием такой системы. Попутно – и энергично, без раскачек, – нужно было осваивать все нюансы функционирования сложной аппаратуры РЛС, тут же, у нас на глазах возводимой, дорабатываемой и «доводимой до ума». Довольно скоро стало понятно, что мы, военные программисты, стали своеобразными глазами, которые постоянно учились (и, надо сказать, научились) видеть, чем и как живет создаваемая РЛС во всех мыслимых режимах работы и немыслимых ситуациях.

В сложных системах все диалектически связано, потому, занимаясь «ложняками», нельзя было забывать и прямо противоположной задачи, – ведь сколько ни вводи всяческие браковки и «ловушки», а реальную баллистическую ракету нельзя ни в коем случае пропустить или забраковать. Поэтому не менее сложному процессу анализа следовало подвергать многочисленные результаты проводок реальных ИСЗ и пусков БР, причем и того и другого было в (пере)избытке. Думаю, за время работ по совершенствованию боевых алгоритмов и программ Чеховской РЛС мне и моим друзьям-соротникам пришлось тщательно (и часто – не по одному разу) «перелопатить» и проанализировать несколько сотен распечаток подробнейшей информации по «ложнякам» и явно больше тысячи – по реальным проводкам. Это была хорошая, почти идеальная, но и весьма трудная школа анализа.

Надо сказать, что нашлось много направлений доработок, позволивших в итоге оптимально решить на РЛС «Дунай-3У» задачу гарантированного обслуживания реальных целей вместе со сведением практически до нуля – убедительный факт последних (уже довольно многих) лет, – частоты формирования ЛБЦ. И сама трудность и увлекательность этой глобальной задачи, так уж «по жизни» получилось, определенным образом сформировала и воспитала, между прочим, целое поколение офицеров-профессионалов, способных соответствовать высоте возникающих проблем.

По направлению развития автоматических функциональных контролей и комплексных проверок РЛС особо назвал бы алгоритмы непрерывной проверки системы массового обслуживания по имитационным сигналам, а большей части кибернетического тракта и радио-тракта – по контрольно-имитационным траекториям. Здесь со стороны нашего отдела много

поработал, к примеру, А.В. Цаплин – воинские звания здесь и далее не буду указывать, поскольку они постепенно менялись; в дальнейшем Анатолий Васильевич проходил службу в 45 ЦНИИ МО, руководил там отделом вычислительных средств, а потом, по увольнении из Вооруженных Сил, он возглавил большое направление конструкторских работ НИИРПА.

Существенно дорабатывались программы «грубого» канала станции, ответственного за предварительное обнаружение групповых целей и подавление помеховых областей. Здесь особенно отличились и в изучении программ, и в их разработке и доработке офицеры О.В. Сивцов и С.Н. Амелин; второй из них, попутно отметим, также успешно служил впоследствии в 45-м институте и занимался там очень ответственной и сложной проблематикой.

Важнейший вклад в решение задачи повышения достоверности траекторной информации и снижения уровня ложных тревог внесла идея двухканальной системы сопровождения одиночных целей каналом массового обслуживания и трактом точного измерителя координат (ТИК). Алгоритмы обработки информации двумя независимыми каналами и организации специальных режимов работы ТИК долгое время совершенствовались на РЛС. И на этом серьезном направлении исследований и доработок тоже много потрудились наши ребята; из них особо надо бы выделить А.В. Иванова (в дальнейшем, после хорошей «чеховской» школы, Александр Владимирович прославился как один из лучших научных сотрудников НИИ-2 в Твери) и Н.М. Епанешникова (пройдет время, и Николай Михайлович успешно защитит диссертацию в ВИРГА на тему борьбы с ответно-импульсными помехами, а потом возглавит кафедру по нашей специализации в Пушкинском военном институте).

Но наибольшее количество новшеств и доработок по борьбе с «ложняками» было введено в боевых программах баллистической обработки и классификации целей, по которым мне пришлось, а точнее сказать, очень даже повезло специализироваться. Тут мы работали в тесном и, не побоюсь этого слова, творческом контакте с учеными НИИДАРа Евгением Ивановым (классификация) и Владимиром Радченко (баллистическая обработка), а из наших офицеров отдела чуть более младшего, чем я, поколения стремительно вырос в прекрасного программиста П.К. Турыгин. Потом таланты Павла Константиновича тоже пригодились в 45-м институте, да и позднее, когда полковник Турыгин уволился из Вооруженных Сил, он нашел себя в очень востребованной роли системного программиста в такой многозначительной организации, как Рособоронэкспорт.

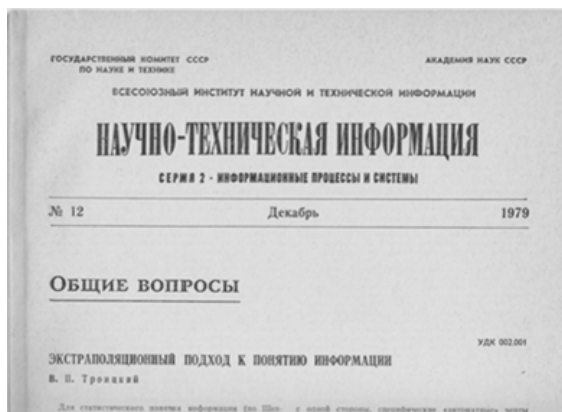
Коллективными усилиями «промышленности» и военных программистов были довольно быстро побеждены причины и источники ЛБЦ, лежащие, так сказать, на поверхности, – это различные искажения из-за аппаратурных сбоев и завязки траекторий по шумам, внутренним и внешним. А вот реальная (наличная) космическая обстановка – по мере накопления опыта дежурства РЛС, – все продолжала и продолжала усложняться и преподносить сюрпризы. Особенно много хлопот дали космические аппараты больших размеров (вроде наших орбитальных станций «Салют» или «Мир», и американских разведчиков «КХ-11» или «Лакросс»), все чаще выводимые тогда на орбиты вокруг Земли. В самом деле, если локатор создан прежде всего для того, чтобы обнаружить малую цель, явно меньше одного квадратного метра площадью (так выглядит боевой блок ракеты при зондировании со стороны его заостренной части) да чтобы на расстоянии, желательно, нескольких тысяч километров, и под эти условия много чего сделано-заточено и в аппаратуре и в боевых программах, но тут вам предьявляют реальную цель с эффективной поверхностью рассеивания (ЭПР) в несколько сотен или даже тысяч квадратных метров, да еще почти над головой, на высоте в несколько сот километров, – тут заранее и дураку ясно: быть проблемам!

И проблем нашлось много, даже с избытком. Космические объекты с большими размерами явились своеобразным рентгеном, который высвечивал различные конструктивные дефекты и особенности РЛС, приводившие к формированию траекторий «ложняков». Как правило, эти свойства антенных и приемных устройств уже нельзя было улучшить аппаратурными доработками (ибо всякая, даже самая хорошая и дорогая антенна будет иметь «боковики», и у всякого гетеродинного приемника обязательно найдутся паразитные «биения»). Потому только программно-алгоритмическими мерами удалось селективировать ложные траектории, построенными за счет «боковиков» по углу места или по азимуту. В итоге появился довольно изощренный механизм так называемых антистробов, – новое слово в обработке радиолокационной информации. Долгое время не давали житья еще и «комбинационники» и «дифракционники», как мы называли их для краткости, – ложные траектории, построенные по отметкам сложной комбинаторной природы, и появляться они могли от чего угодно: от «Шаттла» на высоте 350 километров, от самолета в ближней зоне или от ИСЗ с большой ЭПР, даже не влетевшего в сектор ответственности станции. Вместе с инженерами от «промышленности» и нашими умельцами из отделов эксплуатации аппаратуры мы, как правило, долго разгадывали ребусы их появления. Но как только становились понятны причины

(объяснительные механизмы) таких «ложняков», мы принимались искать (и всегда находили) характерные особенности подобных целей, траекторные и сигнальные, которые могли быть основой для их автоматического выявления и последующей браковки. Собственно, на этом направлении – выражаясь алгебраически-кратко, на задаче правильного отображения сигнатур (признаков и свойств) ложной информации на поле решающих правил траекторной обработки и классификации целей в боевых алгоритмах, – мне и пришлось вполне плодотворно работать многие годы. Должен прибавить, что в этой работе активно и эффективно участвовал также подполковник А.А. Романенков; ему досталось довести до блеска введенные ранее алгоритмические меры борьбы с ЛБЦ, а также – сосредоточиться на повышении качества информации, выдаваемой на ЦККП (нет, скажу сразу, Александр Алексеевич не работал впоследствии в 45-м институте, хотя и мог бы, как многие наши коллеги; его инженерная интуиция и таланты организатора пригодились после увольнения в запас на различных высоких должностях государственной службы, а также в сфере современного заводского производства).

Впрочем, некоторые алгоритмы и методы борьбы с «ложняками», внедренные нами на РЛС «Дунай», носили достаточно универсальный характер. Назову несколько, из самых любимых и в определенном смысле красивых, которые мне довелось придумать и реализовать. Это, к примеру, алгоритм определения аномальных замеров и обнаружения маневра (в основе которого – оценка разности измеренной и экстраполированной дальности до цели), родившийся из комплексного рассмотрения особенностей траекторий трех больших классов: «ложняков», реальных баллистических целей и ожидаемых характеристик маневра в космосе и атмосфере. Между прочим,

некоторые тогдашние размышления над общими свойствами и законами процессов прогнозирования однажды заставили обратиться к теории информации: одна из первых моих научных публикаций в открытой печати, научная статья «Экстраполяционный подход к понятию

информации» вышла в академическом журнале «Информационные процессы и системы» в 1979 году. Не без удовольствия вспоминаю веселый анекдот из той жизни, с публикацией связанный, – когда главному инженеру нашей части полковнику Назарову Николаю Михайловичу кто-то показал журнал с упомянутой статьей, тот энергично и, как всегда, экспрессивно-запоминаемо выразился: «Нет, не может быть наш В.П. Он же не знает таких слов!..»

Это, далее, алгоритм селекции ложных целей по спектру принятого сигнала: использовав некоторые конструктивные особенности цифровой части приемного устройства РЛС (квантизаторов), удалось с помощью системы простых неравенств в программе отделить «по внешности» реальный отраженный сигнал от широкополосной помехи. Идею такой спектральной селекции, справедливости ради отмечу, выдвинул в ходе очередного нашего «мозгового штурма» один из разработчиков приемного устройства О.Г. Селиверстов (пообещав при этом, что на следующей, новейшей РЛС он эту идею обязательно реализует в аппаратуре, но пока...), а вот ее неожиданно простую программную реализацию довелось придумать и внедрить мне.

Это, наконец, алгоритм классификации траекторий сгорающих (тормозящихся в плотных слоях атмосферы) ИСЗ. Вот особенно интересная и поначалу чрезвычайно трудная оказалась задача! Ведь это были пусть и редко появляющиеся, но совершенно натуральные космические объекты, поэтому на них не распространялись многочисленные браковки, введенные по прежде выявленным «ложнякам». С другой стороны, их следовало признавать ложными, потому что они никого не собирались атаковать, хотя их траектории схода с орбиты и были похожи на траектории баллистических ракет, и даже экстраполированная «точка падения» могла оказываться вблизи обороняемого района. А еще выяснилась малая эффективность – причем как раз в интересующей нас части, – алгоритмов и программ распознавания сгорающих ИСЗ, реализованных на ЦККП, которые вроде бы должны были помогать в этой проблеме. Дело в том, что выявленный у нас тип сгорающих ИСЗ, как показал анализ, следовало относить к «малоинформативным» объектам, которые в силу ряда особенностей, в первую очередь из-за малой геометрической величины (достаточно малой, чтобы его наблюдение и каталогизирование было очень проблематично) практически не были представлены в Главном каталоге и потому не попадали в кандидаты на сход с орбиты. И вот высокопотенциальная РЛС «Дунай–3У» иногда действительно честно «видела» эти сгорающие небольшие объекты, и они действительно составляли немалую угрозу... Решение проблемы оказалось простым и

ясным. После довольно долгих и мучительных поисков каких-либо особых траекторных свойств сгорающих ИСЗ ничего явно специфичного добыть не удавалось. Не считать же таковыми тривиальные условия малой высоты полета (в районе 100 километров и ниже) и наличия отдельных, далеко не всегда устойчивых, признаков торможения (по критерию аномальных замеров). И вот пришлось как-то «на всякий случай» взять в руки одну переводную книгу по небесной механике и тут же найти в ней – как молния сверкнула! – будничным комментарием о том, что обычно ИСЗ, начиная тормозиться в атмосфере, от витка к витку переходят от эллиптически-вытянутой орбиты ко все более круговой, и уже с «почти круговой» – окончательно «ныряют» к Земле. Что и требовалось: надо вычислять угол входа цели⁶⁹, у сгорающего ИСЗ он должен быть весьма мал, единицы градусов. У «нормальной» ракеты, даже при движении по настильной траектории, таких углов быть не может – критерий браковки стал ясен. Программа селекции сгорающих ИСЗ заняла в командной памяти нашей вычислительной машины всего десяток строк.

Эпизод третий – как мы «расширили сектор»

Нельзя не рассказать еще об одном этапе развития вооружения ПРО, состоявшемся при активном – правильнее сказать, решающем, – участии многих офицеров войсковой части 03863. Те памятные доработки и проверки, значительные по объему и, трудно даже сказать, какой ответственности, были проведены стремительно: решение Комиссии Президиума Совета Министров СССР по военно-промышленным вопросам № 435 «О повышении боевых возможностей радиолокационной станции “Дунай-3У”» состоялось 12 декабря 1983 года, сразу же работы начались на СРЛС-62 (в порядке отработки идей), в феврале – на СРЛС-61 (где доработки уже внедрялись), и к 8 мая 1984 года расширение секторов было технологически завершено.

Решение НАТО о размещении на территории ФРГ американских баллистических ракет средней дальности «Першинг-2» было весьма недвусмысленным: подлетное время таких ракет к Москве составляло чуть более 6 минут, и оснащались они «бетонобойными» ядерными боеголовками, специально предназначенными для поражения заглубленных командных

---

⁶⁹ Угол между вектором скорости цели и местным горизонтом. Самое веселое и приятное было то, что оценку такого угла (точнее, его косинус) как некую рабочую величину для определения орбитальных параметров уже давно вычисляла штатная программа баллистической обработки, так что мне нужно было только грамотно (и с благодарностью) воспользоваться «готовеньким».

пунктов – так явственно готовился, конечно, «разоружающий удар». Обстановка усугублялась тем, что при установке таких ракет в южной части Германии, в районе Мюнхена, траектории их полета вообще могли пройти «тихо», не попадая в сектор ответственности СРЛС–61, ведущей разведку космического пространства как раз в сторону Западной Европы.

Тут-то и пригодилось скромное рационализаторское предложение полковника Липатова Игоря Сергеевича (оно было сделано, между прочим, еще в 1979 году, когда аналогичное «расширение» могло пригодиться – но не понадобилось, – для организации возможного перехвата МБР, стартующих с северной части Китая), заместителя командира приемного центра по технической части. Увеличение размера сектора СРЛС по азимуту *на столько-то градусов* (для «покрытия» Мюнхена было достаточно) предлагалось осуществить путем расширения девиации частоты передающих устройств и перестройки полосы пропускания приемников на соответственное число МГц, а также сопутствующими доработками боевых программ вычислительного комплекса.

Началась круглосуточная (буквально) работа. Наши инженеры части были заняты доработкой и настройкой большого количества комплектов аппаратуры. Предметом особой заботы (и беспокойства – ибо особенно переживал Н.М. Назаров, технический руководитель работ) была тщательная проверка состояния передающих устройств станции, поскольку при работе на более высоких несущих частотах существовал немалый риск ухудшения их состояния, появления «подгаров» и т.п. Службой вооружения части под руководством полковника В.В. Тимченко все было организовано чрезвычайно слаженно и оперативно. А программисты приступили к «сопутствующим доработкам», о которых дорогой Игорь Сергеевич имел, конечно, самое приблизительное представление. Да и мы, даже в совокупных усилиях с разработчиками аппаратуры, многого заранее не знали и не предугадали, а потому пришлось изобретать свои технические решения буквально «на ходу». Надо отметить еще, что программно-алгоритмические доработки по «расширению» делались, ввиду срочности и важности задачи, в особом режиме: все решения и согласования принимались прямо на месте. На объекте с этой целью постоянно присутствовали представители от Главного конструктора и от 45-го института, изменения оформлялись в рабочем порядке записями в ЖИО (журнал изменений и отступлений от технической документации) и скреплялись целым сонмом подписей ответственных лиц. И еще отмечу одну характерную деталь: никогда больше мне и моим коллегам-соратникам не приходилось заниматься отладкой программ в такой обстановке, когда у тебя за спиной, деликатно стараясь не

мешать, то и дело прохаживаются генералы из Главкомата или из военных научно-исследовательских институтов...

Первым делом были получены и изучены исходные данные по возможным вариантам ракетно-ядерных ударов «Першингов», как одиночных, так и групповых, из районов базирования в окрестностях городов Бремен, Маннгейм и Мюнхен. Все эти траектории вводились в программу комплексной модели станции (КМС) и потом несчетное число раз «прокручивались» для проверки наших доработок. Отмечу, что программа КМС целиком обслуживалась «промышленностью», мы к этому тонкому инструменту касательства не имели, и потому на главного разработчика модели Костю Кушнарченко и его главного помощника Ирину Черемхину пришлось очень серьезный объем работы, и они с этим успешно справились.

Потом, когда стала обильно поступать уточненная информация о реальной (текущей) дислокации американских ракет в Германии (на боевом дежурстве у них находилось, оказывается, 27 пусковых установок, по одному дивизиону возле городков Швебиш-Гмюнд, Ней-Ульм и Неккарзульм, а всего, как выяснилось, приготовлено около 380 ракет – куда как всерьез затея!), была заложена и такая информация, ее мы тоже с немалой пользой «прокручивали» для проверок и отладок. Все эти многочисленные траектории стали нам как родные, мы почти наизусть помнили их параметры и твердо представляли, на какой секунде полета где и что происходило бы на СРЛС–61.

Громадный объем статистики, как и следовало ожидать, пришлось собрать по уточнению потенциала и точностных характеристик СРЛС (совершенно необходимая задача после массовой перестройки аппаратуры), для чего потребовалась обработка информации по множеству проводок юстировочных и калибровочных ИСЗ, – и этим занимался только наш отдел. Отвечал в целом «за точности» ст. лейтенант Романенков А.А., а «за потенциал» – капитан Епанешников Н.М. Эти же проводки использовались для натурального уточнения размеров азимутального «расширения».

Немало пришлось дорабатывать и собственно боевые программы. В-первых, были откорректированы граничные параметры секторов ответственности и введена (после набора солидной статистики) новая аппроксимация угло-частотной зависимости для «расширенной» части. Пришлось, в связи со сдвигом азимутального края, уточнять алгоритм проверки точных измерителей координат по имитационным сигналам и критерии обнаружения активных шумовых помех на краях сектора. Несколько тонких доработок удалось сделать в программах баллистической обработки, они были направлены на уменьшение времени обслуживания

траекторий парных целей в случаях, когда они стартуют с одной ракетной базы с малым интервалом между стартами. Для этого было принято решение ввести расчет координат экстраполированной точки старта и вырабатывать по этим координатам глобальный признак «Е», означавший факт старта ракеты с территории Западной Европы. По этому (весьма вроде тривиальному и одновременно какому-то очень неприятному «на слух») признаку и организовывались всевозможные ускорения обработки. Наконец, для целей типа «Першинг-2» было введено несколько уточнений по логике выдачи специальных стандартных сообщений от СРЛС на КП СПРН, ввиду опять-таки их особой важности.

И на всех этапах доработок многократно, для различного типа проверок «прогонялись» модели ударов – сначала автономно, в пределах СРЛС, затем во взаимодействии с ГКВЦ (где тоже шли обширные доработки под задачу эффективного перехвата «Першингов») и с КП СПРН. Помню, какими нервными и трудными проходили нередко эти системные стыковки (они шли, с небольшими перерывами, весь 1984 год), ведь за каждый сбой аппаратуры или за какую-либо неясность в поведении СРЛС в ходе цикла моделирования учинялся серьезный разбор и предъявлялись претензии, требующие немедленного устранения.

И – справились. Тогда особенно некогда было сомневаться и удивляться, а теперь удивляюсь: как много было сделано и в столь сжатые сроки! И столь в конечном итоге полезно: американцы вскоре убрали свои ракеты. Не без оснований могу предположить, что наша – офицеров войсковой части 03863, – техническая и специальная подготовка весьма способствовала ускоренному решению *большой проблемы* «Першингов».

Многие участники доработок по «расширению», в том числе и офицеры нашего отдела, были награждены правительственными наградами и получили (немаленькие) премии Министра обороны. К сожалению, не все достойные были по достоинству награждены, хотя бы потому, что для оценки этой неординарной работы, по-настоящему приближенной к боевой, были применены стандартные, вполне обычные «разнарядки». И еще не у всех была совесть (догадайтесь с одного раза, начальник какого учреждения, максимально далекого от «расширения», получил в награду весьма заметный орден?). Приведу имена всех офицеров отдела боевых алгоритмов и программ войсковой части 03863, активно участвовавших в этой эпопее: подполковник Кударис А.И., автор этих строк – тогда майор, капитаны Турьгин П.К., Епанешников Н.М., Амелин С.Н., ст. лейтенанты Цаплин А.В., Романенков А.А., Линкевичиус С.П.

Эпизод четвертый – опыт работы со сложными системами

Строго говоря, это, конечно, не очень правильно называть каким-то эпизодом: предлагаемые ниже рекомендации оформлялись и накапливались медленно, за многие годы работы на сложных системах вооружения. Другое дело, что просуммировать их и придать им более-менее законченную форму можно в едином акте, однажды взять и изложить. Такая попытка – поделиться опытом работы со сложными системами, – и предлагается ниже (один раз уже приходилось это делать – в упомянутой монографии о диалоге со сложными системами).

Сложная система всегда выступает как некоторого рода антипод по отношению к простой системе. Поэтому и общаться со сложными системами, действовать в их окружении надо не так, как с простыми. Такова общая установка, и ее предлагается воплотить в нижеследующем перечне *рекомендаций-эвристик* с минимальными пояснениями. При этом «аксиомы» из области простых систем (именно от них мы будем отталкиваться) как раз и требуется отрицать, оказавшись один на один перед сложной системой. И да простится несколько повелительная форма наших рекомендаций, поскольку без усилия и немного невежливого нажима нельзя преодолеть инерцию навыков, почерпнутую в привычном мире простых решений.

1. *Нужно быть готовым к чуду* (противоположная аксиома, как известно, гласит: «чудес на свете не бывает»). Неторопливая игра с вероятностями, в которую нередко забавляется реальная жизнь, однажды дает неожиданный результат. В случае длительной эксплуатации технических средств и вооружений, при наличии вечно обновляющегося и усложняющегося потока входной (внешней) информации, увеличивающегося с течением времени потока неисправностей, а также под воздействием почти не устранимого субъективного фактора, – ошибок в программах, неверных действий операторов, идейных просчетов со стороны конструкторов, – однажды обязательно происходит самое диковинное и непредсказуемое. Чудо укоренено в самых недрах сложной системы.

2. *Ищи на краях* (противоположна этому обычная ориентация на усредненные характеристики и типичные, массовые явления). Как правило, трудно обнаруживаемые ошибки и недочеты в программах соответствуют неким предельным сочетаниям параметров, а трудно отыскиваемые неисправности возникают на стыках совместно работающих устройств. Полезно также – в трудных случаях, – временно забывать об уже имевших место прецедентах и пытаться строить свежие гипотезы, исходя из поговорки «новая бомба в старую воронку не падает».

3. *Не допускай скрытых факторов* (тогда как классическая наука свято чтит принцип «черного ящика», да и в области освоения техники самый типичный подход таков: знать, что поступает на вход «ящика» и что должно быть на выходе, а что, как и почему работает «внутри», мол, не для нас). Документировать ход и результаты работы сложной системы нужно как можно подробнее и глубже, причем важно фиксировать информацию с запасом, на всякий случай. Следует отдавать приоритет графической наглядности данных в противовес столбцам цифр и мешанине малопонятных и многочисленных аббревиатур – там легко заплутает истина.

4. *Умей думать нелогично* (вопреки принципу «этого не может быть, потому что этого быть не может»). Как известно, все гладко только на бумаге, да и то, если имеешь дело с простыми либо штатными ситуациями. Заданная логика работы сложной системы в реальной жизни нарушается по многим причинам, будь то скрытые неисправности аппаратуры, ошибки – до поры не найденные, – в программах или несанкционированные действия оператора; сюда следует прибавить и такое недавнее приобретение цивилизации – результаты действия хакеров и электронных вирусов. Недаром специфическая область организационно-технических мер в обиходе именуется «защитой от дурака», а дурак действует именно нелогично, по-своему, по-дурачки.

5. *Не доверяй автоматическим контролям* (типично как раз обратное, и контрольных программ, как правило, всегда много, что создает некоторую иллюзию благополучия). Зачастую анализ работы «сложной» системы строится, своего рода, в идейном вакууме, т.е. без учета слабых сторон функциональных контролей и очевидной недостаточности программно-алгоритмических «ловушек». Идеальных же контролей попросту не может быть уже по той причине, что любой из них предполагает неизбежное огрубление и усечение области проверок, реальная же действительность неумолимо перебирает и достигает все точки в необъятном пространстве всех и всяческих сочетаний, обстоятельств и возможностей.

6. *Не будь одноким* (консерватизм же – до некоторого рода автоматизма и следования привычным стереотипам, – характерен для большинства профессионалов). При выдвижении предложений, направленных на улучшение какой-то характеристики сложной системы, следует думать о возможных последствиях для других характеристик. Печальный опыт данной эвристики давно и четко оформился в известной сентенции «лучшее – враг хорошего». При этом опасно ограничиваться одной или малым количеством гипотез: зачастую кажущееся самым

очевидным будет самым далеким от сути дела. Всякий раз надо стремиться увидеть и обозреть всё «поле возможностей».

7. *Повторяй пройденное* (вопреки типичному прогрессизму «вперед и к новым рубежам» и убеждению, что «это ты хорошо знаешь»). К большинству решений и реализаций их автору либо последователям полезно обращаться вновь, так как прежние свершения могут оказаться или а) просто ошибочными или устаревшими, или б) поучительными в новой ситуации. Умнеть подле «сложной» системы приходится постоянно. Только есть одна тонкость – куда легче передается опыт (навыки и наблюдения), чем метод (убеждения и знания фундаментального характера); но методы и не устаревают так быстро, как теряет смысл и значение эмпирический опыт.

8. *Не верь показаниям очевидцев* (традиционно считается, что «лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать»). Следует критически относиться к фактам, описываемым по первым впечатлениям, поскольку вероятны ошибки именно и, прежде всего, в экстремальных ситуациях (а рядовые ситуации не интересны и без очевидцев). В исключительных случаях конфликтного характера реален и сознательный обман. Одно из следствий: нужно документировать как можно больше информации, в том числе – о действиях и присутствии лиц обслуживающего персонала («для прокурора»).

9. *Бойся доработок* (но доработки на больших системах делаются и постоянно, и с явной надеждой, что во благо). Бояться их следует не из консервативности как таковой, а в силу правил игры со сложной системой: всегда в ней найдутся некие неучтенные, «паразитные» и вовсе никому не известные связи, которые приведут однажды к неожиданным эффектам. Поэтому изменения надо подвергать всесторонним и, что немаловажно, длительным проверкам. И если, скажем, во вновь созданной программе не найдено или не видно слабых сторон, эта программа – абсолютно точно – не слишком хороша.

10. *Не соблазняйся красивыми идеями* (обычно же пристрастия конструкторов носят эстетический и вкусовой характер). Легко реализуемая на бумаге идея часто оказывается громоздкой, а то и нелепой в практической реализации. Причин тому много, начиная с недоучета реальных ограничений на ресурсы и вплоть до метафизической оторванности просто устроенного мира теоретических эмпирей от сложного мира земной эмпирики. Творчество ради творчества часто (если только не для защиты диссертации) малополезно, ибо красота и сложность находятся друг с другом, мягко говоря, в непростых отношениях.

11. *Умей встать на чужую позицию* (позитивизм и индивидуализм – два «кита» европейской культуры – учат и диктуют в первую очередь

выделять точку зрения «наблюдателя»). Нельзя рассматривать сложную систему только под одним фиксированным углом зрения; по меньшей мере, разработчик должен увидеть свое детище глазами эксплуатационника, а последнему приходится вставать на место первого при поисках ответа на неизбежный вопрос «почему так сделано?». В особо трудных случаях может помочь редкостный (ибо трудный в реализации) прием эмпатии, когда надо подумать за саму систему, поставить себя на ее место.

12. *Знай, что любые знания пригодятся* (в противовес стандартам современной специализации и все более очевидной тенденции строить жизнь по принципу муравейника – каждый отвечает только за свой маневр). Необходимость работы со сложной системой вообще ставит задачу безудержного и почти неразборчивого накопления многообразных сведений и навыков. Эрудиция, фантазия и изобретательность по необходимости соединяются на этом же поприще. Если поведение сложной системы, по определению, не может до конца прогнозироваться, то нельзя и заранее сужать круг необходимых знаний в сфере ее задач и назначения.

Предлагаемый перечень системотехнических рекомендаций-эвристик может быть полезен уже своим наличием: как помощь в одолении мешающих стереотипов. Поэтому, думается, его полезно иметь просто на рабочем столе под стеклом. Однако некоторые из рекомендаций могут быть или напрямую реализованы, или существенно учтены при создании новых сложных технических систем. Такого рода примеры мне уже известны, ибо первоначальная версия этих рекомендаций однажды публиковалась⁷⁰.

Теперь продвинемся в этом рассказе-размышлении несколько ближе к сегодняшнему дню. Описание следующего эпизода будет посвящено программистской работе и службе, проходившей на новой системе ПРО. На самом деле, событий и свершений было здесь немало, но о них, пока не прошло достаточно много времени, еще не следует повествовать. Уверен, у нашего оружия, у нашей системы вооружения и, следовательно, у нашего воинского соединения впереди достойное будущее, и этому будущему не нужно мешать даже неосторожным словом. Потому выбираю тот эпизод, который уже получил достаточно большую «огласку» и оброс всякого рода легендами, а еще он, между прочим, вполне позволяет обрисовать упомянутое будущее одним, пусть небольшим, но ярким мазком.

---

⁷⁰ Первая публикация: *Троицкий В.П.* Диалог со сложными техническими системами. – Тверь: Издание ВКА ПВО им. маршала Г.К. Жукова, 1996. – С. 51–56 (раздел «Двойственные эвристики»). Решающие уроки для успешного обращения с познавательными эвристиками были преподаны мне Ю.А. Шрейдером, см. его фундаментальную работу чисто-философского характера «Сложные системы и космологические принципы» (Системные исследования. 1975).

Эпизод пятый – как мы «ловили шарики»

Речь пойдет здесь о нашем участии в российско-американском космическом эксперименте ODERACS (февраль – март 1994 года) и о том успехе, который до сих пор вспоминают, когда хотят похвалить нашу чудотехнику. А надо бы, так и хочется прибавить, воздать должное еще и тем людям, которые обеспечили данный успех. – Но обо всем по порядку.

Название программы эксперимента было образовано по первым буквам английской фразы: *Orbital DEbris Radar Calibration Spheres* – «орбитальные радарные измерения калиброванных сфер». Специальное выбрасывающее устройство на прецизионных пружинах, расположенное на борту МКК «*Discovery*» (кстати сказать, в экипаже «Шаттла» тогда впервые летал российский космонавт – Сергей Крикалев), по особой программе запускало эти самые калиброванные сферы, по два экземпляра каждого типа: стальные полированные монолиты диаметром 2 и 4 дюйма (соответственно, диаметр 5,08 и 10,16 сантиметров, а вес 0,53 кг и 1,79 кг) и полые полированные алюминиевые сферы диаметром 6 дюймов (или 15,24 сантиметра, весом 5 кг). Скорость выталкивания составляла от 1,4 до 3,4 м/с. В итоге образовывалась цепочка малоразмерных целей, в которой впереди двигалась пара 10-сантиметровых, затем пара 5-сантиметровых, потом – 15-сантиметровых сфер, и вся конфигурация металлических «мусоринок» неуклонно удалялась от МКК все дальше и дальше в открытый космос. А радиолокационные средства на Земле, наши и американские, должны были эти цели (получалось – наперегонки) обнаружить и каталогизировать. Итог таков: с 15-сантиметровыми сферами справились все участвующие средства двух стран, 10-сантиметровые «увидели» три наших локатора – РКЦ «Тобол» (войсковая часть 28000), СРЛС «Дунай-3У» и МРЛС «Дон-2Н», а также американская «*Cobra Dane*» на Аляске, 5-сантиметровые – оказались «по зубам» только нашему «Дону» (точно не знаю, но вроде бы разрозненные отметки от самых малых сфер смогла «зацепить» также экспериментальная установка *FGAN* на территории Германии, работавшая в благоприятном для этих целей миллиметровом диапазоне). Самое время и место рассказать теперь, как этот результат был достигнут.

Для начала следует отметить, что нам никто не помогал: ни разработчиков и идеологов от НИИРП и РТИ, не «методистов» от 45-го ЦНИИ за весь примерно месячный период работ по *ODERACS*’у замечено не было (основные доработки и испытания на системе А-135 были уже завершены, обеспечивалось опытное дежурство системы силами войсковых частей корпуса). Буднично поступило общее указание вышестоящего штаба

«обеспечить работы», мне лично генерал-лейтенант Н.П. Карташов поручил эпически кратко: «Ну, делай, как знаешь», и мы поступили, – как знали. Надо сказать, что американцы «удружили» нам, выполнив запуск «Шаттла» и отстрел своих микро-сфер таким образом, что эти космические объекты долгое время проходили в зонах действия наших радиолокационных средств только по ночам, причем в самое «глухое» время – от 3 до 6 часов утра. Потому нашей дружной команде приходилось ночью пытаться «ловить шарики», днем заниматься – как обычно и как все, – повседневной армейской деятельностью и, одновременно, готовиться к очередной ночной эпопее, успевая делать новые расчеты, готовить доработки и «отбиваться» по телефонам от всех интересующихся, как тут у них идут дела. Помню, наше появление в здании «пирамиды» традиционно встречалось бодрым докладом оперативного дежурного войсковой части 03523 оперативному дежурному корпуса (по громкоговорящей связи хорошо ведь все слышно): «На здание прибыл ночной кошмар полковник Троицкий!», – и смех и грех.

Первым включился в работу наш «Дунай», СРЛС–61 и СРЛС–62. Поскольку станции вели непрерывную разведку космического пространства в заданных фиксированных секторах и не нуждались в специальном целеуказании, оставалось только ждать, когда цели достаточное количество раз пройдут через их сектора и произойдет обнаружение тех или иных сфер. Впрочем, ждали не пассивно, и подготовкой к встрече с американским «подарком» успешно руководили начальник отдела боевых алгоритмов и программ Чеховской части подполковник А.А. Романенков и А.Е. Туркенич от НИИДАР: поскольку предварительные расчеты показали, что штатного потенциала станций может не хватить для устойчивого обнаружения сфер в 10 и 15 сантиметров (а на «пяточки», по безнадежности затеи в дециметровом диапазоне волн, и не замахивались), перед началом проводок провели дополнительные регулировки приемных устройств. С помощью штатных настроек немного повысили общий коэффициент усиления, и этого с лихвой хватило. Заодно наши программисты отработали идею ускоренной классификации целей с малой величиной ЭПР по признаку «ИСЗ», которую через некоторое время окончательно внедрили в боевую программу. Данный алгоритм обработки информации по «короткоживущим» (сопровождавшимся достаточно малое время) космическим объектам – вот уже и прямая польза от эксперимента *ODERACS*, – позволил в дальнейшем существенно улучшить характеристики потока ИСЗ, выдаваемого на ЦККП, в частности, по так называемому проценту идентификации в Главном каталоге.

После того, как информация о сферах прошла от «Дунаев» на ЦККП и там эти космические объекты удалось каталогизировать, стало возможно

подключение к эксперименту РКЦ. Получая от ЦККП целеуказания по сферам (15-ти и 10-ти сантиметровым), наш «старинный» локатор в штатном режиме успешно их обнаружил и сопровождал. Убедившись, что здесь все в порядке, больше мы эти средства к работам не привлекали. Как жаль, что совсем скоро – стоило ли стараться?! или не надо лишний раз «напоминать о себе»? – было принято «очень экономичное» решение о снятии с вооружения и последующем демонтаже радиолокаторов канала цели старой системы ПРО. И сломали-таки эти тончайшие и красивые, как скрипка, эти надежнейшие инструменты, совершившие столько славных дел и еще на многое способные! А ведь их недаром так любил Григорий Васильевич Кисунько: «Знакомы мне “скорлупки” эти, в которых вся моя душа...»⁷¹.

Параллельно с работами на «Дунае» и «Тоболе» разворачивалась деятельность нашей группы на «Доне» и КВП. Было весело! Поначалу ничего толком не выходило. Задача оказалась сложной, причем во многих отношениях. Мы стали получать от ЦККП целеуказания по «Шаттлу» в стандартном виде работы «Проводка ИСЗ» (ПРИ), но ничего, кроме не представляющей никакого интереса траектории самого «Шаттла», МРЛС не обнаруживала и не могла обнаружить: в узком стробе на фоне объекта с очень большой ЭПР «увидеть» сверхслабые сигналы было невозможно. А давать целеуказания по сферам, чуть в стороне от «Шаттла», ЦККП не мог – орбитальных параметров сфер еще не было в каталоге. Пришлось исхитряться самим: что называется, голь на выдумку хитра. Для этого очень пригодились программы расчета и прогноза траекторий ИСЗ, которые (прежде всего, для нужд автономных проверок МРЛС) уже разработал ранее офицер отдела боевых алгоритмов и программ войсковой части 03523 майор В.А. Смирнов. Он со своей архиполезной программой и стал для нас поставщиком нужной информации – вместо целого ЦККП (впрочем, раза два, когда в самый неподходящий момент выходили из строя магнитные диски со вспомогательными программами, приходилось работать совсем уж древним методом – с помощью обязательных шуток-прибауток, карандаша, линейки и кривых лекал для построения орбит на миллиметровке). Мы быстро научились считать параметры областей поиска для автономной проводки ИСЗ (режим АПРИ), без всяких внешних целеуказаний, и уже с этими областями экспериментировали на МРЛС для решения задач собственно обнаружения (о чем подробнее – чуть ниже).

---

⁷¹ Строчка из маленькой поэмы Г.В. Кисунько «Балхаш сверкает бирюзью...» (Кисунько Г. Секретная зона. Исповедь генерального конструктора.– М.: Современник, 1996. – С. 7).

Но в режиме АПРИ – не даром же он автономный – обнаруженные цели не поступали даже на КВП, не говоря уж о ЦККП, с которым есть информационная связь только от КВП, и эта связь инициировалась при задании штатного вида работы ПРИ. Поэтому пришлось создавать необычный гибрид из этих двух видов работ, АПРИ и ПРИ. Кроме того, тут же обрисовалась еще одна трудность: штатный вид работы ПРИ был задуман и построен по схеме «одно целеуказание – одна цель», что никак не подходило для случая, когда в области поиска могло обнаруживаться несколько объектов, вроде наших сфер. Значит, нужно было сделать доработку боевой программы КВП, обеспечивающую в режиме ПРИ выдачу групповой цели. С этими проблемами блестяще справился капитан Тагиев И.Ф. И вот последняя заковыка, которую одолели быстро, найдя до смешного простое решение: чтобы обнаруженные нами цели попали-таки в Главный каталог ЦККП, надо было, чтобы с их стороны был начат вид работы ПРИ, но вся беда была в том, что цепочка сфер уже проходила заметно в стороне, чем собственно «Шаттл», целеуказание от ЦККП по нему слишком запаздывало бы, – и вопрос решился выдачей совершенно постороннего целеуказания по произвольно взятому космическому объекту, лишь бы его время прохождения в сфере ответственности МРЛС нам подходило.

Вот такая схема-последовательность работы по сферам, изобретенная сходу, «на коленке», у нас получилась в итоге: а) прием от ЦККП целеуказания по произвольному космическому объекту для разворачивания вида работы ПРИ, б) замена полученных параметров области поиска на собственные, рассчитанные для данной проводки во вспомогательной программе прогноза майора Смирнова, в) работа по обнаружению и сопровождению сфер с экспериментальными настройками аппаратуры МРЛС, г) выдача информации на ЦККП по группе целей с помощью доработанной программы КВП.

Однако придумать и организовать даже самый нестандартный способ работы – было только полдела. Самое трудо- и умственно-емкое происходило в те дни (и ночи) на МРЛС. Обнаружение малых и сверхмалых космических объектов, да еще на весьма больших дальностях до цели – действительно сложная задача. Начать хотя бы с того, что благоприятный для обнаружения нужных нам целей ракурс – при прохождении на минимальной дальности (на так называемом параметре) примерно в 400–550 километров от МРЛС оказался совершенно не пригоден. В этой небольшой и, вроде бы, вполне доступной части пространства, находящейся на малом угле места у горизонта, требуемая доплеровская составляющая области поиска (скорость по дальности) должна быть близка к нулю, а это означало –

создавались самые идеальные условия для получения отражений от мощных «местников», на фоне которых найти «шарики» было не многим легче, чем в окрестностях здорового «Шаттла». Значит, следовало отодвигать область поиска подальше от зоны «нулевого доплера» или вперед, или назад по орбите, к дальностям за 700–800 километров. Но ясно было также, что с увеличением дальности шансы «увидеть» маленькую цель существенно ухудшались, поэтому нужно было принимать специальные меры для повышения чувствительности и характеристик обнаружения станции. И здесь наш могучий и мудрый «Дон» предоставлял все возможности, надо только было грамотно воспользоваться ими. Мы экспериментировали с понижением порогов обнаружения, варьировали типы и длительности сигналов, несущие частоты, опробовали накопление пачечных сигналов (при всем при этом, то и дело, натываясь на неисправности аппаратуры и давая боевым расчетам МРЛС все новые и новые «вводные»). Поиск «золотой середины» занимал и отнимал чрезвычайно много времени и сил. Вот трудность, к примеру: слишком понизишь пороги – захлебнешься в шумах, чуть повысишь – ни за что не обнаружишь нашу «мусоринку», – по-настоящему диалектическая дилемма. Кроме того, воочию вставала проблема оптимизации размеров и формы области поиска, поскольку в условиях завышенного уровня шумов потребное время осмотра области увеличивалось в стремительной прогрессии, так что возникали все шансы пропустить нужные цели. И здесь мы придумали новую, доселе не применявшуюся конфигурацию области поиска, – составленную из мелких слоев, образующих своеобразную ступенчатую конструкцию (хорошо помню, как эта идея посреди очередной ночи первому пришла в голову мне, и как мои коллеги радостным «ура!» приветствовали ее рождение, – ведь ситуация в какой-то момент казалась почти безнадежной), сначала статичную, а затем движущуюся вдоль орбиты. Так удалось достичь чаемой оптимизации. Все вместе сложилось – и победа была добыта⁷².

Имена победителей надо обязательно назвать: на КВП – капитан Тагиев И.Ф., на МРЛС – подполковник Балицкий В.И., майор Смирнов В.А.,

---

⁷² Прибавлю недавно опубликованную лестную оценку нашей работы по официальным материалам, обобщающим проблему «космического мусора» (КМ): «Из действующих отечественных РЛС для наблюдения КМ, пожалуй, более всего подходит многофункциональная РЛС кругового обзора «Дон-2Н» <...>. Это единственная станция в мире из принимавших участие в космическом эксперименте ODERACS, которая, как уже упоминалось ранее, первой обнаружила самую маленькую стальную сферу и передала измерения в Джонсоновский космический центр НАСА. После этого эксперимента НАСА порекомендовали привлечь станцию «Дон-2Н» к наблюдению КМ» (Вениаминов С.С., Червонов А.М. Космический мусор – угроза человечеству. – М.: ИКИ РАН, 2012. – С. 34).

капитаны Морозов Ю.В. и Пупков М.А., ст. лейтенант Грушевский И.Е. Спасибо вам, дорогие товарищи, вы славно тогда потрудились!

А вот и общий итог нашего участия в эксперименте, – цифры в таблице означают количество прохождений (орбитальных витков) калиброванных сфер, на которых было обеспечено построение полноценных траекторий тем или иным из наших радиолокаторов; последовательность сфер в таблице – слева направо – дается в соответствии с их расположением в реальной конфигурации космической «цепочки»:

Сферы 10 см		Сферы 5 см		Сферы 15 см		Тип РЛС
–	–	–	–	8	8	СРЛС–61
3	2	–	–	14	14	СРЛС–62
4	3	–	–	2	3	РКЦ
21	14	8	9	37	29	МРЛС

Опыт работы по программе *ODERACS*, думаю, в любом случае не пропал даром: он послужил основой для создания специальных видов работ на нашей системе, в том числе по обнаружению и сопровождению групповых целей («сгустков») и космического «мусора», были существенно разработаны и уточнены также методики работы с аппаратурой МРЛС в подобных экстремальных условиях. Теперь в многообразных – в том числе и «для космоса» – работах на средствах системы ПРО решающую роль играют активные участники той памятной «ловли шариков», ныне полковник Тагиев и подполковник Грушевский (вот они даже и на телевидении стали заметно «мелькать»). Хочется пожелать, чтобы они оставили после себя хорошую школу, чтобы у них выросли достойные преемники.

Несколько слов как раз о преемственности

За многие годы службы в программистских подразделениях, могу засвидетельствовать, всегда ощущалась и на деле проверялась мощная традиция воспитания и поддержания по-настоящему профессионального и, не побоюсь этого слова, патриотического настроения среди офицеров. У нас, в коллективах алгоритмистов (сиречь программистов), выше всего ценилось умение – и головой и руками – работать с конкретной техникой, культивировалась готовность применять теорию и фундаментальные (и в области математики, и в физике, радиотехнике и т.п.) знания для совершенствования боевых возможностей своего оружия, для улучшения эксплуатации средств и систем, для полного и эффективного выполнения стоящих боевых задач.

Этот заряд, этот творческий потенциал закладывался, конечно, еще в 1960-е годы, в ту пору, когда в нашей стране приступили к созданию сложных военно-технических систем, решающее значение в которых отводилось программно-алгоритмической составляющей (между прочим, об этом настоятельном велении наступившего нового времени – «изучайте алгоритмы!» – хорошо и убедительно сказано в воспоминаниях генерал-майора Кубарева А.Г. в настоящем томе⁷³), и это было то время, когда военные академии не случайно стали выпускать специалистов с таким характерным (это может показаться оксюмороном) сочетанием: командир-инженер. Истоки традиций – там. И, конечно, эту школу выстроили и поддерживали в области нашей специальности те офицеры, чья должность называлась в штате нашего корпуса «начальник отдела боевых алгоритмов и программ» (и одно время – «отдела боевого применения», что тоже абсолютно верно). Вот их имена в цепочке преемства на уровне войсковой части 75555: полковники Е.К. Брагин (1962–1966), Зеленый⁷⁴ (1966–1967), А.Г. Кубарев (1967–1971), Л.В. Васильев (1971–1975), А.Ф. Козлов (1975–1977), В.К. Удот (1977–1980), М.И. Заяц (1980–1985), В.В. Голяновский (1985–1992), В.П. Троицкий (1992–1998), И.Ф. Тагиев (с 1998 года по настоящее время).

Мне осталось поблагодарить за службу и удовольствие, и даже радость плодотворной совместной деятельности многих офицеров и гражданских служащих наших отделов войсковых частей корпуса, в особенности – тех из состава отделов, которыми в свое время руководили подполковники Кударис А.И. и Романенков А.А. (войсковая часть 03863), Куртеев Л.А. (войсковая часть 20007), Спесивцев В.А. (войсковая часть 03523). Конечно, спасибо за труд офицерам отдела боевых алгоритмов и программ Управления корпуса, прежде всего, из «набора» середины 90-х годов: Г.В. Барткевичу, В.А. Смирнову, И.Е. Виткоку, И.Ю. Одинцову, Ю.В. Морозову, В.Н. Котову, А.В. Зубатюку и служащей Российской армии Т.М. Савельевой.

И еще одно обязательное «спасибо», – моей жене *Тамаре Викторовне*, быстро усвоившей, что означают ночные телефонные звонки «с Объекта» и та загадочная фраза: «На второй – лебедь пролетел», правильно понявшей и принявшей беспокойную и счастливую профессию своего супруга.

2011

---

⁷³ Данная статья впервые печаталась в коллективном сборнике: ПРО на рубеже веков. К 50-летнему юбилею соединения противоракетной обороны: Исторические очерки / под ред. В.П. Троицкого. – СПб.: ВКА им. А.Ф. Можайского, 2011. – 664 с.

⁷⁴ К сожалению, его инициалы узнать не удалось, и ветераны не смогли вспомнить.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ПОСЛАНИЯ, ДНЕВНИКИ, ПИСЬМА

ЕЩЕ РАЗ ОБ АРИЗе

Метод «морфологического ящика», мозговой штурм, синектика, АРИЗ... Давно назрела необходимость «изобрести» хороший способ изобретать, столь же давно растет подобный список приемов, правил и методик, которые в довольно рафинированном (изысканном) виде преподносятся в распоряжение изобретателя. Мы недаром прервали свой перечень на АРИЗе – «алгоритме решения изобретательских задач» Г.С. Альтшуллера, – он наиболее известен нашему читателю и, что самое главное, воплощает в себе, как нам представляется, самые существенные черты и качества своих предшественников и родственных решений. Именно ему мы и посвятим свою заметку, рискуя прибавить к потоку публикаций об АРИЗе еще одну работу. Мотивы же написания «еще раз» таковы.

«Способы изобретать» давно и с немалым успехом работают (по правилам АРИЗа, к примеру, сделано уже несколько тысяч изобретений), однако существенной общенаучной оценки они, видимо, в должной мере не получали. Это вполне можно объяснить тем, что АРИЗ и ему подобные росли и растут сугубо на эмпирической основе, что они являются результатом выделения и, в последующем, обобщения конкретных практических приемов изобретательства, а потому стадия теоретизирования на их почве неизбежно должна быть вторичной, производной. Сейчас же, кажется, ничто не мешает приступить именно к этой стадии, ибо недостатка материалов для анализа, точно, нет.

В своей базовой книге «Алгоритм изобретения» Г.С. Альтшуллер, указывая главного врага изобретателя, назвал именно то, с чем явно или неявно борются все «способы изобретать» – это та мыслительная инерция, которая уводит в сторону от искомых решений по стезе привычных стереотипов. Отсюда, одна цель – подавить эту инерцию, снять своеобразные шоры с глаз изобретателя, – вот то общее, что объединяет АРИЗ, синектику иже с ними. Но цель, как известно, слишком часто достигается многими средствами. А вот есть ли общее именно в средствах, применяемых различными методиками изобретательства? И если – есть, то насколько полезно это общее выделять? Вопросы эти мы не оставим, естественно, риторическими.

Рассмотрим структуру АРИЗ-71, описанного в упомянутой книге Г.С. Альтшуллера. Сам автор разделяет свой «алгоритм» на ряд основных частей, которые несут специфически-индивидуальные функции и, одновременно, объединены общим замыслом. Об этом замысле – борьбе с мыслительной инерцией изобретателя, – уже говорилось ранее. Теперь же мы утверждаем, что и сам АРИЗ в целом и все его части пронизаны единой

методологией, которую можно кратко выразить следующей эвристикой: *помнить об иных возможностях достижения результата и всегда искать их в нескольких экземплярах*. Выясним подробнее, что это означает в широком, так скажем, смысле.

Прежде всего, при работе по АРИЗу изобретатель изучает саму задачу и, по мере возможности, меняет свое отношение к ней. Вступительные части «алгоритма» («Выбор задачи», «Уточнение условий задачи») действительно содержат ряд рекомендаций для подобного расшатывания исходных представлений. Мы подчеркнем тут лишь два приема из данного ряда. В первую очередь, АРИЗ прямо рекомендует *не забывать обходные пути*: к примеру, если стоит задача повышения точности сверления, то не интереснее ли отказаться от сверления вообще и заменить его иным процессом, дающим тот же результат (вспомните знаменитый электро-искровой способ обработки металлов). Точно на такую же цель – заставить изобретателя взглянуть на объект «не так», «другим глазом», – направлен и *оператор РВС*. Он предписывает мысленно менять пространственные размеры (Р) данного объекта, соответствующие ему временные интервалы (В), его стоимость (С) и, далее, подправлять свою точку зрения в зависимости от того, что подсказывают все эти «надуманные» ситуации.

Столь же показателен и еще один прием, относящийся уже к следующей стадии работы по «алгоритму» – так называемой «Аналитической стадии». Здесь вступает в силу требование представлять себе *идеальный конечный результат* (ИКР). Оно являет собой не только необходимую основу для выявления *технического противоречия*, как то справедливо подчеркивает автор АРИЗа, но и еще один способ представить изобретателю (едва ли не полную) свободу и тем самым «увидеть» иные решения. За нужными здесь примерами мы отсылаем читателя к книге Г.С. Альтшуллера (чего стоят, например, подсказанные с помощью ИКР идеи в одной из рассмотренных там задач – достичь «трения без трения» или «движения без движения»!).

Все те же интересные свойства АРИЗа мы можем усмотреть и при анализе «Оперативной стадии», очередной части «алгоритма». В случаях, когда не помогают приемы устранения технических противоречий, новые (часто – спасительные) гипотезы позволяют сформулировать обращение к *бионическим приемам*: «как решались подобные задачи у вымерших или древних организмов?» и «... у современных организмов?». Привлекаются и *резервы системного характера*: «проверить возможные изменения в объектах, работающих совместно с данным объектом», или «как решать данную задачу, если менять не систему, рассмотренную в задаче, а включающую ее надсистему?». Наконец, своеобразно расширяет возможности изобретателя и заключительная часть – «Синтетическая стадия». Она настоятельно рекомендует, не откладывая «в долгий ящик», попытаться применить полученное на предыдущих этапах новшество в

других технических системах, как родственных, так и далеких по характеру задач и назначений.

Думается, проведенного (довольно беглого) анализа АРИЗа вполне достаточно, чтобы утверждать о верности сформулированной выше эвристики, выражающей основную методологию этого «алгоритма». Породить несколько точек зрения, рассмотреть не один путь к решению, а несколько, представить целый ряд предвосхищений, создать совокупность предположений – эта очевидно синонимичная последовательность дает нам право назвать ключевой метод АРИЗа методом *множественных гипотез*.

При этом мы не претендуем на славу создателя важного научного понятия, закрепляемого в новом термине. Сказать более того, для нас значительно важнее сознательно указать его перво-исток. В статьях историка науки Сергея Смирнова, опубликованных в №№ 5, 6 журнала «Знание – сила», термин «метод множественных гипотез» специально вводится для явного описания той характерной особенности современной науки, которая зародилась в недрах математики и теперь, благодаря известному процессу математизации всего научного знания, претендует встать в ряд перспективных и даже основополагающих ее, науки, принципов. Для иллюстрации приведем (он есть и в работе С. Смирнова) известный пример сосуществования геометрии Евклида и множества неевклидовых геометрий (Лобачевского, Римана и др.), буквально воплощающих на себе черты этого метода. Здесь явно отличные друг от друга теории описывают (всякий раз верно описывают!) один и тот же объект – физическое пространство.

Можно привести тут еще одну любопытную параллель, связанную с понятиями *научная парадигма* и *нормальная наука*, – детищами американского исследователя Томаса Куна. Теперь, после его работы «Структура научных революций», это почти общеизвестная истина, что в истории науки всегда можно выделить стадии ее спокойного, «линейного» развития и стадии существенных «нелинейностей», «взрывов», научных переворотов. Введенные Т. Куном представления и служат некоторого рода плодотворными уточнениями, позволяющими хорошо описывать этот «линейно-взрывчатый» характер науки.

«Научными парадигмами» являются те основные положения науки, которые не ставятся под сомнение и на определенном (достаточно большом) отрезке времени неизменны. Скажем, для картезианской философии характерно механически-причинное истолкование явлений природы, для физиков XIX века был непогрешим принцип непрерывности (не дискретности) энергии, а механика и космология XX века покоятся на принципах теории относительности А. Эйнштейна. «Нормальная» же наука или наука-излагаемая-в-учебниках, она основывается именно на этих «парадигмах». Тогда научная революция вызывается сменой «научных парадигм», что эхом отзывается в очередной «нормальной» науке.

Так вот, эту «схему парадигм» можно с успехом перенести и на область изобретательства, ибо техническое изобретение – это тоже маленькая

революция, только в той или иной относительно небольшой области. Буквально каждый новый шаг вперед есть пересмотр или опровержение устоявшихся мнений, есть смена соответствующей «парадигмы». Такую смену, такой пересмотр, такое расшатывание привычного (устоявшегося) в малой или большой технической задаче и помогает осуществлять АРИЗ. И, суммируя, мы теперь можем так переформулировать одно из главных умений этого «алгоритма»: *бороться со старой «парадигмой», творя сразу несколько гипотез, пробуя несколько путей.*

Конечно, в каждом конкретном случае такие «парадигмы» предстают по-своему, и потому суметь пересмотреть их, суметь практически выдвинуть и перебрать для этого серию мыслимых гипотез – это всегда творческая задача, имеющая самостоятельную сложность. Потому и здесь было бы интересно отыскать общие закономерности и полезные принципы. Но это уже не входит в планы данного нашего рассмотрения⁷⁵.

Очевиден вопрос: справедливо ли отождествлять метод, присущий весьма частной области человеческой деятельности – изобретательству по правилам АРИЗа, – с одной из важнейших (здесь мы соглашаемся с мнением С. Смирнова) черт современной науки в целом? Нам кажется приемлемым положительный ответ. Для этого мы и подчеркивали выше соответствующие свойства «алгоритма изобретения». Что же касается самой возможности упомянутого отождествления, то ее можно расценивать как доказательство плодотворности основных установок АРИЗа. Ведь последний создавался, повторяем, на обширной эмпирической базе и потому, претендуя на состоятельность, должен был уловить и заключить в себе существенные особенности творческой деятельности современного человека. Насколько именно «алгоритм решения изобретательских задач» преуспел в этом, насколько возможно его дальнейшее развитие на основе ясной экспликации метода множественных гипотез – судить будущим исследователям. Мы же хотели лишь указать на возможность весьма общей оценки «алгоритма изобретения», в самой предварительной форме выявив те специфические и ключевые его свойства, которые не заметил, видимо, сам создатель АРИЗа.

1977

---

⁷⁵ Из редакции журнала «Изобретатель и рационализатор» (ИР), куда в августе 1977 года был направлен этот текст, довольно быстро ответили (подпись зам. главного – Юл. Медведев, от 13 сентября 1977 года):

«Ваше рассмотрение алгоритма решения изобретательских задач носит довольно специальный – научоведческий, философский – характер, что делает статью адресованной иной, нежели ирвовская, аудитории. Огорчительно, что начало взаимоотношений с журналом оказалось неудачным, однако, круг ваших интересов заставляет предполагать возможность их развития в дальнейшем. Пишите нам»

Больше в «ИР», кажется, не писал. Но, помню, я не очень тогда огорчился. Ведь во мне, можно сказать, официально увидели философа. А сама идея «множественности гипотез» для меня отнюдь не прошла бесследно: в книге «Диалог со сложными техническими системами» (1996) она будет весьма разнообразно эксплуатироваться.

В МИРОВОМ МАСШТАБЕ

(Триптих)

А.Ф. Лосеву

Микро

Раскинут рядом дивный мир,
Где чудо фактом скреплено,
Дискретное где – тот кумир,
Во власть кому все отдано;

Там странности – хороший тон,
Там все должно быть набекрень,
Где в нашем мире светел фон,
Там инверсно – сплошная тень.

Туда с приборами ни-ни,
Там жители о многих лицах,
Там протекут века, не дни
За вспышку молниевых блицев.

Законов здешних кодекс чтя,
Лишится веса электрон,
Когда, с учеными шутя,
Волною обернется он.

Мезонный «волейбол» ядра,
«Дефекты» масс, фотонов ход...
Природы выдумка щедра,
Ее с лихвой нам достает...

(Но скажем – скобкой наперед:
Источник, может, всех чудес
Печать природы не несет
А вместе с нами грубо влез.

Так по роялю кулаком
Есть метод звуки извлекать...
Агностик? Вынесу молчком
Упреков суетную рать).

Макро

Эйнштейн, Коперник, Птолемей,
Пастух Аркадии и, грешен – я
И прочих множество людей

Давно кляли загадки бытия.

Сии ловцы таинственных лучей,
Покинувших миры – тем больше не сиять,
А только эхом жить среди ночей, –
Стремилась необъятное объять.

А что – итог? Желанное сбылось:
Вдруг бесконечность съежилась яйцом,
Ей трудно, познаваемой, пришлось
Под человеческих домыслов резцом.

Сжимаема в скалистых берегах
Великих формул уравнений мира,
Она течет, взбухая второпях,
И с ней поет моя земная лира.

Ее поток миры собой буравит.
Шумит немолчно мыслящий тростник.
Там зло непродолжительно всем правит.
Там радость расфасована на миг.

(Вселенная без дублей создана,
Но множена потугой представлений,
Но в бездну с головой погружена
Ошибок, спекуляций и прозрений.

Леметрово яйцо в том самом Первом Дне,
Хрустальный свод на сказочных китах...
Да что там классика, когда вот нынче мне
Привиделась река в заросших берегах...)

Холо

Не будет холода камней,
Ни дня, секунды или века,
Ни сфер октав среди ночей,
Когда не будет человека.

Пусть флюктуацией судьбы
Посеян на планете разум,
Роман покоя и борьбы
Без нас нелеп и недосказан.

Без человеческих обид,

Без мук познания и лени
Никчемны правильность орбит
И жизнь кристаллов поколений.

Огни костров и пламя дюз
И вечное «люблю» над миром
Влекут живительный союз
Мышления с пустым эфиром.

А наша боль и маята
И радость в избранный момент
Есть для Вселенной теплота, –
Всех уравнений компонент.

(«Антропоморфово нитье» –
Готов услышать приговор
На стихословие мое.
Тогда согласен и на спор.

А коль банальности изрек,
Рифмуя их бок о бок...
Что ж, покаяние облек
Привычный профиль скобок).

1978

А.Ф. Лосеву

В Е Щ И

Большой детский мяч

Одной щекой сиренев, другой бордов. Он хранит вмятины о пальчиках моей младшенькой. Он идеальнее нашей планеты по форме и замыслу. Он любит подкатываться к ногам и, стараясь не мешать, потирается о ступни, – тихо пересказывает моё футбольное детство. Добрая округлая память.

Мой письменный стол

Жена смеётся: стань он хоть километр на километр размерами, на нём по-прежнему будет тесно. Стол пыжится, громоздя книги на полированную свою ладошку, и невдомёк ему, что уж топологию-то... на кривой не объедешь. Сфера малой капли отражает в себе Вселенную, потуги самой обширной плоскости тщетны. Но как, извините, пользоваться сферической мебелью?

«Эстетика Возрождения»

Будто вновь погрузился в рельефные струи горного потока у Ходжа-Обигарма: ожигает, бодрит, дух захватывает, отдышался – и вновь туда же, в воду влечёт. Или тут – интимное общение с Историей – или со временем – или с Вечностью?.. Не знаю. На ощупь корешки гладки и теплы, словно кожи живой коснулся. Соприкосновение рук. Так правильнее будет сказать.

Макролит с берега Оки

Силюсь вспомнить что-то важное, забытое наглухо, бывшее моим когда-то. Тонко оббитые края куски кремня просвечивают, и глаз упорно напрягается вопреки рассудку – не откроется ли искомое за этой каменной полупрозрачной преградой? А рука уже сама приласкалась к неровностям древнего рубила, ибо ей изначально причисляет труд. Труд припоминания – тоже.

Чистый лист бумаги

Обманчива гладкость его поверхности – перу спотыкаться и спотыкаться ещё на выбоинах будущих слов. Его чистота сродни свету дневному – она чревата и всеми красками, и тьмой. Его покой эфемерен – только притворяясь таким замороженным «теперь», лист на деле аккуратно обрамляет скорое и трудное будущее. Безопасно писать только поверх черновиков.

Ночные звёзды

Шляпки гвоздей в стенах мироздания, кладбище законов, огоньки бессмертных душ, общий орган мириада тел, Первая Книга, проекция наших заблуждений, исток сознания, нива для Человека Во Братстве, хранилище парадоксов, многогочие истории, основа ткачеству без конца, тест на зрячесть... Только всё это обязательно вместе.

Фотография – молодой М. Бахтин

Переснимал – из книги статей – товарищ. Очень расстраивался, что не получилось как надо. Законы оптики сделали своё, покусившись на детали, одновременно доставляя, казалось бы, свободу чувству. Но нет, этот взгляд натруженной мысли не обещает диалога: лист картона остановил токи времени в далёком «тогда». Бумага имеет немалое сопротивление.

Бетонка по пути на работу

Она коротка, но только по ней за годы службы военной отшагалось (сейчас подсчитал) три четверти окружности экватора. Согласен одолеть дистанцию до Луны и обратно, если это поможет миру на Земле. Из всех мерок жизни самая естественная – длина пройденного пути. Только дорога вольна отмерять вклад в делах человеческих. По этому пути всегда спешишь.

Часы – подарок отца.

«Внимательно читай “Илиаду” и “Одиссею”, сынок. Ты сам должен постичь благо культуры, крепче беречь её будешь». Недоучившийся учитель (война!), майор в отставке, последняя профессия – лесничий. Отец будто знал, какие слова его будут чаще всего вспоминаться сыну. Трогаю стекло в трещинках: «Это подарил мой папа. Не дождался он внучек. Он любил бы вас, девчата».

*Июнь – июль,
сентябрь 1983*

[«Вещи» сопровождалась следующим письмом]:

Дорогой Алексей Фёдорович!

Помня о приближающемся 90-летию Вашем, я задумался как-то о подоплёке ритуала поздравлений «к случаю». Собственно, речь идёт о способе выразить своё отношение к юбиляру, для чего привычно использование вещи – желательно поувесистее, поматериальнее. Однако не правильнее ли будет выражаться без онтологических трансформаций (выражать отношение – отношением!), креня стихийную философию общения из области наивного номинализма в сторону настоящего реализма?

Короче. Я попробовал подарить Вам фрагмент своих отношений с Мiром. Дороже, кажется, ничего не имею.

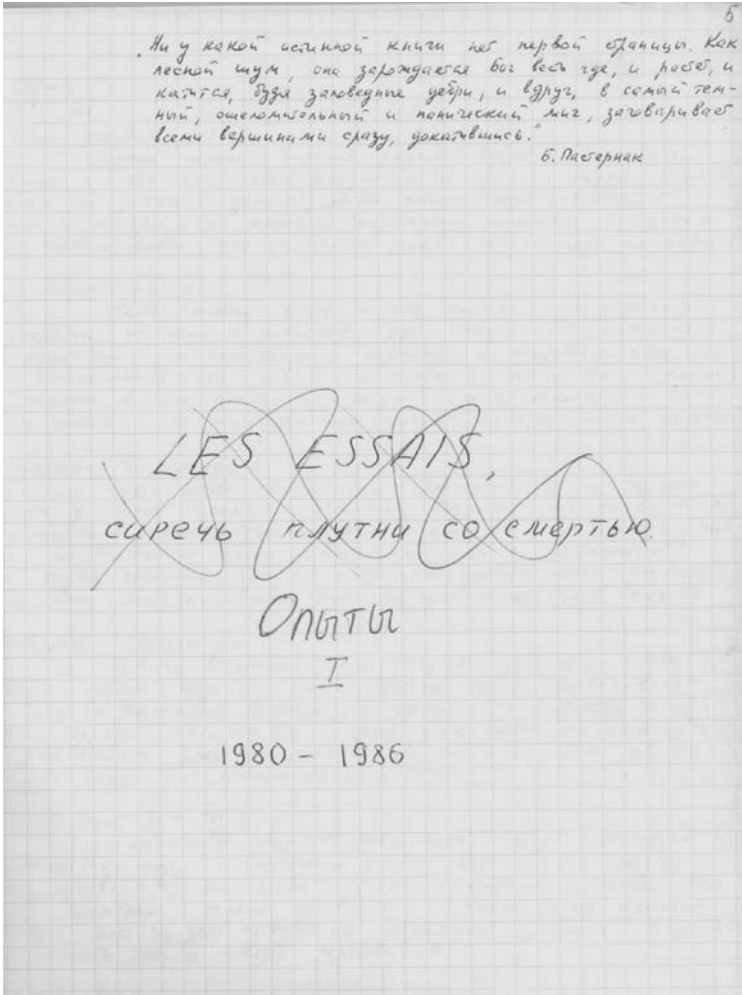
Будьте здоровы и счастливы!

Мой поклон Азе Алибековне.

Ваш Виктор.

P.S. Окололитературная часть здесь – моя, иконография исполнена моим товарищем. Возможно, мы были наивны, но также – искренни.

ОПЫТЫ: первые главы

Зачем пишу, почему?

Писательство – не ущербно ли, не пролегает ли оно морщиной либо шрамом на лице психики или даже физиологии пишущего?

Перо Ромена Роллана, который однажды оборвал многолетнее (тяжкое, слишком тяжелое) общение с Жаном Кристофом, перо его неслучайно

вычертило силуэт великого балагура-бургундца, «обширного духом и брюхом»: груз большой работы, спав с плеч, освободил фантазию и легкость писательской руки.

Страдавший плохой памятью Монтень (впрочем, подозреваю – страдалец мог попросту надумать этакий недуг для творческого стимула) нашел себе индивидуальный способ «литературного протезирования», а мир получил в подарок его «Опыты».

Или даже вспомнить ходульно-фольклорный факт о пузырьках апрельского воздуха – это они, вскипая в крови человеческой, уравнивают всех перед лицом весны, влагают в щепоть каждого перо для стихов о любви.

Так или иначе, самый первый шаг к творчеству должен иметь преимущественно земные корни, ибо таков диктат вселенского принципа «реалистического понимания чего угодно» (ей же ей, этот оборот буквально сам вот только что выписался на строчке, я его – сам – не хотел...), и тому есть авторитетное свидетельство Анны Ахматовой:

*Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда...*

Вот и у меня... Наверное, каждому дано услышать предупреждающий первый звонок, – кому слишком поздно, кому в самый раз.

Можно не успеть. Или спохватиться вовремя.

Эти записки – по звонку. Приходится прослыть смешным, да уж лучше честно сознаться сразу: хоть и сердитый, но элементарный-таки грипп подсказал вдруг, что пора в путь, что однажды будет очень не хватать ясности мысли и бодрости духа (чего маловато и когда *просто невозможно*) и что не худо бы уже нынче ловить Великое Сиюминутное по имени *жизнь* и старательно раскладывать добытое в символы, слова, строки, странички...

«Опыты» мои – рецидив физиологии. Где-то потом будет самолюбие, самоутверждение или, скажем, самомнение, но далеко прежде – их корень, их корневое само-, *самочувствие* – впереди и прежде.

Так дух бунтует против бренности тела. Творчество – это плутни духа со смертью.

Март 1980, сентябрь 1983

Пропасть

Точность описания и глубина проникновения... Михаилу Михайловичу Бахтину удалось ёмко (а может, и *точно?*) охарактеризовать то главное, что отличает «лирический» подход от «физического», что позволяет искать истину на воле полей и лесов подалее от картезианских (*claritas*) трактовок,

без нескончаемого костыляния на дедукциях, силлогизмах, импликациях, секвенциальных формах или как их там еще...

Но иметь дело с глубинами чаще всего небезопасно. Зрелище разверстой материи кружит голову и смущает дух, – а дальше кому что на роду положено: неожиданный полет в миг высочайшего вдохновения, потом – удар... либо изволь поспешать (коль скоро позволят четвереньки) подальше от края пропасти туда, к равнинам скатертью-постеленным.

Впрочем, «о глубине» Томас Манн как-то заметил: «Гениальность есть глубоко проникающая болезнь, из нее творящая и благодаря ей творческая форма жизненной силы...». Болезнь? (только из моих любимых имен возьму:) Чюрленис, Врубель, Ван Гог, Блез Паскаль, Георг Кантор, тот же Адриан Леверкюн?.. Нет, не соглашусь. Не патология способна что-то объяснить в природе творчества, но физиология, исходная физиология с ее известной нормой. Это она так *меняется в лице*, склонившись над зияющей пропастью бытия.

Сентябрь 1981, сентябрь 1983

О ноле

Нихиль, ничто, ноль...

Чего больше несет Великое Зеро – потерь (*теперь уже никогда...*) или приобретений (*но всё еще будет...*), что силится выразить неистовый Винсент своим пронзительно-пустующе-желтым «Стулом», – тоску по безвозвратно уходящему другу или ожиданий новой радости? И что отыскиваем мы в бездонной черноте среди звезд полночного неба?

О, великий идолище всех веков и народов! Чьи только взоры не скользили по твоим чертам высокомерным – халдейских мудрецов и крутолобых космологов из Массачусетского технологического, австралийских аборигенов и нищестанствующих (или хиппующих) молодых людей где-то в центре Европы, мечтательных невест Севера и черных мадонн Юга!.. И каждый считывал свое: письма неземной воли, формулы законов мироустройства, житие чтимых предков, собственное будущее... Но только не в прихотливой россыпи блесков сказывается о твоих, звездное небо, тайнах сказ⁷⁶, всего-то «плевочками» называл один рифмующий смельчак твои мишурные украшения и был прав, в конце-то концов! Загадка пустоты, сине-угольного Ничто – *тайна ноля, запечатленная во Вселенной*, – вот что

---

⁷⁶ Уместно будет отметить, что примерно через год из этого пассажа вырастет, попутно шлифуясь и уплотняясь, малая зарисовка «Ночные звезды», – она войдет в подарочные «Вещи», отправленные Лосеву к 90-летию, в сентябре 1983 г.

от века запрокидывало лица человеческие в зенит. Рисунок твоих созвездий лишь банально очерчивает контур этой (не)(про)явленной тайны.

Человек не любит пустоты.

В несуществовании, в отсутствии, в ничто гнездится безысходность, там нечем дышать и не найти дорог, там жизни отказано в присутствии. Может быть, человек только и создан для того, чтобы наполнять мир своим теплом, своим присутствием. И если где-то заводится плесень пустоты, человек обязан срочно бить тревогу и без промедлений исполнять предписания гигиены познания: *отсутствующее должно отсутствовать!*

Потому и странно, что лишь в 1823 году род *Ното* в лице вида *Ното sapiens* озадачился (через немецкого астронома Г. Ольберса) чернотой нашего ночного неба. Ибо если предположить, что Вселенная бесконечна и число звезд в ней тоже бесконечно, то простейшие подсчеты дадут «дикий» результат, именуемый «парадоксом Ольберса» (или фотометрическим парадоксом): небо должно всегда и сплошь сиять как поверхность единого гигантского солнца – этакое Солнце Судного Дня... Так само наличие ночного «ничто» подталкивает нас к не-пусто-порожним выводам о возможном строении высших сфер миропорядка. Скандал с «парадоксом» можно замять, предположив (постулировав) *конечность* либо самой Вселенной, либо числа звезд в ней. Из «ничего» – очень даже *кое-что*.

И «пустоту» эту еще черпать и черпать. Из самых темных закоулков полуночи летят к нам крошки-кванты света – приветы Земле от околицы Мира. К светлякам этим мы тянемся древнейшими узами родства, рефлексом братской (сестринской) любви: там вдалеке доживают свой долгий век свидетели Большого Взрыва, нашего общего дня рождения – живут и шлют нам тихое: «*Помните, как стар этот мир... как он велик... как мало места в нем отведено человеку...*». А еще где-то во тьме притаились, говорят, «черные дыры», исписавшиеся дотла творцы света, пожилые звезды коллапсового возраста. Их тоже, уверен, издавна отыскивали глаза людские. Отыскивали, руководимые не столько силой *знания*, сколько *интуицией тайны*. – Загадка ночной черноты, получается, строго тождественна загадке рождения и смерти мира. А что может быть притягательнее такой тайны?

Человек не терпит пустоты, он болен зерофобией.

Старые натурфилософы явно догадывались об этом и даже нашли нужные к случаю объяснения: потому что таково устройство мира в целом. Недаром девиз «Природа не терпит пустоты»⁷⁷ издавна украшает щит

---

⁷⁷ Давнего юношеского заряда-запала от этой заметки хватило надолго. Так однажды (в марте 2014 г.) всерьез и по-ученому посчитался с «пустотой», прочитав доклад «Между *horror infiniti* и *horror vacui*: о предвосхищении некоторых идей теории бесконечных множеств у

серьезной науки физики. Всякое «ничто» всегда есть для физика «нечто», возьмем ли мы в качестве пробы на пустоту ту же *аннигиляцию* (беру тривиальный пример только потому, что ноль – ничиль прочно укрепился в этом термине!) – взаимодействие малых крох материи и антиматерии, либо будь то *вакуум*, или «пустое» вместилище физических тел – *пространство*. Тот же вакуум, этот синоним «пустоты» в обиходе простых смертных, – согласно современной квантовой электродинамике он выглядит прямо-таки лемовским Солярисом, ведущим таинственную жизнь в неустанном движении и оформлении. И здесь и там мы видим «имитацию форм, которая никуда не ведет»: как на поверхности «мыслящего океана» появлялись и таяли причудливые конструкции неизвестно чего, так и в физическом вакууме на короткое (наикратчайшее) время возникают пары частиц и античастиц, – говорят, вакуум поляризуется. Он таков: не пустота, не ноль бестелесный, а бескрайний океан, бурлящий виртуальными частицами на правах лемовских «мимоидов».

Зерофобией больны человек и природа.

А сам ноль (имею в виду его привычную *запись*, но также, конечно, и его, ноля, *смысл*) – бестелесен ли? Некоторые историки математики почему-то веруют, что форма символа ноля родилась как изобретение тов. Птолемея Клавдия (приоритет от II в. н.э.), которому в шестидесятиричных дробях позарез нужно было изображать отсутствующие разряды. Прозаичная байка о рождении значка «0» излагается с незначительными вариациями: либо знаменитому астроному захотелось до крайности сократить слово *ὀὐδέτερον* – «ни в ту, ни в другую сторону», либо – того проще – сама напросилась ближайшая буква «ο-микрон», не занятая в алфавитном изображении долей шестидесяти (в ионийской нумерации *ο* суть семьдесят). – Это скучно! Неправильно. В знаке ноля с такой родословной нет ни грана тепла, ни доли человеческого присутствия.

Веселее мне кажется иная история, где лицедействует *абак*, «счетная доска», прашур *русских счетов* с костяшками на проволоке. Абак – это просто некие места, разграфленные для отдельных разрядов потребляемой системы счисления: у каждого разряда свое место. Древний вычислитель нуждался в такой «линовке» подобно нынешнему первокласснику, осиливающему арифметику посредством тетради в клеточку. Но рано или поздно выяснилось, что можно *заранее* сетку не расчерчивать, если записывать нужные цифры в строгом порядке, и только незаполненные

(значащими цифрами) разряды изображать квадратиком. От всего абака остаются только некоторые *пустые* клетки. А по законам скорописи квадратик потом быстро оплыл по углам и превратился в такие знакомые ныне кружки. По сей день (если подойти с чистым сердцем) в их обрамлении можно увидеть матовую поверхность мраморного стола грека-абакиста, или пальцы вдруг ощутят тепло буковой дощечки, отполированной руками нашего соседа по вечности, а если повезет – различить смутные очертания выпуклого лба, седой бороды, глаз, затуманенных мыслью...

Человек не терпит пустоты.

Даже этимология свидетельствует о многообразии ноля наполнения. Некоторые филологи, к примеру, толкую именование *абак* не рядом с греческим *доска*, но производят его от древнееврейского *пыль* – это потому, что первые счетные таблицы, говорят, рисовались пальцем или чем там еще прямо по песку или *пыли*... Погребая шумерские города и припудривая щеки Селены, заполняя пробелы меж галактиками и декоративно оформляя само Забвение, пыль оказывается способной не только мусорить в глазницы ветром, но еще и обозначать, кажется мне, вечность, ноль и бесконечное – единым махом.

Ноль – это пыль веков.

Еще присказку о нашем герое мы найдем на этой медали. Ни профилей коронованных особ, ни атрибутов государственности, ни категорично прописанного номинала (чего?) здесь нет. Взамен привольно раскинулась простая таблица, густо усыпанная всего двумя цифрами (нынешний программист отшатнется в радостном узнавании, узрев нежданно старых знакомцев из двоичной системы счисления). Краем вкруговую надпись, на латыни: «2, 3, 4, 5 и так далее. Для получения их всех из ноля достаточно единицы»; внизу в поле медали значится:

«Картина творения. Изобрел Г. Г. Л. MDC XCVII».

За инициалами скрывается великий дилетант Готфрид Гильом Лейбниц, эту медаль и заказавший, римские цифры – дата события, которое он решил увековечит на металле – 1697 год. Таблицу автор ценил ничуть не меньше, чем другие свои большие деяния и проекты – монатологию, закон тождества или универсальную характеристику. Вместо безликой совокупности нолей и единиц ему грезилась именно Картина Творения: известная традиция глаголет, что сам Господь Бог создавал когда-то все сущее из небытия, но *не так ли и он*, смертный человек, из единицы и ноля получает любые сколь угодно большие числа?! Из ноля – бесконечный мир.

Человек заполняет пустоту бесконечностью.

Теперь самое бы время писать о *колесе Чакры* и происхождении цифровой нотации из недр древнеиндийской культуры. Но тут я самокритично удержу руку с шариковой ручкой, остановлюсь. Пусть Гималаи высятся покамест за пределом моего горизонта, ибо еще только начаты хлопоты о визе в ту страну.

Июль 1980, март 1982

Мы и они

– Ну, сокровище, иди помой ручки, после на пианино поиграешь...

Дочь этак вприскокку двинулась в путь, но вместо поворота к ванной комнате – одолела всего-то три или четыре шага, – совершила прямо противоположное деяние.

– До-ча?!

– Ой, папа, забыла...

– Удивляюсь, о чем ты только думаешь!.. (про себя, конечно, готов извергать и прочие громы: ... и в кого она такая... как же она дальше-то жить будет... и прочая, и прочая).

Вдруг осенило: а сердать не надо. Мы попросту *разные люди*, может быть, даже *разных цивилизаций* – мы и они, взрослые и дети. Не пребывают ли эти маленькие человечки в иных физических измерениях, где часы тикают не так, и не про то, где сам мир иначе спроектирован, и цвет его инаков? Не живет ли время у них пусть и веселым зигзагом-ручейком, но в сущности своей это *линия*, которая после вправки и подравнивания берегов извилистых обращается в струнку – что побег тростника? А у взрослых не топорщится ли *дерево ветвистое* вместо этого? – Завидная, светлая, фантастическая возможность отдаться течению жизни и, вместе, это течение направлять – наверное, это и есть детство. Взрослый распят на разветвлениях и параллельных курсах: изволь упомянуть и то и се, лавировать меж сотен «нельзя» и всегда двигаться, двигаться, двигаться – на работе и в семье, среди врагов и друзей, в замыслах и воспоминаниях... Взрослый слишком социален и потому не принадлежит себе, не стоит на одной линии. Взрослое – это *многоструйность* (а если речь о тростнике – его тут целые заросли).

Развилка времени заправляет взрослыми бедами на целой планете. Два будущих поселилось в мире с 1917 года, их и наше. Тревожное *нынче* именно таково – нестойко и тревожно – ибо оно как вибрация (нет, без всяких «как»!), да, вибрация камертона, лопасти которого устроены из звенящих *завтра* двух сортов: завтра империи собственника и завтра коммуны.

Октябрь 1983

Алеф

Начертание взято девяносто лет назад немецким математиком (родился, заметим, в нашем Питере; почему-то это меня удивляет) Георгом Кантором из еврейского, так называемого квадратного письма. Почему-то сплошь и рядом в этой связи поминается древнееврейский язык. Не верно: алеф прибыл из финикийской алфавитно-слоговой системы, через посредство ее арамейского ответвления, другая же ветвь, собственно древнееврейская, усопла-засохла тысячи, говорят, две тому назад.

Соответствующая финикийская буква озвучивалась как «бык», а по начертанию воспроизводит, говорят, голову тельца в ярме. По мне – это ярмо одно и есть, разве что на бок уложено. Еврейский алеф имеет готический вид и вполне мог понравиться немцу уже поэтому. Ко всему прочему, **ℵ** (долго же я в рисовании тренировался!) означает также число 1, – буквам-примам достается такое во многих старых алфавитах.

Посредством алефов математики вслед за Кантором пытаются объять необъятное, обозначая ими кардинальные числа (мощности) бесконечных вполне упорядоченных множеств. Единичка из бухгалтерии бесконечностей прикинулась еврейским алефом. А специалисты по логике ныне рисуют и «алеф финикийский», как бы восстанавливая историческую справедливость и вряд ли осознавая это – они поворачивают ярмо как ему и положено по скотоводческому обычаю, а саму конструкцию почитают «квантором общности».

Еще алеф надежно угнездился в обиходе внутри слова «алфавит», пусть даже греки и упрекнут нас в непочтительном искажении их «альф» да «бет». И в другой стойкой паре, если только прислушаться, звучит имя нашего героя: когда надобно витиевато-возвышенно изречь что-либо о пределах или крайностях, определяющих нечто небезынтересное говорящему, то употребляют библейское сочетание слов «альфа и омега... того-то». Две пограничные греческие буквы работают вешками в дорожной службе познания. Тейяр де Шарден, обозначивший финальную точку человеческого бытия «точкой Ω», тем самым довершил стихийную традицию культуры.

... Зачем, спрашивается, грести в одну кучу разнородные сведения из филологии, теории трансфинитных множеств и истории культуры? Впустую погромыхать громами эрудиции так захотелось? Культуртрегерствуешь (экое словцо, однако, безобразное) для повышения «метафизического» уровня возможных читателей? – Всё не то. Эти записки может оправдать только

одно – если удастся оформить что-то *личное*, подключая его к сети *всеобщего*. А поводы могут быть самые разные. Хоть и тот же алеф взять и обрисовать его *только своими словами*...

Алеф – такое диковинное существо, пришелец из неведомых краев. Изошренные извивы его тела затаили силу, даже силищу тайны. Или он – только простейшее, этакая инфузория или даже одна только клетка (под микроскопом воображения)? *Клетка вечности*? Или – символ для *никогда*? Никогда не придется свидеться с творцами первых письменностей. Никогда, даже в миг предсмертного восторга, не постигнешь всех глубин своей жизни, не говоря уж об истории человечества. Никогда, имя рек, не оценить тебе подлинного величия оснований математики, укрытого за влекущими и полужнакомыми словами: аксиома выбора, континуум-гипотеза, форсинг-метод, сильно недостижимые... алефы.

Алеф еще – вполне зримое воплощение моральных ценностей. Бескомпромиссности и смелости, к примеру. Смелым был не только Георг Фердинанд Людвиг Филипп (Кантор же!), ухвативший бесконечность за шиворот и не побоявшийся запретов от Аристотеля и Гаусса: бесконечность, де, только потенциальна, но никак не актуальна. Смел и Валлис-англичанин, втиснувший несказанность в росчерке «лежащей восьмерки», лемнискаты. И смел безымянный изобретатель алфавитного письма, исхитрившийся немногими значками отобразить и создать бескрайний мир – сыграть, действительно, роль демиурга в людском исполнении. Алеф – *первая буква из Книги Природы*, по-настоящему прочитанная человечеством.

А «Мастер и Маргарита» – это алеф в литературе. Помню (и уважаю) свою полную растерянность, когда нужно было закрывать журнальный номер «Москвы» и отныне первое чтение оставалось в прошлом. Что это было?! Какие рамки приличествуют такому? Может ли быть что лучше... нет, выше... больше... мощнее? Бесконечной чередой романов, исповедей души, поэм, которая еще будет длиться впредь, чередой этой уже *начертан на краю алеф*... Но не стоит печалиться, господа пишущие и литературу чтящие–читающие, это не конец. Мне не дано знать, каким нижним индексом снабжен наш трансфинитный символ, – или это только алеф-ноль, а может, ряд литературных алефов давно уж выстроился. Важно только увериться, что канторовы результаты обязательно приложимы к искусству и творчеству: наибольших, *последних алефов* там нет и быть не может.

Алеф – апофеоз изобразительности. Он позволяет явственно проступать самым проклятым загадкам, он заключает изрядный, т.е. *значительный* кусок бытия в чувственную форму. Потому-то алеф вхож существенным членом в Формулу Мира...

Не в силах одолеть соблазн, далее даю рассказ (местами – прямой репортаж) по неостывшим следам событий – как сложилась Формула.

Готовясь составить сей отрезок «Опытов», пропуская через себя с десяток разных текстов (серьезных и не очень), всё никак не мог избавиться от странного чувства неудобства. Теперь-то я знаю, что так надвигалось *маленькое открытие*. Поначалу же сомнения выразились в понимании явной несправедливости по отношению к нолю (спасибо «Опытам» – совсем недавно пришлось усиленно размышлять на «нулевые» темы, и оттуда родившаяся остаточная инерция сослужила свою службу). Всяк же ведает простые соотношения анализа, связывающие ноль и бесконечность: $1 / \infty = 0$; $1 / 0 = \infty$. Они привычны, хорошо работают в той же теории «бесконечно малых» и вообще, подозреваю, стали чуть ли не общим местом математики. А если вот так дело повернуть: да, Кантор фактически открыл иерархию бесконечностей, научившись выстраивать их в своем порядке; но если, далее и вспоминая «общие места», мы кинемся связывать то да сё... неизбежно получается, что и нолю надобно приписать *целый спектр* значений, точнее, каждому множеству со своим алефом – свой ноль... Могу поклясться: рука почему-то не поднялась тут же написать нечто вроде уравнения с дробью $0_i = 1 / \aleph_i$. Хотя это и было бы, кажется, естественно, как теперь понимаю. Видать, удержало предчувствие Формулы.

Тем не менее, первый шаг был совершен, уже мелькнула догадка о принципиальном *соседстве* ноля и алефа. Шаг второй случился через неделю с небольшим, когда по замыслу начатого повествования нужен был парад применений алефов, альф и того, что звучит около. Так в черновике появилась строка об «альфе и омеге», вот и написалось: «Тейяр де Шарден, обозначивший финальную точку человеческого бытия “точкой Ω ”, как бы [начисто далее пошло другое, а тогда значилось так:] как бы достроил глобальную формулу мира: $\aleph - \Omega$, которой довершил стихийную традицию культуры».

Конец фразы прожил едва секунду, он тотчас умер, дав место иному, менее спорному «закруглению», а сама Формула, которая вполне четко наметилась вторым *соседством* – алефа и теперь уже омеги рядом, – она перекечевала на стратегически важный конец всего «Алефа». Попробую-таки восстановить ту секунду, хотя описание и будет, конечно, мало похоже на то, что случилось въяве:

... алеф и омега... но это всё выражает большое, громадное... формула мира обязана содержать и малости... где тут ноль... может, так попробовать: $0 - \aleph - \Omega$ ... но причем здесь Тейяр? не строил он никакой формулы, он

только об омеге... моя это и только моя формула... формула? х-м, хороша формула, если в ней только какие-то черточки, без всяких операций... И рука сама выписывает, без промедления:

$$\theta_i = \frac{\kappa}{i} / \Omega -$$

и опускается. Изнемог. Глаза останавливают стрелку на часах (усмехаюсь, книжник – как Кириллов в «Бесах»): 11¹⁹. Число сегодня – 9 октября, в доме тишина (мои у деда, в Чехове), за окном льет, я счастлив.

Октябрь 1983

Шум дождя

Почему под дождь, – неспешный, долгий, без всхлипов – так хорошо думается? Может быть, это попросту занавеска смутных звуков отгораживает мир от умственных очей, и поневоле остаешься наедине с самим собою или... перед зеркалом? Может, в бесконечном спектре «белого» (или нет, мокрого) шума всегда отыскивается резонансная волна на твою настройку? Или языком капель так безнадежно нашептываются мировые загадки? Или то сама память, услышав родное наречие, так поспешает вторить? Или, нет, не память, а безголосое бессилие твое? Шорох и сон – не единственные ли состояния чистой и подлинной мысли, их всего только два, ибо еще под дождь и спится сладостно?

У дождя запах и цвет вопросительного знака.

Октябрь 1983

Rex

Словарь: трон власти, светильник разума, дрожание вод, звезды, континенты, величие, мрак, заря, бытие, вечность. Использовать не буду.

Артефакты: темпера 1909 года, размер 147 x 134, кисти Чюрлениса, до физической смерти автора осталось два года, смерть духовная уже на пороге – это его последняя картина.

Бубнят: антропософия... боженька... пантеизм... декадентство... ускользающий символ... грезы слабости... новая неэвклидовость... гениальное обобщение... благодатный материал психиатру... ничего не понять... тра-та-та...

Rex молчал в сентябре 1975-го, когда мы с ним виделись на выставке к столетию со дня рождения М.К.Ч. Культурный зритель штурмовал тогда стены ГМИИ, укравшие гостей из *Metropolitan*'а заокеанского (плоды

разрядки! – наивно радовались газеты), на Лаврушинском же все желающие входили через десять минут. Rex тогда молчал. Он оставался какой-то расплывчатой точкой, подытоживающей первые впечатления от нашей встречи. Или – многоточием: «Чюрленис – это...». И через год – та же история. В Каунасе он только едва шевельнул губами: «Всё бегаете? Ну, ну...». Ему был, наверное, хорошо ведом маршрут-планида нашего с Тamarой отпуска: *посадить картошку «старикам» сначала в Подмоскoвье потом под Ленинградом поклеить обои у бабушки и сбежав от годовой дочки за премиальную неделю объехать три прибалтийских республики утром побродить в Друскининкае днем из такси выскочить унося ноги от грабителей вечер прожить в каунасской картинной галерее ночь своим чередом добить на железнодорожной полке.*

Потом «Rex» надолго погрузился в память... на забвение. Какие и с чем он там, под черепной костью, налаживал связи, мне не ведомо. Лишь год назад картина почему-то припомнилась, причем по обидному для нее поводу: «А интересно было бы – мысль такая, значит, пришла, – проанализировать топологию «Rex'a», структуру чюрленисова пространства уточнить». Прощтрафился я примерно так: *любопытно уже общее число мировых сфер они особенно удобны для счета на эскизе картины их семь да и скал мировых семь и семь солнц возле общего горизонта а на что похож контур суши на полушарии не Гондвана ли или Лавразия и тень от светоча почему-то подчинена законам проекции по дугам не прямоком достаточно для примера взять точку стыка кресла с шаром и как это ангелам удобно сидеть на эфемерной линии тени и зачем два светила в уголках пересмешничают средневековую космологию и до геометрической строгости обобщены силуэты деревьев скольких же спросим кратностей их отражения и какой тип симметрии они несут...*

Теперь я выбрасываю все эти наблюдения, за ненадобностью. Выбрoсил (или постарался забыть). И вот Rex, кажется, заговорил:

Я – это ты, человек.

Сверх всего и во всем и просто легкая тень от огня свечки. Крохотный и безмерный. Мигom несомый и вечность направляемый.

Я – это мир.

Неразъятый, ясный, простертый вне всяческих масштабов и всякой малости уместный. Плотно сбитый клубок материи и всюду пронизанная утром свежесть духа.

Я – это красота.

Стоящая выше слов и не затрагиваемая оценками. Напоминающая о дорогах без конца. Красота – это слитость. Слитость мира в человеке и для человека.

Уверен, что когда-нибудь этот голос будет звучать для меня иначе и не о том. *Rex* – он ведь живой. Он вместе с нами. Он – это мы?

Октябрь 1983

Философия перечисления

Недавно, обдумывая дальнюю судьбу задумки своей (сколько *d* звучит разом!), наладил я перечень тем для неуклонного исполнения: о чем уже размышлял или по разным поводам оставлял наброски, то, мол, обязано пойти в дело «Опытов». Порядка здесь особого, конечно, нет и не было: номер 3 – «В.И. Ленин», 8 – «Уитмен и Рабле», 14 – «Бог», 15 – «Точка Омега», 25 – «Лосев», 45 – «Философия перечисления» (вот, тему вынужден начать прежде многого), 53 – «Русская идея», 57 – «Что не успел сказать отец», 75 – «Дилетантизм»... Список как список, только работой да галочки в нем проставляй! Самый рабочий список⁷⁸.

Да не тут-то... стало. Оказывается, простейшая операция перечисления породила непростой (сколько *n* и *p* – гамузом) объект, по своеволию заживший полновесной собственной жизнью. Любой из «пунктов» не просто очертил некий замысел, но и обрел уже собственную плоть, но и сросся – втихую – корнями своими с соседями. Как тяжело, оказывается, вырывать что-либо из списка, дабы развить или досказать тему, чтобы перенести ее в «чистовую» черную тетрадь! Я даже начал ругать себя за наивность и вознамерился было уничтожить зловерный (как *з–з* вызванивает!) листок. А теперь вижу, что вовсе не волен в своих поступках.

От судьбы не уйдешь. Тема № 45 уже двинулась в путь.

В известных «Жизнеописаниях философов» известного «книгочея» и «извлекателя», неизвестного (в смысле собственной биографии) грека Диогена Лаэртского *буквально всё* интересно и поучительно, но мне *должно*

---

⁷⁸ Список действительно был рабочим и даже вполне заставлял работать далее. Так, в октябре 1983 года он зафиксировал 75 тем. В следующем заходе, в октябре 1986 года, таких тем стало 118, с коротким отчетом: «Из первоначальных 75 реализовано 20 (27%), по ходу <дела> добавлено 43 (от 75 – 57 %), из общего числа 118 реализовано 36 (31%)». Последний раз подвел баланс сей «наукометрии» в октябре 1989 года, когда в итоге образовалось 218 позиций. Любопытно отметить, что на эту бухгалтерию «руки доходили» *именно в октябре*, – здесь наступала моя «болдинская осень». Она и поныне является где-то там же, в октябре.

удерживать узду задачи (снова *д* сгрудились... и чего это они?). Вот уж где в недостатке материала, разумеется, вполне сырого, для избранной нами темы! Эта свалка анекдотов, цитат, баек, этот парад имен, дел и замыслов, этот письменностью овеществленный веселый поток античной жизни – всё это просто апофеоз перечисленчества.

Лаэртий, к примеру, с превеликим смаком выписывает известные ему *названия трудов* философов, – знай же, читатель, что у Феофраста, к примеру, имелось таких-то 229 сочинений, в коих на круг числилось 232 808 строк, – и наверняка ему не хотелось съехидничать в адрес будущих историков: эвон столько, коллеги, сотворено нашенскими, а сколько, извините, до вас дошло?! Нет, им скорее двигала жажда перечисления, – вполне человеческое, слишком человеческое чувство или вовсе вожделение (для *в* черед настал). И грек наш не мог оставаться в одиночестве! Вот свидетельства все той же жажды, из времен много после лаэртиева III века: их просто, да-да, перечислю –

– прямо-таки водопадом раблезианских, как говорится, масштабов предстают перечисления у самого Рабле, в каждой из пяти его книг (а читателю обещано еще семьдесят три тома, – и снова, конечно, целый перечень маячит!): тут тщательно перебираются все виды подтирок у Гаргантюа, и нескончаемы перечни гастрономических прелестей, тут встречаются хорошо знакомые – по образцам того же Лаэртия – книжные перечни («Облысение зада у вдовиц», «О происхождении ханжей и обычных лицемеров, в семи книгах», и прочего на две сотни наименований), тут же и сказ про известного – не того – Диогена, которому было вовсе не скучно общаться со своей знаменитой бочкой, ибо он ее «переворачивал, чинил, грязнил, наливал...» (итого 66 деяний, но я, кажется, сбился со счета), да прибавить числом за триста эпитетов к слову «блудодей»... нет, ежели всё перечислять, конца этому тезису не будет;

– свидетельство скорее автобиографическое: одно из самых теплых (некогда искать более точное прилагательное) впечатлений детства моего прямо связано с чтением «Робинзона Крузо», и связь во многом определена опять-таки перечислениями; доньше не забыть того упоения, с которым я (и тот храбрый моряк из Йорка) переправлял после кораблекрушения на берег плотницкие топоры, бочонки с пулями и порохом, солонину, плотно парусов, снасти... ах, как вкусно и сейчас ставить эти запятые!

– глава XI из «Портрета Дориана Грея»: герой в трагической ненасытности своей перебирает, *цепляется* за бесконечные проявления того, что он «считал красотою жизни», и нам демонстрируется целая вереница эстетик (или *эстетика вереницы?*) самых разных мастей – от философских

учений до гобеленов и драгоценных камней (изысканный Уайльд и грубый Рабле одинаково тонко отреагировали на глубинный импульс культуры);

– а кого, спросим, не умиляло героическое бессмыслие дел Буvara и Пекюше, вознамерившихся буквально *прожить* перечень: химия, сельское хозяйство, врачевание, натурфилософия, история, военное дело, педагогика... уж коли сам Флобер не до конца исполнил собственный замысел, мне и подавно пристало использовать привычное (видите ли, **n** кучкуются) многоточие; вспомним к случаю «Искушение святого Антония» того же авторства – нескончаемая, неоглядная, пестрая череда религиозных верований сходит со страниц, достойных незабвенного Лаэртца;

– в одном рассказе аргентинского писателя и философа Х.Л. Борхеса «цитируется» некая китайская энциклопедия, которая подразделяет животных на «а) принадлежащих Императору, б) бальзамированных, в) прирученных, г) молочных поросят, д) сирен, е) сказочных, ж) бродячих собак, з) включенных в настоящую классификацию, и) буйствующих, как в безумии, к) неисчислимых, л) нарисованных очень тонкой кисточкой на верблюжьей шерсти, м) и прочих, н) только что разбивших кувшин, о) издалека кажущихся мухами». Тут мы застали качественно новый сорт «перечисленчества», – не просто удовлетворяется старинное стихийное влечение, но и воздвигнут логический предел ему. Недаром борхесова таксономия, где «общее пространство встреч оказывается разрушенным», послужила Мишелю Фуко главным толчком к исследованию того, как вообще культура научается видеть порядок в окружающем мире и каким лицом последний, собственно, обладает («Слова и вещи. Археология гуманитарных наук»);

– во всяком случае, люди далекого будущего смогут использовать Их Величество Перечисление «на всю катушку», хотя бы для изысканного времяпровождения; вот и в «Геометрическом лесе» Геннадия Гора некто включил нечто – на дворе далекое будущее – и замелькало, запрыгало, зазвучало, унося с собой зрителя: «...нога бабы-яги... лицо Сикстинской мадонны... раскрытый рот Гитлера... снежный обвал в Альпах... нежный звук флейты в густом пихтовом лесу... Меньшиков, продающий пироги с зайчатинной... усики Марселя Пруста... египетский фараон, лихо мчащийся на мотоцикле... король Лир и баржа с осиновыми дровами...» (весь список мелькающих «реальностей» занимает четыре страницы);

– сюда же, в нашу коллекцию великих и разнообразных перечислений, с удовольствием прибавлю красивый пример *невозможного* и одновременно *наличного* множества, составленного (путем простого называния и перечисления) из трех элементов – *Солнца, разума и апельсина*: так Иван

Жегалкин изящно демонстрировал великую мощь канторовской математической теории, впервые знакомя с ней российскую ученую братию и, даже позволительно сказать, привнося в Отечество наше новую теоретико-множественную культуру («Трансфинитные числа», 1907);

– и еще: случайно ли в моем тексте согласные вольнодумствуют безликие? быть может, у них собственная махонькая правда есть, и они тоже что-то хотят для нас прибавить, хотят сообщить своими перечнями и группировками (тщатся породить новые смыслы новой культуры?); бедные, им, как и мне, так не хватает сил и красок...

Но довольно перечисления перечислений!

Я так разумею (даю рекомендации себе, т.е. к методу «Опытов»):

если ты хочешь изобразить реальность в ее незамутненной данности, то смело фиксируй фрагменты, атомы, молекулы ее, особо не тщась упорядочить видимый хаос,

если последовательно перечисленное воспринято единым и целым, трудился ты, знать, не зря,

если «эстетика вереницы» не насилует твои чувства, у тебя есть шанс одолеть пространство и время в почти-свободном-перемещении-духа,

если самое важное в творчестве – сопереживание и сотворчество, то не трать, пожалуйста, слов всуе (не слишком много «перечисляй»), ибо читателю, со-беседнику твоему может не остаться места,

если вчера волновали предельные возможности двоичных сумматоров, сегодня рад пяти строчкам об осеннем дожде, а завтра вдруг напишется заголовок «О сущем», то не стоит страшиться симптомов никчемности или разбросанности дилетантской, это скорее признак душевного здоровья.

Одному человеку в одну жизнь не вместить дел многих – разве что *одно* только, посильное. Остается – *перечислять*. На то и они – «Опыты» эти, вроде как вместо жизни вечной и дел под стать вечному.

Сентябрь 1980, октябрь 1983

Случай с причинностью

Словно скобки некое прозаическое повествование, облекают окраины новой моей темы два классических высказывания.

Одно (под тамошним номером 58) легко найти среди «плодов раздумий» Козьмы Пруткова: «щелкни кобылу в нос – она махнет хвостом». Очень оно мне любо. Другое нужное тут высказывание составляет набросок у Николая Заболоцкого, кажется, из «Поэмы дождя»:

*... Причина – следствию отец
А следствие – отец причины
Попробуй тут найти конец –
Не разберешься до кончины...*

Первая «скобка» лаконично обнажает все метафизические глубины того, что принято называть *причинно-следственной связью*, «скобка» вторая велит не забывать о жизни подлинной, устроенной вопреки схемам из головы. Да и Кузьма Петрович тоже подозревал, с чем имеет дело, даром ли «плод» номер 78 у него таковым созрел: «Где начало того конца, которым оканчивается начало?».

Словом, «глядя на мир, нельзя не удивляться», а еще вернее следовать бессмертному «Бди!» и засим полностью изгнать из употребления скобки, точки и прочие атрибуты перерыва либо остановки. Хотя бы теоретически – стремиться к этому.

Практически остановок можно избежать так или этак – тронуться в путь по замкнутому маршруту либо двигаться вперед и прямо, без возврата. На деле все одно спираль выйдет, и только темперамент идущего определяет, какую дорогу тот себе... вообразил. Я воображаю («А-а, воображала», – не раз морщились девчонки на мой счет; им уже было известно чуть ли не все про эти строки), что у меня нет дороги, что я волен в замыслах и их исполнении, а куски этих «Опытов» будут хорошо, т.е. бестолково, нелепо, хаотично, перемешано перемешаны. Иначе зачем со следующего предложения устраивать публичное покаяние в трусливых помыслах организовать писание ладненько-причинненько, со щелчком и хвостом?!

Да, план был-с. Автору хотелось где-то *потом* порассуждать об информации как таковой (много и прочувствованно), а еще потом – Бог ежели даст – про некий если-не-собственный-то-собою-выстраданный «экстраполяционный подход» к ней, а *прежде* того было бы... *порядочно* обтопать подходы к информации, и значит, следовало говорить о феномене предвосхищения и категории причинности. Тут можно было бы бодро побренчать о свободе и необходимости, эрудировано «ввернуть» паскалев – нет, клеопатров – или-таки паскалев? – а, ладно, паскаль-клеопатров знаменитый нос («будь он чуть покороче – облик земли стал бы иным»), уже была заготовлена и очередная формулировка на человечество («человек есть непричинное животное»), уже потиралось рукам и во предвкушение грядущего – плавного – перехода от казуистики казуальности ко вопросам о времени и околесице около...

Нетушки. Непричинное я существо, в конце-то концов, или нет?! Разве я не свободен?! Вот возьму и буду сочинять далее... что первым на ум взбредет... без всяких планов... глупость какую... во, про капусту...

Ноябрь 1983

Про капусту

Классическое приспособление для деторождения, наиболее впечатляющее украшение усов, осязательная модель истины, постигаемой чередой поколений – каждое свой слой колупает, и так вплоть до кочерыжки, сиречь абсолютного знания... Это для смеху. А серьезно?

В прошлый раз я первым делом утвердил в чистовике заголовок этого фрагмента, не имея еще абсолютно никаких наметок по теме. Спешил, чтобы не было соблазнов увильнуть от серьезного разговора (или приговора). И вот теперь «пришла пора подумать о делах...»

О делах. Сегодня спал, прихватив почти полдня к ночи: от пятницы до пятницы не думалось, думаться *не могло* ни о какой капусте, еще много о чем не могло. Да, я не всё успею сделать из того, что очень хотел бы – слишком это время тревожно, оно решительно и ревниво рушит планы личные и просто пожирает отпущенное тебе Богом. – Так надо.

Но взамен я ускоренным курсом постиг, что же объединяет всех пишущих, всех *пишущих искренне*. Это – то, что ими *не сказано*. Чем больше выговоришься, тем дальше ты от того идеального союза. Чем реже в руке перо (то бишь, ручка шариковая) и чем чаще о нем только мечтаешь без сил, тем ближе ты к братству творящих. Такова сила и могущество... той самой капусты, благи свойства ее!

Капуста эта сажена на огороде мудрого и веселого Чарлза Доджсона, жила она и у мудрого и грустного Уильяма Портера, наверно, и еще где-нибудь и у кого, да о том не ведаю. И сподручнее нам иные имена – мудрые огородари те зовутся Льюис Кэрролл да О'Генри, а капусту давайте посчитаем символом творчества.

О'Генри начал свою знаменитую повесть «присказкой Плотника», загадочными словами кэрроллова персонажа. Одна несказанность продлевалась другой: много ли, друзья, капустного найдется в «Королях и капусте»?.. Так и надобно! Давайте творить тексты и ничего не бояться, обязательно лишь блюсти правило *обязательного умолчания*. Всё в порядке, если прыгает с ладони на ладонь упругий кочешок творчества, и, как Моржу, снова сладко бормочется:

*Пришла пора
Подумать о делах:
О башмаках и сургуче,
Капусте, королях...*

Ноябрь 1983

Буду разным...

Листал написанное. Неужели все это действительно так жалко? Нет ни одной блестящей? Но почему же когда-то – не столь уж и давно – меня так радовали всякие штучки, будь то очередной метафизический «подвиг», неожиданный ход немудрящего сюжета или случайно выскочившая аллитерация? Или вообще нельзя приступать к писательству, не зашемив мизинец скептицизма дверью? (Вот, и на красивости снова кособочит...). Поборемся! Я сегодняшней – усталый, выжатый, скучный, – обязан совпадать с собой нездешним – веселым, наивным, влюбчивым, вчерашним. И совпадать и, вместе, – различаться. И не бояться себя грядущего.

Буду разным. Самогождественности синоним – смерть. Незачем жить, коли будешь всегда похож на себя, а самому от других не отличаться. Буду разным. Как уже приходилось, бывало, в разных точках траектории за моей спиной: чутьчку – геологом, слегка – физиком, немного – философом, столь же в малости – поэтом или педагогом, одной половиной своей – хмуриться, другой – улыбаться, десницей фигуры извивные лепить, шуйцей катать шарики безысходные...

Недавно был на сабантуе в Московском Доме Ученых, где научную конференцию («Античность как тип культуры», или похоже) открывал сам Лосев, и потому хватало страждущих. Глядя на интеллигентную публику, заполняющую перед началом действия традиционные листки регистрации (профессия, должность, место работы), для смеха примерился под те графы:

бороться с собой... майор от философии... Подольск-что-в-лесу...

Дело не в формулировках и классификациях, тем паче они случайны и шутейны-таки. Буду разным. Нет мне интересу только блюсти грамматику и орфографию письма, как и только шлифовать идеи до аккуратности научной статьи, не хочу без конца топтаться на пяточке инженерных нужд либо всю жизнь изучать постылый «–изм» в оправдание философских притязаний, не желаю следовать канонам писательских форм – хоть больших, хоть малых, не буду делать того, чего не хочу или что сделают и без меня.

Буду плавать, не приставая надолго ни к чьей суше.

Конечно, такое «положение дел» очень напоминает судьбу... известной субстанции, что болтается в проруби неприкаянно. Не уточняя характера сей очевидной ассоциации (юмористически-помогающая она или безжалостно-уничтожающая), ставлю окончательное – буду.

Ноябрь 1983

Факты и принципы

– Я и близкое мне окружение – мы не выносим оголтелого позитивизма. Нам говорят: “А как же фа-а-а-акты?” (и зал невольно посмеивается вслед за издевательски протянутой гласной). Факты... А есть ли у вас – прежде всего! – *теория* факта? Факт – он потом уж... И дальше: *что* есть факт культуры? Насколько там усложнена и запутана сама фактичность... Нет, сначала нужен принцип культуры, – ее модель, ее структура... *Принцип!*.. (категоричен нажим на «и» – и в зале хмурят лбы, вроде бы соглашаясь и припоминая формулировки из книг оратора).

Так начиналось выступление Алексея Федоровича на упомянутой конференции. Я воспроизвожу только смысловые узлы фраз и – как могу – главные интонации. Увы, останутся неизреченными те важнейшие паузы, когда говорящий умолкает в поисках синонима или эпитета, а слушатели – надо полагать, их души, – отлетают следом за мыслью, только что обрисованной звуком. Даже сглотнуть страшновато – вдруг не поспеешь...

И все-таки пауз тех не хватило. Нынче приходится «добирать», размышляя уже над книгами. К живому голосу Лосева, слышу, присоединяются иные речения. Они даны уже без интонационной окраски, как латынь в тиши вознесшегося полумрака костела или, нет, как шелест морских волн на гальке у берега: мы думали... творили... жили... выбирали мудрость... или добродетель... идите и вы... ищите... – Попробую.

Для этого, к случаю, набросал (по ходу дела, в блокноте своем – прямо там, где записывал лосевские словечки) очень скучное, хотя, возможно, и полезное *общее правило науки*:

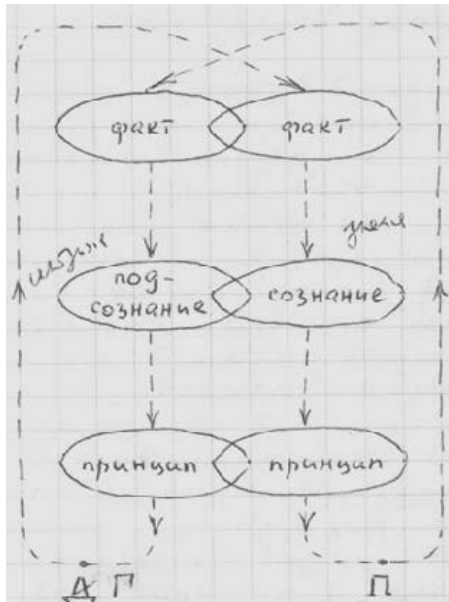
ставь принцип прежде факта, если перед тобой виден хаос, и скорее обращай к фактам, коль усмотрел порядка в излишке.

К этому правилу – оно показалось мне некоторым уточнением или модификацией того слишком уж категоричного, как мне показалось, императива «от Лосева», – тут же замышлялись, конечно, и некоторые подтверждающие иллюстрации. Но... по их исполнению, воле моей явно вопреки, выходили скорее комментарии *против* наивного правила.

В самом деле: вот Николай Морозов (шлссельбуржец, да), одной ладошкой лихо так смахивает в небытие превеликий факт существования целого античного мира, а другой – подымает ввысь, как знамя, какое-то единичное землетрясение на каком-то отдельном острове Патмосе, и перед нами развернут уже и не малый факт вовсе, а целый новый мир, со своей новой историей, – Историей Из Головы. Вот Исаак Ньютон, который, как мы знаем, – «гипотез не измышляю», вопреки красивым заявлениям создает холодную абстракцию абсолютного пространства и времени. Хотел изучать факты, а оставил нам – принцип («гипотезу»). А вот совсем диковинное приключение с фактами и принципами: поначалу библиотекарь Николай Федоров строит чисто теоретическое умозаключение от философии «общего дела» к неизбежности освоения космоса человечеством, продолжается сюжет на письменном столе в Калуге, когда из-под пера Циолковского тихо ушло в вечность уравнение движения ракеты, к финалу же на другом столе – стартовом – уже с грохотом взлетает всамделишная ракета, к примеру, капустин-ярская...

– Как я ни старался, а все едино на первый план вылезает он, *принцип*. Лосев абсолютно прав. Да и мне-то, судя по всему, всегда интереснее начинать с принципа и думать о принципах, не дожидаясь прихода нужных фактов. И принципы будто бы являются сами по себе, как бы из ничего.

Принцип – да, он впереди, а отношение его с фактом – всегда запутано и осложнено. Как бы это выразить нагляднее и убедительнее?

Пока (для себя) нарисую-ка вот такую схему, и для домашнего обихода назову ее *триггером мысли* (даром, что ли, когда-то радиотехнику изучал, – пусть она теперь поработает в рамках философии науки). Мне, стало быть, в равной мере приходится пребывать и в «левом» плече триггера, тяготея к точке Г («гипотеза», точка *дилетантизма*), а когда мысль опишет изящную кривую-петлю и, наконец, посетит противоположное плечо, «правое», – понадобились раздумья, анализ фактов, изложение подходов и выводов, – это настал новый этап,

стадия творчества, приводящего в точку П («проверка», точка *профессионализма*). Итого: триггер мысли.

Идею такого «триггера» можно обыгрывать и далее, причем с тем же «радиотехническим» уклоном. Можно порассуждать, к примеру, о гносеологическом смысле *входа запуска* или *установки в «0»*, о варианте *мультивибратора* (сиречь самоподдерживающегося процесса познания) и прочем подобном. Но это, пожалуй, будет скучно. Для меня эта наглядная картинка, прежде всего, уточняет смысл одной из задач «Опытов», возможно, главной: *не застаивайся, брат, ни на уровне «дилетантизма», ни в его противоположной крайности*. Пусть себе живет, как хочет, пусть себе движется мысль без остановки!

Декабрь 1983, январь 1984

Квантовая механика литературы

Памяти М.М. Бахтина

Литературоведа и философа Михаила Михайловича Бахтина до недавних пор едва замечали, теперь почитается уважаемым уже одно только его упоминание.

Ох уж эта «образованность», едва ли не вся выстроенная на стереотипных реакциях по именам! Скажите: «Эйнштейн», и взамен неизбежен отклик об «искривленном (как?) пространстве» и какой-то «относительности» (чего-с?), на «Павлов» пожалуйста вам «рефлексы», на имя Шпенглера – «что-то про закат Европы», тогда как с Бахтиным устойчиво свяжется «диалог» или «хронотоп», а при несколько большей начитанности предстанут еще «гротескное тело» и «карнавал» (с присовокуплением имени Рабле, конечно), а еще «полифония» – уже в соседстве с Достоевским.

Часто, как видим, знание удерживается в *поименной* упаковке, и это, подозреваю, лишь способ употребления культуры, но никак не жизни в ней. Бахтин – прежде всего, мыслитель, потому рядом с ним (с его именем, как, впрочем, и со многими другими большими именами рядом) допустимо только *мыслить*... или помалкивать. Если угодно, к месту будет вспомнить известный христианский запрет *не поминать Имя Господне всуе*. Именно так: пусть верующий верует себе, способный мыслить – мыслит, но и то и другое да будет без «божбы».

После такого зачина мне будет трудно.

Когда-то не так давно, составив тезисы о видимых параллелях *художественной литературы* и... *квантовой механики*, было дело, я очень радовался: мол, диковинно! свежо! ультра-си! во дал! бум-бум-бум!.. Однако вскоре с таким *далековатым* сближением вполне пообвык, а потом вообще выяснил, покопавшись в старых конспектах, что уже давно пользуюсь хорошими советами, и только, получается, делаю вид, что их когда-то не услышал. Подсказывал М.М. Бахтин. Вот некоторые его намеки-подсказки, извлеченные из записей разного времени (подчеркивания везде мои):

– «Критерий *глубины* понимания как один из высших критериев в гуманитарном познании. Слово, если оно только не заведомая ложь, бездонно. Набирать глубину (а не высоту и ширь). *Микромир* слова».

– «Позиция экспериментирующего и наблюдающего в *квантовой теории*. Наличие этой активной позиции меняет всю ситуацию и, следовательно, результаты эксперимента... *Неисчерпаемость* второго сознания, т.е. сознания понимающего и отвечающего: в нем потенциальная *бесконечность* ответов, языков, кодов. Бесконечность против бесконечности».

Выходит, я собрался грести на изрядно разведанный фарватер. Так в путь без колебаний и промедлений! И никаких больше предисловий.

I. *Безостановочность дробления материи.*

Естествоиспытатель делит мир на кучки разной вместимости – от галактик до кварков. В художественной литературе диапазон не меньший, бросить ли взор хотя бы от жанра до слова. Всякая книга имеет изысканно-сложный, гористый рельеф. А вступив на порог смысла, вовсе обнаружишь разинутую про-пасть. Как брахман на бесконечные лады толкует свое кратчайшее «ом», так и любой владеющий языком способен развернуть единое слово в нескончаемый, бесконечный ряд. Пишу: брахманизм семантики слова – и точка, и главное сказано.

II. *Смыкание микро- и макро-*

«Быть может, эти электроны – миры, где пять материков...» Поэтическая интуиция Валерия Брюсова оказалась проворнее мысли нынешних физиков-теоретиков, кои не прочь теперь помещать внутри элементарной частицы целую вселенную, скатанную в микро-шарик по имени «фридмон» или – на другого любителя – «планкон». Физику надобна похвальная изобретательность, чтобы получилось непротиворечиво соединить космологию с микромиром, лирику же достаточно навыка каждодневного обращения к неисчерпаемой словесности. Слово – целый мир,

роман – одно только длинное слово. Какие дефекты масс творит писатель, втискивающий бескрайнее в десяток букв, и какой энергией духа запасается тогда читающий, в краткий миг думанья постигая сразу сотни книг?!

III. *Размытость границ, главенство неопределенности.*

Литература устроена столь же изумительно, как и сама Природа, ею отражаемая – здесь всё абсолютно-неподвижное изгнано без срока и прощения. Смысловые категории перетекают в грамматические, форма втихую становится содержанием, чем основательнее вгрызаешься в факты языка – дескать, как это сделано? – тем дальше оказываешься от целостного понимания. Неопределенность, цвета ее от века водружены на флаге письменной культуры – всегда сделанной, но тщательно скрывающей и умеющей скрывать следы своих инструментов.

IV. *Случай – структурный принцип.*

Литературе претит полная или даже частичная предсказуемость, брать ли пределы одной только книжки (два по возможности далеких по материалу примера – знаменитое «вдруг» у Достоевского и традиция неожиданных поворотов в детективе, – позволяют очертить общий контур утверждения о том, что без случая нет сюжета) или проследить, как от книги к книге мечется траектория конкретного читательского интереса: с момента, когда море сотворенных текстов стало необозримым, любое чтение будет иметь смысловые скачки и рывки. И потому, настаиваю и спрашиваю, возможно ли, чтобы путь через Гомерову «Илиаду», «Смерть Тарелкина» Сухово-Кобылина и, скажем, Маркесовы «Сто лет одиночества» выглядел бы абсолютно гладкой кривой?

V. *Поля как связности.*

Физики с недавних пор штудируют дифференциальную топологию, провозглашают поля «просто» связностями разных типов и, потренировав свою интуицию на математических диковинах, мечтают описать однажды пространство-время Великого Объединения. Упоенно тренькают старые песни литературоведы в своих клетках неведения. Вместе, те и другие не подозревают, какие невероятные истины остаются пока неизреченными, какие сложнейшие поля сцепляют слова в предложения, абзацы в главы, книги в литературу. Да, господа, грядет неведомое пока, грядет великое уравнение силы слова!

VI. Неклассическое время.

Кто хочет получить самую замысловатую форму времени для индивидуального потребления – и чтоб всем и каждому хватило отдельной – тот пусть читает Джойса, Достоевского, Хемингуэя, Фолкнера, Булгакова. Время в мире слов может идти вспять, ветвиться, сворачиваться коконом и впадать в спячку, его умения простираются от описания людских судеб до прокладывания мостов среди литературных галактик. Время несет родовой герб неклассического, т.е. «человеческого, слишком человеческого».

VII. Влияние прибора на объект.

Пока книга не прочтена, она еще даже не текст, а только пыльный склад типографских значков или свалка пробелов. Когда ее прочли, она становится текстом. Когда ее будут читать многие, она становится книгой. Из небытия к становлению и вечно текучей жизни освобождают ее читательские души. Из атомарных прочтений, микронных размеров «информаций» вырастает макротело культурной ценности. И где-то на горизонте еще маячит сонм «эпистемации» – бесконечной суммы таких прочтений.

Вроде бы всё, что хотел высказать, зафиксировал.

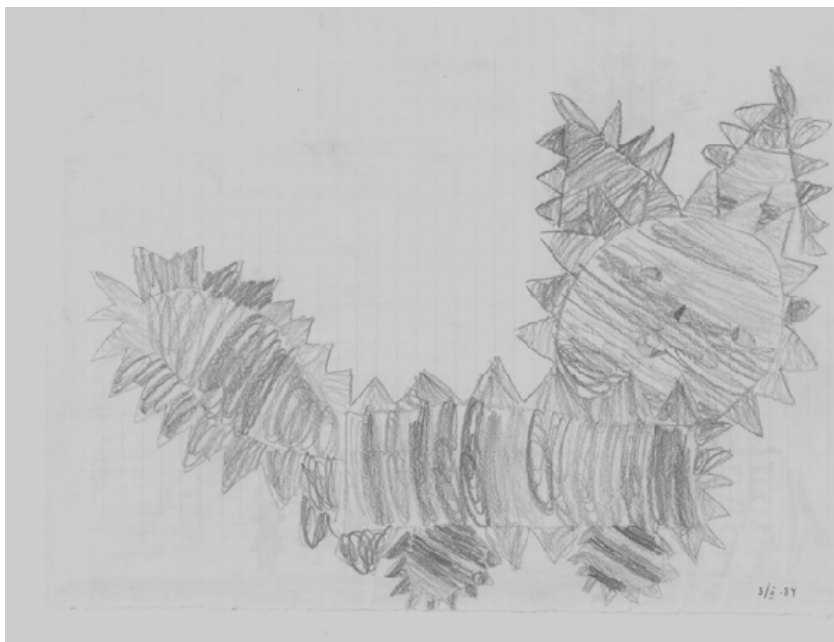
Dixi et animam levavi!

Апрель 1983, январь 1984

Моя «Алиса»

Начнем с Маши. Вот она размышляет вслух: «Послезавтра – это через два дня, а позавчера – через три, да, папа?» А вот – в другой раз, – она уверенно рисует нечто этакое в зубчиках да оборках, светит оно всеми цветами радуги, развеселое, сказочное, живое... Примеры я беру наугад, всего несколько дней чуть внимательней присматриваясь к своей «окружающей среде», а вопросы уже тут как тут. Откуда моей малой дочери ведома философия «вечного возвращения», и кто нашептал этому существу пяти с половиной лет высшие принципы диалектики, – не возводи, мол, границ сущему, даже корни прошлого ищи в будущем? Почему наш *совершенно черный* кот Василий претерпел столь значительные цветовые метаморфозы, обретая свой живописный портрет? Почему... почему оно именно таково, детство? Да, и еще – почему это я, такой вроде логичный и знающий, вдруг прикладываю к детскому лепету самые серьезные мерки? Почему?

– Ставлю экспромты Машенькины эпитафии к писанию этому.

Мне было очень трудно читать «Алису» Кэрролла, трудно – всю жизнь. Малолеткой я наверняка держал в руках адаптированный вариант текста «для детей». Тогда меня попросту рассердила длинная Алисины шея и прочие «глупости»: я рос серьезным мальчиком, не доверял сказкам и зачитывался экспедиционными отчетами Ливингстона и Миклухо-Маклая (в нашей сельской библиотеке почему-то оказалась целая уйма географической литературы специфического содержания). А на четвертом десятке лет жизни состоялась очередная встреча. Теперь «Алиса» укуталась в классическую тогу «Литературных памятников», окружила себя свитой примечаний-приложений, предстала неисчерпаемым источником позитивистского вдохновения. Но история – всё те же нелады с возрастом – повторилась: поспешно и даже почти гадливо пробегая глазами мартин-гарднеровы и прочих комментарии «для взрослых», теперь я спешил вернуться к строчкам самой «сказки», радуясь, вместе с Алисой... не знаю, чему. Может быть, самой непосредственности этой радости, детскости ее.

... И тут застрял. Увы, всякая символизация вторична. Видимо, непосредственные чувства не оформляются без существенных потерь и наслоений постороннего. Тогда и писать-то нет особого, получается, смысла. Чертыхаюсь и все-таки пишу – опосредованно. Или нет, еще почитаю книгу лит-памятниковую, ибо строки ее, как сказала Алиса по поводу *Jabberwocky*,

все-таки «наводят на всякие мысли – хоть я и не знаю, на какие». Глядишь, так и полегчает...

Читал. Думал. Грустил.

Писать не хочу. Но это к делу не относится.

Изволь выкладывать, что есть. Чего нет – надумай.

Так тому и быть.

Что за сила

К нам рвется без стука?

Может, то неизбывная скука   *Безъязыкости древняя мука*
Подала для чудачеств совет?   *Вопрошает у міра ответ?*
Видно, нет.   *Снова – нет.*

Похитрей,

Словно бы для детей,

Он для взрослых

шифрует

доктрины,

Где легко

не понять

половины?

Нет,

конечно!

Сполна

Душу міру дарила

Лишь Алиса. Она –

Эта сила!

Для разгона, пока свежие мысли не подоспели, привожу свой довольно старый стишок «Загадка Кэрролла». Я его слегка подлатал. Сия портновская операция обычно применяется по бедности, – да, и нынче мне что-то не рифмуется (уже или пока?) – или когда старую вещь просто жалко выбросить. Последнюю возможность также не отрицаю. А еще, кажется, строфы эти вполне получили не только правильную (т.е. естественную, соответствующие ситуации, ненадуманную) форму, но в них и содержание укрылось нужное, хотя и не вполне ясное. Так что теперь настала-таки пора изъясниться (прозой).

Итак, «эта сила» – Алиса.

Любил ли ее Кэрролл, изрядно разнясь в возрасте со своим «предметом»? – К последней странице рукописи «Приключений Алисы под

землей» автор прикрепил фотографию. «Улика-с» – хихикнут подленько *все понимающие...* но она мало кого оставит равнодушным: такая симпатия светит нам своими глазенками-звездами! Так – любил? Напрочь отменяя всяческие подозрения, каковым в пору правовая, экономическая либо физиологическая терминология (*брак, секс* и прочее, больно быющее по ушам), скажу смело – *да, любил*. Любил светло, незамутненно, первородно, если угодно, даже философично.

В двух своих «Путешествиях» преподобный Чарльз Доджсон запечатлел само дыхание любви, он учит ее науке всех и каждого. Каждого, кто усвоит простую истину: любишь – это когда жизненно важно ставить себя на место любимого человека, когда и жизнью-то одной не обойтись, когда она *удваивается...* (Помечу по месту: наверное, подолгу пребывать в таком состоянии мало кому удастся, и часто любовь обречена на естественную смерть, – после победы природного эгоцентризма. Потому и драгоценно чувство любви, что оно позволяет хоть ненадолго вырваться из тюрьмы единоличного «я» и глубоким – на один раз! – вдохом расширить грудь до богатырских размеров). Ясноглазое детство помножилось на грустную взрослость, Белый Рыцарь попал на одну тропу с Алисой, свершился великий акт любви – и не могла не появиться великая книга. А дальше...

Дальше – просто.

Двойное *видение*, дарованное в любви, *видение* особое, скажу даже – *ясновидение* (долой одиозный смысл этого сочетания!) и есть исток всего важного и нужного, что можно найти в «Алисе». Потрошите книгу с превеликим рвением, товарищи философы, филологи, историки науки, искусствоведы, моралисты и проч., ибо автор *походя* рассыпал в ней столько всяческих «штучек», что вы все равно не увидите многого, сколько бы ни тарачились! Укладывайте «Алису» под подушку на ночь, милые влюбленные, и да поможет она продлить вам счастливые дни и часы перевозданного чувства!

Старый и малый, пусть каждый берет эту книгу вовремя.

Февраль 1984

ЧТИВО

Апрель 1979

10 Д. Гранин. Эта странная жизнь.

1 Несколько лет собирался прочесть, немного узнав-услышав о Любичеве. Вот прочел. Теперь, думается, примеры из его жизни многое облегчат мне самому: и разбросанность, и природный дилетантизм, и тягу к метафизике, и, так сказать, нейтральное отношение к быту – рад все это обнаружить у себя и заполучить «эту странную жизнь» *титана* в арбитры, как основание для самостояния. Вот только чем я-то кончу?

Прибавление в сентябре 2018 года. Два десятка лет спустя, работая с оказией в Архиве РАН (питерское отделение), я не удержался и «полистал» некоторые творческие рукописи и «талмуды» А.А. Любичева. Формальный повод на то был, конечно, благополучно (себе и для себя) придуман, – де, хорошо бы найти следы упоминания о Лосеве и его книгах, особенного из первого «восьмикнижия», ведь не мог же пройти «стихийный платоник» (так его называл в разговоре со мной Ю.А. Шрейдер) мимо платоника настоящего... Никаких «следов», конечно, не обнаружил, но в реальности этой «странной жизни» *собственно-ручно* и *собственно-глазно* убедился. Прямо, можно сказать, перевел фигуру А.А.Л. из области семиотического существования в область существования реального, почти физического.

11 Д. Олдридж. Последний взгляд (Иностранная литература, № 12, 1978).

2 Плохо знаю творческие биографии и Хемингуэя, и Фицджеральда (второго и не читал толком), но «версия» автора пришлась как раз впору по мне. Когда выдумка убедительна? Самые фантастические страсти, самые странные, нечеловеческие прямо-таки отношения – и где же правда? Собственно, если вдуматься, что же тут «не так» – отнюдь, всё привычно, всё «так», а традиция нарушена чуть-чуть. Просто вместо сочиненной жизни сочиненных героев нам предложена сочиненная жизнь героев когда-то реальных. Да и сочинена ли, на деле, их жизнь? Скорее она просеяна от всечеловеческой шелухи, шелухи каждодневной, если угодно – абстрагирована от несущественных (сиречь нежизненных) деталей. А вот абстракция – штука серьезная, с нею нужны особенные правила обращения. Кроме того, абстракция эта – не научная (= сухая, такая эфирная, лишенная плоти), но художественная (= живущая в своем мире, мире условном, псевдо-реальном, но все-таки она, повторюсь, живая). Повесть – прекрасная, кажется, иллюстрация к идее Ю.А. Шрейдера о принципиальном различии текстов с *порожденной семантикой* и текстов с *трансформированной семантикой*, а также к связанному с этим различием тезису-антиномии: «существование обозначаемого обуславливается существованием

обозначающего тем сильнее, чем идеальнее само обозначаемое» (Семиотика и информатика, № 7, с. 164).

14 Ю. Бондарев. Берег.

3 Сначала привлекли сложные временные метаморфозы в романе, благо, что как раз сочинял статью о *времени в тексте*. Но «литературовед» во мне очень скоро умер, уступив место просто жадно читающему человеку. Типический сюжет – встреча двух любящих через много лет – но слишком уж много наблюденного и своего-кровного преподнес автор; факт, что он был убедителен в *знании и понимании* всего этого. Название – в мою копилку емких метафор-заголовков. И подсчетом *числа истин* Ю.Б. занялся тоже вполне подходяще.

18 К. Федин. Города и годы.

4 Разительны параллели 3 и 4 – та же метафора с берегом, к которому так и не прибил Андрей Старцев, такое же вольное обращение со временем. Что изображено – судьба двоих на фоне мировых коллизий или, отнюдь, коллизии на фоне их судеб? Гениальны фединские отступления – в них метафоризм, точность и убедительность явлены одновременно.

19 Д. Мильтон. Потерянный рай.

5 Наконец-то возвратил должок – месяца два назад бросил чтение, остановившись на десятой книге. Сие занятие требовало усидчивости: дело, видно, не в том, что скучновато-с, а в необходимости погрузиться в поток неподатливых слов и сцеплять-сцеплять-сцеплять их в поток смысла... С нашим «неклассическим», так скажем, образованием изложение библейских сюжетов уже само по себе полезно, но дело усугубляется явственным авторским присутствием. Здесь М. отступает от догматов и канонов – он против отрыва души от тела, своя трактовка любви Адама и Евы до грехопадения, – и допускает жизнь саму в строй сюжета (жизнь современную ему, «живую»): артиллерия у бесовских сил, очень земные словесные перепалки Прародителей и т.п. Материал, конечно, многое продиктовал: и высокий стиль, и постоянные изощренные попытки «примирения» двух начал – Божьего провидения и свободной воли.

Любопытно сопоставить 2 и 5: «когти льва», талант обнаруживаются в естественных, органичных отступлениях от «действительности» («действительность» в одном случае – биография реальных людей, в другом – канонизированная легенда; соль одна и та же – именно в отступлениях, в «дельте», в приращениях).

Май 1979

12 В. Закруткин. Матерь человеческая.

6 Читал и местами, буквально, щипало в носу – уж и не вспомню, когда сие приключалось со мной в подобных случаях (разве что

при чтении «Серебряных рельс» Вл. Чивилихина, наверное). Прекрасный это критерий художественности – когда в носу щиплет.

Автор и материал. Трудно было писать такое. И подчас правильнее – здесь именно так и сделано – не мудрить с формой, когда столь ответственное содержание. Собственно, чисто авторское здесь – только зачин и эпилог для проведения линии «Св. Мария – героиня – Матьер».

Еще подумалось, что некоторые «тексты» (уже нужны кавычки) оберегаются неким принципом неприкосновенности, неанализируемости. Их признак – слишком человеческое, слишком правда, слишком содержательно. Впрочем, к своим творениям иначе могут относиться авторы: они-то их создают, и потому ремесленный вопрос формы им важен, ими должен решаться и решается. Ужасно это – выражать невыразимое. До сих пор особенно удивляет меня поэтов братия: о своих (или чужих, но близких) несчастьях *еще* и рифмовать!..

(отпуск: п.п. 1–6)

23 Ж. Санд. Мопра.

7   Ничего из ее литературного наследия прежде как-то не встречал, о ней имел при себе лишь жалкие отголоски реальных фактов; теперь вот поправил дело. Стоило того, оказывается.

Риторизм и напыщенность, «сделанность» отдельных мест текста кажутся, понятное дело, неестественными сами по себе, но они умело нижутся в события, фабулу и характеры, так что в итоге история Эдме и Бернара Мопра становится (или мне тоже кажется?) убедительной и даже волнующей. Вот еще одна иллюстрация к принципу системности текста: «текст» претендует на изоморфизм с действительностью, отдельные же «знаки» из него – нет (да простит мне изысканная дама сей неуклюжий позитивизм!).

Июнь 1979

13 Д. Ийеш. В ладье Харона.

8   Уникальная, надеюсь, вещь. Достигнут в ней удивительный синтез «слепок» реальности и «рассуждений вообще». Особенно впечатляет кусок о шекспировском Стратфорде: очень к теме (если речь о смерти и бессмертии) и очень свежо и неожиданно. Подумалось также (вполне тривиально и – теме вещи – уместно): как я оценил бы эту вещь лет через 50? Смешно же предполагать...

17 К. Симонов. Мы не увидимся с тобой...

9   Прочел залпом – этим все сказано. Видно, пора мне исправляться перед Симоновым, Константином Михайловичем – эта повесть была первой из им написанного (в прозе) и мной прочитанного в конъюнкции. Мы – *увиделись*.

23 Е. Носов. Усвятские шлемоносцы.

10 Поездка в Москву оказалась полезной уже потому, что в дороге прочел повесть. О чем она? Думаю, она прежде всего отвечает на вопрос, почему мы не могли не победить в той Войне.

И отвлеченный тезис о силе народной – подишь ты, как он убедительно доказывается. Без абстракций и зауми, но умно и с любовью и бережностью к людям.

28 В. Астафьев. Царь-рыба.

11 Сибирская экзотика – не главное. Главное – обязательность, ненадуманность и *свое* в написанном. «Нет мне покоя...». Такие книги, и вправду, учат жить.

Позитивистское: архетипичность рассказа «Царь-рыба» и хемингуэевой вещи «Старик и море». При всех различиях – очевидная переключка.

В смысле ремесленном и для небольшой критики: целое вообще-то рассыпается на куски, а те – *не все*, я бы сказал, *изрядные*.

Июль 1979

5 Н. Лесков. Запечатленный ангел.

12 «Многофункциональная» вещь: фольклор (православно-славянский штиль), бытописание (поверхностное) староверов, любовь к русской иконописи и более того – к иконописцам и, наконец, неожиданно грубое «приземление» в финале. Истинная литература всегда была такой: слепок реальности и одновременной фикций, фантазий, порождаемых этой реальностью, и в итоге (и потому именно) – некое хранилище, оберегающее для потомков мимолетные черты былого.

20 Н. Лесков. Очарованный странник.

13 Пути-дороги Ивана Флягина – своеобразный концентрат судеб крестьянских «на Руси». Лесков иногда предстает совсем как атеист – история с «жидом»-коровой, или «магнетизеровы» штучки при крайней степени опьянения. Или это – снова и опять, своеобразное художественное «приземление»?

Август 1979

2 М. Шагинян. Четыре урока у Ленина.

14 Только что прочел и никак не соберу мысли: слишком о многом думалось, слишком часто ругал себя за равнодушие и аполитичную лень. Да, да! Прими, В.П., как бесспорный факт: великая старуха-философ сама преподнесла тебе урок, и немалый.

Похоже, надо приступать учиться жизни, здесь – жизни более общественной и более философичной...

18 Дж. Фаулз. Башня из черного дерева (Иностранная литература, № 3, 1979).

15 Господи, опять аналитик во мне начал свою полоумную болтовню: про информационное восприятие художественного текста, о постоянной экстраполяции и вечном сопоставлении прочитанного с собственными знаниями, ситуациями и переживаниями – тому имя жизненный опыт. К черту позитивизм! Вот настала пора и моего *Котминэ*... Самая великая литература не избавляет от собственно-выстраданных решений, потерь и приобретений. А я все учусь жить. В конце третьего десятка лет жизни – учусь, и больше – по книгам, кажется.

20 Г. Флобер. Бувар и Пекюше.

16 Повесть о «двух мокрицах»? Да. Повод дать обзор тезауруса научно-технических и общественных воззрений, преломленных разумом обывателя? Да. Предупреждение нам, собирающимся строить лучшее будущее (коммунизм), упреждение тому, что свободное время – штука опасная? Похоже, так. И уж точно следующее: произведение стоит в ряду немногих, и ряд этот составлен изображениями-концентрациями характеров, нравов, личностей. Одна из задач великой литературы – заготавливать такие вот *контрольные образцы*, используя иногда и формалин.

26 В. Катаев. Алмазный мой венец (Новый мир, № 6, 1978).

17 Автор – принципиальный мифотворец. Он сознательно «обезличил» и «обезымянил» людей, о коих нашел нужным здесь вспоминать: ключик, синеглазый, будетлянин... Возврат к архаичной магии имен при особом этих имен употреблении, да. Интересна авторская позиция «против времени»: избранный им «новый метод» (ассоциативный) все равно не устраняет экстраполяции, потому разрозненные, казалось бы, куски повествования по крайней мере толерантны друг другу. Вместе с тем, сквозь завесу забвения всюду прорываются драгоценные видимые реалии: все-таки пишет *очевидец*, оценивающий годы своей молодости венцом жизни, алмазным (да!) венцом.

Сентябрь 1979

9 В. Белов. Привычное дело.

18 Больно читать эту повесть «про жись», которая – *привычное дело*. Везет «деревенской теме» на бережных и равнодушных выразителей. Куда как отстает «город» и уж тем более «армия»!.. Как это трудно – увидеть бездны в привычном, простом, на первый взгляд неинтересном и банальном.

19 Э.Т.А. Гофман. Повелитель блох.

19 Думал о гофмановской двуплановости (характерной для всего его творчества, не только для этой повести) и добрался до простой мысли – а ведь и в самом деле не худо было бы *обладать стеклышком* мастера-блохи,

дабы видеть тайные пружины бытия и читать «правду в глазах». (С таким «стеклышком» и живут подлинные философы?) Весь его метод – поэтическая метафора о противоречиях жизни, о диалектике светлого и темного, лежащего на поверхности и подспудного – двигателей Вселенной. И еще досталось от него естествоиспытателям. Мол, куда лезете вы со своими микроскопами, куда ломитесь в мир, где царствует Чудо, иное имя которому – Жизнь сама. Полезное получаешь предупреждение «не зарываться» и не упрощать дело какими-то скорыми «объяснениями».

24 Слово о полку Игореве.

20 Отчего потянуло читать (вернее, перечитывать) это, не могу объяснить. Подишь ты – ощутил, постиг *святость* (почти) вещи. Масса вопросов, бурная полемика, жажда *узнать* истину – все заставляет читать «Слово» и вникать в дискуссии вокруг него. Обязан осилить самую последнюю скукоту и заузные бормотания, лишь бы «Слово» стало моим.

Октябрь 1979

13 Г.Х. Андерсен. Калоши счастья.

21 По-моему, почти все «сказки» датского сказочника – это попросту высоко-художественный (текст = поэзия + мифология) способ моделирования сентенций «из жизни». Данная вещь суть «неформальное» изложение целой жизненной позиции: мол, счастье есть *трудная штука* уже потому, что оно индивидуально и потому исключительно. Обрати внимание на калоши как организующий принцип сюжета. Тип «перемещение объекта». А какова итоговая «формула» – калоши счастья должны принадлежать *только* фее Печали!?

31 П. Неруда. Всеобщая песнь.

22 Да, это – Главная книга. Трудно мне писать о ней. Да и нужно ли? Главный ее вывод для меня: великое произведение рождается от великой жизни. И, конечно, поражает масштабность – в полной мере свойское обращение с целыми континентами и, вместе с тем, обостренная потребность говорить вновь и вновь о мелочах, о красных шахтерских геранях, о жизни конкретных грузчиков и рыбаков, о блеске оловянных слитков и каплях крови на мостовых, «тугих виноградинах, срезанных смертью». Потребность эта – основа его поэзии, его боль и счастье. Иногда просто подавляло многообразии образов и потоки метафор (особенно – первая глава). «Песнь» – сама целый континент, на котором раскинулись города, леса и горы, тут имеются и свои куши райские и зловонные трущобы. Величие замысла и грандиозное величество исполнения просто заставляют не замечать длиннот, выпренности и просто, кажется, стилевых «изъянов» – чего только не найдешь на бескрайнем континенте, это естественно. И по этому континенту можно путешествовать всю жизнь, находя все новые и новые неведомые

уголки, вдруг обнаруживая обширные речные долины и недостижимые горные пики... (И вот я заблудился и пошел, как и ожидалось, по кругу).

Ноябрь 1979

18 Б. Фонтенель. Рассуждения о множественности миров. Диалоги... (М., 1979).

23 Прежде всего, обнаруживается любопытная (хорошо оформленная) методика популяризации философского знания: для успеха требуется наличие неискушенного слушателя (здесь – маркиза) и необходимость отступлений, в итоге достигается «золотая середина» между дилетантизмом и профессионализмом. Общее ощущение от текстов – поразительная рассудочность и жажда всеупорядочения. В «Диалогах» наткнулся на любопытные речения и факты, относимые, видимо, тоже к методологии и философии: о химерах науки (Артемисия – Луллий), о способе поиска истины – спиной к общепринятому (Стратон – Рафаэль), о лжеоткрывателях истин в последней инстанции (Лжедемитрий – Декарт). Немудрящая байка о садовнике и розах («Рассуждения...», с. 156) толкнула на важную мысль: можно говорить о кванте времени, эквивалентном минимальному интервалу (интервалу чего?) при смене состояний = может быть, интервалу (кванту) *информации*. Явное отличие времени садовника и времени роз = разный ход поступления информации о смене их внутреннего состояния.

28 Г. Троепольский. Белый Бим Черное Ухо.

24 Герой-то собака, но книга про людей, – об отношении к «меньшим братьям» как критерии человечности. Два плана, с точки зрения Бима и людей как участников фабулы – проявились в необходимости курсива для слов, «понятных» Биму. Больно резанули талантливо найденные слова автора в одном из эпизодов, когда Бим мечется по городу в поисках Ивана Ивановича: «... У конечного кольца он дал круг по ходу трамвая и застопорил у остановки. Посидел, посмотрел: люди кругом *все добрые*. Так. Это уже хорошо... Бим пошел... и сел рядом с небольшой очередью, ожидающей автобуса. Присмотрелся: опять *плохих людей не видеть*»... Несколько часов спустя (через полстраницы текста) Бима самым гнусным образом продают за деньги, которые пахнут множеством рук, а иногда, – хлебом или кровью. Ни убавить, ни прибавить ничегошеньки!

Декабрь 1979

8 В. Хлебников. Зверинец (сб.: Незданные произведения. М., 1940).

25 Из его письма Вяч. Иванову (с. 356): «Я был в Зоологическом саду... После короткого размышления я пришел к формуле, что виды – дети вер и что веры – младенческие виды. Один и тот же камень разбил на две

струи человечество, дав буддизм и ислам, и непрерывный стержень животного бытия, родив тигра и ладью пустыни»⁷⁹.

Путь от простого описательства («Где медведи проворно влезают вверх и смотрят вниз, ожидая приказа сторожа») через метафоры («Где олень лишь испуг, цветущий широким камнем») к сопоставлению с людьми («... на его [моржа] жирном могучем теле показывается усатая щетинистая с гладким лицом голова Ницше») и провозглашению самоценности животных видов («Где звери, устав рыкать, встают и смотрят на небо») – особенно если учесть нелестные реплики в адрес людей в Саду: «Где немцы ходят пить пиво. А красотки продавать тело. Где люди ходят насупившись и сумные...».

Структуралистское: схема «О, Сад, Сад! Где... (длинный перечень). Сад, Сад, где ... Сад. Где...» (снова перечень, прерванный напоминанием о точке отсчета, о начале цепочки для экстраполяции). Цитату из Хлебникова, помнится, привел Шкловский, начиная свои «Zoo, или Письма не о любви». Видимо, ему это помогало сделать широкое, многостороннее описание окружающего мира – благодаря идее *многообразия вер и видов?*

10 Дж. Джойс. Портрет художника в юности (Иностранная литература, №№10–12, 1976).

26 Зарисовка становления души. Жанр портрета (не рассказ, а показ) позволил поместить инородные детали – проповеди и эстетические рассуждения, которые напрямую относятся к «лицу» Стивена. Страшно хочется теперь прочесть великий и ужасный «Улисс», ведь этот первый роман – преддверие второго, большого и самого джойсовского.

А этот «Портрет», похоже, попросту авторская апология; не потому ли и отрывочность повествования, от того, что рисовать самого себя – дело нудное: невольно пропускаешь детали и легко обращаешься с прошлым, привычно обитая в нем, оно ведь твое-собственное.

---

⁷⁹ Через много лет (разглядываю запись в конспекте от 29.04.1997) мне довелось своими глазами прочесть и своей рукой переписать именно это и другие послания Велимира Хлебникова. Тогда наступила для меня счастливая пора архивных бдений и короткого увлечения Ивановскими сюжетами, – вот и штудировал ф. 109 (Вяч. Иванов), кар. 36, е.х. 9 в ОР РГБ, и смотрело его до меня 19 душ, включая Николая Харджиева (публикатора в сб. 1940 г.) и Андрея Шишкина. Почему-то мне это было необходимо, – чтобы *потрогать*, чтобы *своей рукой*. Чем-то притягивали и не отпускали эти черные, тонюсенькие, чуть по вертикали вытянутые, мельничие и одновременно четкие буквицы из хлебниковских бумаг. Будто интимную жизнь загадочных микро-существ наблюдал... – И тогда с наслаждением выписывал, выписывал, выписывал:

*Пламень невинностей мора,
Пламень леунностей влас,
Пламень девинностей взора,
Пламень поюнностей глаз...*

3 Т. Драйзер. Американская трагедия.

27 Признаться, дочитал роман просто по обязанности – надоел. Сделано все, хорошо видно, со знанием материала, но вот беда: при чтении ни на мгновение не забыл, что перед глазами – литература или даже просто текст. Не было сопереживания и, если так можно выразиться, не получалось *онтологических трансформаций*.

6 Конан Дойль. Подвиги бригадира Жерара. Приключения...

28 А тут загрипповал и вот – сподобился. Время недуга было убито, с успехом и не без удовольствия. Эйзенштейнов «охотничий инстинкт» (= то, что заставляет следить за сюжетом), ему и спасибо большое.

21 Акутагава Рюноске. Новеллы. Т. 1, 2 (М, 1971).

29 Произведения располагаются по содержанию в достаточно четкий спектр: подчеркнутая «мелочность» и смакование незначительного («А-ба-ба-ба», «Болезнь ребенка») – изображения экстремальных ситуаций на материале древней истории Японии, с упором на фон и скрытые посылки поступков («Ворота Расёмон», «Рассказ о том, как отвалилась голова») – намеренно фантастические ситуации, в которых главное состоит в подчеркивании, выпячивании обыденного под новым ракурсом («Удивительный остров», «В стране водяных», «Табак и дьявол») – супер-проявления человеческого духа в состоянии умопомрачения (самонаблюдения в «Зубчатых колесах» и «Жизни идиота»). Как в лаборатории экспериментальной физики – от сургуча и веревки до ускорителей элементарных частиц, только широкий арсенал этот работает не в естество-, а в человеко-знании. «Спектральность» творчества А. проявляется и в том, что его талант более, кажется, ощутим не в одной – двух новеллах, а при оценке скопом всей гаммы его произведений.

24 П. Тейяр де Шарден. Феномен человека.

30 Вещь как-то по-особенному встревожила. Убедительно, поскольку вложено в книгу слишком много мысли, чувства и страсти. Тревожит же то, что я-то до сих пор до конца не определился в своем отношении к религии и вере, а Тейяр (а раньше – Флоренский)⁸⁰ еще и еще раз навязчиво подсказывают и доказывают, что здесь как минимум «что-то есть». Хотя и лежит это «что-то», быть может, в области человеческого познания, в области мироощущения, и только там, но никак не в «объективной реальности»... Разительно – не забыть бы и пометить тему на будущее – сопоставление «переоценки ценностей» Тейяром и Ницше.

---

⁸⁰ Как раз в это время: именно духовное наследие Тейяра и Флоренского было предметом нескольких наших бесед с Ю.А. Шрейдером, речь неизменно заходила о соотношении *науки и веры*. Теперь-то я отчетливо вижу, сколь ценными и нужными были эти ненавязчивые беседы.

26 Л. Кэрролл. Алиса... (М., 1978).

31 Наконец-то представилась возможность прочесть знаменитые «сказки» в неспорченном популяризации виде (за 35 руб. в недавнем издании «Литературных памятников» – умопомрачительный выверт «черного рынка»). Общее отношение свое кратко выразил в стихшке «Загадка Кэрролла»⁸¹. Если честно, растерялся в окончательных оценках. Но, что и говорить... а, ладно, скажу без вывертов – чудная вещь!

Прибавление в сентябре 2018 года. Точно такой же экземпляр «Алисы», при случае, я подарил Ю.А. Шрейдеру. Он, помню, почему-то долго выспрашивал, где и как я эту книгу «достал» (тогда хорошие книги, действительно, всегда надо было – как сказано – доставать, добывать или даже *отбивать*, толкаясь в длинной очереди, к примеру, и т.д. и т.п.) и не сильно ли потратился, и мне пришлось выкручиваться. Было дело. Скорее всего, Юлий Анатольевич, *старый книжник*, эту именно «Алису» уже давно, простите, достал, но ему не хотелось обижать меня отказом. Я только сейчас, получается, сию коллизию отчетливо понял.

28 Б. Васильев. А зори здесь тихие...

32 Все здорово организовано событийно, но обрадовали еще и лирико-философские отступления. Ах, как сказано: «Наступила та таинственная минута, когда одно событие переходит в другое, когда причина сменяется следствием, когда рождается случай. В обычной жизни человек никогда не замечает ее, но на войне, где нервы напряжены до предела, где на первый жизненный срез вновь выходит первобытный смысл существования – уцелеть, – минута эта делается реальной, физически ощутимой и длинной до бесконечности». В такую минуту появились *шестнадцать* фрицев вместо ожидаемых двух...

(отпуск: п. 27–32)

Февраль 1980

17 Э. Хемингуэй. В наше время. Книга рассказов.

33 Прочел последние строки и долго стоял у окна – потянуло побродить по лесу, чтобы листья под ногами шуршали, чтобы в ручье плескались пескари (на форелей я, пожалуй, не рассчитываю), чтобы забылось все мелкое, грязное, суетное. Наверное, подействовала узнаваемая многоплановость хемингуэевой «подборки»: и *в наше время* зло дополнительно добру, радость – печали, пустота – углубленности...

29 Ф. Ницше. Так говорил Заратустра (СПб., 1911).

34 С некоторых пор начинаю понимать, насколько важно *самому* получать те или иные выводы, читая те или иные «одиозные» тексты;

---

⁸¹ Стихотворение вполне впору и по месту легло – через четыре года – в канву «Опытов». Заметка «Моя “Алиса”» воспроизведена в «Приложении 2».

удивительно ли это? Ведь литература есть явственная конъюнкция читателя и писателя. Ницшеанцем я не был и не стал, но отдам должное – таланта и души в «Книгу для всех и ни для кого» вложено баснословно много. Вот оно перед тобой, истинно гуманитарное «доказательство» – не *цель* доводов, посылок и следствий, но *сеть* метафор, назойливых повторов, убаюкивающих рефренов, как-то исподволь обволакивающих мозг, взбаламучивающих – как здесь – бессознательные глубины человеческого... эгоизма... просто – человеческого, слишком человеческого.

Март 1980

3 Э. Хемингуэй. Старик и море.

35 Победа в поражении? Слишком простая формула для того великого, чему имя – Сама Жизнь. Не хочется бормотать о диалектике, биполярности и прочем нудном... Эту вещь надо всякий раз *читать наново*, когда устаешь жить или полагаешь, что вошел в какой-нибудь тупик.

11 О. Уайльд. Портрет Дориана Грея.

36 Это даже хорошо, что с данным шедевром я столкнулся лишь сейчас, что отсутствие пресловутой начитанности в художественной литературе очень вовремя сослужило мне службу – очень, т.к. совсем с другого конца и именно сейчас я иду к идее «взаимного перетекания объективного и субъективного» (термин сугубо рабочий). «Гвоздь» всей повести – портрет как *вещное воплощение* извечно абстрактных категорий – совести и пр., – портрет этот не кажется надуманным приемом или трюком искусственного эстета. И убеждает не только обаянием таланта О.У., сколько (это главное!) ощущение реальности, материальности всех описанных отношений героя и его изображения. В концентрированной форме автор выразил подспудные, функционирующие на «неоформленном» уровне черты человеческого мира.

Замечание о «перечисленчестве» в гл. IX. Вспоминаются длиннейшие перечни вещей у Робинзона Крузо, бесконечная цепь «дел» Буvara и Пекюше, калейдоскоп перечислений в одной из фантастических повестей Г. Гора (там – страница *только* перечислений). Наверное, эта штукавина (познавательно-философски) неслучайна и тоже отображает нечто глубинное и закономерное⁸². Точнее, что же?

15 И. Тургенев. Накануне.

37 Злободневность написанного ушла в прошлое и закономерно *не волнует* нынче. Остается надвременное и общечеловеческое: иллюстрация к извечной антиномии-дополнительности добра и зла (счастье любви нейтрализуется горечью смерти) и еще – на тему «нет пророка в своем

---

⁸² Легко видеть, что здесь гнездится очередная тема для «Опытов». Заметка «Философия перечисления» окончательно оформилась в октябре 1983 года, см. «Приложение 2».

Отечестве». Обнаружил (для себя, доморощенный) литературный закон: персонаж жизнен (= впечатляет = закончен в обрисовке), если он духовно эволюционирует. Есть перемещение не в геометрическом пространстве, а в пространстве духа. *Двигается* здесь только Елена, мужские же персонажи остаются «при своих» и уже потому схематичны и безжизненны.

22 М. Горький. Исповедь.

38 Мимо религии как неистребимого факта (исторического и культурного) никак не пройти, это – *явление*. Или даже – *сущность*. От бесплодных попыток теодицеи к тейяровскому «пункту Ω» – путь героя «Исповеди» и Максима Горького той поры (1910-е годы). Спрашивается, куда иду и приду я?

23 Беовульф (в «БВЛ»).

39 Битвы с чудовищами – лишь фон для безудержной пропаганды идеалов преданного служения своему господину и восхваления богоданной власти конунгов. О повторах: совершенно ненаучно и даже нелепо объяснять их соображениями композиции (с. 646, примеч. к ст. 1259) – мол, чтобы можно было читать почти с любого места, не листая назад. Реальная причина, думаю, лежит в ином, отличном от современного подходе к информации: мы опираемся на «эстетику различия», средневековые «читатели» и «писатели» – на противоположную «эстетику тождества». Повторы же – главный структурный элемент для создания и воспроизведения средневековой информации. Кажется, той же цели по-своему служат и поэтические перифразы-кеннинги.

26 Н. Гоголь. Шинель.

40 Подчеркнуто «беспристрастное» писание как бы приглашает читателя *самому увидеть* «маленького человека», а кто позорче, тот станет искать и ответы на естественно возникающий вопрос: «Кто виноват?». Мистическое окончание – это вместо морали.

Год – 40 (3,3)

Апрель 1980

4 В. Пикуль. У последней черты (Наш современник, №№ 4–6, 1979).

41 Хоть и не высокая, подозреваю, литература, но зряжая история. Автору было, видно, куда интереснее искать материалы и просто «ко(у)паться» в этой «эпохе Распутина», чем потому сочинять хронику «о разложении самодержавия» – не от того ли и заметная (не выправленная) нудность, длинноты? Картины блядства, коррупции, сила «сионизма» и вправду поражают.

21 Р. Рождественский. Двести десять шагов.

42 Целое – не понравилось. Когда в глаза лезет структура и то, как сказано, да еще и в ущерб тому, о чем сказано, в итоге получается

мелковато. Из уст «гимнопевца» просто смешно прозвучала «формула коммунизма» – речь о дорогах, традиционно плохих в России. Нашел, понимаешь, недостаток!.. Отдам, справедливости ради, должное – некоторые строки «шагов» метки и даже афористичны.

28 А. Лебедев. Чаадаев (в ЖЗЛ).

43 Спасибо автору за неравнодушие. Странная (странная ли?) моя реакция – захотелось самому внимательно осмыслить творческую судьбу Чаадаева, так сказать, заняться ею. Много смутных выводов, обобщений и решений ждут, кажется, своего часа: кто-то у нас теперь напишет и когда будут нужны (а – будут) новые «философические письма»?

Май 1980

1 Д. Дефо. Робинзон Крузо.

44 Бессмертность текста – в его *архетипичности*: вот, впервые изложена новая для литературы ситуация, которая еще только будет стократно использована позже. Уже потому излишни заключительные приключения Робинзона, уже потому обычно не издаются (для широкого читателя) две другие части «робинзонады» – они нарушают цельность собственно островной истории, и они традиционны. Замечания к проблеме информации в художественном тексте:

1) длинные подзаголовки в названиях, являющиеся по сути дела кратким изложением всего текста, работают согласно «эстетике тождества»,

2) специфика ситуации позволила автору давать свежие, новые подходы к привычному (изготовление предметов обихода, отношение к деньгам) – тут уже «эстетика различия»,

3) информативность отдельных кусков текста может кардинально меняться: таково отношение к морализациям в «Робинзоне», с одной стороны, для современников (пуританская литература) и, с другой, нынешних читателей. Информация – она *всегда для кого-то*.

10 Н. Чернышевский. Апология сумасшедшего (Избр. филос. произв. Т. 3, 1951).

45 Фактически прочел, наконец, первое «Философическое письмо» и собственно «Апологию» П.Я. Чаадаева. Да, у него надо учиться (и научиться) любви к Родине. Чаадаев ошибался, был субъективен, но этого ли бояться – ведь *все мы субъекты*, как справедливо возмущился, реагируя на коннотацию «субъективное», некто мне хорошо знакомый и дорогой...

16 Вл. Соловьев. Русская идея (М., Путь, 1911).

46 Чтение доставило большое удовольствие. Ожидал почему-то казуистики, нелепостей, бездоказательности и вообще изысканной ерунды, а обнаружил ажурное, стройное здание самой высокой мысли. Ах, как интересна критика государственности, «всеядности» общественного мнения, национализма. И все это лежит на основании, не вполне ясном и очевидном

для меня – на вере в бытие-наличие высших сил. В итоге получается этакая «игра в бисер» – замкнутая сама на себя. Много вижу переключек с идеями Чаадаева.

17 В. Скотт. Айвенго.

47 События, стычки, события... Подчеркнуто *внешнее* описание всего – лиц, действий их, природы и архитектуры. Что же не дает добраться до показа души – специфика материала (давно то было!) или культурная традиция, коей следовал «шотландский волшебник»? Обращение с прошлым как *уже данным* («мир Минковского») позволяет легко «перескакивать» во времени повествования и допускать попятные движения.

23 Макс Фриш. Назову себя Гантенбайн.

48 Швейцарский мастер чутко уловил-соединил две вещи: с одной стороны, извечное право писателя-творца вершить судьбы своих героев (т.е. выбирать, примерять, перекраивать, менять фасоны их жизни), с другой стороны, не менее стойкое желание, даже жажда любого *преодолеть себя*, отыскать новое «я» (повторяю те же портновские скобки). Духовную эволюцию показывал еще Федор Михайлович, у Фриша же не сама духовная эволюция важна, не она как таковая изображается, но интересна лишь ее *потенция*. О форме романа: диффузен сюжет, диффузен и сам герой.

30 Эдгар По. Рассказы (М., 1980, прочел 22 рассказа).

49 Сначала принялся было сортировать рассказы по «разделам»: нюансы души (Бес противоречия, Низвержение в Мальстрем), оживление художественного образа или идеального (В смерти – жизнь, Митценгерштейн), «супра» (Падение дома Ашеров, Черный кот, Сердце-обличитель), «социальное» (Человек толпы, Разговор с мумией), но потом понял, что я не прав в принципе. Труд Э. По – это бесконечная битва между рационализмом и идеализмом, это попытка понять Человека в его неразъятном единстве. И все рассказы – о том. Талантливо предшествовал Уайльду (его «Портрету») и Конан Дойлю. Кстати сказать, *индуктивный* метод Дюлена назван правильнее с логической точки зрения, чем *дедуктивный* метод Ш. Холмса.

Ему, видно, очень нравилось круто замешивать мистику и объективное, протягивать нити от тайны к объяснению-рацио, в реалиях отыскивать идеальные пружины. И смесь эта странная получилась, правда?

Июнь 1980

4 А. Грин. Блистающий мир.

50 Туманные, абстрактные, этакие «интеллигентские» мечты о счастье, о лучшем («блистающем») мире сконденсировались в нечто конкретное – образ Друда, вольно летающего над пошлым миром. Впрочем, и конкретность-то кажущаяся: и сюжет и судьбы многих (если не всех!)

героев расплывчаты и недоговорены. Философско-поэтический стиль выглядит тяжеловесно, но и, одновременно, свежо. Особо понравилось: «неестественным светом веяло от этого часа ночной тревоги, замкнутой в беззвучное колесо тайны»; «... когда ломаются углы тайного действия, скользящего по земле»...

Но что же такое этот «блистающий мир» (с. 495–497 – рассуждения доктора Грантома, или Хозиреня) – ведь не рай же? сфера духовного единения в добре? точка Омега Тейяра?

8 А. Герцен. Сорока-воровка.

51   Расстроила тяжеловесность «синтеза» абстрактно-отвлеченных рассуждений о женщинах-актрисах и «вставного номера» об Аннете. Прозаична сия проза! Схематичны и не очень убедительны герои – даром ли все изложение идет от второго лица, а то и вообще без персонализаций (стриженный – нестриженный). Нет, в «Былом и думах» – *совсем другой* писатель.

13 Песнь о нибелунгах (из «БВЛ»).

52   Фантастичная кровожадность и неистовства на пиру у Эцтеля, остроумно-игривое укрощение Брюнгильды, изрядно поднадоевшие описания встреч-проводов и прочих светских церемоний, мерный рокот стиха, напоминающий спокойное и тотчас могущее быть грозным море – все это запало в память.

Некоторые картинки из «Песни» дают какое-то неясное чувство или даже убеждение о не случайности (скажу излишне определенно) фашизма, о неизбежности и принципиальной неизбывности зла земной греховной жизни.

24 В. Катаев. Новая проза (т.1 из СС в 3 тт., 1977).

53   Радостно приобщение к высокой мысли и духу полета. Памятны будут, надеюсь, многие катаевские образы – и волшебные буквы «ОВ», и «брамбахер», и Кубик, и «говорящий кот», и ботинки, измеряющие время, и даже страницы, отданные памяти о Бунине и Маяковском. Читая «Маленькую железную дверь в стене», мысленно содрогался, сравнивая повесть с «изделием» Бориса Полевого о Ленине. Метод Валентина Катаева – может быть, это, попросту говоря, низведение эмпирически схваченных закономерностей человеческого мышления и чувствования на уровень литературного приема.

Метод скромно-уничижительно наречен «мовизмом».

28 Торнтон Уайлдер. Мост короля Людовика Святого.

54   Случай собирает в узел самые разные судьбы. Нет Плана, но есть Судьба. А еще есть Мост между людьми и судьбами – Любовь.

Июль 1980

10 Торнтон Уайльдер. День восьмой.

55 Вереница лиц прошла перед глазами, взгляд следовал туда-сюда, а в итоге остановился, кажется, в растерянности. Настал восьмой день творения, но чем закончится очередная рабочая неделя? Роман не отвечает на этот вопрос, он ставит свои вопросы – о том, что по всеобщей неразумности кажется само собой разумеющимся. (Помни об отсутствии *точки* в романе).

14 Гёте. Страдания юного Вертера.

56 Поймал себя на том, что читал сие... *с усмешкой*. Как этаким натуралист наблюдает суету муравьев под ногами, так и я воспринимал нынче вертеровы излияния. «Штиль» романтизма здесь не при чем, – видно, сработала своеобразная «биологическая защита»: да, *довольно страданий!* И все же каждый, наверное, должен примерить на себя ту фразу: «Ведь то, что я знаю, узнать может всякий, а сердце такое лишь у меня»...

31 Владимир Орлов. Альтист Данилов (Новый мир, №№ 2–4, 1980).

57 Для разъяснения вопроса «что есть творчество?» автор пустился в чистейшую мифологию. Нет, не объясняя фантазию и чуткость к пульсу мира – главные составляющие творчества, – *через* сверхчувственное, но *сопоставляя* с ним: никакой демон никакого разряда не умеет играть и страдать так, как Данилов, и не сможет понять, *зачем* ему, Данилову, это ненужное музыкальное мышление. Роман (сознательно?) схематичен во всех остальных своих темах. В повествовании о фантазии, конечно, не могло не быть выдумки (Синий Бык при Девяти Сферах, лостра-наказание, купание в молниях) и юмора, но в последнем, подозреваю, есть явственный душок из городской подворотни.

Август 1980

5 Д. Гранин. Картина (Новый мир, №№ 1, 2, 1980).

58 Неоптимистичный финал разъяснил мне многое. Да и могло ли быть иначе? Так же, как та картина Астахова вмешалась в жизнь «людей дела», хозяйственников, не спросясь у них, так и вообще неправильности, алогичности, события «не по правилам» – основа человеческого бытия, да? Движеньё по прямой вроде похвально и предпочтительно, «взбрыкивания» же (так, помнится, сказано о некоторых нюансах судьбы Лосева-героя), зигзаги хоть и не респектабельны, но обязательны. Заглохла б нива жизни. В нелогичности – всё человеческое, да.

9 И. Бунин. Худая трава & В. Шукшин. Как помирал старик.

59 Как многое начинаешь понимать и чувствовать, когда включишь (по возможности) прочитанное в бесконечно великую сеть великой Культуры. Иногда для этого достаточно хотя бы сопоставить, объединить в одном акте, как Плутарх в своих «Параллельных жизнеописаниях», то, что

звучит в дуэте высшей музыкой. Почему у Шукшина так по видимости несущественны действия героев, но так важно каждое слово, оброненное, казалось бы, невзначай? Почему так понятна, ясна становится отрешенность бунинского Аверкия? Почему звучат одни и те же голоса с таких разных страниц? Почему (думаешь уже не о книгах) так важно ловить последние слова умирающего? Почему так несказанна тайна смерти?

Хорошее для меня маленькое открытие – подобное параллельное чтение. [Пометка на полях: *10-го умер – точнее, погиб – Володя Радченко*]

24 Хулио Кортасар. Повести и рассказы (М., 1976).

60 «Менады» – страшная пощечина, даже целых две: общественного вкуса – творцу (в рассказе), и наоборот (в главной авторской задаче). Фантасмагорическая «Жизнь хронопов и фамов» – красивый, художественно оформленный *гомоморфизм* для человеческой жизни. «Преследователь»... вот уж где не хочется отделаться скороговоркой. Из авторских размышлений о герое: «именно Джонни – человек среди ангелов, реальность среди ирреальностей, то есть среди нас всех» (с. 413) – прочитав эти строки, Вл. Орлов, наверное, не мог бы не написать своего «Альтиста Данилова». Да, загадка загадок – мешок времени – и рядом шимпанзе... Нет тут ли зарыта некая «формула» для человечества? «Другое небо»: под гипсовым небом с проституткой в компании легче, чем «на миру» под синим открытым небом, которого никто не замечает. «Воссоединение» – эпизод из жизни Че Гевары. Весь ряд рассказов составлен сознательно и умело, но как-то думается мне, что революционность и «прогрессивность» Кортасара – составительская натяжка. Точка не поставлена, не должна и не будет стоять у него здесь.

28 Антуан Франсуа Прево. История кавалера де Грие и Манон Леско.

61 Сентиментализм и наставительство проходят мимо меня, оставалось голое слежение за фабулой. Больше думалось не о «Манон», а о литературе, даже литературоведении вокруг «Манон»: 1. Сверхплодовитый писатель в итоге оставил далеким потомкам *одну* короткую «историю»; все его творчество оказалось лишь черновиком или комментарием к «Манон». Понимал ли он это, делая *приложение* к «Запискам знатного человека, удалившегося от света»? 2. Обнаружил своеобразную относительность (вроде Эйнштейновой), почти как для механических инерциальных систем: жизнен не только персонаж, сам эволюционирующий (см. п. 37), но и тот, кто «инвариантен» при изменениях вовне – такова постоянная любовь де Грие, в том убедительность его личности. В итоге же, для жизненности образа нужна какая-то «относительная скорость», и не важно при этом, что «перемещать», героя или его окружение-фон. 3. Авторское «предупреждение» толкнуло на путь классификаторства – а ведь по-разному бывает это «развлекать, наставляя»: а) излагать действие, перемежая его описание нравоучениями, общими для всех; б) специально не поучать, но материал уложен так, что

каждый вычитывает «запрограммированную» автором житейскую мудрость; в) материал и его изложение таковы, что слишком многое зависит от читателя – сложен мир, сложно и получать однозначные решения. По пути от (а) к (в) двигалась литература из XVIII века в XX-й?

29 *Честерфильд*. Письма к сыну.

62 Есть тексты, которые – ничто без *контекста*. За нудноватыми непрерывными поучениями вдруг раскрывается грустная, даже тягостная история. Стенхоп-старший преступил порог дозволенного: вместе с сыном (или за сына, *вместо* него) он хотел снова прожить молодость и... был наказан жестоко.

Сентябрь 1980

1 *Лермонтов*. Маскарад.

63 Лицо автора, конечно, узнается за личиной Арбенина. Поэт чуть-чуть пофантазировал о себе, и ему стало страшно. Страшно за себя и за других, себе подобных.

12 *Д.С. Лихачев*. Заметки о русском (Новый мир, № 3, 1980).

64 Точно, запомнится – о доброте, природе, «по-двиг» и тонкие рассуждения о садах и парках. Статья вызвала и тревожные чувства: как же мало мы задумываемся о важнейшем только потому, что оно *привычно*; и еще – как мало мы (я, прежде всего, не отрицаю про себя) реально погружены *в свою* национальную культуру. И вновь встает чаадаевский вопрос о России, судьбах ее, бедах и призвании...

22 *Оливер Гольдсмит*. Векфильдский священник.

65 Поскольку пастор Примроз легко был узнан «функционально»: он сама кротость и терпение, – они здесь инвариантны в бесконечном потоке неудач и бедствий (см. 61, п. 2), постольку мыслилось больше «по поводу», то бишь о культурных явлениях более широкого масштаба, чем означенные в тексте. Иногда, тем самым, вдруг до меня «доходят» некоторые обычно не информативные места, места «дежурные». Даю два примера. А) Немалую, если не узловую роль играют в романе некие документы: письмо мистера «Берчелла» с его неоднозначным: «примите же мое дружеское предостережение и поразмыслите о последствиях, каковые наступят, если порок и распутство проникнут туда, где доньяне царила мирная добродетель», а также изболчивительный фокус с брачной лицензией (в конце романа) – они как бы обрамляют все рассказанное. А ведь как наша цивилизация зависит от текстов!! «Без бумажки ты букашка» – сия формула иллюстрирована, в данном книжном случае, некой сюжетной необходимостью. Б) Реплика автора в «Заключении» – «Но к делу, – я терпеть не могу отступлений!..» – и рассуждения о скорости времени («по мере того, как мы старимся, дни наши словно укорачиваются») как-то значимо схлестнулись, а в итоге остается

уверенность: да, еще очень долго можно будет не замечать *хода времени в тексте*, хотя многое – хоть и у того же Гольдсмита, – уже, уже сказано. Я-то вроде прозрел (речь о времени), но еще не обрел подходящего языка. – Учись (учусь!) говорить и выговариваться.

30 Н. Заболоцкий. Столбцы.

66 Кажется, слышишь философа Канта уровня, который изъясняется языком Тредиаковского: «обло зеле, стозевно и лаяй»... Да, косноязычие и мудрость провидца. Эдакий невнятный и странный синтез все-таки был нужен и промыслителен – разве иначе написалось бы через четверть века пронзительно-ясное: «Я увидел во сне можжевеловый куст»?!

Октябрь 1980

7 Э. Верхарн. Зори.

67 Абстрактно всё, всё имеет фиктивные координаты, и сюжет – победа Добра над Злом, и место действия – Оппидомань, некий выдуманный «третий Рим». В избытке риторики, пророчеств ясновидцев, метафор и символов (пожар-солнце, что «несет единственную еще возможную весну» – это когда умирает отец трибуна; битие головы гипсовой статуи Власти у ног погибшего Эренъена – это под занавес), но... Только подобная стройная система условностей и способна, похоже, дать изображение *идеи* революции. Революцию же *саму по себе* рисуют, выходит, джон-ридовские «10 дней...».

8 Р. Роллан. Жан Кристоф.

68 Иногда (или даже – часто?) анализ текста – дело кощунственное: это все равно что разлагать на составляющие-молекулы любовь, дружбу или счастье. Когда видишь – вложено *настоящее чувство*, лучше не замечать технические передержки или, скажем, выпренность. Верю, что Кристоф Крафт многим помог и еще поможет жить.

Все-таки помечу: удивительно емок и убедителен критицизм Р. Роллана; читаешь его оценки, примеряешь их на нынешние и русские «понятия» и сразу сознаешь, сколько мужества надобно для такого рода суждений.

11 Нодар Думбадзе. Закон вечности.

69 Размышления о душе и теле – но без всякой метафизики. *По ту* сторону – сны Бачаны Рамишвили, визит Гуманоида, Мария на поле Самодло, где снег именно горит синим пламенем, жизнь хорошего писателя, *настоящего* коммуниста («Хочу, чтобы в партии было как можно больше честных людей»), да и сами инфаркты героев – они ведь не от личных невзгод. *По сю* – все эти «просители»... Мир по-манихейски разломлен пополам или, точнее, надвое.

14 Е. Евтушенко. Непрядва (поэма).

70 Кристальная ясность и стиха и мысли. Живые картинки: помост на спинах князей русских, притча Сергия Радонежского, девушка Поля Куликова с героическим своим прошлым и унижительным настоящим («Мы еще оденем вас в шелка»...), ночь перед битвой (Что слышишь, Боброк? – Плачут русская да татарка...). О самой битве – ни слова, но сказано всё и о прошлом и, даже больше – о настоящем, *далеко после* Непрядвы...

21 Морис Метерлинк. Синяя птица.

71 Прочел – и пахнуло *нездешним* воздухом, может быть, оттуда, где уже без меня (и меня вспоминая) обитает Детство. Может быть, там же только и жива еще... Истина.

Ноябрь 1980

1 Л. Леонов. Скутаревский.

72 Физику, разлагателю на атомы, сухарю, сознательно отстранившемуся от «слишком человеческих» проблем, сильной личности Сергею Андреевичу Скутаревскому сама жизнь устраивает инспекторский смотр. «А Лаплас-то все-таки диалектики и не нюхал... Жизнь никогда не упрощается до параллелограмма»; да, так всё не просто с «электрохимическими процессами» этими «в этой прославленной человеческой реторте»... И еще из головы нейдет вроде бы простой образ *кометы на излете* («Вот жизнь прошла, а он так и не узнал, отчего в конце концов светятся рыбы»). Своеобразные «тексты в тексте» – описания картин Федора, брата-художника, живущего «на ином языке».

5 К. Саймак. Почти как люди.

73 Остроумная версия пришельцев (торгаши-куклы-кегельные шары) и неожиданный, даже этакий с ехидцей финал: вонь скунсов спасла-де человечество! Завлекательное детективное чтиво соседствует с попыткой тривиально помыслить о Контакте и о нас, людях как таковых.

25 Л. Андреев. Рассказы и повести (М., Недра, 1980).

74 Чтение есть плетение (у меня, по крайней мере, попытка плетения) кружев системности: нельзя не сопоставлять настоящую *вещь* со всей культурой *в целом*. Тон рассказов А. явственно пробудил в памяти впечатления от текстов Акутагавы; только у последнего «мерзости жизни» приглушены, невыпечатаны, окутаны дымкой, подчас ирреальной («Зубчатые колеса»), а у А. все несравненно четче, контрастнее, вещней – так конкретен и тёпл тающий воск рождественского ангелочка. «Жизнь Василия Фивейского» сходным образом сцеплена с «Векфильдским священником»: общая «житийная» структура отчеркивает разительное несходство итогов («За муки воздастся!» – «Чёрта с два!»). Наизапомнившееся – даже не финальная сцена попытки оживления мертвеца («Верую, Господи! Верую!»),

а эпизод – двое в пустом доме, благочестивое чтение наедине с идиотом и... по-настоящему *живая* зимняя ночь за стеной («Она»). Озноб по коже...

29 А. Блок. Двенадцать.

75 Ощущаю, как это *слышалось* Блоку: в вихре воплей, криков, прибауток и глухих молитв – пурга революции. Многоголосица этакая делает вполне законным появление Христа во главе тех двенадцати, пусть даже и в «белом венчике из роз»... Как-то наспех очерчен «треугольник» Петруха–Катка–Ванька, но упрекать и тут не в чем: столь о многом и так *скоро*, второпях хотелось Блоку высказаться. И потому, в его итоге – *вытвитость*.

Декабрь 1980

4 Г. Флобер. Воспитание чувств.

76 Удивительно *время* в романе: его пульсации, убыстрения и замедления оставляют странное ощущение чего-то поразительно знакомого и одновременно неуловимо-ускользающего. Постепенно, по мере чтения, эти сомнения сменились ясным пониманием: *это и есть* обычное время обывденной жизни. Вот художественная формулировка возможных, грядущих уточнений языком науки (для меня на заметку).

«Воспитание чувств» не есть роман воспитания, ибо тут нет истории *становящейся* личности, ибо Фредерик – *личность не ставшая*. Роман несостоявшегося воспитания.

12 Ю. Бондарев. Выбор.

77 Главные герои (все-все!) пребывают в муках выбора, и эти муки – не совсем *из головы* писателя. Но главное в том, что автор не берется поучать, *как выбирать*; на том ему и спасибо. Впечатление от речей (диалогов и монологов) в романе: коллекция «интеллигентских» рассуждений, не ведущих – и это в принципе – никуда. Да куда им вести-то? Всё – тщета и ловля ветра...

14 Книга Экклезиаст («БВЛ»), Поэзия и проза Древнего Востока)

78 Кажется, надобно лишь что-то такое сделать – простое, легкое и неведомое, – и услышишь тихий голос, увидишь глубокие темные глаза легендарного Кохелета. Так мощны следы, оставленные *настоящими* мыслями и чувствами!

Удивительная загадка культуры: каким образом случился переход с уровня поэзии самой высшей пробы на уровень библейского канона, от жизни к догме? Есть ли, и как живут подобные переходы сейчас?

24 И.А. Гончаров. Обломов.

79 Среди массы оттенков – бытописательского, морализаторского, дидактического, обличительного и др., скрывается один, который делает роман литературой всех времен. Изображена *леность души*, которая не

обязательно требует себе атрибутов вроде дивана да халата Ильи Ильича, это – *видимость*. В наше суетное время призрак обломовщины витает над каждым, кто не успел, не почувствовал, не дошел или прошел мимо... Не тшусь оценивать *себя* иначе. Обломовщина как неустранимый (для каждого и всякого?) инвариант русской жизни.

26 А.В. Суворов. Наука побеждать.

80 Любопытно было наблюдать, как тесно автору в непривычном писательском пространстве, как почти сами собой врываются в текст короткие команды и приземленные слова разговорной речи. И еще: офицеру-профессионалу дана тут наглядная демонстрация – вот так именно «надо учить тому, что необходимо на войне».

Январь 1981

15 М. Фуко. Слова и вещи (Археология гуманитарных наук).

81 Писано с высоты птичьего полета, только вниз – не прямоугольники возделанной земли да змейки рек, а – рукотворное пространство европейской культуры. И много же оттуда, сверху, видно!.. Порядок (порядки) среди порядков... Но все-таки спрошу о главном: неужто человек (европейский, да-да) *исчезнет*? Или уже, пардон, исчез?

24 В. Лихоносов. Повести и рассказы (Элегия). М., 1976.

82 Поначалу хотел отмахнуться – действительно, разве ж можно *об этом* внятно говорить... Но потом сами собой вспомнились ощущения от «антоновских яблок» Бунина, ожили собственные *недомыслия и околочувствия*, когда что-то дорогое и неуловимо-прошлое все ускользает и ускользает из рук... Родство с ушедшим, родство с настоящим, родство душ. Иной раз нужнее «душе душой молчать», а не чиркать бодренькие песни. Конечно, трудно писать о том, что обычно гибнет, не дойдя до звука; отсюда и главы-многоточия в «Осени в Тамани», это и характер названий неслучайный – «Тоска-кручина», «Когда-нибудь», это и попытка определить сам жанр – «элегия». Удивительно емкий образ («Осень в Тамани»): три дороги на пути к Трохе Любытинскому, последнему на Руси скомороху. Не достичь его! И слезы бесполезны. Беречь надо память о *своих* днях, а душа, глядишь, еще отзовется на самое колыбельное – она же памятьлива.

Февраль 1981

1 В. Гончаров. Лады.

83 Это воистину синтетическое писание – пронзенная ритмом проза и образы, наваянные пластикой скульптуры, слова и, вместе, формы («словоформы») – оно учит видеть, оно дает пример удивительно зоркого *анализа*. Путь такого видения – творчества воистину великого – обрисован от истоков до итогового *синтеза* в новелле «Опустошенная». Способность

оживлять или пробуждать косную материю – это, может быть, самое человеческое из всех наших неожиданно-человеческих качеств.

8 Л. Леонов. Взятие Великошумска.

84 Страстное слово о подвиге. Непройдённая грань между правдой эпоса и фальшью риторики. И – узнаю *ex ungue leonem* в онтологических трансформациях повести (грузовик-муха, души-педали, прохожий мессер). Вообще природа, пейзаж – они из главных героев в сказе о Родине и ее защитниках. Причем речь именно о герое в персонифицированном смысле: тут и природа сугубо одушевлена.

13 «О всё выдавшем...» (Гильгамеш, «БВЛ», т. 1).

85 Можно, кажется, перегородить ладошкой русло ручейка, но страшно двинуть рукой – от этих малых вод рождаются мощные потоки рек и самый океан мировой культуры. Эпос о Гильгамеше – у истоков литературы, но сколь же много дала эта «проба пера»! Удивительно, как сквозь многовековые пространства до нас донеслись мысли, чувства, сомнения, страсти людей, пусть искаженные, но не выдуманные в своей первоизданной чистоте. (Интересно все-таки, много ли тут – от себя – прибавлено переводчиком? Уж больно велика толща для этого «сквозь»).

14 Ч. Айтматов. И дольше века длится день (Новый мир, № 11, 1980).

86 Да, я бы нещадно вычеркнул всю «космологическую» линию романа – так она бледна и чужеродна остальным частям, пребывающим в чудной гармонии. Вычеркнул бы, несмотря на собственные пристрастия (как читателя) к новым формам, гротеску и вообще к любым попыткам выражаться не в лоб... Спасибо автору за образ Едигея: ни на минуту не появились подозрения в его выдуманности, литературности и т.п., и за напоминание о *манкуртах*, не помнящих родства. Да, жившие *до нас* жили и *вместо нас*, уже потому преступно не ценить их опыт. Но нет, видно, рецепта на всех краду, – как жить, не обрывая связь времен, как правильно и бережно «мифологизировать» прошлое и настоящее. Но не уйдешь от собственных выборов, если жизнь твоя претендует на полноту. О заголовке: Ч.А. уловил временной фокус, разгадал некий секрет времени, но вся премудрость попала только в эту начальную строку: астрономическое время повествования отмерено одними сутками, отсчитанными от момента смерти Казангапа; событийное же время охватило жизни нескольких героев и нескольких поколений. Себе: да, требуется различать, надо различать время и напор жизни, информацию и время.

24 А. Франс. Остров пингвинов.

87 Сатира, публицистика, юмор, фантазия, смелая мысль так легко соседствуют благодаря столь емкой форме – жизнь «параллельной» пингвиньей цивилизации предоставляет, конечно, простор для метафор и

неисчерпаемые возможности взглянуть на человечество (вернее, *только* капиталистическое общество?) сторонним, «новым» взглядом. Убедительнее не встречал до сих пор доказательств: европейская цивилизация, показано, выросла и зиждется на обмане, похоти, грязи.

Март 1981

8 В. Гиляровский. Москва и москвичи. Друзья и встречи.

88 Почему так интересно читать писания «дяди Гиляя»? Пикантные детали, неведомые подробности жизни «чрева» старой Москвы тому виной? Похоже, не только и даже не столько они виноваты. Обостренное внимание к мелочам, к деталям быта, к тем самым осколкам прошлого, которые составляют и удерживают колорит эпохи – вот главное достоинство труда писателя. Художественная литература что-то подзабывает обычно об этом «фоне» и «атмосфере», которые через несколько поколений удивительно предстанут диковинной экзотикой... Пожалуй, нынче только у А. Хейли можно найти столь же бережное отношение к обыденному, но и у того это преподносится под особым соусом детективных обострений и, тем самым, несколько оболванивается.

13 А. Франс. Восстание ангелов.

89 Святошам досталось и – поделом! Но вопрос-то остается – какова же *истинная* вера? Допустим, религия страдающего Бога есть лишь кошмарный эпизод в истории духа, а чистоту «природных» верований эллинов уже никогда не восстановить (напрасно что-то ждет отец Нектарий!), пусть. Но от идеализма-то куда не уйдешь; за неизбежным вычетом прагматизма и «голого» материализма всегда остается тот неуловимый *остаток*, который обрамлен в пределах этики, религии и эстетики. Только обрамлен – *собственной формы* он, кажется, так и не получил, если верить А. Франсу?

24 Артур Хейли. Отель.

90 К сказанному в п. 88 добавить нечего. Беллетризованное техническое описание, да еще с элементами нудной газетной трескотни.

Год – 50 (4, 17)

Апрель 1981

5 А.Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву.

91 Завеса архаизмов и тяжеловесных оборотов (недаром миновало 200 лет словесности русской!), наивы либеральных «Проектов о будущем» не заслоняют главного – *силы духа* писателя, его *любви* к России, его *самоотречения*, – главного, что составляет этот Литературный Памятник Честности. Честность – и в большом, и в относительно малом. Читая главку «Яжелбицы», поначалу несколько озадачиваешься: к чему сии «постельные» подробности? на худой конец, что ему мешало говорить не от себя лично, как во многих других не менее, казалось бы, щекотливых случаях, по ходу тех же

«Путешествий»? Но прочтя всю повесть, недоумевать перестал. Когда идешь к людям с открытым сердцем, любое зло должно быть, именно, именно, названо *своим именем*...

12 Ф. Абрамов. Деревянные кони. Пелагея. Алька. Безотцовщина.

92 Хотя здесь и не ощущается атмосфера душевного надрыва и обреченности, каковая царит в писаниях В. Белова, но в целом-то впечатления от книг деревенской темы почти не зависят, кажется, от их выразителей. В деревне все-таки чище и воздух, и людские отношения... Что за неизъяснимая грусть отхватывает, когда перо мастера рисует перед тобой знакомые по прежней жизни картинки? Может быть, столь явственно светлое чувство утраты, что для многих из нас деревня неразрывно связана с *детством*. И для горожан деревня – это утраченное детство нынешней чадной, безлесной, суетливой цивилизации. Все мы – стихийные руссоисты и деревенщики...

27 К.М. Виланд. История абдеритов (1774–1781, Литпамятники).

93 Цель – «все, что во мнениях, страстях и поступках людей не согласуется со здравым смыслом и всеобщим чувством истины и красоты, изобразить достойным осмеяния» (из романа «Золотое зеркало, или Правители Шешанские», 1772). Наличные средства – построение картинки «гомоморфного» отображения (XVII в. <=> Античность), если даже не «изоморфного», поскольку глупость экстерриториальна и только с течением времени рядится в одежды новомодных покровов. В первых трех книгах (с Демокритом, Гиппократом и Еврипидом) явно сквозит лично-наблюденное-и-пережитое писателя: тоска настоящей *личности* перед *личной* безликого бюргерства. Последующие «Процесс о тени осла» и история лягушек Латоны написаны более равнодушной рукой, хотя и не менее едко.

30 Ф. Абрамов. Жила-была семужка.

94 Дабы скоротать время стояния в очереди за молоком, прихватил томик повестей: «Во – про рыбку! Самое то...». И скоро устыдился своего легкомыслия, – столько ассоциаций, печальных и «злых» мыслей вызвала во мне история Красовки. Не хочется талдычить-анализировать; ясно, что тема наваяна не только злободневностью экологических (они-то к нам – надолго) проблем. И, видно, какие-то главные истины нельзя утвердить в прописях или подать лозунгом: только вот так, через притчу до них «доходишь», подключая запас мыслей и чувств, роясь в гуще разящих душу «мелочей», параллелей, неясных метафор, незаметно уходя, казалось бы, в сторону...

Май 1981

6 В. Шкловский. Zoo, или Письма не о любви («Третья Элоиза»).

95 О структуре лучше автора не скажешь: форма «Zoo» лежит в общей тенденции «изнашивания» сначала моментов, потом психологических

мотивировок, то бишь – от разбивания цельных «кирпичей» к расшатыванию «цементной прослойки» между оными.

Интересно наблюдать, как произведение живет, дышит, как мучается, тяготеет сама писательская мысль выпавшей ей доле. Наверное, как Ш. пишет, так мы все – думаем, – телеграфно, со скрытыми поворотами и неожиданными ассоциациями. Мысль и чувство *континуальны*, их только для удобства принято рафинировать, оформлять и расчислять. Иначе как допустить совсем рядом с думами-печалями о любимой женщине рассуждения о «методе», скажем, или приложить стандартные проклятия на эмигрантскую серость-сырость?

16 Такубоку. Горсть песка.

96 Это было даже не чтение, это – *со-гласие* или даже *со-знание*: когда каждое авторское слово находит свой отзвук в судьбе, мыслях, чувствах читающего. Две речи, звучащие вместе и слитно... Волшебство превращения мутной стекляшки в бриллиант; обыденное и сиюминутное, ограниченное бессмертными пятистрочиями.

– Спасибо, дорогой Исикава!

20 Е. Исаев. Даль памяти. Суд памяти.

97 Оценивать – лень. Грех хаять – *видно*, сколько положено трудов на сие. Но – слишком видно... Может, я придираюсь еще и потому, что слишком помню неприятные впечатления от облика автора на одном поэтическом вечере, где я невольно сподобился быть наблюдателем. Невсамделишность и притворство чую и в стихе. Или это мне кажется? Устал немного – и вот брюзжание...

30 Н. Лесков. Заячий ремиз.

98 Только чистое слово напрямую прокладывает дорогу к душе. Разве можно было бы иначе так остро *ощутить* весь трагикомизм жизни этакой протоплазмы, чуть было не ставшей мыслить? «Разговорность» творчества Лескова – возможно, это единственный способ проникнуть в пресловутые потёмки «чужого Я»?

Июнь 1981

6 Т. Манн. Доктор Фаустус. Жизнь немецкого композитора Адриана Леверкюна, рассказанная его другом.

99 – Впрочем, нет. Кроме звучащего слова есть еще музыка. Или даже – музыка, звучащая *через слово*. Может быть, вот что главное в романе.

Если автору удалась переключка времен, если в судьбах немногих отпечатана судьба эпохи, то его текст не умрет. Или сказать наукообразно: многослойность, даже бесконечно-слойность обеспечивает *эпистемацию*,

бесконечно *большую*, далекую, неохватную по отношению к *информации* частного прочтения⁸³.

Что здесь – о Ницше? «Эпистемирующий» текст «сам» всем правит: в истории культуры эти муки Ницше прямо-таки силлогистически неизбежны как звено цепи *от боли* Фаустовой *до краха* нации Фауста.

12 История о докторе Иоганне Фаусте, знаменитом чародее и чернокнижнике. (Народная книга. Напечатана Шписом в 1587 г. Издание в «Литературных памятниках»).

100 Видимо, какая-то часть литературы обязательно, со временем, выражается: прочтение оно же текста во многом есть добывание лишь неких *фактов*, но никак не получение эстетического удовлетворения, не поиск нравственных истин и вообще дело не *духовное*, а скорее какое-то рациональное, наблюдательно-*эмпирическое*. Иное, конечно, нужно сказать, когда ретроспективно осмысливаешь историю самой легенды о докторе Фаусте, но... сбиваюсь на неуклюжий наукализм (мною посилено и насаждаемый) – тут разом, мигом происходит переход от информирования к акту получения *эпистемации*.

Малое наблюдение: схоластическая фантазия, изощряясь в описаниях чародейств, не способна на очевидный, казалось бы, шаг от чудесных *перемещений* до чудесных *сотворений* – во мгновение ока некий дух доставит в нужное место заморские плоды, или Елену Прекрасную – из преисподней, но ничто здесь *не возникает впервые*. Черт только перетасовывает и толчет готовую материю, Бог ее творит и уничтожает.

Своеобразный, надо сказать, соблюдается «закон сохранения»!

14 *Франсуа-Мари Аруэ (Вольтер)*. Микромегас. Кандид, или Оптимизм.

101 У этих философских повестей своеобразная двойная подкладка: здесь фигурирует наивный (неискушенный) «посторонний» из числа тех, что «с неба свалились» (напрямую, или в переносном смысле), но главная функция такого «свалившегося» – этаким естественным путем сначала обрисовать, а затем и оспорить определенные умозрительные доктрины. Только «свалившегося» надо двинуть в путешествие и... пусть себе удивляется, спотыкается...

Так это заложено и в старых традициях «экспериментальной» схоластики: «Движенья нет – сказал мудрец брадатый. Другой смолчал и стал пред ним ходить...»

---

⁸³ Излишнее наукообразие да будет автору простительно: как раз в феврале 1981 года была опубликована моя статья в «НТИ. Информационные процессы и системы», где наряду с дефиницией «информации» вводилось ее уточнение, или расширение, или предел – «эпистемация». Еще не остыл товарищ мыслитель и (немного) писатель. Свежая идея, как видим, не отпускала и нашего читателя. То же – и в следующей записи.

19 Лермонтов. Демон.

102 Жаль, что та странная штукавина, именуемая временем, слишком *эфемерна* – иначе ее можно было бы, к примеру, *обратить*. Обратить – уже затем, чтобы глянуть в глаза этому юноше, чтобы переброситься с ним хотя бы несколькими словами. Видно, разговор вообще-то не получился бы, и потому так нужны хотя бы эти несколько слов...

Поэма – сплошные рубцы от былых и, главное, будущих битв, – эстетических, жизненных, политических.

Все они прозревались смутно, оком *неискушенного провидца*.

24 А.И. Куприн. Гранатовый браслет.

103 А как узреть любовь, коли не знаем мы лика Ея? И ждем мы Ее в одеждах блистающих, но не является ли Она чаще в рубище безобразном?

Июль 1981

6 Альфонс Доде. Тартарен из Тараскона.

104 Было и весело, и грустно. При всей гротескности, укрупненности масштабов сие – убедительно, хоть и очевидная врака. У сатиры и юмора один общий родовой признак – эксцентрика, и один исток – эмпирия, живые характеры и судьбы. Иначе кто бы это все читал?!

Намеренное *изготавливание* героя (могу даже назвать технологию – что-нибудь из технологии производства экстрактов или выпаривания концентрата) необходимо повлекло на свет фабричную марку: «Дон Кихот в теле Санчо Пансы». Как и в коммерции, в литературе (где профессионально нарекают именами) тоже работают правила авторства – *не повтори, но вечно сопоставляй с уже содеянным*; для устройства параллели нужно иметь в виду патентные ограничения на использование товарных знаков в миру.

10 М.М. Пришвин. Жень Шень.

105 О любви к Ближнему (людям и природе – вкупе). Тончайшие наблюдения самых незаметных и скрытых движений души. См., особенно, размышления о том, почему так *думается* у воды.

18 Э. Межелайтис. Контрапункт. Лирическая проза.

106 «Мир Чюрлёниса» – ! И проза, и поэзия согреты истинной любовью к художнику. Удивительный факт: стихотворение «Его инициаль» у М. и мое тихо-творение «Мерцает имя на волне бурливой» построены фактически *одинаково*. Кажется, я знаю, почему. В упоминаемом и там и там *Finale* «Сонаты моря» Чюрлёнису удался *подлинный символ* (для всего его творчества), его мы оба и оценили, – прежде всего.

«Ночные бабочки» – нудная, хотя и правильная, видимо, проза, на фоне которой поэтические вставки в любом случае только выигрывают.

26 Ричард Олдингтон. Смерть героя.

107 Искренность, печаль, ненависть к мироустройству буржуазного общества (а равнодушие – не являлось ли оно инвариантным для *любого* общества?!), собственный... несладкий опыт автора – и по отдельности и скопом делают роман незабываемым. Картинки войны – они *изнутри* ее – должны потрясать и потрясают.

Помечу для себя особо – о «джазовой» структуре текста.

28 Шекспир. Макбет.

108 Кажется, понял, почему так волнующе-страшно читать некоторые «вечные» тексты: заранее зная, как долго и неотразимо сей текст действует на людей и *до сих пор* им нужен, невольно стараешься вырваться за рамки привычного, «серого» чтения – кроме собственных мыслей и чувств, жаждешь еще *прозреть* мысли и чувства чужие, твоих предшественников и даже потомков. Критерий вечной литературы – не столько континуальность ее *эпистематики* (понимаемой, умозрительно, как бесконечная сумма «прочтений»), сколько – не схоластическая, а реальная возможность (!), возможность такого вот чтения *не только за себя*. Акт особой коммуникации, при которой *читателем творится читатель*.

Август 1981

1 Ансельм Кентерберийский. Прослогион (Памятники средневековой латинской литературы X – XII веков).

109 Схоластическое «то, больше чего нельзя ничего помыслить» благоухает теми же ароматами, что и «множество всех множеств» у нынешних казуистов от математики. Особая, *собственная* логика Ансельмова «доказательства» (здесь вижу не столько эксплуатацию тривиального *tertium non datur*, сколько игру на эффектах и фокусах *семиотического существования*, мне теперь хорошо понятную) наводит на простую мысль: сама принципиальная (!) «финитность» нашего мышления – это она играла, играет и будет играть злые шуточки вроде доказательства недоказуемого бытия Божия или парадоксов «наивной» теории множеств.

Попросту завидно так вот читать трудные (в смысле творческом, научном) места, круто замешанные среди подлинно поэтических, сугубо «человеческих» (гуманитарных) строчек. Нынче так не напишется – не тот предмет. Впрочем, вспоминается похожий эмоциональный строй тейярова «Феномена человека». Общение с трансцендентным или даже только обращение к нему все-таки многому обязывает и... научает.

(отпуск: п. 104–109)

6 Ю. Рытхэу. Современные легенды. (Когда киты уходят. Тэрыкы).

110 «Легенды Берингова пролива» – вещь серьезная, не поделка. «Невербальная» архаика в союзе с реализмом (тот – на грани натурализма) и

поэзией: интересный же дается эксперимент на «встречных пучках» двух культур, европейской и эскимосской.

15 А.Ф. Писемский. Русские лгуны (цикл из 8 рассказов).

111 Невольно сравнивал интонации цикла и «Тартарена» – в последнем куда как больше здорового, от избытка сил жизненных, смеха. А разве могло быть иначе для *той* России и *того* автора: «О, если бы забыть прошедшее и не понимать будущее!».

20 Леонид Мартынов. Золотой запас.

112 Кошунственно в нескольких фразах изречь скороспелое мнение о труде, завершившем долгую и трудную жизнь настоящего творца. Музыкальность роящихся гласных, скрытый ритм смысловых и тонических ударений, печальная житейская мудрость, насмешка над ложной патетикой, достоинство *не даром евшего хлеб*... Я еще *ничего* толком не назвал.

Сентябрь 1981

5 Ричард Хьюз. Деревянная пастушка.

113 Роман – о «случайных» и частных деталях мировой истории. Характерно начало главы 27: «Да, лето 1925 года было действительно отмечено многими событиями: на Рейне этим летом Геббельс присоединился к нацистам; в Мелтоне этим летом Мэри начала в самом деле выздоравливать; в Западном Уэльсе этим летом над Ньютон-Ллантони стали возводить новую крышу, а в Ковентри этим памятным летом Нора провалилась сквозь пол». Но тогда и заголовков существенно схватывает смысл всей этой «мозаики» романа, – деревянной церквушке на севере Штатов уделено едва несколько слов большого текста, но в том-то и все основания для нее быть упомянутой на титульном листе.

Автор явно приглашает «достраивать» сооружение романа, даже не особо подталкивая на размышления (разве что Ковентри – географическая точка явно не случайная): здесь читателю не помыслить самому, самостоятельно попросту нельзя. Здесь в какой-то мере *писателем творится читатель* (ср. п. 108).

14 Аргентинские рассказы. М., 1981.

114 Конечно, Борхес («Сад расходящихся тропок»), конечно, Кортасар («След в след»), да к ним припомнить густую символику Деневи («Путешествие в Порт Счастья») и Костантини («Зов») – безусловно, прочтение их творений добавило нечто существенное к тому, что удержится в душе огромным «пятном» или полюсом *подлинной Культуры Символа*. Как Россия начала XX века, так и Латинская Америка второй половины XX века служат великую службу человеческой цивилизации: их социальные коллизии революционизировали (пробуждали) мир художественный.

27 Ф.М. Достоевский. Неточка Незванова.

115 Ассоциация: кажется, Горький сказал об Иване Павлове, что Природа создала его для познания самой себя; Ф.М., похоже, следовал тому же закону творения, создавая Неточку: очами девушки он заглядывал в собственную душу и, одновременно, озирает людей окрест. Кстати, недаром художники-иллюстраторы так любят изображать героиню этакой глазастой, словно пытаешь материализовать несколько *метафизическое* духовное зрение писателя.

«У Достоевского все сумасшедшие, только по-разному»? – Чушь! Это самое «сумасшествие» посещает каждого *живущего* хотя бы один раз, в миг настоящей радости, горя, отчаяния, любви или ненависти. Эти-то *великие* «миги» в первую очередь и требуют, и достойны *великого* пера.

30 Чарльз П. Сноу. Наставники.

116 О, как длинны и запутаны Коридоры людских Отношений: человеческое, слишком человеческое... «И вот на чем вертится мир». Интрижки вокруг ректорской вакансии – махонькая реприза из многоактной и многоголовой Человеческой Комедии.

Октябрь 1981

10 Андрей Платонов. Сокровенный человек. Происхождение мастера. Джан. (М., 1978).

117 Философия жизни (чуть ли не метафизика), спроецированная на плоскость души «простого человека». И – анти-патетика, особенно зримая в сжатых и точных фразах, в разящих наповал словесных деталях: «На сельских улицах пахло гарью – это лежала зола на дороге, которую не разгребали куры, потому что их поели» (с. 382); «Он увидел, что время – это движение горя и такой же осязаемый предмет, как любое вещество, хотя бы и негодное в отделку» (с. 410).

Самоценность внутренней жизни Фомы Пухова, Захара Павловича или Назара Чагагаева подчеркнута намеренным схематизмом изображения «внешних» событий (никаких надрывов, истерик, и вообще почти никаких оценок и комментариев!). Великое и страшное Дело Революции творилось *прекраснодушными* людьми, тем оно и велико. И величественно-страшно.

15. Юхан Борген. Маленький Лорд.

118 Остальные два романа из сборника Ю.Б. читать просто не смог (почти чисто физически было больно). Подобно Вилфреду Сагену, каждому из нас не уйти от *нескончаемых и непроходимых* мук – вместить в себя весь мир и поместить себя в этом мире...

26 К. Паустовский. Мещерская сторона.

119 От времени до времени, перечитывая сие «паустовское», оживляю в памяти важные ощущения *непреходящего обыденного*. Ловлю

себя на вопросе: отчего с душою писанный текст о природе вызывает переживание самого *общения* с природой? Что это – эффект «книжности», асфальто-бетонного коллапса, только свидетельство таланта писателя или скверна личной «кибернетизации»? Нам всем – для миропонимания, – уже обязательно нужен текстовый посредник?

28 С. Есенин. Ключи Марии.

120 Нельзя требовать научности от истинного поэта (хотя Пастернак или Мандельштам и были серьезными мыслителями, заметим). Есенин только из желания послужить традиции пустился в доказательство почти очевидного: европейская цивилизация привыкла апеллировать к разуму, а не *напрямую* к душе. Автор не *аполитичен*, хотя и ругает некую «опеку», что «строит руками рабочих памятник Марксу, а крестьяне хотят поставить его корове», – он только *полемичен*, сознательно и задорно. Главное же сказано и «доказано»: путь искусства лежит ко «грамоте солнечного пространства» подальше и прочь от «начертаний жизни чрева».

Ноябрь 1981

3 Вольтер. Орлеанская девственница.

121 Любую (почти) книгу нельзя толком понять без окружающего ее литературного многотекстья (ладно, скажу уж – контекста), но именно эта: а) намеренно апеллирует к своему ближайшему окружению и б) явно стремится расширять его. «Катехизис остроумия» (Пушкин), оплеуха ханжеству, мефистофелев смех на чинном сборище ремесленников. Один *крылатый осел* чего, действительно, стоит...

17 Булат Окуджава. Путешествие дилетантов. Из записок отставного поручика Амираана Амилахвари (М., 1980).

122 Не знаю доподлинно, какие нитки выдергивал автор из судьбы собственной, но в ткачестве этом он преуспел: во всяком случае, барьер в 150 лет, отделявший (потенциально) читателя от героя, думаю, актуально исчез. Да разве это *исторический* роман? а плох ли *негероический* Сергей Мятлев? и любовь... может, она все-таки *и вправду есть*, и должна быть – *такая*?

Мысль, мелькнувшая, когда глаза вновь обратились к заключительным страницам романа, а мысленный взор проскользил вспять от эпизода к эпизоду этого Пути (не Путешествия, возражу) Любви: теоретически мы знаем, что любая жизнь самоценна, а на деле... На деле мы часто слепы к цветам и краскам собственной жизни, не говоря уж о чужой (по определению, вроде, сторонней) «серости».

22 В. Порудоминский. «А рассказать тебе сказку?...».

123 Сказочник Афанасьев жил в прозаическое, мягко говоря, время. А культура – именно, как Вечная Сказка – сама только, кажется, и живет и поддерживается усилиями малых и больших афанасьевых.

28 Гильберт Кийт Честертон. Странные шаги.

124 Миссионер добра ведет с нами «спасительные» беседы, забавляя попутно сюжетной остротой...

Метод отца Брауна («я сам убил этих людей») – упрек позитивизму: интуитивное «вживание» взамен дюпен-холмсовской логики, попытка чисто человеческого (одухотворенного) видения вместо механистического причинно-следственного анализа. Но что же в итоге лучше для понимания – католические шоры на глаза или увеличительные стекла рационализма?

Декабрь 1981

6 Гегель. Лекции о доказательстве бытия Бога.

125 На этом пиру мысли просто захлебываешься... Читал – урывками – ровно год, боясь хоть что-то упустить, не понять, отмахнуться.

Понял, кажется, главное и простое (персонально для себя): стремясь вперед, нельзя не оглядываться *назад*, нельзя даже пытаться говорить *свое*, не подключаясь (крепко и целиком) к пульсу мысли уже ушедших, великих и иных...

11 А.Т. Твардовский. Теркин на том свете.

126 Поэма уже попала в мою биографию⁸⁴.

---

⁸⁴ Попала она туда же и во второй раз, когда пришлось «доставать» старое издание *того Теркина* для И.Т. Твардовского (19.10.1914–19.06.2003), – он свой экземпляр ранее как-то утерял. С Иваном Трифоновичем мы, смею сказать, дружили (спасибо Саше Романенкову, когда-то завлекшему нас на свою малую родину и однажды с Твардовскими познакомившего). На его книге «Родина и чужбина» (Смоленск, 1996) – она бережно хранится и бережно читается уже третьим поколением нашей семьи, – стоит памятная надпись, четким крепким почерком, густосиними чернилами: *Троицким – Виктору Петровичу, Тамаре Викторовне и Елене душевно, в расчете на долгую память от автора. Ив. Твардовский хутор Загорье, 13.05.97.*

А именно, в «Экстраполяционном подходе» при рассуждениях о нестандартности (непрогнозируемости) сюжета цензуре при ВИНТИ не понравился мой пример с Теркиным и тем светом. Знал бы А.Т., обиделся бы на позитивистов и тех, кто около и при-...

– «И чью-то душу отпустила боль...». А слишком многого и непосильного и не надо делать. И помнить, что зло всегда конкретно. И – не уставать жить. Не уставать.

13 Пол Андерсон. Патруль времени (Звезда, № 8, 1981).

127 Фантастика, эта Игра в Возможности, исполняет огромной важности долг перед культурой: она разрывает пути Никогда и приближает Завтра. Антиномичность «обратимого» времени переформулирована в непрестанные трудности и непроходимые проблемы, стоящие перед Патрулем. Патруль вряд ли справится со своей миссией, а потому, в самом деле – обратимо ли время?

22 Н.Г. Помяловский. Очерки бусы.

128 Рылся в библиотечных книгах, наткнулся на том Помяловского, и всплыли в памяти давние ощущения после чтения – жалость и гадливость... С пользой перечитал нынче. Нестандартность бурсацкой жизни играет, конечно, свою роль, но все-таки спрошу общо: почему нас так тянет заглянуть в чужой мир, – уж если не духовный, так хотя бы материальный, бытовой?

Здесь я опускаю прямое, так сказать, назначение «Очерков», их изблительную (скажем так) направленность. Почему же сейчас, спустя много лет и с другими намерениями, читатель не теряет интерес к таковой далекой-предалекой «физиологии»?

28 А.В. Гулыга. Искусство в век науки.

129 Оценка подобной мета-художественной продукции вообще-то лежит вне рамок моего дневника, посвященного чтению преимущественно художественной литературы. Но исключения все-таки пусть будут, коль некий текст вызывает новые эмоции или особые эстетические переживания. Получается, в воздухе XX века ощущаются ароматы грядущего синтеза:

наука + искусство + вера

[не дописано, оставлено свободное место]

Январь 1982

10 И. Ефремов. Таис Афинская.

130 Читая подобное, вдруг начинаешь по-новому и отчетливо понимать глубину вовсе, казалось, привычных (ходульных) понятий – культура, индивидуальность, человеческое «Я», история... Подлинная личность (всякая личность *как таковая*) бесконечно развернута во времени! Уже потому она бессмертна, что есть у нее память (знание) прошлого и

жажда будущего, что нам небезразличны дела Таис и Александра, инфузорное житие бурсаков (п. 128) и боль Александра Твардовского...

Память прошлого и жажда будущего – не это ли «формула» и собственного творчества Ивана Ефремова?

22 Лоренс Стерн. Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена.

131 Смеялся от души и радовался новым находкам, но не смог наслаждаться «чтением, не зная отчего и не спрашивая почему» (т. 3, гл. 12), несмотря на все тристрамовы запреты. Да, замечу, и сам-то он хорош...

Что такое литература, начинаешь больше понимать только после такой радикальной – шендианской – вивисекции догм, общих мест и традиций литературной коммуникации.

27 Е. Евтушенко. Северная надбавка (Юность, № 6, 1977).

132 ... И ты [Родина] большая будешь, пока большие мы...

29 Ю. Тынянов. Кюхля.

133 Постепенно оформляется мое отношение к статусу этого «литературного дневника». Слово «вехи» не подходит, скажу так: с каждой новой записью – все больше мук противоречия, ибо и радуешься приобретениям (прочел, увидел, победил...), поднакапливая, так сказать, богатства эрудиции и души, и скорбишь по утратам свежести первой встречи (это – как негромкая грусть о юношеской любви: была – спасибо ей – но теперь она далеко).

А вот с «Кюхлей», как, видимо, и с некоторыми другими вещами всё не так – если не ошибаюсь, читаю повесть в четвертый раз, а переживания куда как свежи. Возможно, главную роль играют тут внелитературные факторы – мое преклонение перед личностями Вильгельма Кюхельбекера и самого автора.

И даже не «преклонение» – звучит как-то по дамски! – но *готовность*, все еще *готовность* – «делать жизнь с кого».

Февраль 1982

1 В. Богомолов. Момент истины (В августе сорок четвертого...).

134 Я хоть и не любитель «шпионских страстей» и прочих таких «дефективов», но эту книгу заглянул быстренько.

Техническое: сочетание беллетризованных, психологизированных мест с прямыми цитатами из сухих служебных документов – вот главная удача. И это не ради «имитации действительности», это – сама жизнь, говорящая с нами на общепринятом языке: будучи в путях гутенберговой читающей цивилизации, проще увидеть, *как* за печатной строкой укрывается и раскрывается *просто человек*.

7 А. Белый. Петербург.

135 Роман – вершина айсберга, айсберг – мир исканий художника. Автобиография и личные муки, цеховые внутри-литературные баталии, интимные подробности приключений духа, большая дань книжности, физиологичность и укрупненность бытовых деталей – всему нашлось место, причем всему – как-то непрямо, *в отголосках*, что ли.

Поразительно внимание автора даже не к психологии, а, так скажем, к *парапсихологии* героев: сны, болезненные видения, трансы написаны убедительнейше. Репортаж очевидца о буднях Бессознательного.

(подарок Гены Чугунова,
после долгого – взаимного – чтения стихов при встрече).

10 Г.Г. Маркес. Сто лет одиночества.

136 !

В прямом смысле, *нет слов*... Смертный человек посмел (и смог) сотворить целый мир – эту планету или галактику по имени Макондо.

19 А.В. Гулыга. Кант (в «ЖЗЛ»).

137 «... Звездное небо надо мной и моральный закон во мне»...

Я обязательно должен съездить в Калининград (= Кёнигсберг) – *на поклон*, почтительный и строгий, и *для раздумий*.

21 В. Пиккуль. Богатство (Молодая гвардия, №№ 8, 9. 1977).

138 Изобразительность, экзотика, занимательность – сие на поверхности. Подобные книжки нужны, прежде всего, для большего: факты и события, законсервированные учебниками и монографиями, тлеющие в музейной тиши, они оживляются живой водой художественного слова, обретают вторичную «объективность» (коль скоро воспроизводятся или реставрируются они и окружавшая их атмосфера) и столь же вторичную «субъективность» (изнутри факты подсвечиваются светляками людских душ – Испологов, Соломин и др.). А вторичность – не всегда второ-разрядность.

Кажется, начинаю (читательски) добреть к Пикуюлю.

(отпуск – п. 132–139)

26 О. Генри. Короли и капуста.

139 Нет, тут не пустяковая таксономия Моржа затеяна, тут демонстрирована красивая *витаграфия*. И – юмор важен: без него трудно не спастись перед трудностями жизни, объевшись... *лотосом*. А формула жизни (вита-формула) такова: не «Познай себя!», нет же, – «Не забудь себя!»

Март 1982

2 У. Фолкнер. Свет в августе.

140 Можно, наверное, понять расизм умом, У.Ф. заставляет его *почувствовать*. Человек в потоке времени – вот иная, метафизическая канва романа: запоминается жажда начать повествование *ab ovo* (биографии), а

героев преследует проклятие какого-то искромсанного времени, времени с пропастями, возвратами вспять и скачками, проклятие *суда и оценок* людей временем – как определено, временем «света в августе».

6 Е. Евтушенко. Ягодные места (Москва, №№ 10, 11, 1981).

141 Автор изрядно выговорился, да и есть о чем. Как и в стихах, у него и в прозе все архи-прозрачно, много-проговорено и оформляется весьма пространно. Всё, – идеи, эмоции, интонации, ремесленные уловки, адресованность, всё подробно. Хорошо сказано в предисловии В. Распутина: роман без героя, роман-жизнь, агитационный роман. – «Беленько тебе, Россия»!

9 Э. Хемингуэй. И восходит солнце (Фиеста).

142 Нынче – муторно «по жизни»... а тут еще вот это *потерянное поколение*... У меня бывают по крайней мере потерянные дни, когда Х. может влиять только дурно.

25 В. Каверин. Двухчасовая прогулка (Новый мир, № 11, 1978).

143 Мемуарный роман, где *memoria* – о сочиненном ранее. Пожалуй, есть черта, за которую большому мастеру переходить предосудительно: начинаешь верить в жизненность и правду эха от своего собственного голоса.

Год – 53 (4, 42)

Апрель 1982

1 Макс Фрши. Человек появляется в эпоху голоцена (Иностранная литература, № 1, 1981).

144 Жалок *homo sapiens*, когда казавшиеся вечными завоевания цивилизации (электричество, письменность *usv.*) предстают пред ним в своем *естественном* виде – эфемерном... Сама форма повести двумя жирными чертами отчеркивает драматизм сей ситуации: в тихую обитель Литературы ворвался сухой ветер пустынь Позитивизма (вроде как эти вырезки г-на Гайзера или список использованной литературы вместо точки последней).

4 Джонатан Свифт. Сказка бочки.

145 Автору – тридцать (1697), фонтан красноречия небеса ополаскивает, досталось всем и вся. Да и могло ли быть иначе?! Сатира и юмор столь здесь густы, что употреблять это блюдо нужно только малыши кусочками, а без постепенности и специального тренажа – никак нельзя.

8 Н. Дубов. Родные и близкие.

146 Проклятая схоластика – нельзя сидеть на двух стульях сразу, непроходимая дилемма выбора (какая узнаваемая и обидно-банальная)...

15 Ф. Бэкон. О мудрости древних.

147 Особо помечу: Орфей, или Философия; Пан, или Природа; Купидон, или Атом. Почти научное – дало небольшую запись п. 47 «Талмуда» – вроде прояснился философский принцип *тесноты мира*.

30 В. Шефнер. Сестра печали.

148 Очень расстроился, прочитав. Потому что примерил на себя чужую судьбу. Потому что транжирю людское тепло, будто его не убудет веки. И сам не умею греть. В ушах – эхо слов: «Истинно вам говорю: война – сестра печали, горька вода в колодцах ее...»

Оказывается, бесполезно временно лишиться близких (на два месяца служебной командировки, к примеру), дабы с толстокожестью теперешней уяснить-таки, что есть война, что такое – *навсегда* лишиться.

Чтение становится жизненно важным, когда под его влиянием вынужден (нехотя? охотно?) перетряхивать пожитки в собственном душевном хозяйстве.

Май 1982

1 Л. Гумилевский. Вернадский (в «ЖЗЛ»).

149 Не надо стыдиться, Витенька, своих тайных пристрастий. Мыслить во вселенском масштабе не доходно, но... Но это преступно – не мыслить, коли ты можешь (или *только даже* хочешь). Что может быть удивительнее (и трагичнее?), чем малая пылинка живого вещества – человек, – вместить жаждущая мир необъятный?! Какая ни есть малая пылинка.

2 К. Прист. Машина пространства.

150 Рискованное предприятие закончилось, кажется, успехом. К приключенческой и квазинаучной компонентам выигрышно добавляется эта подключенность в Большую Культуру, поскольку «дописываемая» Уэллсова «Война миров» (– У каждого из нас свой рассказ, мистер Тернбулл...) – безусловно, одна из ее элементов.

5 Кир Булычев. Люди как люди.

151 Об инвариантно-человеческом в «диких» ситуациях (козни дьявола в эн плюс первом веке). Надо бы поверить, что сей оптимизм на людской счет оправдан. Название – из шеренги схожих: «Люди как боги» (кажется, у Сахарова) и «Почти как люди» (Саймак); что здесь, в выборе заголовка – случайность или скрытая полемика?

17 Анатолий Ким. Нефритовый пояс (сб. повестей: Поклон одуванчику, Н.п., Утопия Гурина, Лотос).

152 Светло написано! Размышления о жизни, смерти, бессмертии тут – не суть отвлеченности и схоластика. Они – просто иная форма поиска

своего места среди людей, метод (тьфу – словцо!) различения «родных», «близких» и «далеких» для достижения всеобщего бессмертия в *МБ*.

25 *М.Н. Загоскин*. Юрий Милославский, или Русские в 1612 году.

153 «Первый хороший русский роман» (Белинский) не просто «похож» на Вальтер-Скоттов изыск, он – и *предчувствие* психологической прозы, составившей славу русской литературы. «Жалкий» центральный герой на фоне противоречий Смутного времени – плод попытки (неуклюжей, но сознательной!) рисовать личность во всех ее человеческих противоречиях. Оценка подлинного места Юрия – хорошая иллюстрация оппозиции *цельность / рефлексия* (ср. Семиотика и информатика, № 17).

31 *Т. Манн*. Иосиф и его братья (Былое Иакова. Юный Иосиф. Иосиф в Египте. Иосиф – кормилец).

154 Не почел за труд, без понуждения осилив две тысячи страниц «книги, достойной патриархов». Путь от первых строк до последней точки в итоге не измеряется никак в типографских единицах – на деле состоялось долгое и далекое путешествие по долам-весям Большой Культуры. Литература суть особый «прибор», такая панорамная *оптика времени*, то увеличивающая до осязаемых размеров ничтожную точку на оси истории, то отодвигающая события из наличного «сегодня» в даль уходящей анфилады прошлого или будущего – многое проясняющую для читателя даль.

Июнь 1982

1 *А.М. Ремизов*. Избранное (М., 1978).

155 Читал наспех, потому лишь пахло чужой большой бедой: «я боюсь... весь земной шар для меня страшен...» – для него гнусен мир и в начале века, в России («Чёртик», «Неуемный бубен»), и в эмиграции («Подстриженными глазами»), оставалось отвести душу и, собственно, жить только в самозамкнутом и надвременном мире слова и мифа славянского. Даром ли неким подобием здоровья (румянцем чахоточного?) пышет «Посолонь»?! Очень смачна главка «Купальские огни» (из «Лета красного») – впечатляющий парад нежити вместе с буйством красок языка.

4 *Ян Парандовский*. Алхимия слова.

156 Писательство – очень земное по *истокам* и *форме* деяние, потребность же людей в нем имеет высшее духовное *содержание*. Из парадокса творчества – являть коллективное бессмертие усилиями смертной личности, – не происходит ли весь шарм, весь смак литературы? Мысленный обзор сего компендиума рождает неизъяснимое чувство (видимо, как в «Ночном летчике» Экзюпери) полета над бездной, из мрака которой то и дело выступают прихотливые цепочки огней – неожиданные, захватывающие размахом своим и разнообразием бесконечным.

6 Н. Думбадзе. Кукарача (Дружба народов, № 1, 1981).

157 Прочтя последние строки – «Кукарача вспомнился мне за полчаса до второго инфаркта...» – долго сидел отрешенно, тяжело ворочая в мозгу что-то глухое и *больное*... Боль *добра* теряемого и тут же, странно, обретенного.

8 М. Заринь. Фальшивый Фауст, или Переработанная поваренная и приспешничья [П.П.П.] книга (Дружба народов, №№ 7, 8, 1981).

158 Вся эта литературщина (в ремесленном смысле – интертекстуальность, т.е. переключки тем и текстов, ситуаций и сюжетов, вклинивания «кусков» эпохи Марло, прямо-таки брызжущие салом-соком духмяные речения из П.П.П.) подчинена глобальной цели Культуры: понять и решить проблему «Я и время», решаемую издавна и не решенную доньне. Эффект ложной памяти – когда-то это было со мной!? – не это ли психологическая основа (конечно, осознанно или даже на словах отвергаемая) тех коллизий, что разворачиваются при осмыслении нынешних частных на фоне *над-* (или *обще-*) *личностной* памяти. Овладение культурой не есть ли попросту вовлечение в сеть межличных ассоциаций: единая память культуры предстает как ложная *моя* память. В произведении, кстати сказать, куда интереснее оказалась сама общая схема «подключенности» к истории, чем людские судьбы, схему эту незаметно облачающие плотью (такова интеллигенция в буржуазной Латвии). Так и *должно* – сверкание чьей-то короткой траектории слишком мало и коротечно на общем ночном небе человечества.

10 А.М. Чапыгин. Белый скит.

159 Хорошая литература – всегда «этнография» и собирательство: она свозит на полки, в кунсткамеры текста диковины человеческих характеров, экземпляры поступков и деяний. И в такие вот экспонаты можно попасть даже и без выдающихся атрибутов вроде могучих плеч Афонки Креня, сатанинской злобы Вороны или метафизичности недоступных скитов раскольничьих. Ассоциация «музейности», думаю, здесь не такая уж легковесная: литература когда-то тащила в свои коллекции только самое-самое, только возвышенное, не-серое, а подлинную цену обыденному и сиюминутному усвоили лишь недавно (XIX – XX вв.). В музеях и по сей день не принято укрывать от всепожирающего Хроноса слишком привычные, обиходные наши *не-реликвии*, а зря.

Этот недостаток перед лицом *культуры в целом* и восполняется громадным «музеем», который устраивается силами современной художественной литературы.

12 Б. Пильняк. Лесная дача. Волчак (Красная Нива, №№ 2 и 14, 1923).

160 Коль содержание прочтенного не вызвало особых эмоций (оно здесь явно *мелкотравчато*), остается отметить «структуралистские»

впечатления от телеграфности, пунктирности, атомарности *исв.* стиля Пильняка. Этак проглядывает *n*-ый парадокс культуры: как изобразить бесконечномерный (ну, просто никак не лежащий только в четырехмерном пространстве-времени!) мировой Континуум – так назову всю совокупность вещей, событий и чувств, – как изобразить его заведомо конечными средствами? Дробить малый фрагмент на возможно более мелкие доли или удалыми взмахами кромсать целые пласты бытия, колдовать над сфумато для преодоления границ или, наоборот, швырять мазки гогеновы и вангоговы?.. Да всяко...

Хоть бы и так – *прямо обыгрывая* свое неустранимое, заведомо «дискретное» и «конечное» бессилие.

15 М. Фриш. Монток (Октябрь, № 12, 1981).

161 Лазутчик от позитивизма вновь умыкнул кое-что из тайн человеческого мышления, из психики, колдовством мастера обращая сокровенное (воспоминания, ассоциации, образы еще дымятся нутряным паром – они только что вырваны из живого тела) в литературные формы.

17 Станислав Дыгат. Путешествие.

162 Беспощадно, хотя и не жестоко. Человек – он ведь этаким трамвай, бегущий по рельсам, уложенным случаем (= судьбой), от станции рождения до депо смерти, трамвай особый, наделенный незавидным и проклятым свойством: его всё тянет сойти с рельс и прогулять по травке, а то и летать ему охота. Но такому сходу есть одно-единое имя – катастрофа.

19 Упанишады (М., 1967).

163 Густейший концентрат мыслей и чувств; хитроумная интеллектуальная машина, тысячелетиями неустанно движимая людским бессилием; заповедник тайн самого-самого человеческого; апофеоз логики, коль она, действительно, «искусство мыслить и рассуждать в строгом соответствии с ограниченностью и несостоятельностью человеческих заблуждений» (Амброз Бирс, «Словарь сатаны»). Незазорно поучиться у древних мудрецов в бесстрашии обращения с бесконечным: тут тебе и универсальный алгоритм, давший заодно (!) с мерой «неисчислимого» блаженства и способ позиционного счета («Раздел блаженства Брахмана» из Тайтирия-упанишады), тут и всеохватное слово-вселенная, слово-атом, мимолетное *Ом* (*Oum*). Широчайший и глубочайший у индусов инструментарий!

20 Альбер Камю. Падение.

164 Страшно пребывать в подобной мешанине противоречий (антиномий), тут не поможет и *адвокатство на покаянии* (мой портрет – ваше зеркальное отражение!). Такая жизнь – она доставляет только туманные символы, не указывая пути на какой-либо выход (смех за спиной, всплеск от

падающего с моста тела, адовы круги Амстердама и голландцы, которые «здесь и где-то далеко», концлагерный Папа, украденные «Неподкупные судьбы»). В этом *мертвом собрании* страшно! Так схватывать «черты, общие для многих, жизненный опыт, выстраданный всеми» и «держат путь лжепророка, вопиющего в пустыне и не желающего выйти из нее» – куда это ведет, сказано самим названием повести. «Свобода – это повинность, изнурительный бег изо всех сил, и притом в одиночку»?..

Страшно. Страшно. Страшно.

21 М. Зоценко. Возвращенная молодость.

165 Нам всем путем профессора Волосатова идти бы, да только в силу решающего голоса нашей психики (привычек, лености, принципа «пустить всё будет, как было») так сложно править своей физиологией и, в конечном счете, молодостью и старостью. Это ж я *себя* прежде всего успокаиваю и оправдываю. М.З. фактически ратует за некий возврат (на ином уровне пресловутой спирали!) к первобытным радостям души и тела, в окружении которых эти двое и формировались. Выплескивай эмоции, бодрит тело, «обнуляйся», почаще улыбочку – будь же, в конце концов, человеком, а не прибором для чувствования или машиной для думанья! Неужто только так – правильно?

(п. 148–165 – командировка в Харьковскую академию; чтение на фоне усиленного штудирования «Трудов по знаковым системам» в Харьковской Публичке)

22 М. Булгаков. Мастер и Маргарита (Москва, № 11, 1966, № 1, 1967).

166 [В рукописи оставлено свободное место, так и оставшееся «про запас»]⁸⁵

Июль 1982

1 Пушкин. Гавриилиада.

167 Читал, смеялся, иногда ругался и мучительно вспоминал, к себе прислушиваясь: когда *уже было* такое? И вспомнил: ну, конечно же, это «Нате!» Маяковского. Нате вам, ханжи и развратники, лгуны и сволочи! Плюйтесь! Яритесь в корчах! Так и разэтак вас!

Потом последовало наблюдение над этим наблюдением: а почему именно такое «вспоминание», почему созвучнее «Нате!», а не «Орлеанская девственница», скажем (и по календарю ближе, и антиклерикальная убийственность та же)? Почему так естественны, несмущающи временные сдвиги, почему «уже было» сказалось для события, следующего *спустя почти сто лет* (1821 → 1914), почему «время прочтения» столь прихотливо

---

⁸⁵ Наступит время, ноябрь 1996 года, и в журнале «Москва», аккурат к 30-летию первой публикации Романа, выйдет моя статья «О безымянном мастере и его шапочке». Тогда очень хотелось честно и, по возможности, точно выразить свои высокие чувства по отношению сразу к двум мыслителям – М.А. Булгакову и А.Ф. Лосеву. Писалась та статья – *стремительно и легко*.

смешивает «времена написания» и не за счет ли этого сплетается сама ткань культуры единой?

А-а-а, ну его, весь этот анализ: главное, что именно так вспоминается, слушается, читается, чувствуется, живется...

10 Френсис Корсак. Бегство Земли.

168 Тут психологии – чуть, в избытке – позитивистских экстраполяций и технических наивов. Легкость обращения со столь гигантским отрезком истории попросту раздражает, даже если делать скидку на условность и понимать ограниченность метода – а метод смешной: держать ладошку козырьком, тшась заглянуть за горизонт, да еще при этом не сходя с истоптанного пятачка стереотипов.

10 Н. Рубцов. Избранное (М., 1982).

169 Он «чуток как поэт, бессилён как философ»... Стоит метаться, страдать и ошибаться, чтобы однажды (хотя бы однажды!) «в своей руке сверкающее слово вдруг ощутить как молнию ручную».

17 Александр Крон. Бессонница.

170 Кудряво, но не очень-то убедительно. И вообще стоит ли трудов такая механическая компиляция *эмпирических* наблюдений – где, спрашивается, связующий эти фрагменты *идеализм* человеческий, *point* страстей и нелепостей?

Август 1982

4 М. Зоценко. Сентиментальные повести.

171 Из хитро плетеного лабиринта восприятий явилась вдруг мысль-ассоциация: да это же «Едоки картофеля» неистового Винсента!.. Грубые, на грани нелепого – формы, оголенное и пронзительное – содержание. Ироническое и, вместе, сострадательное отношение к рисованным героям и смех издевательский над святошами и ханжами, которые, де, только и ведают истиной, как *должно* рисовать и о чем.

«Пишешь, пишешь, а для чего пишешь, неизвестно». Такая строка скорее могла родиться не от сознания своего бессилия, а от великой веры в читателя, пусть даже и неведомого и только *грядущего*.

8 Э.М. Ремарк. На западном фронте без перемен.

172 «Сколько времени прошло? ... восходит солнце, приходит ночь, снаряды свистят, жизнь кончена». Война калечит живых, коверкает пустое, казалось бы, пространство и корежит само время, она – всеядна. Будь она проклята! И будь проклята куца память людская! Ведь сам я лет десять назад читал эти же строки – и забыл, забыл почти всё, даже общее настроение, даже интонации...

20 Житие протопопа Аввакума (М., 1960; редакция А).

173 Какое счастье, что не мог знать протопоп Аввакум Петров, *чем именно* будут интересоваться потомки, читая его исповедь! Иначе бы он бросил перо и... и всему бы покорился. И не стало бы Аввакума в истории нашей, и обеднела бы наша культура... Русский «первослов» (А. Ремизов), русский Савонарола (а пошто, товарищи, о последнем *нам-то* так и не скажется: итальянский Аввакум?!).

26 Эразм Роттердамский. Похвала глупости.

174 Два внешних обстоятельства заставили вернуться к «Похвале». Прежде всего, нынче маюсь со статьей для «Знания-сила», затеял ее в ключе «похвалы чтению», вот и потянуло к образцам недосягаемым. Другое – читаю «Эстетику Возрождения», подаренную самим великим Лосевым (написал о *великом* и призадумался – не из собственной ли гордыни употребил сие? Вроде нет. Помнится, дня три я боялся читать и только касался страниц книги, благоговейно созерцая ее на отдалении...), а там важен тезис о «самокритичности» Ренессанса.

Поразительно смела и проницательна эта самая Мория – Стультиция – «подательница *всяческих благ*»!.. До неправдоподобного... Мы вот посмеиваемся над подвигом небезызвестного барона, вытащившего себя (и лошадь свою) из болота за собственные волосы, и мы спокойны в оценках – враки, мол. А взять эту «Похвалу» – разве она сама по себе не такой же случай, только вполне реальный, не эфемерный... Как возможно, находясь «увязши по уши» в своей эпохе, своем времени, как можно только *усилием духа* приподняться над самим собой и своим миром?! Дошло ведь даже до крайности: заключительные главы о христианской вере и ее чистоте прямо-таки *чреваты* атеизмом – и это при исключительной (не сомневаюсь) богобоязненности автора.

Сентябрь 1982

5 В. Шукшин. Любавины.

175 Ясны и убедительны *черты лица* человека 1920-х, проступающие в звучании речи. Изобразительность *parole* да скостит огрехи композиции вещи (мне заметные), вернее, ее непритязательность.

16 Марк Твен. Дневник Адама (Архив семейства Адама. Письма с Земли).

176 Это – осколки, фрагменты гигантской работы над судьбой культуры, отголоски долгих размышлений о месте и долге Человека. Ласковый юмор и любовь по отношению к Человеку Чистому (какова, к примеру, «молитва» Евы) сменяется издевательским смехом, чуть только запахло ладаном. После «Писем с Земли» с ортодоксальной церковью, можно подумать, покончено. А как быть с той рафинированной «чистой» верой, которая обходится без апелляции к Писанию, торжественно-пёстрых служб и

культовой архитектуры?! Да, еще вопрос: воззрения Реджинальда Селькирка (Безумного Философа) – законы «среднего интеллектуального уровня» и «периодического повторения» – это что, стилизация под архаику или манифесты автора? Впрочем, интересны оба варианта.

20 А. Ахматова. Поэма без героя.

177 Прямо конфуз – Анна Андреевна задала задачку... Принимаюсь за чтение уже в третий, кажется, раз и всё как-то проскальзываю... Герой-то в поэме есть: авторская память, вызывающая тени прошлого и пропустившая сквозь себя токи культуры – вновь звучит услышанное, прочтенное, прочувствованное... У поэмы нет читателя – поэт не хочет снизить до *всякому-понятности*, нужен ему не читатель, а *сочувствующий*. «И тогда из грядущего века / незнакомого человека / пусть посмотрят дерзко глаза, / чтобы он отлетающей тени / дал охапку мокрой сирени / в час, как эта минет гроза»... И все-таки осталось стойкое ощущение, что коснулся чего-то заветного, негромкого, соединяющего души, вне- и над-временного, да...

Октябрь 1982

7 Песнь песней (в «БВЛ»).

178 Возвышенная отдаленность древнего текста вдруг как-то съезжилась и пропала вовсе после этой наивно-земной образности: «Твои зубы – как постриженные овцы, возвращающиеся с купанья, / Родила из них каждая двойню, и нет среди них бесплодной». Милая скотоводческая поэзия... И вдруг, как ударом бича, пришла сатанинская «ассоциация»: а «блуждать меж лилий» и «портить баб» – это об одном сказано? В досаде захлопнул книгу – и откуда только, батенька, это ваше *все-скотство*?

9 Д. Жуков. Владимир Иванович.

179 Помнить – оно, конечно, надо... Только нет здесь всеединных правил и догм, память – хитрый и разборчивый механизм, будь то память особи, человека либо память всей культурной нации. А разговоры об этом так и останутся разговорами, пока не обретет действительной ценности (в чужих глазах, в глазах социума) любая наугад взятая личность, хоть тот же Малышев, к примеру. Не романтическая формула «человек бессмертен!», а практическое единение памяти и чувств. Похоже, этакое и мечталось великим утопистам – русским Соловьеву и Федорову, французу Тейяру.

18 А. Ф. Лосев. Эстетика Возрождения (М., 1982)⁸⁶.

180 Снова, как и в случае с «Мастером», не могу толком писать. Может быть, это бессилие – от страха перед *огромностью личности*, что

---

⁸⁶ Эту книгу мне так и не удалось купить, простояв немалую очередь в книжной лавке посреди града Харькова. Зато потом пришел подарок с Арбата, вернее, со Спиркинской дачи: «Дорогому Виктору Троицкому на добрую память от автора. А. Лосев. 11/VIII – 82. “Отдых”».

присутствует в тех печатных строках... Книга – сама личность. Без всякой мистики и ложных персонификаций... Ибо «мир *чреват смыслом*»...

24 Василий Федоров. Женьиьба Дон-Жуана.

181 Действительно, «жизнь старше книг», но известное отношение яйцо / курица в рамках высокой литературы перестает быть классически односторонним. В сей «киронической поэме» хватает назидательности, житейских и нравственных уроков. Однако что убедительней – конкретная судьба, в яркости своей вырастающая до символа, или, наоборот, ходячий символ, приземленный до кажущейся наглядности? Второе направление, во всяком случае, количественно («Женьиьба», что и говорить, редкостна по стилю) проигрывает, но и в нем есть высшие достижения: к примеру, «Доктор Фаустус» Т. Манна. Касательно того, чтоб она «строка крепила / на стройке века хоть одно стропило»...

Что ж, пусть так и исполнится. По большому же счету – еще нужно, гм, гм, много поработать...

26 Р. Декарт. Рассуждение о методе (М., 1953).

182 Смело шагнул от вершин возрожденческого человекообожения и восторженности на земли практицизма Нового времени. Поиск ясности – на флаге науки, вера в себя – на сердце тяжестью: мысль должна грандиозно вырасти до субстанции, дабы невсамделишной материальностью своей быть надежным фундаментом для вечного и святого сомнения. Сколько в этом «методе» неясного! А наука – *принялась* и возросла им.

Ноябрь 1982

1 Ирвинг Стоун. Достойные моих гор.

183 Более 1100 имен из этой «истории открытия страны и построения цивилизации» – они объединены одним портретом *на обложке*: никакого обобщенного лица, только – шейный платок «достойного», да его широкополая шляпа... Блеск и нищету человеческого духа (взятые вместе!) мы находим в тексте *под обложкой*.

4 А.Ф. Лосев, А.А. Тахо-Годи. Платон. Жизнеописание.

184 А здесь судьба только одного имени, но какого! Посев состоялся единожды, без малого 2,5 тысячи лет назад, а ростки – все новые и новые, с каждым народившимся поколением *homo sapiens*. Платонова «вечная неугомонность мысли» и мне не даст засиживаться! Ну, а где там моя пока не опубликованная, миру не известная «матрица отражения»?

24 В. Каверин. Верлиока, сказочная повесть (Новый мир, № 1, 1982).

185 Полемика с Булгаковым или продолжение разговора на равных (и близких?) позициях – кажется, есть и то и другое одновременно.

«Конструктивистский» (от *совпадений*) подход к добру и злу. Просто добрая и чистая история.

25 Великий инквизитор (из «Братьев Карамазовых», кн. 5, гл. 5).

186 Пред кем преклонить колена, кому вручить свою совесть, как объединиться в единый «муравейник»? Вечные, проклятые вопросы... А ответы эти – они как? Чудо, тайна, авторитет – или свободная вера – или... Зримое, выпуклое напоминание о страшной опасности *спасения гуртом*.

Декабрь 1982

5 Владимир Чивилихин. Память (Роман-газета, №№ 16, 17, 1982).

187 Эпизод из чтения. Мелькнуло на странице имя некоего «степняка поганого» – Чаадай, и знакомое созвучие тут же породило мысли о великом философе российском. И соседство-то какое диковинное: сын Востока и «западник», кровавый рубака и утонченный мыслитель... Махнуть рукой? Пустяк? А вот в том же столбце – о русском «ура!», которое вырвалось сначала, оказывается, совсем не из славянской глотки... Нет, налицо явственное правило, уже выросшее, по сути, до ранга непреложного закона. *Слитость в истории* – вот архиважное. Кажется, я начинаю прозревать очень всерьез («критика тела = критика времени»), а творение В.Ч. весьма кстати пришло в руки, принеся важные эмоции и разум фактами тревожа. И еще спасибо автору за урок: *сама история* вместе с отношением к ней есть *особая форма нравственности*.

9 Г. Гор. Геометрический лес (Л., 1975).

188 Вновь обратился к повести сознательно, под водительством общего своего настроения последнего времени. А припомнилось, прежде всего, то перечисление из гл. 43, тот *полет духа*, тот «внутренний монолог и монтаж событий, фактов и переживаний, которому мог бы позавидовать сам Эйзенштейн». Всё перечитанное, надеюсь, поможет мне сделать какие-никакие шаги к ответам на *загадки времени*, а сейчас помечу несколько иное. Читал-то я «Лес» уже два раза (последний случай – лет пять назад)⁸⁷, но до меня «не доходили» многие детали, кои нынче вызывают настоящий восторг и понимание. Наверное, наблюдения писателя трансформировались и ложились глубинными напластованиями где-то в моей интуиции, чтобы

---

⁸⁷ Тогдашние встречи с фантастической прозой Геннадия Гора не только утешили как читателя, но и весьма укрепили мои мальчишеские упования – *заниматься проблемой символа*. И еще при свидании с данной книгой я в первый раз прочел и произнес или, наверное, про себя прошептал громкое имя «Лосев» (оно встречается в новелле «Деревянная квитанция»), причем, в тесной связи с символом произнес. Жизнь мою это имя сильно, даже радикально, изменило. Может быть, немного пофантазирую и порезвюсь, но теперь рискну предположить: не тогда ли, приблизительно летом 1976 года, при том *первом произнесении* сакрального (для меня) слова и понесло бедного «технаря» и несостоявшегося «чистого» математика прямым в философию? Примерно таков тогда рецепт для метаноии: вовремя скажешь *Лосев* – будешь философом...

однажды («неожиданно») выйти на поверхность, уже в новой оболочке явственной мысли... *Мораль проста*, на сей момент: читать, читать и читать, думать, думать и думать, копить и копить! Пусть не всё, по случаю, понимаешь и принимаешь, пусть клокочет и булькает несусветное варево! Знать ли, какое будет блюдо?! Но без кухни этой уже не прожить мне...

Январь 1983

3 С.П. Залыгин. Комиссия.

189 Неожиданная книга, неожиданно и *ответственно* посвящение Александру Трифоновичу, таковы же главная тема и форма-исполнение. О неожиданности говорю на радостях, обнаружив новую (для себя) прозу под стать великой русской словесности XIX века.

Тоска по правде, естеству, природности социального мироустройства и вера в *не-единоличного* человека, человека *от-роду-племени*. Лебяжинская Лесная Комиссия – укор и напоминание, строгое «Думай!» и тихое «Помни»...

Не назад, к архаике кондовой, а вверх по диалектической спирали: петь песни, землю свою любить, сказки сказывать, жить *на миру* – «подеревенски», – а еще, заодно, вкушать и плоды НТР и культуры рафинированной... Утопия?

8 Бхагаватгита (из «Махабхараты»).

190 На что толкает «черный» бог? Чему учит, желая (втайне) *известить род людской*? Не жалеть ни живых, ни усопших («мы были всегда»); спокойствие-ясность от сокровенного знания: Дух беспределен; деяние в отрешении; иго йоги. Руководствуясь этаким, легко «менять кожу»: кажется, индуистский санъясин-отшельник расположен рука об руку с нацистским сверхчеловеком «арийских» кровей. Соседство это многое разъясняет.

11 Владимир Львов. Загадочный старик (Л., 1977).

191 Коль сбудется однажды *патрофикация*, ее первым «объектом» должен стать именно Николай Фёдорович Фёдоров, да. Чтобы вернуть долг тем бранным молекулам и атомам, сцепление которых создало философию Общего Дела, чтобы услышать речь *самого* гения, наконец, чтобы закончить цепь несправедливостей, нелепостей, свинств, кои всё тянутся своим чередом, – чуть дело касается оценки великого наследия, дарованного миру землей России... Федоров никак не мог ошибаться в главном – человек *воистину бессмертен*. Только уточнить бы – как, в каком именно смысле?

22 Уолт Уитмен. Песня о себе (из «Листьев травы», М., 1982).

192 «Я знаю, что лучшее место – моё, и лучшее время – моё, еще никто не измерил меня и никогда не измерит...» Неукротимо хочется цитировать еще и еще...

Когда-то наборщикам, говорят, не хватило литеры «л», чтобы отпечатать нечто о любви из Велимира Хлебникова; в случае «Песни» им бы явно пришлось трудно с буквой «я». Но здесь – ни грана банального ячества! Икалось-якалось возрожденцам, но как раз за то дал им трёпку (хотя бы) Франсуа Рабле – уж поизмывался он над их единоличным излюбленным телом! Ласкатель-жизни-космос-Уолт с таким же талантом и чувством, как у Рабле, говорит о другом теле – теле демократии, теле соборном, теле будущего.

Привет Уолту славному!

Февраль 1983

1 Андрей Никитин. Дороги веков. Цветок папоротника (М., 1980).

193 Рукопожатие через тысячелетие – посредством неолитического рубила или куска глины из ладоней древнего гончара. Да, рука все-таки делает и *объясняет* больше, чем весь сонм умозрительных теорий и спекуляций. Сквозные темы: метафизика времени как философия жизни; держать равнение в шеренге Человечества; ко всему причастность.

4 Роман о Тристане и Изольде [Ж. Бедье]

194 «Повесть для всех тех, кто любил, не для других», «кто томится и счастлив, кто обижен любовью и кто жаждет ее, кто радостен и кто тоскует, – всем любящим»...

Средневековые побрякушки легко подменить иными частностями иных времен, а тогда останется только каждому-понятное: да, *такова любовь*. Чистая – в грязных одеждах, противоречивая – в неизбежности своего финала, всегда выходящая из ряда вон, вопреки законам – если она истинна.

Нежданно обрел наблюдение из сфер метафизических: пресловутая логичность / нелогичность повествования задается под диктатом стандартно принятого взгляда на время (подробнее – п. 54 «Талмуда»).

9 В.И. Амлинский. Нескучный сад.

195 А ведь правильно: жизнь именно так приглушена, не пропечатана, не терпит резких границ – концов и начал, и особо не нуждается в формулировках и определениях. Она *просто* жизнь. Впрочем, изначально-природную «диффузность» жизни при *моделировании* ее посредством текста запросто принять за невразумительность (неумелость) писательских бормотаний.

19 Герман Мелвилл. Моби Дик, или Белый Кит.

196 Конечно, занятно поразмышлять, символом *чего именно* является Моби Дик, или что манифестирует *на самом деле* капитан Ахав. Образность и символизм наличествуют, еще как. Но когда примитивный тычэк становится «вселенским подзатыльником», а грубая роспись в таверне

непостижимо соседствует с «ледоходом на реке Времени», когда неграмотный дикарь с какого-то острова Коковоко подписывается лемнискатай – символом бесконечности, а простейшее производство рыбацких снастей разъясняет (донельзя лучше!) проблему свободы и необходимости – о, тогда всякая наша самая глубокая классификация становится *поверхностной*.

Роман – это *воплощенное философствование*, это – художественная реконструкция процесса познания как такового, это – микрокосм, который в соответствии с лучшими герметическими традициями *равен* макрокосму, Книге Бытия. Я, признаться, в превеликом восторге!

24 Д. Гранин. Клавдия Вилор.

197 Читать тягостно, но коли речь идет о гнусностях войны, иные ощущения и не ко двору бы были. Впрочем, «виноват» не только событийный фон, но и частная судьба на нем, редкостная по трагизму. И еще: пахнуло – всамделишно – страшным, беспощадным, ломающим души самые красивые и сильные. Память, память им – и стойким и падшим!

Март 1983

2 Чехов. Скрипка Ротшильда. Студент.

198 Два таких разных рассказа – об одном. Про жизнь. Пока идет по рукам скрипка, пока слушатели плачут («ваххх!»), пока вьется и длинится и длится своим чередом тонкая цепочка человеческой культуры – жить стоит, жить необходимо!.. И руки опускаются: чего там формулировать, изгиляться, к примеру, над тайной Времени, когда *всё и так ясно* – после Антона Павловича.

7 В. Пикуль. Три возраста Окини-сан. Сентиментальный роман (Нева, №№ 9–11, 1981).

199 Кажется, П. вполне овладел тайной «машины времени»: с его помощью мы сегодняшние без всяких видимых изменений препровождаемся в мир вчерашний. Безупречная реконструкция внешнего, вокруг-субъектного мира не нуждается в особом и специальном *психологизировании* – сам читатель заполнит собой зияние. И на себе примерит гнусность Цусимы, и проживет судьбою Коковцева, уткнувшись *его головой как своей собственной* в дно нагасакского залива...

12 В. Тендряков. Расплата (Новый мир, № 3, 1979).

200 А вот здесь примерять на себя (чужую жизнь) страшновато, хотя за это прежде всего и платят, без примерки-то... Точность характеристик обезоруживает, узнаешь свои собственные «малые упущения», которые столь безобразны под увеличительным стеклом писательского чувства и мысли.

18 Д. Свифт. Путешествия в некоторые отдаленные страны света Лемюэля Гулливера, сначала хирурга, а потом капитана нескольких кораблей (БВЛ, т. 59).

201 Свифтова творческая «арифметика» понятна – возведение в куб и корней извлечение, – она, «отражая уродливое тело, не только *увеличивает* его, но еще более *обезображивает*» (с. 361). Тендряков, в свой черед, делает похожее, хотя и с *большим* сочувствием к читателю.

Вот оно, человеколюбие в высшей степени совершенства: «Я всегда ненавидел все нации, профессии и всякого рода сообщества; вся моя любовь обращена к отдельным людям: я ненавижу, например, породу законников, но люблю адвоката имярек <...> Но прежде всего я ненавижу и презираю животное, именуемое человеком, хотя от всего сердца люблю Джона, Питера, Томаса и т.д.» (Предисловие, с. 9).

Год – 58 (4, 83)

Апрель 1983

10 С. Львов. Гражданин Города Солнца.

202 Нынче, много думая о позитивном смысле «машины времени», я, возможно, второпях принимаю желаемое за наличествующее. И все же, уверен, *добротный* художественный текст *действительно способен* переносить в иные времена – он «заинтересовывает», как скажется традиционно. Прости, Колокол Томмазо, за школярское к тебе отношение, за говоримое мимоходом «утопист», пусть даже и с эпитетом «великий». Я обязан (пусть этого и мало) внимательно прочесть твой «CIVITAS SOLIS».

15 А. Виноградов. Осуждение Паганини.

203 Осужденный на гениальность – значит быть средоточием эпохи, значит подобно огню костра в глухую ночь звать к себе и добрых путников и духов мрака... Или пусть «лижет зад растленный гений правящему злу», или что-то вроде 56-ти лет загробных скитаний Паганини – вот масштаб сволоты человеческой.

23 В.С. Пикуль. Баязет.

204 Как расценивать читаемое, когда при всей моей сдержанности не мог скрыть чувств: то смеялся юмору мужескому, то ловил себя на подступающей слезе (сцена казачьего прощения Карабанова), то вдруг захотелось родниковой, с хвоянками плавающими, водицы испить... Физиология как высший уровень восприятия – по цепи замкнутой: физиология → разум → физиология. К такому уровню, видимо, и относится несколько профанированное выражение «дошло до сердца».

28 Н. Рерих. Пламя (сентябрь 1918, изд.: Избранное. М., 1979).

205 ... «И душа твоя не торопится. Идет твердо. Уже не боится влияний...» Может, это и во благо – дожидаться голубого пламени тихой

мудрости. Мне (еще пока) достанет прежнего, *алого*. «Да не будет побуждением твоим – плоды деятельности». Ну, ну...

Май 1983

8 Дмитрий Голубков. Недуг бытия. Хроника жизни Е. Баратынского.

206 Звучит в памяти не из «хроники» (талантливо сделанной), а из его, Е.А., стихов: ... ты всех загадок разрешенье, ты разрешенье всех цепей..., златочешуйчатые воды, ...в тягость роскошь мне твоя, о бессмысленная вечность, ...тощая земля в широких лысинах бессилья... Трагедия жителя Сумерек, вечно недужного жителя.

8 У. Фолкнер. Полный поворот кругом. Д. Олдридж. Последний дюйм.

207 *Мы сами строим свои тюрьмы* (кажется, так – у С. Рериха и В. Брюсова). А рушит тюремные стены горе-злосчастье: встряски души – стен потрясения. А потом грядут прежние труды. И так по кругу, по кругу?

10 Б.Г. Кузнецов. Современная наука и философия (М., 1981).

208 «Всё» как предмет философии и научного познания. Одомашнивание бесконечности хотя бы лемниской – уже радостно. А высшее счастье – ощутить обоюдную связь бесконечно малого «здесь-теперь» и бесконечно большого «вне-здесь-теперь». Целиком согласен!

15 И.И. Мечников. Этюды оптимизма.

209 Первое – немалая досада: сколько же еще наиважнейшего я не пропустил чрез себя, коль «Этюды» только нынче пришли в мои руки. Еще спрошу – почему нет заметного «эха» в нынешней культуре: геронтологи (профессионалы), может быть, и цитируют И.М., но «философия оптимизма» так и осталась, получается, скрытым достоянием книжности? Прочь идеалистическую стыдливость и духовное чистоплюйство, – во спасение души надо бы, получается, заново – но с умом! – перекрыть сей бурдюк, именуемый телом. А касательно (веселой!) *вечности духа*, обещает автор, разговор должен быть особый, и – скорый...

18 М. Твен. Янки из Коннектикута при дворе короля Артура.

210 Республиканский дух возмущен средневековыми мерзостями. Неужто и наше время предстанет-глянется будущему похожим бестиариум? А вот о всегдашнем наличии Человека Чистого напоминает девочка «Алло-Центральная». Имя – пожатие рук через столетия, нить добра связующего.

22 В.Ф. Одоевский. Последнее самоубийство. Город без имени. 4338-й год.

211 От ручейков едва прозреваемого Было по водам ясно понимаемого Есть – путь мысли в океан Будет. Дорога эта открыта немногим. Из таковых, возможно, и был последний Рюрикович.

Социальные наивы, буйствующие на почве безграничной веры в научно-технический прогресс? Или, затушеванная интуитивно схваченной формой, лежит сама правда где-то? «Магнетические ванны» – так это что, на определенном (мне не ведомом) этапе развития цивилизации направленная инженерия внешнего, вне-субъектного мира изменит сам мир человеческого духа? Грандиозную проблему уловил Одоевский: бездушная техника неизбежно вклинится в ткань интимного общения людей; и князь-позитивист верит, что эта *рационализация коммуникации* улучшит самоё человека. Какой же наш князюшка наивный!

Июнь 1983

2 *Гермес Трисмегист*. «Измурдная скрижаль» (Природа, № 10, 1973).

212 Законченной, округлой формы осколок старого сосуда, хранящего дух противоречивой ушедшей эпохи. Гимн Человеку Формулирующему. Радость творения Слова.

10 *А. Вознесенский*. О. (Новый мир, № 11, 1982).

213 Интимные отношения с собственной памятью материализовались таким флиртом, предмет коего, ни много, ни мало, – «черная дыра», попустительствующая возвратам вспять во времени. Изрядное кокетство можно простить автору, если зачесть сохраненные крупницы жизни великих современников и добавить к тому оригинальность, неожиданность многих его ассоциаций и наблюдений. Касательно же личного мотива «и мы пахали...» будем считать, что рассудит и каждому свое воздаст все то же время.

19 *Франсиско де Кеведо*. История жизни одного пройдохи по имени дон Паблос, пример бродяг и зеркало мошенников. Сновидения и рассуждения об истинах... (Л., 1980).

214 «Мир изнутри» – много объясняющий заголовок одного из «сновидений». Глазами пройдохи, глазами «сонными», глазами *очевидца*, глазами писателя («усталое Сегодня») и мы, читатели, сами стали *зрячи во времени*. А какова строчка из сонета «Песочные часы»: «И тут меня сравненье повело / По грани упования и страха: / Когда умру – я стану горсткой праха, / Пока живу – я хрупкое стекло»... Кеведо много страдал, чтобы иметь право рифмовать правду, такую правду, исключительно правду.

26 *Джеффри Чосер*. Кентерберийские рассказы (из «БВЛ»).

215 Замышлялось великое буйство *словолития* – 28 участников поставляют в общий котел культурного времяпровождения по 4 рассказа каждый, да по пути еще и пришлые не молчат, да почти каждая история обстоятельна в избытке и вдосталь... Этот творческий *вейстинг*, сии «зряшные траты» поэтические оправданы, кажется, самой «злойбой дня». Так

вырывались на литературные пастбища табуны обиденных слов. Так целый народ избавлялся от корч *безъязыкости*.

Июль 1983

2 М.А. В<асильев>. «Сквозь тернии – к звездам» (Самиздат, Л., 1983?).

216 Печатная продукция, сомнительная в юридическом плане, ошибочная – в философском (опять предлагается исключительно «третий путь»), но и тревожащая – в эмоциональном. И стоит ли проводить границы и отделять: тут нелепость, а там «что-то есть», признавать реальность «психо-оболочки» или, скажем, отказывать в реальности упомянутым духовным «гидам»?! Механизм «сглаза», каратэ-биолозер, смутные догадки о *слитности жизни* (та же «фито-цивилизация»), психическая энергия космоса, сердце – пуповина Мира, *homo-трансформации пространства-времени*... Зерно – кто усомнится! – не сортовое, с плевелинами, но ведь... зерно же. А зёрна должны, обязаны давать всходы.

7 В. Пиккуль. Моонзунд.

217 История – весьма костлявая особа, лишь писательское (затем – читательское) чувство одевает плотью ее непривлекательные чресла. Спасибо: от теоретической готовности уважать морские традиции нельзя не перейти к практической гордости за Флот России. Вот так бы каждый атом прошлого нашего – под микроскоп!

13 Томас Мор. Золотая книга, столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия (1516). Кампанелла. Город Солнца (1602). Сирано де Бержерак. Иной свет, или Государства и империи Луны (1650) (из «БВЛ»).

218 Поклон вам, мудрые простаки! На земле не стало вольно счастью и справедливости. Смастерить золотые нужники, из благочестия устроить казарму, каждому дать по книжке для исправления нравов или вместо шпаги нацепить что поядренее и веселее к поясу – не так уж легко предложить, согласен, но и нелепо – делать. Даже спустя 300 лет.

Еще подождем? Будем-таки ждать, если утопия, в самом деле – то, чему *есть место* в будущем...

20 Мигель де Унамуно. Туман. Авель Санчес.

219 Роман – руман – туман... Похоже на игру, где из «мухи» путем этакого толерантного преобразования делается «слон». Ассоциация, кажется, не столь уж поверхностная, если за главное почесть сближение *внешне далеких* ипостасей: литература через писательские рефлексии устремляется к философской реконструкции самого бытия – отправной точки писательства. Беспорочный возникает круг.

28 Р. Пенроуз. Структура пространства-времени (М., 1982).

220 «Гуманитарные» впечатления от потребления сего блюда: почел себя жалким червем или, нет, таким дикарем, что по наивности ковыряет деревянной палицей во чреве, скажем, телевизора. Остается успокаиваться, что к подобным текстам, кажется, способен относиться, как натурфилософ прошлого к великой Книге Природы – с трепетом, тайным чувством страха и верой в приход грамотности, что еще осенит мя после трудов праведных... Но ведь понял же я в этой сугубо теоретической работе, надеюсь, *всё главное?*

29 Бруно Франк. Сервантес.

221 Нить, поскуливать, «на зеркало пенять» нельзя, если *честно помнить*, к примеру, о Сервантесовых терниях. И скорее *только* чрез них – путь... известно куда. Во всяком случае, если твоим голосом заговорит нация однажды (как в случае Сервантесовом).

Август 1983

2 Е. Васильева, И. Халифман. Долгий свет.

222 Испытывал интимные чувства, следя за жизнью твоей, Жан Анри Фабр (то было со-жительство!): ты бескорыстно, по зову души, неискусенно *дилетантствовал* в мире энтомологии, я же – неуч без университетского образования – подобно жительствоваю в философии. И тут, коль много трудностей, святы они!

10 А. и Б. Стругацкие. Понедельник начинается в субботу.

223 Буду, как и раньше бывало, вспоминать сценки быта НИИЧАВО и щупать свои уши – не зарастают ли?! – коль станет тяжело «заниматься не своим делом» и *потянет на подделки*. Где-то ведь обретается назначенное мне Чудо – и с какой стати ему быть слишком торопливым или снисходительным.

14 Б.Н. Тарасов. Паскаль (в «ЖЗЛ»).

224 Могучий мозг в клетке черепа – вырваться ему ... и погибнуть! Паскалева (частная) физиология суть точная формула *самого человека*.

Блез нашел смирение, нет, блаженство, в Боге. А мне куда деваться, коль тщета собственных поползновений становится ясна порой и без обращения к чужому опыту? Мир так светел, так зовущее небо над головой, почему же его ощущение может быть так трагично?! Как мелки мои публикушки, мои дела, мои планы. Страшно завершить перечень – и мечты... Как жить?!

Пусть это чтение и случайно выпало на впадину моей жизненной синусоиды (понимай обстоятельства); знаю, чую значительность этой встречи с Паскалем. Он будет нужен мне⁸⁸.

15 Н.К. Рерих. Алтай – Гималаи (М., 1974).

225 Сколько любви к людям и красоте потребно, чтобы одолеть все препоны пошлости и труды дорог? «Американский художественный офицер Ло» своим примером доказывает – сил человека достанет на это, если он сможет быть в пути *непрерывно*.

17 Л. Толстой. Крейцера соната. Дьявол.

226 Неуютно человеку в роли марксовой «совокупности всех общественных отношений»: иртневым и позднышевым (а также Иванам, Марьям, Иринам, Викторам и т.д.) можно только посочувствовать, но не помочь. «Мы сами строим свои тюрьмы...».

25 Ольга Берггольц. Дневные звезды.

227 Спасибо. История, что пишется в монографиях и учебниках, адресована «человечеству», потому столь безлична и, ну, скажем, худосочна; подобная же «социальная лирика» прямоком дойдет до конкретной души имярек. Читал и невольно пенял себе: а ты-то вон там скулил, а когда-то, помнишь, отмахнулся и не стал связываться... Ужо досталось за чтение.

Сентябрь 1983

7 Сергей Бобров. Мальчик (М., 1976).

228 Цветок в петлице истории: отсветы взрослых – из будущего – из жизни на миру – ценностей на сияющих гранях детства, мира личного прошлого. Поздняя мудрость, опроставшая время прошедшее.

9 Юлиус Фучик. Репортаж с петлей на шее. Письма.

229 Курс социального оптимизма. Плюс на счет человечества. Напоминание о борьбе, необходимой и на планете и на соседней улице – с равнодушием и скотством обывателя, с тем же злом воинствующего потребительства, возвращающего упырей.

13. Ю.К. Олеша. Три толстяка.

230 Две письменные цивилизации служат человечеству порознь. «Романы для детей» недурно бы всерьез штудировать взрослым – это научает самым простым и важным истинам. Увы, эти книги так не читаются, а

---

⁸⁸ Как оказалась важной, нужной и непосредственной встреча, и относительно регулярное общение (с начала 90-х годов) с автором этой важнейшей книги – Борисом Николаевичем Тарасовым. Его тихое, скромное, некрикливое, самоуглубленное присутствие в нашей культуре еще будет, надеюсь, оценено.

истины так и гаснут, растворены в прописях, кодексах и законах. Не впадать в детство, но укрепляться бы им...

26 В. Коротич. Лицо ненависти (роман в письмах) (Октябрь, № 7, 1983).

231 История забавляется в диалектике: тезис и антитезис исполнены на многоликом человеческом материале, в игру пущены тщеславие, горести, любовь и прочее многое... Для нас *там*, на Западе не совсем чужая жизнь, потому столь влекут *детали* – чем, действительно, люди живы. Чужды два варианта будущего, они-то и схлестнулись. Мы ведь и проживаем-то на развилке времени. А время – сила страшная... – На душе так тревожно нынче и без философических «разъяснений»⁸⁹.

Октябрь 1983

1 Ф.М. Достоевский. Бесы.

232 О «Бесах» трудно (даже нельзя) писать продуманно и стройно уже потому, что сам роман многолик и звучит (плохо настроенным?) хором. Бог, истина, правда, совесть, жизнь... Наваливаются голоса, их необоримое множество, они не дают роздыху. И сам отстаешь, не успевая «отработать», уложить их рядком в своей системе миропонимания. И мышления. И чувствования. «Почувствовать мысль»...

Типы – шекспировы (планетарных масштабов), потому и горы трупов в финале; вновь мучения возрожденческие – триста лет спустя. Корчи смерти и рождения в едином часе.

Бесы уходят. Еще не ушли. А Бог – есть?

2 Ю. Олеша. Зависть.

233 Не пропечатано, акцентиков нет, позиции? Да бог с ними! Зато наличествуют честные сомнения, беспощадные формулировки (Ю.О. без натуги и парадоксов подружил образность с точностью), понимание неизбежности *таких* героев.

Весомая отвага «попутчика», густое письмо.

14 Р. Флэнаган. Черви.

234 Зло высокой концентрации кружит над Америкой, зло взбесившегося «я», извержение жрущего, дурно пахнущего тела (не мои слова, то – от автора, американца). И армия их несет ту каинову печать. В строительстве военном, в экономике, нравственной сфере одно властвует: вечное борение добра и зла. Легко вышибить человеческое из человека и сотворить автомат для исполнения... даже не важно, чего – убивай людей, исследуй элементарные частицы, пой контральто со сцены. Безмерно

---

⁸⁹ Подобное настроение еще раз оформилось в заметке «Мы и они», в «Опытах» (см. выше) как раз в октябре 1983 г.

сложнее оживить все гуманистические *causa*. Потому и трудно строить (нашу? или только будущую?) коммуны.

21 А. Адамович, Д. Гранин. Блокадная книга.

235 Стоит ли говорить об эмоциональных впечатлениях, коли надобен тут арсенал *катастрофической* терминологии: «удар», «потрясение» и прочее? Слава и память ленинградцам!..

Но хочется по другому поводу волноваться. Как же так получается: разве мы теперь *заранее* не знаем, что война унесла 20 и поболее миллионов душ только *наших*? Что зло ежесекундно и поныне доказывает власть свою на Земле? Что сердце обязано болеть без роздыху? Что остается, «психовать» только, а не жизни радоваться? Вот и читая «Б.к.», все уговаривал себя: «Да ладно... да читай ты дальше, не останавливайся... да ведь это прошло уже давно...». Я так гнусно устроен или это естественные «тормоза нравственности» срабатывают? Мол, страдай, да не шибко...

Если последнее и есть на деле, то выходит, что человек плохо задуман и дурно исполнен: изволь подавлять и звериное в себе и самое-самое людское, человеческое.

Тогда, получается, *унизительная мудрость* серости-середки правит свой тягостный бал?

28 Станислав Лем. Звездные дневники Ийона Тихого⁹⁰.

236 Великая зоркость, чуткость ко времени и любовь к людям писали это. Чтобы прозревать в делах земных, нужно освоить, обиходить, занять космос – в мысли или на деле. Немного разозлила и, одновременно, озадачила Свободная Рыбиция Пинты («эволюция путем убеждений»). Не пасквиль на социализм, но честное предупреждение: *это выстроено плохо, но я не знаю, как строить лучше.*

Ноябрь 1983

3 Ж.-П. Сартр. Слова.

237 Подводя итоги, нелепо отбрасывать прошлое или смеяться над планами наивно рисованного будущего. Должно жить *вопреки* времени, пусть даже и в «обратной последовательности»! Преимущество старости («опытность» в просторечии) и состоит в переходе от метафизического, умозрительного «времени нет» и «Я размыто в Мы» к пониманию жизненной неизбежности этих принципов.

---

⁹⁰ Быв на очередной научной конференции в Польше, мы с Тамарой однажды уже посетили могилу С. Лема (памятным днем 27 мая 2017 года это было). Теперь, вновь собираясь в Краков, хочется воздвигнуть перед собой новый обет долженствования: купить «Звездные дневники» на польском языке, чтобы в оригинале, на деле, в естественном контексте оценить великие языковые (и смысловые) игры, там и тогда Лемом в избытке предпринятые. (Купил! – 21 сентября 2018 г., и «*se pulkach*» в «Путешествии четырнадцатом» кое-что даже углядел).

5 Дж. Райт. Взгляд на «Дженерал моторс» изнутри (США – политика..., №№ 4–8, 1983).

238 Репортаж из мест обитания семантики, оживляющей марксовы уравнения капитализма. За блестящей оберткой укрыта изнанка «образцового управления», а вернее – ее суть и движитель: нажива, нажива, нажива за счет ближнего. Мерси за мемуары, г-н де Лориан, спасибо за прямо-таки *красную* пропаганду.

14 Ингеборг Бахман. Три дороги к озеру.

239 Жаль умную бабу, помочь ей некому. Одиночеством больно едва ли не *всё человечество* – не знаю, в насколько большой (решающе большей) своей части. Часть оставшаяся, явно маргинальная принимает толпу в метро за воплощенное братство.

27 Ю. Олеша. Ни дня без строчки.

240 Древний призыв дидактического толка вернее бы так переоформить: «Все дни – в строчки!». Мол, пусть не будет *ни дня*, что обошелся тебе пустым и не дал (ни сразу, ни потом) строку запечатленных мыслей-чувств-эмоций. С такой правкой приемлю все содержание, приемлю и готов считать, что сам я нынче не ломлюсь в открытую дверь со своими «Опытами», но и не рискую совсем опоздать или, скажем, опростоловосья.

Мои дни обязательно дадут мои строчки.

Декабрь 1983

3 Р. Брэдбери. [Рассказы из сб. «Память человечества», М., 1982].

241 «Чудеса и диковины! Передай дальше» – мысленно бормочу, вспоминая прочитанное. Это не примитивный тезис для памяти, это скорее заклятие или молитва. Хорошая книга – может быть, единственный способ выйти из одномерности индивидуальной жизни в плоскость общей культуры. Выйти и, наконец, ощутить самые важные органы своего собственного тела: вот мои корни... вот сердце...

8 С. Моэм. Театр.

242 А вот и не желаю рассуждать на заданную тему «жизнь – театральные подмостки»!.. Просто радуюсь за Джулию Лэмберт – как много нелепого и сковывающего пало с плеч ее! Даже завидки берут.

19 Э.Т.А. Гофман. Щелкунчик и мышинный король.

243 [нет и уж теперь не будет записи – чем-то меня эта вещь сильно пугала и пугает⁹¹]

---

⁹¹Да, меня эта вещь Гофмана сильно тогда напугала (великовозрастный детина!), да и сейчас – не хочу ее вспоминать. Таких не-записей, таких принципиальных отмалчиваний у меня

24 *А. Вознесенский. Поэтарх (Юность, № 9, 1983).*

244 Но помилюйте, подлинный символ не нуждается в комментариях и прочей нуднятине. Бесконечное *само* живет, само разворачивается в нужный смысловой ряд. Это ведь просто, как арифметика!

28 *В. Каверин. Вечерний день (М., 1982).*

245 Мое (спокойное) почтение к литературе вообще затмевается (кипучей) завистью по отношению к тем, писавшим в 1920-е, вернее, *начинавшим* вместе с Серебряным веком и Революцией. Им не было ни тесно, ни легко.

30 *Ю. Марцинкявичюс. Донелайтис. Древо познания.*

246 «Он дал начало нам. И дал нам вечность». «Кто скажет, что вместится в жизнь и сердце, Когда созвездьям сердца нет границ?» «Щемяще-сладостно блуждание в минувшем, В себе далеко на заре хмельной». У *малого* (странноватый эпитет) народа достает чувства *большой* истории.

Январь 1984

4 *Амброз Бирс. [Рассказы из сборников «В гуще жизни» и «Может ли это быть?»].*

247 Почему в каждом повествовании здесь лицедействует смерть? Ее великая загадка (или – ее великий факт) бросает ответ на жизнь – так романтизму виднее тайные пружины в последней. Потому по траве бежит невидимый монстр («Проклятая тварь»), умерший торговец никак не покинет своей лавки, смущая сельчан («Кувшин сиропа»), мир наполнится сонмом скрытых связей и предсказаний («Диагноз смерти», «Один из близнецов», «Глаза пантеры»), а время вершит свои собственные, никому не ведомые законы («Житель Каркозы», «Заполненный пробел», «Случай на мосту через свиный ручей»).

5 *Д. Фукс, А. Фоменко, В. Гутенмахер. Гомотопическая топология (М., МГУ, 1969).*

248 Эту бы книгу да как раз в год ее издания да на родную бы станцию Войбокало... да я бы тогда конечно бы не испугался бы стать бы профессиональным бы математиком... Бы, бы, бы. Встреча запоздала лет на двадцать, и вот передо мной единственная (пока) книга, чье имя попало в Дневник Чтения, в «Чтиво», и которую я, точно, не прочел, более того – *никогда не прочту*. Остаются только рисунки в ней (рукою А.Т. Фоменко): вроде картин Рая или Края Вселенной, из милости – в щелочку, – показанных простому, типичному, жалкому грешнику...

было несколько, причем даже не все заголовки сюда, в «Чтиво» попадали. Хорошо бы особо поразмышлять над списком такого *не-чтива*.

5 В. Белов. Бухтины вологодские завиральные в шести темах.

249 Пожар от молнии тушить козьим молоком («лишь бы не очень жирное»), тараканов выживать бабьим пилёжем, ушицу кипятить сразу целым омутом («Вишь, что опять для народа придумал!»), женить после проверки чувства юмора, «королеву» (хрущевскую) растить под солнцем на колышке – *это по-нашему!* Или вот: «Хавос сердца. Передается через карандаш и бумаги» (о бюрократизме). Или: «Дров поколоть бы» (в аду, традиционном – после Данте, – месте встречи общественных оценок). Нет, не *смех сквозь слезы*, но настоящий *русский смех*. Спасибо.

8 П. Флоренский. Мнимости в геометрии (М., 1922)⁹².

250 Я бы прямо возопил на весь зал микрофильмов, что в Ленинке: «Что ж мы молчим, товарищи! Как же не чтить нашего национального гения?!», если бы не было странного параграфа девятого в этой книжице – о Данте и около... Или нелепо-необходимых противоречий не избежать, коль в теле *одного человека* пересеклись *все мировые линии*? Тогда, получается, нелепость – только лишь *предвестие*, предвестие грядущей *новой логики*?

8 С. Львов. Эхо в веках.

251 Вийон, «Фауст», Ван Гален, Гейне, де Костер... Сколько ни перечисляй, ни читай, все одно вновь потянет требовать: *libri legendi*. С момента, когда книга стала неисчерпаемой экстенсивно, по объему (интенсивно она неисчерпаема едва ли не в каждом слове), чтение обрело неклассическое, «квантовое» свойство случайного выбора. Не хватает привычных категорий и для изложения механизма собственного «эха». Микрофизика и космология чтения существует – без кавычек! Вот бы только ее описать.

11 Н. Думбадзе. Возвращение Одиссея (Тб., Мерани, 1983).

252 Характеристики и акценты зело веселы, анекдот и шутка – дело очень даже серьезное, если иметь и знать свой резон, а недругов уважая за отличия. «У советских собственная гордость» – это надо показать.

11 Н. Морозов. На границе неведомого (М., 1910).

253 В теле социальных институтов (любых?) по каким-то еще не открытым законам наверняка функционирует механизм «взбадривания», обновления культуры. Изолируя отдельные «я» от стандартной жизни в составе «мы», и давая им досуг, этот механизм (здесь – царский застенок или, пример на ином материале, – неизбежное появление одаренных

---

⁹² С недавних пор, где-то с середины 90-х, эта книга живет в моей домашней библиотеке. Однажды, за дела праведные, Аза Алибековна Тахо-Годи вручила мне экземпляр «Мнимостей» 1922 года прямо из книжного собрания А.Ф. Лосева. Алексей Федорович очень ценил эту работу Флоренского, и у него хранилось в запасе несколько экземпляров ее. Книжки все (как, выходит, и та, что теперь моя) – «бомбежные», чудом уцелели после катастрофы в августе 1941 года.

«дилетантов», силою случайных обстоятельств исключенных из профессионального движения) заставляет узника случая погрузиться в себя, исчерпать себя до дна. На таком пути нелепо ставить какой-то шлагбаум критериев строгости. Наука придет потом, *вслед за прозрением*. Уверен, что любому морозовскому «проблеску» можно найти – сейчас или подождав, – соответственные позитивистские «модели», взять ли завиральную идею вечной единой жизни в многообразных формах («Эры жизни») – его поцелуй металлическому болту чего стоит!.. обратиться ли к доказательству трехмерности тел («Путешествие по Четвертому измерению пространства»), формообразующему агенту Вселенной («Почему мы не рассыпаемся?») или идее психического единства мира («Атомы души»). *Vivat!*

(чтение сплошь в Ленинке, отпуск: п.п. 243–253)

13 *Лео Канчели*. Гвади Бигва.

254 Ежели изображено было бы иначе – а'ля *эволюция посредством убеждения* (тут враз запахло серой и... Лемом!), я только посмеялся бы. Убеждает – *революция*. Ай да Нацаркекия!

30 *П.Д. Успенский*. «Кинемодрама» (не для кинематографа). Окультиная повесть из цикла идей «вечного возвращения» (Пг., 1917).

255 Вот портрет: жизнь г-на И. Осокина в колесе вечного повторения, вид сверху. Тонкость письма пугает. Так примерно воздействовало бы на случайного зрителя полотно, где леонардовым «сфумато» выписан был... что назвать этакого невообразимого?.. лик, скажем, пришельца из созвездия Водолея.

И всё же, главное: *сколько завтрашнего во дне вчерашнем?*

Февраль 1984

1 *К. Феоктистов, И. Бубнов*. О космолетах (М., 1982).

256 Нужный рассказ о подлинно творческом в жизни инженера и испытателя. Жаль, нельзя (пока) рассказывать-излагать, например, мои собственные наблюдения – сколько же радостного и требующего глубокого философствования дает общение человека с делом рук его, сложной (именно – сложной) технической системой.

А что космонавтика стала ныне скучнее и рассудочнее, так это по обычным правилам. Начало всегда трудно и (именно) радостно, последующее – только логично.

4 *П.Д. Успенский*. Четвертое измерение. Обзор главных теорий и попыток исследования области неизмеримого (СПб., 1914).

257 Разве Максвелловы зубчатые колеса – не то же самое в отношении к оформленной позже электродинамике, как и всяческие «метафизики» (изучают то, что «существует и недоступно для физического

исследования») в отношении, скажем, к развитой диалектике? Если – да, то почему же к механицизму мэтра физики мы относимся с почтением, а от теософии и прочего, писанного на чужом, но *человеческом-таки* языке, мы безразлично отмахиваемся?

«Четвертое измерение» как потенция (даже не возможность!) вечной неустроенности мысли – это мне, в любом случае, нравится.

23 Ф. Нестеров. Связь времен (М., 1984).

258 Русь, Россия всегда оставалась на самом *обнаженном срезе* истории: там открыты все ветры в лицо и самые далекие горизонты – тоже. Удел впередсмотрящего оплачен кровью нации, слезами униженных, ненаписанными книгами философов, правом без конца делать исправления на черновике дел и замыслов. «Россия, Русь! Храни себя, храни!» (Николай Рубцов). Книге обрадовался сначала, потом ругнулся – это ведь только на безрыбье – рак...

Для нашей истории и жанра-то нет подходящего. А на имя автора надо бы обратить внимание.

25 Л. Андреев. Дневник сатаны («Костры», кн. 1, 1922, вроде бы кн. 2, с окончанием, не вышла).

259 Всё рассуждаете? Необыкновенное на языке вашего ворчания невыразимо, вы не способны охватить всё единым дыханием. Вы спешите выговориться? Мудрость слов нужна только нищим духом, богатые же – безмолвны. Вы любите? Проживая в нас – этом проклятом месте *для всех*, – любовь проклята проклятием однообразия. Вдохновение? Вы только принюхались от привычки, а *работу червей* принимаете за творческий подъем. И все-таки боретесь? – А я бегу от света, как глупец, подставляя вместо сердца спину, вместо высокого чела – низкий и тупой затылок испуганного зверя... \это я пересказывал «Дневник»\

Март 1984

3 Вл. Эйн. Природа научной мысли (Сергиев Посад, 1914).

260 ... Ценное в науке – лишь ее *тонос* (мы сейчас произнесли бы через «у» в конце слова), сама энергия мысли... и философия не столько научна, сколько тонична... и Галилеев алфавит слишком беден (де, «Книга Природы» написана языком математики)... получается, не обойтись без поэтического языка *мифа*, качественно-художественных манифестаций *священного слова*, динамических терминов очищения воли и сердца...

Всё так. Но, господин ученый богослов! Ваша попытка розгами высечь человеческое своеволие (за «иллюзию автономности» от «безмерного божественного Логоса») запоздала примерно на тысячу лет. Потому *теперь*, запоздало, упираться Вам нет никакого проку!

С одним лишь соглашусь: наука действительно иссушила себя в строгой рационалистической аскезе, потому в любом случае *ей только на*

пользу напоминая о «тоносе» – цели и ценности, всегда пахнущей человеческим духом и *потом*.

6 Б. Пастернак. Воздушные пути (М., 1982).

261 Ровно год это место, оставленное под запись, зияло пустотой – не хочу, не могу, не желаю давать оценки. Есть, правда, заметка в «Опытах», но всё не то... Ни учиться, ни отвергать, ни завидовать, ни высмеять не получается. Радуюсь самому чувству... нет, не *собрата*, только... неизвестному доброму чувству единения, присоединения к...

8 Л. Андреев. Жизнь человека.

262 Да, некоторым редкостным особям выпадает тягота быть берегом – бескрайнему морю человеческих возможностей. Андреев упился собственной желчью, не смея верить, что в иные берега (пусть и отсель далеко!) бьют иные волны – освежающие волны жизни новой.

Год – 61 (5,08)

Апрель 1984

7 М.Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина.

263 Это не ходьба по кругу – оживлять воспоминания детства в конце жизни, или нести нам сегодняшним крохи прошлого. Так свивается нужное и прочное звеньшко цепи нескончаемой, *золотой цепи*. Так одолевается время.

28 В. Катаев. Кладбище в Скулянах.

264 Внук и правнук собственной рукой переписывает фамильные записки рода Бачеев – пишет *вместе* с дедом и прадедом (вместе, но *не вместо* них!), перечеркивая нелепые и возмутительные границы и пределы, именуемые «временем», «возрастом» и «забвением».

Май 1984

1 Ю. Бондарев. Мгновения.

265 Спасибо, Юрий Васильевич. Я, конечно, могу не соглашаться с формой и содержанием отдельных миниатюр, но это мелочь, именно. Здесь для суда надобен, соответственно, крупный счет и мерки длиною в целую жизнь. Спасибо. За красоту мгновений.

5 Г.Г. Маркес. Море исчезающих времен. Послесубботний день.

266 Да, магический, да, реализм. Над пестро изрисованным полотном бытописания мастер взмахнул тонкой кисточкой, и прозрачные капли красок тайны впитались в ткань, сливаясь с привычным и давно наскучившим. И море вдруг запахло розами и уже стало человеческой памятью, не переставая быть морем, где много воды и рыбы. И мертвые

птицы усеяли поселок, но это их не жара тропическая уложила, это они слабым пунктиром наметили путь Агасфера – помните ли вы еще о нем, люди? А ведь он всегда где-то рядом с нами...

Традиция отделяет символ от символизируемого (стандартно было бы сказать, что Маркесово море что-то там, к примеру, *олицетворяет*), есть также мнения о наличии – «на самом деле» – погружения первого во второе (Флоренский: символика «не надстраивается над чувственными образами, а в них содержится»), Маркес же не дает повода ни к каким остановкам: символ выделяется из действительности, потом возвращается в нее, выделяется снова, возвращается и т.д. Творится новый мир символов, движимый и, вместе, недвижимый, сиюминутный и вечный, безлюдный и густо населенный... *реальными символами* населенный.

14 *Конан Дойль*. Маракотова бездна.

267   Вроде безделица: груды кубиков (для взрослых дитятей), в каждой – некая доля науки, культуры и проч., бери и строй всяческие ажурные конструкции Возможного. Нет, сия игра – труд немалый, почтенный и плодоносный. Вот и «кинематограф мысли» атлантов (превращение «колебаний эфира» в «материальные формы») – радуюсь, экую игрушку подарил фантаст читателям, а мне конкретно, – еще один пример для новых размышлений о возможности «машины времени».

15 *М. Горький*. Жизнь Клима Самгина.

268   40 лет российской истории, как они прошли сквозь очки и уши Клима Ивановича, интеллигента-демократа по должности и чистоплюя-наблюдателя по сути. Монолог, покинувший место рядового элемента литературы в стремлении заполнить собой весь мир, и даже предстать *вместо него*. Книга непрерывного анти-урока нравственности и еще – патриотизма ли? (Долго и медленно читал – а, получается, стоило).

19 *Франц Фюман*. Двадцать два дня или половина жизни (М., 1976).

269   Повод – поездка прочь из пут привычного окружения (кратковременное расставание с *die Heimat* – в пространстве физическом, с литературными формами, отнявшими годы на их блюстительство – в пространстве духа), результат – необычайная плотность мысли и глубина выраженного чувства. Непрестанное плетение тугого кома повествования: теоретические изыскания по части мифа и сказки обостряют зрение, и ты замечаешь тень Воланда на будапештских стенах, пейзаж продлевается фантазмагорией сна, смелые наблюдения над языковой семантикой органичны возле размышлений о судьбах социализма.

Да, этой попытке итожить свои духовные запасы грешно не позавидовать.

21 В. Астафьев. Ода русскому огороду

270 Образ корней социального бытия впрямь оформлен заголовком. Еще обрела необходимую форму благодарность прошлому, благи узы коего. Связь с землей и народом – от земли. Товарищи «интеллигенты», да бросьте вы ваши иллюзии: подлинный культурный путь – не от *всего в большом*, не от космоса в целом (де, сыны мира, космополиты), не от знаний, в конце концов, а *от малого*, от родного пяточка земли (сыны труда, сыны земли). А знания о вселенной неизбежно приложатся, чего уж там, во труде.

28 Л.Н. Толстой. Исповедь.

271 Если бы меня прижали к стенке и спросили: завтра будет уничтожена человеческая цивилизация; что ты спасешь из книг, чтобы потеря была максимально восполнима? – я бы сохранил «Алису» и «Исповедь» (*так хочется думать сегодня*). В них – *все или почти все наши вопросы*, значит – *всё* человеческое (в плотной упаковке) содержится.

Июнь 1984

4 М. Фриш. Синяя борода (Иностранная литература, № 11, 1982).

272 Суровое судебное расследование (показания жен, вопросы обвинения и прочее такое) со всей беспощадностью смело жалкую оболочку значительности с этого махонького человеческого «я». Буржуазная респектабельность при свете назойливо-вечных «как?» и «почему?» оказалась всего-то голым, безысходным, безнадежным одиночеством. Пустотой. Пустотой по определению, изначальной?

10 Ф. Фюман. Еврейский автомобиль.

273 Мировые потрясения – вид снизу, с исподнего, под острым оценочным взглядом из будущего, и без приукрашиваний задним числом. Фантастическую и, признаться, страшную возможность доставляет художественная литература – невзначай «влезть в чужую шкуру» и подумать о том, где и как тебе самому назначено быть таким, а не... сяким.

Настоящая литература одаряет новой, «на время» дарованной жизнью и, вместе с тем, нередко самоё время – иначе нельзя – подымает на смех.

17 Ж.-М.-Г. Леклезю. Пустыня.

274 Буржуазная цивилизация – да, зло. А добро – это «назад к природе»?.. – Не выйдет. Поздно. Вот девица Лолла еще может вернуться к родным барханам, ибо ее зовет голос Тайны по имени Ас-Сир. А если такие голоса уже не слышать, если они слышны были только прошлым, ушедшим поколениям?

Впрочем, что это я тут изгиляюсь – глубинные противоречия жизни исчерпывающе и без всякого косноязычия выражены в песне арабских женщин: «... настанет день, когда ворон станет белым, и море пересохнет, и

в цветке кактуса найдут мед, и застелют ложе ветками акаций, в этот день в жале змеи не окажется яда <...> в тот день, когда я покину тебя...»

Смерть только итожит и умирляет противоречия жизни.

23 Человек и его тень. (Сб. повестей современных китайских писателей, М., 1983).

275 Повести доносят отголосок (думаю, все-таки слабый) грандиозных потрясений огромного континента. Чудовищна эта гремучая смесь деспотизма (азиатского), идей свободы (европейских) и культурных традиций (ханьских, вьетнамских, кхмерских... словом, много-местных). В таких условиях не до философий? А если эта сила великая возьмет да сомкнется, сроднится с бульдожьей хватки империализмом?!..

Июль 1984

1 Юлиан Семенов. Бомба для председателя.

276 В начале 1970-х не во всё *хотелось бы* верить, теперь гнусная реальность – и облик фашизма в белой рубашке, и спевки с китайскими реакционерами, и обостренное ощущение надвигающегося конца.

– Всему – конца? Или конца – только – нашему (в нашей версии) социализму?

5 А. Югов. Думы о русском слове.

277 Увлекательнейшие «мелочи» языковой культуры, наверное, потому так волнуют, что они – попросту овеществленная история. Верно, потому и я так радовался, когда обнаружил (вдруг, внезапно!), какой гигантский пласт изволил не заметить, тшась размышлять о времени: а как оно *осваивалось и усваивалось* славянами? как сам русский язык *разрешает* его, времени, загадки? – знаю ли я? да и, получается... знает ли кто?!

15 Д. Гранин. Тринадцать ступенек. Повести, эссе. Л., 1984.

278 Русская литература никогда не расставалась с вечными вопросами. С гранд-проблемами. Этика, философия, эстетика не просто «вычитываются между строк», они лежат у нас если и в глубине, то первым культурным слоем. Сразу под поверхностью.

Д.Г. – тот человек, которому можно и хочется показать «Опыты».

21 А. Блок. Из записных книжек и дневников (Собр. соч., т. 6, 1971).

279 Не эволюция духа, а непрестанное оживление давно дремлющего; не самоистязание и анализ, а поиск имени вещам и связям меж ними; не литература и философствование, но труд очищения. И ко всему – полная беззащитность от житейских «общих мест», даже какая-то потерянность. Таков здесь Блок.

Август 1984

3 Н. Кузьмин. Давно и недавно (М., 1982).

280 Взял в руки ради рисунков и обнаружил чисто-струйную, тихоселестную прозу. А рисунки-то в большинстве своем не понравились. Да и трудно всем угодить с книжными иллюстрациями (это же текст – иной текст – в тексте!): в одних случаях подавай осторожный комментарий к литературе, в других – допустимо параллельное или даже «в сторону» повествование на языке линий и красок, а универсального правила выбора среди этих возможностей нет и быть не может. И это, пожалуй, хорошо есть.

12 Борис Слуцкий. Сроки.

281 Строгие, суровые, без намека на патетику – стихи о войне (драгоценно и проклято время прошлого), без жеманства исполнены «философские» штудии. Сильно: «Отказываюсь от листка, что мне Доской Судьбы казался. Не безнадежен я пока. Я с легким сердцем отказался!».

16 Николай Некрасов. Последние песни.

282 Трезвые итоги собственного поэтического творчества и нерадостная оценка российской жизни. Размышления о *большом*, заглушающие саму боль. «Мне борьба мешала быть поэтом / Песни мне мешали быть бойцом», «... Заступись, страна моя родная! / Дай отпор!.. Но родина молчит...». Трагедия *индивида*, напрасно отдавшего всего себя *роду*? Нет, не напрасно и не трагедия. Счастье. Счастье сеятеля, верующего в смысл труда своего. В грядущий урожай. Но, все-таки, тогда и – счастье неизбежной (наперед-заданной) трагедии.

31 М. Зощенко. Голубая книга.

283 Животное страдающее и, вместе, животное смеющееся суть человек. Доказательства – в «Книге». Сопоставление для будущих раздумий: смех Михаила Зощенко в литературе и диковинный хохот Владимира Соловьева в философии – каковы они рядом?

Сентябрь 1984

4 Достоевский. Белые ночи.

284 А вот графика М. Добужинского – ко двору. Она дополняет рассказ Мечтателя до целого, когда зримое присутствие Петербурга (невесомо-призрачного в белых ночах и тяжело-таки нависающего над малымя фигурками людей) делает осязательной ценность (бесценность!) этих крох человеческого бытия.

4 Б.Г. Кузнецов. Идеалы современной науки (М., 1983).

285 Понятия интуиции, времени, детерминизма, гуманизма – смысловые центры темы, заявленной в названии книги. Не нахожу традиционной в нашей науке терминологической эквилибристики и

рецидивно-догматических построений. И есть ощущение свободного полета, есть вера в надежность фундамента не всегда перечисленных, но перечувствованных автором фактов и принципов. Второй и необходимый этаж науки – чувство *после* мысли? Или я преувеличиваю, ибо *слишком радостным* было это чтение?

5 А. Лосев. Вл. Соловьев (репрессированный выпуск «Мыслителей прошлого», М., 1983)⁹³.

286 Природа породила Лосева сознательно и по необходимости: как было не помочь человечеству по наведению порядка в культурном его хозяйстве. Лосев *проживает* (да!) жизни мыслителей прошлого и оттуда доставляет нам сегодняшним важные свидетельства очевидца. И ему, наверное, жаль нас, близоруких и беспамятных, не ощущающих ни хода сока в корнях, ни шума ветра в вершинах своих. Полноценно ли бытие этакого древесного обрубка – чурбана, – пусть даже он и лежит надежно и устойчиво в целой поленнице себе подобных?

(отпуск – нп. 281–286)

12 Юлиан Семенов. <Путевые заметки из сб. «На “козле” за волком»>.

287 Как прекрасен и грозен мир, в котором не жизненно все застывшее и надуманное! Как много нас со своими многими радостями и бедами! Как неизбежны и обязательны наши ошибки! Как нужен мир и спокойствие для жизни, а время – чтобы задуматься о ней!

16 К. Чапек. Война с саламандрами.

288 Анти-, но не только антифашистское. Чапек сражается и с буржуазностью, и с мещанством. (Впрочем – эти придирки и никчемный академизм все-уточнений... бросаю). Страшно сознавать, что тема «о саламандрах» ровно настолько сейчас потеряла остроты, насколько человечество поумнело со времен начала Второй Мировой. А так как и ныне весьма гнусно несёт палёным... Обидно: не хочется даже про себя, не вслух разбирать чисто литературные достоинства великолепного писательского творения – так всё перебил и испортил этот внезапно учуянный запах.

28 П. Беликов, В. Князева. Рерих (в «ЖЗЛ»).

289 Жизнь Рериха, в важнейших чертах ее, явственно ассоциируется с историей знака для «пакта Рериха». Мучительные и, вместе, светлые раздумья о судьбах культуры суммированы художником в емкой форме, облакающей бесконечное содержание (не таковы ли и его картины?),

---

⁹³Историей этой многострадальной книги потом довелось специально заниматься, много роясь в Госархиве: см. публикацию «Дело о книге А.Ф. Лосева «Вл. Соловьев» (изд-во «Мысль», 1983 г.)» в коллективном сб. «Владимир Соловьев и культура Серебряного века: К 150-летию Вл. Соловьева и 110-летию А.Ф. Лосева» (М.: Наука, 2005. – С. 536–552), совместно с А.А. Тахо-Годи.

и вот просвещенное человечество принимает-таки Гаагскую конвенцию 1954 года о защите культурных ценностей, но вместо рерихова Знака Веков («Знамени Мира») избран смехотворный в своей безликости и абсолютно обескультуренный «заостренный снизу щит, разделенный на четыре части синего и белого цвета»... Досадное недоразумение? Нет, только следствие из правила: истинный творец всегда остается *впереди своего времени* и торопит день завтрашний, памятуя о вчерашнем, а *его время* всегда цепляется за нелепости, скажем, сиюминутного просветительства.

29 Гегель. Жизнь Христа.

290   Есть правда факта, правда историческая, есть правда вымысла, правда художественная, их (редко!) может объединить правда синкретическая (термин Стеблина-Каменского) – архаическое «неразличение правд». Но сей перечень не охватывает множество значимых примеров, взять того же гегелевского Христа. Гений философии не сочиняет роман, не перевирает известные ему факты и уж никак не может быть отнесен к особям с неразвитой рефлексией, коим и сподручна эта самая синкретическая истинность. Для него Христос таков, каковым и описан: мыслитель, просветитель, моралист, учитель, средневропейский гуру. Здесь – правда особого сорта, правда (условно назову) культурно-семиотическая. Надо бы еще поразмышлять, – не нашупал нужную констатацию.

Октябрь 1984

7 Дж. Лондон. Время-не-ждет.

291   Как правильнее сказать о «схеме» романа: идеальная жизнь реального героя? реальная жизнь – идеального? идеальная – идеального? или нужно расставить «скобки абстрагирования» и тогда сколько таких скобок надобно? (О «языке скобок» как способе описания иерархии существований есть резон порассуждать не спеша и отдельно, даже научно). Смешно, что я занят этим по инерции – привык черпать в чтении поводы к метафизике. А вообще-то во мне победил читатель сопереживающий и сочувствующий, небезучастный и нерассудочный. Как бы одна половина моего «я» радуется возможности видеть блеск снегов Клондайка и весело давать по морде всякой сволоте, половина другая о чем-то стороннем бормочет, осуждая надуманности, заимствования и прочие «литературные слабости». Мы на двоих и поочередно – читаем. Хорошо, право слово, читаем.

15 Ю.Н. Давыдов. Этика любви и метафизика своеволия (М., 1982).

292   А каким образом Толстой и Достоевский опередили изощренную мысль «профессиональных философов» в спорах о «смысле жизни»? Почему высшей похвалой (русскому народу) звучит характеристика о «всемирной отзывчивости»? Где лежит граница, шаг за которую ведет «по ту сторону добра и зла»? Вопросы, вопросы... Философия любви и совести

завершается (завершилась?) в *религии человека*? Нуждается ли тогда *вера* в «онтологических доказательств» и прочих подпорках *знания*?

26 Б.А. Рыбаков. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. (М., 1982).

293 Читал с жаром, чуть не всхлипывая (а может, и всхлипывал временами) от жадности. Подобную степень переживания, наверное, дал бы разве что первый полет над землей, по которой исстари передвигался пешим драгом. История Отечества, теперь знаю, после Рыбакова – не столько *искусство памяти*, сколько *искусство полета*.

26 Л. Толстой. Фальшивый купон. Божеское и человеческое.

294 Автор настолько врет в притягательность гуманистических идей Нового Завета, что почти не тратит сил на эстетические приправы и не пытается рисовать подробности духовной эволюции героев. Коли ты, читатель, собственными глазами видишь точки отправления и пункты прибытия – от греховности во праведность, – прими тогда и вот эти строгие аксиомы нравственности...

27 Х.Л. Борхес. Стихи разных лет (Иностранная литература, № 3, 1984).

295 Кто сказал, что хорошие стихи легко запоминаются? Хорошие стихи *просто помнятся*, и прежде всего помнится *само ощущение* стиха. Как бывает с ночным небом: память запечатлевает разве что узор отдельных созвездий, но также нечто более важное и общее – красоту и необъятность его. Кажется, именно это и имел в виду А. Блок, когда писал о «звездных» и «беззвездных» стихах («Майские мысли»).

28 Н. Сладков. Иду я по лесу.

296 Еще совсем мальцом читал Сладкова первый раз. Теперь прочел с дочками – не спеша, перед сном, за двухнедельный сеанс, – и еще потом разок, со смаком, уже для себя только. Лес очищает легкие и врачует душу, его фармакопея так сильна, что воздействует даже сквозь непроходимую пелену знаков художественного текста...

– А вы будьте прокляты, империалисты и прочий гнус! Будьте прокляты за нищету мою и моих товарищей сегодня – мы так редко можем спокойно *идти по лесу*, хоть и топаям своей бетонкой «на Объект» или «с Объекта» почитай каждый день – и получается, *всё мимо и мимо идём*⁹⁴.

---

⁹⁴ Запись, конечно, немножко смешная (и печальная), она – от усталости. Как раз тогда был разгар доработок и испытаний «по Першингу». Но выбор этой книжки про «ходьбу по лесу» (для выпавшей случаем «отдушины», дабы пообщаться с семьей) был, конечно, не случаен. Необходимо было что-то прямо перпендикулярное наличным делам и обстоятельствам, да. И очень-очень простое, ясное и в то же время духоносное...

30 Происхождение креста (М., 1927).

297 Литературные качества самого сборника оставляют желать лучшего, нет режиссуры составителя, в тоску вгоняет какое-то злобно-шипящее предисловие; и все же сама обширность коллекции фактов ошеломляет. Аж руки опустились: разобраться ли мне в этой мешанине («бешеный самум»!), напишу ли, как мечтается, *историю символов* – звезды, креста, свастики? Ну, посмотрим... Кстати, о мешанине. Вряд ли только временной фактор тому виной, что для взгляда из нашего «сегодня» прошлое основных символов сливается в нечто цельное. У этой компактности неразложимого «пятна» пра-символов должна быть подоплека или глубинная основа – культурная (единая, пра-индоевропейская, «атлантическая» – не знаю) либо психологическая (исходя из родовых качеств и начал *homo sapiens*).

Ноябрь 1984

4 М. Пришвин. Кладовая солнца.

298 Мы слышим многоголосие жизни – когда культурные люди, домашние животные и «дикари» имеют абсолютно равные возможности выговориться. Звучит общий хор во славу единого и всемогущего божества – Солнца Любви.

19 А.Е. Ферсман. Воспоминания о камне.

299 Как щемит сердце – повстречался со старой любовью. Да, ты уже никогда не будешь геологом (или – настоящим натуралистом и естествоиспытателем), но вот – спасибо книге. Мечты и былые странствия отроческие ожили здесь сладкой болью, и ты уже не можешь согнать блаженную улыбку с лица, ты... ты живешь самыми лучшими мгновениями той помечтанной, несостоявшейся, непрожитой жизни... Это, получается, *еще и мои* воспоминания.

25 Г.Э. Носсак. Дело д'Артеза.

300 Самые выразительные, с нажимом исполненные сцены – это описания мимических (без слов!) представлений в исполнении главного героя; он – из тех самых *информаторов, которые молчат*. Комментарий к девальвации слов или, что то же, к вопросу об утрате духовных ценностей обществом, здесь – буржуазным. А к нашему – не меньше приложимо?

28 Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления.

301 Война – это как бы увеличительное стекло самых фантастических диоптрий, под которым вырисовываются, нещадно оголяясь, все человеческие качества, плохие и хорошие. И даже вот эти внешне беспристрастные, чуждые психологизированию строки с трудом удерживают глухой напор страстей, амбиций, ощущений горя и, вместе, счастья. Впрочем, война требует особой «конституции», с которой мораль и человеколюбие получают новую «небытовую» окраску. Подобно тому наш

программист, двумя-тремя нажимами клавиш на пульте ЭВМ запускающий имитатор-модель ракетного нападения, обязан далеко в подсознание загнать мысли об ужасах возможного (моделируемого) ядерного удара и сосредоточиться на конкретных проблемах своих инженерных затей.

30 *А.Н. Толстой.* Голубые города. Гадюка.

302 Потрясающее несходство формы и содержания революции, идеи и видимого ее воплощения – вот что движет характерами, судьбами героев, этих личностей ярких и подлинных. И боль *объясненная* не перестает быть болью, просто болью.

Декабрь 1984

2 *Л.М. Леонов.* Мироздание по Дымкову (Наука и жизнь, №11, 1974).

303 Бедной Венере из Милосса не подойдут никакие руки (в реконструкции), а почему? Почему творения мастеров завершены в любой своей малости? Завершены, совершенны, вершинны... А теория «мелкостных вибраций», «наперерез снующих галактик» и «натурально-вещественного времени» уже тем хороша, что она – не столько «пособие по анатомии верхоглядства», сколько попытка «застолбить за собой драгоценный клочок неизвестности», простительная «утеха, чтобы на необъятной карте сущего найдя исчезающее малую точку, шепнуть себе: “Здесь со своей болью обитаю я”», словом, она лишь редкостный из всплесков «большой обзорной мысли», без коих можно бы вроде и жить, да не живется... Какой же *вкусный* отрывочек попался!

Прибавление в сентябре 2018 года.

Великая «Пирамида» – отрывок как раз из этого романа, – еще не скоро увидит свет (в год смерти автора, в 1994-м) и войдет, конечно, в мое «Чтиво»: закончу штудировать «роман-наваждение» в сентябре 1999-го.

По мере сил, стараюсь ныне воздавать этому (нечеловеческому) труду должное: когда в рамках более-менее регулярных экскурсий «Философский Арбат» мы забредаем на Большую Никитскую, к дому, где жил Леонид Максимович, я всякий раз изрекаю перед публикой что-нибудь возвышенно-журналистское (– Вот, здесь трудился «русский Данте», здесь творилась наша «Божественная комедия») и стараюсь изложить некоторые новые идеи о мироустройстве, Леониду Леонову, да, когда-то открывшиеся.

5 *М.И. Стеблин-Каменский.* Мир саги (Л., 1984).

304 Легко *говорить* об историзме и диалектике, трудно *воплощать* оные в конкретной работе. Воплотивший (как и автор), выглядит белой вороной, фантазером, каким-нибудь «-истом» и т.д. Это, думаю, не случайно. Воплощение – оно требует мысленного пребывания сразу в разных местах пространства и времени, причем пребывания «одновременно», *единым духом*, что дано лишь счастливым, числом явно малых.

7 Ю. Семенов. Версия – II (Студенческий меридиан, №№ 8–11, 1984).

305 Лишь набросок романа, ибо литературной обработки исторической эмпирии здесь нахожу минимум. Коллекция глупостей, компендиум интриг.

А политическая карта России, что правда, была когда-то очень пестра – охранке хватало с кем сражаться, потому на тот же большевизм пришлось далеко не вся мощь ее ударов.

16 В. Шкловский. Энергия заблуждения.

306 Можно выражаться приблизительно, как бы вокруг да около – и это будет исчерпывающе-точно (см.: «взьерошенность жизни»; не «другая», а «вдругая»; писательство как «дорога засловья»). Только надобно «не выдумывать, а вымышлять, выделять мысли» – мысль должна быть естественным отправлением организма, организму необходимым, без коего, да, организм просто чахнет. Тогда даже теоретичное и скучноватое *литературо-ведение* становится радостным *литературо-житием*.

30 Б.Г. Кузнецов. Встречи (М., 1984).

307 «Страх смерти» (боязнь не успеть...) и «ощущение бессмертия», аттическое удивление и кьеркегорово отчаяние, интуиция (с ее реальной – актуальной бесконечностью), отлившаяся в зримых формах – вот герои этих воспоминаний.

Январь 1985

1 Д.Д. Фрэйзер. Золотая ветвь (М., 1983).

308 Эпопея *инобытия* человеческого рассудка, вид многозвездной бескрайней галактики по имени Миф, Ритуал и Поведеление, а заодно – памятник научной добросовестности. Ветхий Завет гуманитария.

Прибавление в сентябре 2018 года, беру материал из старых записей. По ходу медленного чтения этого гигантского трактата – а всего и дел, что автор пытался разобраться в деталях культа Дианы Немийской, – сочинил тогда (для себя, на всякий случай) немудрящую гистограмму: оценку частоты появления тех или иных числовых комплексов. При довольно смелом предположении, что «Золотая ветвь» *хорошо представляет культуру всего архаического человечества*, получил гипер-экстремумы в ожидаемых точках: для пар и триад (уровень триад приблизительно на треть выше соседки), далее примерно на одной высоте четверица, семерка и девятка (среди троих чуть возвышается семерка) и на хвосте распределения слабые всплески на 12, 20 и 40. Общий объем выборки составил 346 казусов.

Вот, в итоге, получили портрет символических предпочтений *человека считающего*.

7 *Алесь Адамович. Каратели.*

309 Пишу о январском чтении лишь месяц спустя, отдышавшись: сразу не нашлось сил руку поднять для «изложения впечатлений». Философы и романтики! Да пребудут труды ваши под вечным страхом приговора из уст белорусского того мальчонки: «Глазки наши будут выскакивать!..». Публичная мысль стократ страшнее прямого действия: действие скоротечно, мысль же долговечна и потому способна питать многие новые действия... А ты ведаешь, изрекающий, ты, Проповедующий в Собрании, кто придет после тебя, человек или «сверхчеловек», кто потом овеществит, реализует твою тонкую красивую мысль?!

12 *Абеляр. История моих бедствий. Письма (М., 1959).*

310 Не злосключения тела («извне нападения») и не бедствия духа вообще («изнутри – страхи»), а *умерщвление любви*, которая всегда «не от мира сего» и потому-то миру и противна – вот подлинная тема. Элоиза в своей слабости («не будь во мне уверен... не думай, что я сильна...») оказалась превыше, кажется, Всевышнего: «Я всю жизнь больше опасалась оскорбить тебя, нежели Бога»... Бедствия Абеляра и бедствия Элоизы – такие внешне разные. Их история любви – одна-единственная по сути.

23 *Е. Богат. Урок (сб.).*

311 Малые капли безбрежного Океана Людских Отношений. Капли яда и чистой воды, в смеси. Запечатленные корчи Истории. Подземный (подводный) гул Будущего, сегодня едва улавливаемый.

31 *Н.К. Крупская. Воспоминания о Ленине (из т. 1 «Воспоминаний»).*

312 Давно не получал столько удовольствия от чтения «политической литературы», вылавливая из повествования крохи житейских подробностей, фрагменты живых реплик, отголоски когда-то стучавших сердец...

Сегодня для кого-то Ленин – символ, знамя, для кого – абстракция. А я иду к Ленину – человеку, Ленину – живущему. Ленину – нужно мне? Или *с таким именно очеловеченным Лениным* – и хочу расстаться?

Февраль 1985

2 *Р. Роллан. Жизнь Рамакришны. Жизнь Вивекананды (Собр. соч., т. 19, Л., 1936).*

313 Не считаю (для себя) обязательными только мистические видения со всем их нездешним обрамлением и сигнатурами, остальное приемлю. Остального очень много: поиски «высшей реальности», жажда бесконечного – без противоречащей тому любви к малости («вы и я не только братья, но вы и я – одно»), вера в «вечность каждого мгновения» и «тождество со всеми формами жизни, во все мгновения».

Думаю, индийское духовное наследие неверно определять как «недеятельную форму деятельности»; правильнее в нем видеть *дополнительный принцип* по отношению к европейским ценностям, к европейской «деятельности». А дополнительное, да-да, и не противоположно и не поглоти́мо, дополнительное значит *только принципиально другое*.

14 В. Тендряков. День, вытеснивший жизнь (Дружба народов, № 1, 1985).

314 Война – разносторонний педагог, она учит тактике, стратегии, экономике, политике и т.п., а еще, что выпадает из очевидных перечней – *нравственности* учит. Драгоценен урок душевности в самых, казалось, опустошающих душу обстоятельствах.

Вспомнилась фраза тети Шуры, она в ту войну служила медсестрой на Волховском фронте:

– Ты знаешь, Витя, хуже всего было в тылу, чем ближе было к линии фронта, тем добрее и бережнее друг к другу становились люди: это мое чёткое наблюдение...

23 Г. Волков. Рядом с гением – гений.

315 Блестящую интуицию обуздать бесчисленными «надо» общественной борьбы, дозволить ей лишь изредка выплескивать свои сокровища – а идеи до уровня работающих разовьет друг, или же им, идеям, так и теплиться в едва оформленных тезисах, – и вот мы получили «схему» судьбы Энгельса, планиду его отношений с вечностью.

Март 1985

2 С. Лем. Культура как ошибка. Новая космогония (Избранное, М., 1976).

316 Разминка перед новым большим романом, удобный способ «застолбить» свежую идею, пародия с больше философским, чем чисто-ироническим «подтекстом» – по форме? Мысленная конструкция лучшего из возможных миров, приведение привычного к смехотворному, а нелепого – скорее к фундаментальному (еще до-истинному), попытка предугадать ценности будущего – по содержанию? – Не знаю, не уверен. Но, уж точно, некоторые вещицы из «Идеального вакуума» заставляют не засиживаться, не бояться мыслить и... *думать весело!*

4 В. Шефнер. Кончина коллекционера. Сказка для умных (Звезда, № 2, 1985).

317 Так и не уловил, похвала ли это нашей читающе-пишущей цивилизации или же, напротив, издевка над спесью и дутым величием оной? Фокус вроде в ударении – твердить можно ведь о *мыслящем* тростнике или о *тростнике* мыслящем, да каламбур что-то не смешон... Впрочем, автор мог

не подозревать о «втором дне» своей развесёлой «сказки», и да простится ему тогда сей (семантический) недосмотр.

7 Ю. Бондарев. Игра (Новый мир, №№ 1–2, 1985).

318 Больно резанули слова о потере *лучшей части* нашего общества в той войне. И неужто вправду так безнадежно одиночество таких, чистых душой и помыслами? При всем идиотизме маоистского осуждения городской культуры в чем-то они, китаёзы, оказываются правы. Рост материальных благ без опережающего (или хотя бы, пусть, догоняющего) духовного роста – без *подобрения всех*, – смертелен. Потому столько у нас равнодушных деляг, столько демагогов-конъюнктурщиков, столько, наконец, спецов именно «по душам» (полит- и парт-работников, к примеру)...

18 В. Чивилихин. Память (Роман-газета, №№ 2–3, 1985).

319 «Могём!» – таким плакатиком встречали Гагарина веселые студенты в тот памятный апрель. И тем же кличем собираются под общий стяг читатели «Памяти» – им смочь, им сберечь, им открывать и делать свою историю! А если чего и «не могём», то скорее не по лености... А почему, спрошу, так старательно (или по незнанию?) замолчено, к примеру, участие идей Николая Федорова в «космической» теме?

21 А. Никитин. Испытание «Словом...» (Новый мир, №№ 5–7, 1984).

320 Мир действительно устроен тесно, мир – это связи бесконечного числа возможностей. Вот и «Слово», – каждый видит в нем своё, не очень-то противореча другим зрячим и думающим... Похоже, вполне совместимы точки зрения Чивилихина и Никитина: не посчитать ли «Слово» компиляцией из Бояновых песен в переложении княжьей рукой?

23 Марк Блок. Апология истории, или Ремесло историка (М., 1973).

321 Строки высочайшей интеллектуальной мощи, полные радостного ощущения значимости наималейших «человеческих фактов» (самого сложного в мире!) – строчки оборваны отточием гестаповских пуль. А может, вопреки ходячей формуле, самое-то лучшее, самое нужное как раз по *старанию истории* не пишется, никогда не может быть написано...

23 Г. Франкфорт и др. В преддверии философии (М., 1984).

322 Поначалу привлекла свежесть материала (детали культурной жизни Древнего Египта и Месопотамии, их реконструкции), по мне так мало знакомого. А закрывши книгу, больше думается «косвенно», лишь «по поводу», больше *за пределами* этого материала. Думается о прихотливой траектории, каковую описал светоч человеческого духа во тьме истории: то не беспорядочный прихотливый зигзаг, «что чертят мальчики в потемках», то грандиозный в своей закономерной поступательности виток, возвращающий

нас, блуждавших в царстве Логоса, назад к гармонии и слитости с Природой, туда, где правил Миф, а теперь – только восприемница его, Красота.

30 Й. Дарваш. Пьяный дождь.

323 События нескольких десятилетий из жизни Венгрии устроились клубком-колобком не только в памяти их очевидца, не только оформились столь густо-плотно-переплетенно под силами художественного слова. Так отражается структура реального социального времени: прошлое и будущее сгущается в узлах настоящего, делая время бугристым, сучковатым, не поддающимся резцу причинного анализа.

Год – 61 (5, 08)

Апрель 1985

5 Паскаль. Мысли («БВЛ», т. 42).

324 Если даже судить только по нумерации заметок, уже ясно: примерно половины «Мыслей» не опубликовано. Можно ли так поступать с шедеврами культуры? Ах, вы смягчили религиозную направленность, говорите... Но разве это подходящий способ полемики – *умолчание, аргументо-изъятие, рото-затыкание*?! Злосье...

Вот о ком-то, допустим, скажут: «титан», «вершина»... Каков же тогда Паскаль с его терзаниями, безысходностью и остро-болезненной силой? «Впадина», «провал», «пропасть»? Или тоже *вершина*, только у антиподов, на другой стороне мира видимого, мира-употребляемого-без-сомнений...

7 В. Гюго. Отверженные.

325 Размах, сопоставимый масштабами разве что со «Всеобщей песней». Во всем этакое «чуть-чуть больше» или даже *plus ultra* – оценки ли это событий, чувств, лиц или технические особенности письма с непрерывными вставками и отступлениями, потоками метафор и взволнованной дрожью голоса, слегка утаенной за оболочкой слов. *Так* может писать, да, только уверенный «в ничтожестве молитвословий и в возвышенности молитв»... Молитву к жизни, миру, человеку... тверди, дорогой читатель, теперь твой черед!

14 В. Пиккуль. Реквием каравану PQ – 17.

326 Дочери занимаются в музыкальной школе, не потому ли я стал больше задумываться о том, что же почтенного мы находим в быстрой беготне пальцев по клавишам вслед за черными закорючками нот. Кому в удовольствие само физическое чередование звуков, кому посчастливилось находить-слышать отголоски и в своей душе, кого влечет сам процесс, сама возможность оживить немые значки.

Пиккуль – музыкант истории, его ноты – факты, его музыка – само время как лейтмотив и людские судьбы – как вариации на заданную тему.

16 В. Каверин. Загадка. Разгадка (Октябрь, № 12, 1984, № 1, 1985).

327 Вениамина Александровича всегда отличала основательность в «специальной подготовке». Школьные беды-проблемы внешнего, так сказать, характера очерчены мастерски. А еще обозначилась гигантская внутренняя проблема, проблема *понимания*, над коей бьются гуманитарии не одного только последнего века. «Знать» относится больше к миру без человека, «понимать» – обязательно с ним. Только понимая, можно *простить* или *проклясть*. Потому нельзя понимать физическую теорию или устройство, скажем, лазера, их можно знать или не знать. (То ли я говорю? Вспоминая сюжет прочитанного, нельзя не спросить: а дано ли, собственно, до конца понять человека? И, далее, что же такое вообще – понимание?).

20 Н. Ильина. Реформатский (Октябрь, № 1, 1985).

328 Не часто, ох, как не часто материализуются, оформляясь художественным образом, те узы, духовные и физические, что образуют семью, любовь, привязанность людскую. Донесся аромат первичной, не оболганной «формулировками» атмосферы, которой дышат двое и без которой двоим – значит, вместе – подлинно не бывать. Спасибо.

26 Вс. Овчинников. Горячий пепел (М., 1985).

329 Мы говорим – «драма идей», – только потому, что всегда подразумевается, на деле, *драма людей*. Любое крупное дело не гибнет и получает оригинальные (значит, и жизненные) ходы от затрат энергии людского тепла. И *боли людской*, конечно, тоже. Подумалось: история гонки за атомным оружием (с участием и наших, мне знакомых, мужиков) достойна пера Пикуля.

30 С. Есин. Имитатор (Новый мир, № 2, 1985).

330 Помнится, в 1978 году на выставке в Манеже я совершил преступление. Илья бормотнул: «Почту за честь!» и бодро расчеркнулся на титуле книги о Н.Н. Ге – и я сам ее (другой книги под рукой не оказалось) ему подсунул! Но как вскоре оскорбил «Портрет нашей лифтерши», как занудили глазастые «мечтатели» с иллюстраций для книг, как рассмешило «Возвращение» и скорбные лики с автопортретов, как быстро, будто отчего-то спасаясь и скрываясь, пробежал по выставке Святослав Рерих (мы случайно его увидели почти в том же месте, где я «брал автограф»), как отдыхала потом душа у картин Ромадина, в соседних залах... Тогда на выставке мне сразу стало как-то стыдно, теперь знаю – почему⁹⁵. *Имитатор*.

---

⁹⁵ Мы «пересеклись» с *Сергеем Николаевичем Есиным* (18.12.1935–11.12.2017) лишь однажды, на очередных Розановских чтениях в Сергиевом Посаде, 5 февраля 2017 года. Он представлял на наших «посиделках» свои многотомные «Дневники», но отдельно не выступал, молчаливо сидел и слушал других. После моего доклада о *личностной мифологии и мифологичности* В.В. Розанова, в перерыве, он подошел ко мне, чтобы поблагодарить за «нужные слова». А я его поблагодарил – за давнего «Имитатора», и не только...

Май 1985

4 Ю. Трифонов. Старик.

331 История, удивительно равнодушная к судьбе элементарной человеческой пылинки, подобна телу млекопитающего, хотя бы и нашенскому телу, в недрах коего ведут извечную борьбу (за его здоровье или даже жизнь) крохотные эритроциты. Здоровье истории отмеряно муками, потерями, горестями Летуновых, Мигулиных и мириадом прочих. Нерадостная получается физиология (и философия) очищения.

10 А. Стиль. Милый доктор (Иностранная литература, № 6, 1984).

332 Жутко-убедительны изображения смятенной, смертным вихрем подхваченной мысли Клары. Их пронзающая психическая сила полностью затмила многие иные оттенки повествования, заглушила прочие обертоны нравственно-этического и общественного – уже не про Клару, а про всех про нас – звучания.

13 А. Кривицкий. Тень друга, или Ночные чтения сорок первого года.

333 Умная и нужная книга. Ее б на стол нашим имитаторам да кинодралам... А что, правильно: традиции армейские – своеобразная культура самосознания воинских коллективов, любых величины.

20 Н. Розанова. Стасис Красаускас (альбом).

334 Его неповторимая линия, его графические «формулы» – это боль, укрошенная мудростью... Творчество не есть ли точка пересечения постигаемого *всего* и постигающего *одного*, страдательного и страдающего, да – вечного и мгновенного...

21 Р. Брэбери. Вино из одуванчиков.

335 Машина, механизм и чувство, трепетная человеческая память – два полюса, меж коими пролегли силовые линии повествования. Изображения *борьбы* тут вовсе нет, скорее наличествует декларация идиллического итога, когда победа отдается только одной «машине» – Машине Времени, «овеществившей» самые драгоценные свойства Культуры. А может, тут и не идиллия? Культура, кажется, должна исправно терпеть частные и локальные поражения, чтобы сохранить тем самым стратегический перевес над Хаосом.

Июнь 1985

13 *Вирджиния Вульф*. Миссис Дэллоуэй (Иностранная литература, № 4, 1984).

336 Роман поразил какой-то оголенностью – как рана, до которой больно касаться даже собственной одеждой, призванной защищать... Решение писать «t-заметки» о прочитанном (в «Опытах»), пусть они и лежат

больше в интеллектуальной сфере, решение это не могло не появиться по сугубо эмоциональным причинам после чтения вещицы В. Вульф.

15 В. Карпов. Полководец (Роман-газета, №№ 7–9, 1985).

337 Явный излишек цитат и цифири-фактуры простителен, ибо «поворошенное прошлое» действительно свято, ежели поминается честный человек и дела праведные поминаются. Спасибо за *Петрова-нашего*.

18 Л. Овчинникова. Улица среди окопов.

338 Детство, опаленное войной... Для кого-то слова эти не вяжут языка – мол, литературный штамп, но звучат клятвой всё помнить и взывать к разуму беспамятных: послушайте, дяди, так не играют, это не по правилам, да и не игра вовсе – война!.. мнение самое авторитетное, детское. Ребенок суть подлинный *homo ludens*, ему ли не всё главное знать об игре.

26 Тайная тайных (Памятники литературы Древней Руси).

339 Тут власть поработали сразу две эстетики – и *тождества* (привычное находимо в читаемом) и *различия* (незнаемое явственно волнует новизной, под каковой скрыто опять-таки нечто сродственное и жизненно важное). Увлекательно обнаруживать в «сокровенных» (чуть не сакральных) предписаниях столь разнообразные поводы находить связи дня вчерашнего (по-за-по-за-вчерашнего!) и нынешнего: покоряет гуманистический инвариант нравственно-социальных максим («да возвеселишь тлимое над вечным»; «а не смотри на отчину их, а не дела их»), умилила наивная наблюдательность «премудрости парсуной» и глубокомыслие числовой магии имен (кстати, еще Пьер Безухов умел подсчитывать Наполеоново «число»), радостно сопоставлять параллельные тексты старого оригинала и перевод – суммарно, радость постижения *глубины и корней* слова русского.

Июль 1985

2 И. Андронов. По волчьему следу (М., 1984).

340 Гребущие всё к себе и под себя, они беспощадны, бесчестны, злобны и... жалки. Сердитая книга про капитализм. А про социализм (она же) – какая?

11 В. Пиккуль. Миниатюры (М., 1983).

341 Назвать это «отходами производства» грешно, ибо слово «отходы» допускает мысль о меньшей значимости оных текстов по сравнению с полновесными романами да повестями. Кроха пенициллина спасала тысячи страждущих, уже такие же «миллиграммы» печатного слова способны излечивать от страшной болезни людской – беспамятства.

И замечание приведу «по форме». Почему в ушедшем из-под стального перышка Пиккуля так не хочется замечать «структуры», «поэтику» и вообще *искусственности*? Почему написанное им так бесхитростно-просто? – Да от

большой любви... Конечно, подлинные творения, куда ни кинь, всегда остаются рукодельными, сработанными, но не найти на них грубых следов резца и карандашной разметки. Искренность в паре с мастерством и приравнивается, наверно, простоте.

12 Г. Аллен. Эдгар По (из «ЖЗЛ»).

342 «Когда б вы знали, из какого сора растут цветы...» Никакой радости не доставило это чтение. Как если царственного вида певицу стошнило бы прямо на подмостках да чтоб слюна зеленая да по бархату платья да в момент самой блистательной рулады...

18 Василий Белов. Воспитание по доктору Споку.

343 Никаких итогов, никаких призывов и догматического нытья. Смотри сам, читатель, смотри и выбирай, что тебе по нутру, а что отвращает и опасно тебе – способно изглотить твое драгоценное человеческое ядрышко.

21 Л. Леонов. Мироздание по Дымкову (Новый мир, № 11, 1984).

344 Показательно появление китайского «диалектического кружка» в этих шутейных по внешности, но глубоких и основательных по сути космологических изысканиях. Новая мысль нуждается в *новой мифологии*, как нужда есть большая и в *непрестанных раздумьях* «об исподней сущности нынешнего момента».

Хлестко – об атеизме «чисто практического безбожия» («сколько дохлых кошек *вверх* не закидывай, они неизбежно валяются на головы озорникам по недолёту до адресата») и парадоксальности бытия нашенького, состоящего «в даровании человеку несовместного с телесностью гена власти над вечностью».

Нахожу строчки леоновские (их, кажется, немалое множество) совершенно гениальной отточенности.

22 В.С. Емельянов. На пороге войны (М., 1971).

345 Сколько интересного, учительного, заставляющего не спешить, читая! Изображен вроде бы *деловой мир*, где делались не деньги, а сама история Отечества.

Август 1985

1 М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита (Избранное, М., 1983).

346 К новой встрече изменились оба – и роман (новая редакция: роман помолодел?) и я (точно, постарел – потому и больше, видимо, стал *понимать*). Первое чтение было радостнее и возбужденнее, нынче услышал больше шепотов, учуял больше печали.

17 Б.А. Успенский. Филологические разыскания в области славянских древностей. Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского (М., 1982).

347 Без ропота блуждал среди хитросплетений цитат, экскурсов и ссылок – «разыскательской» такой добросовестностью, спора нет, отменяется удобоваримость, ибо, получается, только после сложнейших телодвижений возможно сейчас продрасться к заповедным глухим местам, где обитает забытая культура языческого славянина.

Еще подумалось об огромности «дефекта масс» (массы смыслов) гуманитарии: в один клубок скручено, прилепнуто, вдавнено такое множество «элементарных частиц», скрытых ли под именами собственными (здесь, к примеру, Никола, Власий, Михаил, Велес, Мокош(ь), Баба-Яга) или нарицательными (какая еще цепь увяжет вместе «водяного», «лошадь», «пчелу», «змея», «медведя», «волось», «злато», «ногти» и женские со мужскими прелести?!). Сверх-плотность сия обеспечит хлебом несчетное число исследователей, ибо всякий сможет извлечь из этого общего необъятного котла свое-любимое блюдо... и не ошибется, какую бы комбинацию фактов он ни выбрал для сочинений теорий либо установления «культурных связей».

26 В.М. Мокиенко. В глубь поговорки.

348 Только благодаря этой книжице, похоже, наскочил (буквально!) на тропу, мной почти не топтаную, а с нее и на ней такие чудеса видны... Лексика и лексикология языка – не случайная куча диковин, а цельный жизненно важный орган сложного организма культуры. Тем эта *глубина* и интересна.

Сентябрь 1985

11 Гюнтер Грасс. Под местным наркозом.

349 Литературные переклички весьма заметны (вспоминаются Макс Фриш, Пруст), но это – к слову. Выражена важнейшая мысль о беспощадной *непреложности* устройства жизни и *повязанности* каждого с каждым: ты смолчал, струсил, отмахнулся – аукнется идущему за тобой, тот будет мучиться еще и поболее. Наркоз твоей собственной души вредит здоровью твоего, возле тебя (и не важно, какое оно там – капиталистическое, социалистическое или как еще) общества.

23 В. Каверин. Освещенные окна.

350 Читать было интересно, а закончил – озадачился: ведь не упомню ни одного нового мотива или темы, ни особых событий и фактов – попало же похожее в иных каверинских вещичках. Что же покорило *и в этот раз?* – Да просто: добротная литература всегда помечена *знаком жизни*, всегда являет эту самую жизнь каким-то новым манером, пусть «по кусочкам», в уловках ремесленных и обнаруживается, казалось бы, только

старое, стократ истолкованное. Хорошие книги (как люди) *уникальны* в каждом из бесчисленных экземпляров?

Октябрь 1985

2 Ю. Бромлей, Р. Подольный. Создано человечеством (М., 1984).

351 Даже этакое подсушенное, занудное и вполне бесталанное повествование в силах донести до читателя увесистую порцию радостного возбуждения: «вот какие мы, вот что стоит поберечь!..» Культура – и пламя костра, и топливо для его поддержания.

4 Г. Гессе. Степной Волк (Иностранная литература, №№ 4, 5, 1977).

352 Вспомнилось старое ощущение после чтения нищева «Заратустры»: та же сложность (нет, не то – речь не о сложности, что пахнет громоздкостью или, на иной манер сказать, снобизмом, речь о *сотворенности* в противовес *сделанности* вещи...) литературной формы, та же мучительно-неутоленная жажда истины – кто я и куда иду? – и вновь испытываешь «полосатое», смешанное чувство узнавания и противления (это в твоём сердце, читатель, перекачивается сложным звучанием согласно вторениям и отражениям от глухих стен).

13 Антология кинизма (сост. И. Нахов, М., 1984).

353 «Циники» / «кинники» – благодаря фокусам транскрипции греческого слова в русском языке есть хороший способ выразить два полярных понимания *единого* по сути своей и огромной важности явления «защиты человечности от человека», народной реакции на антигуманные поползновения цивилизации. Киникам жить еще многие веки, выслушивая неизбежное шипение («какой цинизм!») из уст средину-общую-держащих.

Как не бить тревогу, коли имена Гомера и Прометея оказывались, уже оказываются и могут оказаться на вывесках торгашей, да и в речах профессиональных лжецов!?

21 С. Воронин. Жизнеописание Ивана Петровича Павлова (Л., 1984).

354 Павлов *деидеализировал* бытие, своим иском о рефлексах предьявляя тяжкие обвинения пантеистическим скабрезностям... Бросаю эту вполне благопристойную фразу почти впопыхах, ибо меня сейчас занимают новые и отдаленные с виду мысли, что «закоротились» в этом чтении вдруг-нежданно, дав сумасшедшинку искры: помнишь, как там у Горького насчет того, что Природа (сама!) создала Павлова для познания *себя*?... помнишь, что слава к Павлову пришла *тоже сама* – у кого были сомнения, что именно он – Великий Физиолог?... помнишь, что идея «рефлекса цели» оглашена миру именно тем, кто *сам* был воплощенная целеустремленность, кто *сам* был... оглашенным? Узел счастливых совпадений? Сложнее и интереснее было бы иное: Природа (сиречь Творец) выказала Свое безграничное могущество, Свой разум как раз тем макаром, что великодушно (и с тонким умыслом!) дозволила малой своей пылинке, малому пятнышку органики

предъявить *Ей же*, Природе, некую жалкую горстку упреков в незаконности самих притязаний на разумность... Ситуация явно комична, но человека несколько не унижающая.

22 Аристотель. Категории (в серии «Мысли»).

355 Кое-кто твердит, что *Katēgoriai* писаны не Стагиритом. Тогда – поздравляю! – извольте впихнуть в историю культуры еще одного титана, титана *без имени*, но уж во всяком случае равного Аристотелю... Читать трудно, ибо столь много *первин* сомкнулось: это *первый* мною полностью и неспешно одоленный (и обдуманый) текст этого Философа (с той же «Метафизикой» томлюсь второй или третий год, многое прочее всегда читалось насюдами и по поводу), это едва ли не *первый* им созданный текст, это текст *первого* философа. Труд начал... даст ли начало нового (здесь – моего) труда?

23 Вал. Сидоров. Семь дней в Гималаях.

356 Может, Русь действительно надобно называть *вперед-идущей*, а Индию тогда – *вперед-смотрящей*, причем – *далеко вперед*? А вот знает ли «духовный гид» свой предмет? Сомневаюсь.

25 В.Е. Ларичев. Древо познания (М., 1985).

357 Триполийские календарики домохозяек, мегалиты Стоунхенджа, июсский жезл – это подвиги человеческого духа, во всяком случае, *равные* деяниям Аристотеля, Ньютона, Эйнштейна. Древо Познания ведь едино, равно как и Древо Мира.

30 Э.Г. Казакевич. Звезда.

358 Эпическое – обыденное... Сочетание было бы парадоксальным, не иди речь о *повседневном героизме*. Так люди с земными именами подняты до высот Олимпа, так символа-сочетания «Травкин», «Мамочкин», «Аниканов» теснят и замещают сочетания иные – «Ахилл», «Гектор», «Агамемнон».

31 А. Грин. Биографическая повесть.

359 Пустой желудок и тощий кошелек, а также сколько угодно непочатых пространств, а также душа, по самую маковку полная некой тончайшей материей с банальным именем «мечта» – разве еще что надобно для истинной свободы?!

Ноябрь 1985

3 Д.В. Павлов. Ленинград в блокаде (Л., 1985).

360 Да разве быт, *обыденное* так уж чужды возвышенному, *эпическому*? Цифры о граммах ленинградского пайка не нуждаются ни в

каких обрамлениях рифмой ли, живописью ли романа или звуками кантат, цифры здесь сами говорят языком героизма и высших сил душевных.

(отпуск – нн. 353–360)

27 Леонид Мартынов. Воздушные фрегаты. Новеллы (М., 1974).

361 Яркая картинка к не-всеми-принимаемому-тезису о поэзии как творчестве высочайшей *плотности* мысли и чувства, о стихе как *единственно* верном способе отражения-выражения бытия. (Еще – заодно и попутно – здесь отыскивается похвала «азиа-центризму» О. Сулейменова и Л. Гумилева, по мне, несколько сомнительному-таки).

27 «Моление» Даниила Заточника («перевод» М. Федоровой и Т. Сумниковой).

362 Это пусть «профи» спорят о том, какого же сословия был автор, да какие цели он преследовал, да сколь много в его творении самим выстраданного и сколько заимствований. А моя душа счастлива уже тем, что услышала кличи на родном наречии: тут тебе и радование самой возможности изъясняться по-книжному, как *всегда бы хотелось, да не всегда дозволено*; тут и басистый хохоток, прорывающийся в самых патетических и серьезных местах («и выя твоя в гордости, как конь в монистах...»), где скоморошье очевидно, а где и я сам, чего доброго, привираю); тут и гордое отрицание легких, «штатных» дорог к благополучию... Беру с собой!

28 В. Астафьев. Там, в окопах (газ. «Правда», 25 ноября 1985 г.).

363 «Война – совсем не фейерверк, а просто трудная работа». И – трудный быт. Поэтому изображать военные темы только росчерком событийной графики, пусть даже и расцветивая рисунок акварельками «психологии», было бы поэтому кустарщиной и пошлостью; не обойтись без сангины и охры землицы на чёботах, без потеков ваших красок под неласковым окопным дождиком, как и без оттеняющей штриховки пулевыми трассами, ударяющими или под переносицу – или в этот самый котелок с еще теплой кашей.

Декабрь 1985

1 Е. Евтушенко. Фуку! (Новый мир, № 9, 1985).

364 Насмотрелся человек всяческого сволочизма, нашенского и закордонного, вот и прорвало... Под некоторыми «формулками» готов и я подписаться: «единственная роскошь бедных – всегда делиться», «и слеза, испарившаяся где-нибудь в Парагвае, падает снежинкой на эскимосскую щеку», «сотня черная всемирна», «понимали мы вздохи друг друга, ну а это и значит – любили»... А вот и спорное: «Есть третий выбор – ничего не выбрать, когда две лжи суют исподтишка» – пусть даже и следует далее некое объяснение: «Интеллигенту истинному срамно, гордясь незавербованной душой, с отечеством своим порвав рекламно, стать заодно с реакцией чужой». Здесь улавливается глубокое-авторское-личное, да

только... истина-то «между» не бывает! Так, значит, остается «борьба за всенадежду» (и в рифму и в оппозицию к «между»)?

7 *Х.-Э. Гросс, К.-П. Вольф*. Че: «Мои мечты не знают границ» (М., 1984).

365 «... пока пуля не прервет их полет»... Читал, вслушивался, уловил знакомый говорок (самого любимого из шолоховских героев) Макарушки Нагульнова.

10 *Д.С. Раевский*. Модель мира скифской культуры (М., 1985).

366 Ох, и беда, ох и труд – эти «реконструкции». И те вроде дело говорят, и эти изрядно потрудились, так что всяк заслужил... по паре сережек – чуть ли не *всякая объяснительная гипотеза* может быть сама успешно обоснована, коли имеешь дело с гуманитарными материями (основа ее сплетена так плотно, что каждая ниточка повязана со всеми остальными). Тем более привлекательна цельность общей склонности автора, его желание и умение видеть *глобальный космологизм* скифской семиотики.

16 *А. Рембо*. Пьяный корабль (переводы Л. Мартынова, Д. Бродского).

367 Велика ли свобода творчества? Можно сказать – *да*, если сравнивать два талантливых «перевода» одного перво-текста, находя и прощая много отличий, и можно – *нет*, если речь всерьез идет именно об одном и том же прообразе. А и сам-то «Шекспир-дитя», новатор ли он или только виртуозный исполнитель на заданную тему?.. Кажется, данный случай провоцирует этакое «определение вообще»: творчество не хочет или, по меньшей мере, с трудом терпит приход мощных всплесков и провалов, ибо оно суть непрерывное порождение деталей, вариаций, струек и течений (речь о малых масштабах) во все стороны и от всех берегов и ко всем и всяческим пристаням.

20 *А.Д. Литман*. Современная индийская философия (М., 1985).

368 Своему интересу к «индийскому» нахожу сегодня (да, сегодня – а завтрашние вариации пусть будут... завтра!) кое-что простительное: одного уважения к изощренности выстроенных воздушных замков «духовного» было бы мало, есть еще вера, что языком, к примеру, древних Вед тебе передается поклон собственных праотцев (коль, действительно, «скифы» мы, индоевропейцы), есть еще вполне частный интерес к идее «единого во многом» (русский «космизм» и – частность, – моя «эомериды»⁹⁶ полёживают с нею рядком), извлекается и здраво напрашивающаяся аналогия – ежели некая гранд-философия, укоренившаяся в некоей нации, неизбежно (?) становится догматичной и даже мертвой (индуизм и веданта), то где гарантия, что у нас (Россия и нынешний истмат-диамаст, или любой самый

⁹⁶ *Эомериде* (модификации представления о «хронотопе» применительно к проблеме границ человеческого «я») надеюсь отвести достаточно много места в дальнейшем, в гл. V.

изошренный материализм) топают иной дорожкой... Сомневаться, полагаю, честнее, чем возглашать исключительные права на истину.

21 Письма *Пико дела Мирандола* и *Эрмолао Барбаро*. В сб.: Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век). М., 1985.

369 Вся эта словесная канитель вряд ли заслуживала бы особых слов комментария, не окажись столь *значимы* «вставные номера» в составе этого текста: роль от имени античного «варвара»-философа исполняет Пико, за университетского «осла»-современника отдувается Эрмолао. Один отвел на запасные позиции тяжелую артиллерию философской *терминологии* и поднял в атаку легкую светскую *филологию*, другой, напротив, временно отрекся от свобод красноречия и затеял ученый диспут-перестрелку с применением дремучих силлогизмов и прочего этакого. А в итоге литературная *форма* вдруг подтаяла, оплыла в очертаниях и предстала *содержанием*, чуть ли не главной идеей диалога: гуманизм хочет (но и не может?) соединять *нацело и по возможности органично* светское и философическое (богословское) начала культуры.

Январь 1986

7 С. *Абрамов*. Как хорошо быть генералом (Знамя, № 12, 1985).

370 Чуть ёрническая, слегка мистифицирующая форма не может скрыть-замутить всей подноготной: гнусно творить «нетленки», живя заведомо *бренно*. Жизненно необходимо однажды сесть в авто, одолеть нужный отрезок шоссе и, завернув к заветному дворику, услышать от себя самого давнишнего: «... Я не стану тобой» (а это значит: «Ты станешь теперь другим»). Экие *временные* фокусы выкидывает человек – существо социальное, сиречь *вневременное!*

10 Л. *Млечин*. Старик в черном кимоно (Знамя, № 3, 1985).

371 Подозреваю, что о всяческой экзотике вокруг промышленного шпионажа и политических игр автор судит так же понаслышке, как и о пятом поколении ЭВМ (тут вкривь и по-глупому упомянуто). Да и написано, в смысле собственно текстологии, как-то дефектно... Но какие, однако, извивы способно свершать чудовище наживы, а?!..

13 *Мюриэл Спарк*. Мисс Джин Броди в расцвете лет (Иностранная литература, № 7, 1980).

372 Долго выискивал хоть слабый проблеск в этом мраке, нет, скорее, в этой непроглядной серости человеческих отношений (точные координаты – Англия, 1930-е годы, – можно считать случайными). Там, где правит ложь, а ей противоречит лишь неутоленная гордыня, любая самая несомненная порядочность на поверку таит, к примеру, предательство.

14 *А. Казанцев.* Клокочущая пустота (Молодая гвардия, №№ 10-12, 1985).

373 Недурное самоназвание эпохи ничтожеств, для коих острое слово или глубокая мысль не выше кружев по воротнику (только ли век Сирано де Бержерака, Савиньона таков?). Касательно же «носолобых» пришельцев, «биолозерной» техники боя у индейцев и деталей освобождения Кампанеллы – законы жанра фантастики сие оправдывают. Судить *свыше* не могу, да и не хочу.

15 *Анри Лот.* В поисках фресок Тассили (М., 1976). К другим Тассили (Л., 1984).

374 Как жаль, что Русь и ее пра-часть столь долго были деревянными!.. Фрески в песках Сахары я приравнял бы с берестяными грамотами из земли новгородской: и тут и там внезапно открывается гигантский, доселе неизвестный пласт драгоценной народной культуры, вернее, культуры всенародной.

19 *П.А. Флоренский.* Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах (М., 1914).

375 Велик труд – уже только исчислить *форму*, объем книги: надо одолеть 490 страниц до итогового «Аминь», далее на сотне страниц следуют обширные разъяснения и экскурсы, потом еще двести занято на мелкие заметки и примечания, так что последний номер оных – 814. А о *содержании* затруднен говорить и вовсе. (Можно было бы *всё отрицать* уже «с порога», стоило только уловить «заунывную проповедь» с первых же строк и тем сэкономить немало дней корпения в зале микрофильмов Ленинки, но я-то *всё терпеливо прочел*, до конца прочел и конспект составил...). Давно слышан и вроде даже немного знаю описание такой медицинской дилеммы: либо религиозность необходимо признать наследственной *болезнью* Человека Познающего, либо она – возрастной, переходящий *симптом* грядущей зрелости, вроде прыщиков на лице подростка. Но разве кто уже доказал, что атеизм – это обязательно изначальное здорovie?

30 <Интервью Вик. Ерофеева с А.Ф. Лосевым в «Вопросах литературы», № 10, 1985>.

376 Лосев – бездонный колодезь, он сам – ходячий (ходящий, живой, воплощенный) символ Человека. Символ же простерт до бесконечности и времени не остерегается.

Добавление к «Чттиву» в сентябре 2018 года.

С писателем Вик. Ерофеевым мне довелось близко общаться дважды: сначала на его телепередаче «Апокриф» (март 2010 г.), потом у нас на

Лосевском семинаре, куда я его и пригласил, после тех съемок в студии телеканала «Культура». Вот отрывок из нашей хроники:

<...> Выступление на Семинаре писателя *Виктора Владимировича Ерофеева*, состоявшееся 22 марта 2011 г., во многом носило мемуарный характер и изобиловало лично-исповедальными интонациями. Оно было посвящено подробному рассказу о том, как весной 1985 г. по заданию редакции журнала «Вопросы литературы» он, опальный участник альманаха «Метрополь», должен был подготовить обширное интервью с профессором Лосевым. В итоге вышедшее в 10-м (октябрьском) номере журнала интервью под названием «В поисках смысла» стало самым настоящим интеллектуальным бестселлером того времени. Символично, вспомнил В.В. Ерофеев, прозвучали слова отв. редактора журнала Евгении Кацевой, прочитавшей этот текст первой: «Виктор, вы лучше этого ничего в жизни не сделаете». Немаловажно отметить также, что само появление этого интервью, отсчитывая со времени зарождения его идеи, когда примерно с февраля—марта 1985 г. начался известный либеральный «дрейф» журнала «Огонек», знаковым образом совпало с началом того исторического периода, который вскоре вошел в историю России под названием «перестройка».

Позднее, когда В.В. Ерофеев готовил к печати своеобразную антологию работ Лосева — сборник «Страсть к диалектике» (1990), он поместил в него и это интервью, сопроводив его большим предисловием, где описывалась вся драматургия встреч и бесед с «последним классическим мыслителем XX века».

В ходе выступления на вечере Виктор Владимирович прокомментировал некоторые темы и сюжеты, затронутые в тех памятных беседах: сложное и не «однолинейное» отношение Лосева к античной культуре, критика европейского Ренессанса («а потом он просто разбомбил Возрождение»), некоторые яркие явления русского Серебряного века (особенно подробно речь шла о Вяч. Иванове и В.В. Розанове), обсуждались «великолепные противоречия» лосевской «Диалектики мифа» и, в частности, фундаментальная оппозиция «монашество — искусство». Самой интересной, по мнению В.В. Ерофеева, была тема «гибели богов» или замещения одних главенствующих мифов на другие по ходу истории; здесь, конечно, А.Ф. Лосев возвращался к своим излюбленным идеям о бытовании и смене различных «относительных» мифологий и необходимости существования мифологии «абсолютной», максимально полно охватывающей мир.

На вопрос, как встреча и общение с Лосевым отразились на нем лично, В.В. Ерофеев признался, что ему «надолго стало скучно с другими», и отвечал развернутым суждением о значении встреч с гениями. Кроме Лосева, у него был еще только один, довольно длительный и удачный опыт такой встречи — с Альфредом Шнитке. Гениальность (и, наверно, такова же подлинная философия, предположил Ерофеев) многомерна, и обыденным сознанием ее проявления нередко воспринимаются как алогичное или противоречивое.

Присутствующих на вечере интересовал также вопрос, сохранились ли магнитофонные записи тех давних бесед с А.Ф. Лосевым, представляющие сейчас несомненную ценность. Докладчик выказал уверенность, что такие записи сохранились (это — целое множество магнитных пленок), и обещал передать их Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева» (Бюллетень «Дома А.Ф. Лосева», вып. 14, 2011. – С. 46–47, текст мой).

Февраль 1986

1 Ирвинг Стоун. Происхождение. Роман-биография Чарльза Дарвина (М., 1985).

377 Путь великого дилетантства и есть путь открытий и творчества, если весь мир предстает новеньким и первозданно сияющим, как умытое стеклышко под солнцем, а ты пред миром – любящий (*diletto*) эту терпкую и вечно зовущую неизвестность.

3 Вл. Цветов. Пятнадцатый камень Сада Рёандзи (Новый мир, №№ 9, 10, 1985).

378 Японское «экономическое чудо» после разбора «по косточкам», не переставая удивлять дьявольским хитроумием своего устройства, вызывает еще и некое омерзение: ведь самое-самое человеческое (общинность) здесь повернуто, выходит, против человека же.

Не могу отделаться от вопроса: а вдруг если приспичит, просто ли будет противоборствовать в войне с этим Обществом Большого Муравейника?

5 Марина Цветаева. Флорентийские ночи. Девять писем, с десятым неотправленным и одиннадцатым полученным и Послесловием (Новый мир, № 8, 1985).

379 «... А боль, что она в Вашей жизни?» В письмах почувял много головного и придуманного, но рассуждать-обсуждать не хочется: там *много больше* неподсудного, оценкам не подлежащего. «Другое небо», что поверх «жизни, которая не страдает пустотой» – оно глухо к словам.

А лесбийский дух мне нисколько не помешал быть хотя бы благодарным читателем.

9 Гесиод. Щит Геракла (Вестник древней истории, № 3, 1985).

380 Не знаю в точности, что меня (чуть-чуть, но явственно) отталкивает от (всей) античной литературы. Может, повинно это эпическое бесстрашие и созерцательность, этакое холодное любование миром (*малодушное* созерцание), которое чудится мне в оной. Так спокойствие посмертной маски отвратительно глазу, выдавшему прежде живые – пусть даже и уродливые, грубые, резкие – черты живого лица.

24 В. Пикуль. Крейсера (Молодая гвардия, №№ 8, 9, 1985).

381 Тесто доброе, испечено же наспех. И все-таки за памятные картинки морских противоборств и вспышек духа человеческого ничего, кроме спасибо, не скажешь.

Март 1986

1 Франсуа Рабле. Гаргантюа и Пантагрюэль (М., 1981).

382 Как учит Лосев, попробую заключить сей солидный кусочек культуры в рамочку нескольких слов (а чем еще заниматься в Дневнике Чтения?). «Книга, полная пантагрюэлизма» суть народная киническая реакция на ложь и гнусь официальных институтов. *Тело пугающее насмешничает и устраивает суд над телом мудрствующим* (я не сказал – думающим!)⁹⁷.

7 В. Астафьев. Печальный детектив (Октябрь, № 1, 1986).

383 Это – не старческое брюзжание и, конечно, не злопыхательство. И не предъявление обвинений (кому – новейшей истории? образу правления? народу самому?) по какому-то «большому счету». Скорее «детектив» – необходимое каждому недужному рвотное: помучаешься, вывернешься наизнанку, но потом тебе, тебе, имярек, полегчает. Литература очищающая – сама не может избежать употреблений грязи.

8 Велимир Хлебников. Ладомир (М., 1985).

384 Когда рядом с точными, «круглыми» по содержанию и форме фразами («Земного шара председатели / Шагают дерзкою толпой» или «И ресницей усталою гасил голубое пожарище» или «Пулей пытливых взглядов / Тысячи раз я пророгожен») присоседились диковинные, некатанные сочетания слов и мыслей («Лодки груди птичий выдум», «И, корень взяв из нет себя, <...> Того, что ничего нема»), ты не смеешь винить автора в какой-то неумелости: мастерство есть, но оно оставлено на последнем привале, а затрудненность дыхания происходит тут от быстрой – и только вперед и вверх! – ходьбы.

21 А. и Б. Стругацкие. Волны гасят ветер (Знание-сила, № 6, 1985 – № 3, 1986).

385 Засилье штриховки и детализации без (!) задания общего контура. Бунт точности представления несуществующего. Тонкая идея «ушельцев» (вышли из своих границ). Поэтика бухгалтерского коллажа: в зеркале документа (бытовых «бумажек») чуть виднеется лик человеческий, так превратно «документируемый».

---

⁹⁷ Помню, читал тогда и не раз подумал: а хорошо бы эту великую зубоскальную книгу прочитать в оригинале, на старофранцузском... С тех пор, по жизни, едва усвоил кое-что из французского нового, и то ради бытовых удобств при довольно частых поездках в Бордо. И утешился в интеллигентском компромиссе: будем считать, что «все прочее», что не сохранил (не передал) перевод Николая Любимова, удержал и довел до нас толмач-теоретик Михаил Бахтин.

28 *А. Горбовский, Ю. Семенов.* Без единого выстрела. Из истории российской военной разведки (М., 1983).

386 Тема завлекает исподней своей сутью, тем, что всегда остается в тени, во мраке, остается глубоко скрытыми потрохами войны и политики. Но читал по обязанности, ибо *развезни* манной (или овсяной) каши в книжке все-таки поболее *разведки*.

Год – 63 (5, 25)

Апрель 1986

14 *А. Бек.* Талант (Жизнь Бережкова).

387 Написана сия жизнь размашисто и на короткой дистанции восхищенного любования. Спасибо за эти (пусть даже и слабые, пусть хоть какие-то!) следочки памяти о существенном элементе культуры – о технике, конструкторах и инженерах. Разве даже всякая железка, разве не несет она на себе морщин чела либо тепла (или пота) перстов творца своего?

21 *Н.Н. Михайлов.* Пространства и люди (Москва, № 12, 1985).

388 Характер *сидящего* определен *пространством* окрест, для *идущего* важнее *длина пути* в этом пространстве. Сказано достаточно. А вот некий Мёллер, тягая тухлые яйца из-под философской клушки фашизма, как-то поругивал категорию времени и уповал на всеислие пространства: «Пространство самовластно. Оно божественно. Время, напротив, зависимо. Оно земное. <...> Оно слишком человеческое».

– Ты не находишь, что «цитация по ассоциации» не случайна, что пора серьезно думать о многоликости *феномена времени*, имеющего и естественнонаучную, и философскую, и эстетическую, и этическую стороны и даже сторону, как здесь, политическую?

26 *Д. Гранин.* Еще заметен след.

389 Жизнью во многом движет и управляет *дистанция*, – разлука ли то любящих или отстояние замысла от воплощения или, скажем, зияние между «хочу» и «должен».

Помимо мастерского изображения ситуации «из жизни», повесть заставляет грустить и, вместе с тем, радоваться и по «верховным» причинам уловленного в ней мироустройства.

Май 1986

4 *Д.С. Лихачев.* Прошлое – будущему. Статьи и очерки (М., 1985).

390 Да, книга *учительна*. Да, имя самого Лихачева стало символом интеллигентности. Почему же не дает покоя и кажется в чем-то «не такой», не подходящей нынешняя «пря» автора с А. Никитиным (вокруг «Слова»)? Где тут правда, кто на коне, кто чист?

8 А. Казанцев. Острее шпаги. Научно-фантастический роман о магистре Прав, Чисел и Поэзии и его современниках...

391 Острее шпаги – мысль; мысль математическая – таков пример Ферма, – пронизывает жизнь со всей ее повседневной неподатливостью.

10 С. Есин. Незавершенка (Знамя, № 4, 1986).

392 Автор попросту резвится на травке, взбрыкивая и похохатывая. Стилистика же, кажется, заметно подавила публицистику.

11 В. Субботин. Уроки (Октябрь, № 5, 1983).

393 Испугался и расстроился – за себя! А вдруг и мои «Опыты» (вымучены, несвежи, отрывочны, спешны) если что и вызовут у читателя (если он будет), то только жалость... Как бы глянуть на себя со стороны да из будущего, хоть вполглаза?!

21 А. Никитин. День, прожитый дважды (М., 1985).

394 Очерки дают право сформулировать и такое «определение» человека: животное, ответственное за свой след в природе, сиречь во времени. Или – *животное памятующее*.

28 Леонардо Шаша. <Повести и рассказы из сборника «Винного цвета море»>.

395 Разнообразные по *тематике* тексты (история мафии, война в Испании глазами итальянского горняка, натуралистически-бытовые зарисовки, этимологические разыскания) удивительно просто и органично объединены какой-то ускользящей общей черточкой авторской *поэтики*. Может быть, это и следует назвать именем «воспоминание о Гомере»?

Июнь 1986

4 Е. Богат. Четвертый лист пергамента.

396 В сжато-концентрированной и мифологизированной форме промелькнули, пожалуй, *все* любимые богатовские темы... Сердце станет могущественнее разума? Или, точнее, разум когда-нибудь поравняется с сердцем? Но почему же *всегда* находится удобный способ убить человека – если не камнем, так хотя бы той же музыкой?! Нет-нет, не миновать нам думать, куда же на самом деле устремляется спираль Виларда, и *что будет* написано на этом самом «четвертом листе» светлого (?) будущего...

9 Мих. Анчаров. Как птица Гаруда (Студенческий меридиан, №№ 1–6, 1986).

397 Силы русского народа, да, бесконечны по творческим потенциям, и не в офеньском ли ёрничестве и еретичестве таковы его проявления – прежде всего? Одно, пожалуй, знаю точно: нужны, очень

нужны именно *дилетанты-энтузиасты* с их любовью к истине, должностным окладом и наградами не питаемой!

14 *Поль Элюар*. Стихотворения (из кн. серии «Классики и современники»).

398 Название одного из сборников – *Непрерывная поэзия* – хорошо выражает особенность стиля поэта, а также и цель, смысл его труда: мир велик и слит воедино, он непрерывен, континуален, потому и слово, сей мир отображающее, должно быть, обязано быть безостановочным (бесконечным или бесконечности подражающим), и, что то же, искренним (запнешься – соврешь и тут же от предмета оторвешься).

19 *Герберт Франке*. Игрек минус (Знамя, №№ 4,5, 1986).

399 Жуткие безоговорочные детали «технологического» порядка делают этот прогноз близким к предвидению, если не пророчеству. Не промахнуться бы только в другой экстраполяции – насчет добра, которое *должно быть* с кулаками.

29 *Д. Гранин*. Наш комбат; *Е. Носов*. Красное вино победы. Шопен, соната номер два.

400 Разные люди несхожими красками изобразили одно: о войне проклятой и *про*клятой, о войне калечащей тела и пробуждающей высшие силы души, о войне *такой* нам *должно* помнить всегда и всем. Не укор совести, но позыв памяти, не страх за светлое будущее, но благодарность тяжкому прошлому – в этих текстах.

Июль 1986

7 *Н. Карамзин*. Письма русского путешественника.

401 Признаться, трудно было начинать, вчитываясь, потом пошло-поехало... Этак влезалось в «чужую шкуру» иной эпохи, иного нравственно-эстетического порядка. А сама литература (это я все к трудностям чтения) – не есть ли она каждому доступный способ оценить *себя*, померившись ростом с *другими*?

8 *А.Ф. Лосев*. Проблема символа и реалистическое искусство (М., 1976).

402 Сложно – о простом, просто – о сложном. (Кто не осилил Гегеля, или Платона, тот возлюбит их после чтения книг Арбатского Старца). Думаю, только Георг Кантор уловил *в проблеме бесконечного* не меньше, чем Лосев. Это, помечу, мое второе чтение лосевского трактата, чтение после длительного перерыва, сознательно отведенного, собственно, на тихое (для себя и про себя) *взросление и поумнение*.

12 Выступления на VIII съезде писателей СССР 24–28.06.1986 (ЛГ, 2.07.1986).

403 Совесть (хоть с большой, хоть с маленькой буквы пиши) заговорила. Заголосила, точнее.

14 *В.И. Толстых*. В зеркале творчества (Вл. Высоцкий как зеркало культуры). Вопросы философии, № 7, 1986.

404 Но – есть русская интеллигенция, есть!.. Спасибо. Володимир Таганский отпел нам несколько тактов отечественной истории, и народ не был глух к нему.

19 *Юлиан Семенов*. Аукцион (Дружба народов, №№ 8, 9, 1985).

405 Подробности (чужая, не твоя жизнь-то) притягивают, да вот только многовато авторского – здесь мешающего – жеманства. Такие тексты скоро отобьют всякую охотку на сюжет.

30 *А. Вознесенский*. Ров (Юность, № 7, 1986).

406 «Не пережьте лопатой духовных грибниц!» Заглянув в Чернобыльскую клоаку и постояв у симферопольского рва, конечно, нельзя не бить тревогу. Потому «новый взгляд» – это вопрос жизни и смерти социализма («чтоб потомкам не алчь мы оставили – ярчь, как Блаженного ананас»). Так и «прорезается зренья в стране»?

30 *Г. Босов*. Сильбо Гомера и другие (М., 1985).

407 Магический кристалл прошлого мутнее не только под ветром забвения, его еще точит элементарная ржа людской алчности (как «археология» криминальная) и глупости, точнее, неверия в творческие силы земного человечества (здесь – «археология» фантастическая). Весьма взволновал факт о близости сонограмм дельфинов и человеческого языка свистов, сильбо (с. 276). Неужто мы не одни-таки?!

Август 1986

16 *Н.Я. Эйдельман*. Грань веков (М., 1986).

408 Следил, как образ Павла I обретал в моем сознании смутные очертания, и думал, в меру сил, о трудностях исторического познания: если подчас не удастся составить даже приблизительное представление о человеке, с коим ты сталкиваешься нос к носу ежедневно, то насколько сложнее такая задача, когда достаются лишь жалкие крохи фактов – и те-то куцы, искажены, почти всегда кем-то подправлены. Похоже, при любом научно-техническом прогрессе (скажем, по части сбора информации, архивном поиске и т.п.) всегда останется место *Историку* как человеку, субъекту, который всегда должен *предпочсть*, отдать свои (свои!) симпатии, то бишь поступить не автоматически, не прогрессивно. История останется заповедником духа и свободы (и, в обязательно пропорции, своеволия).

23 В. Распутин. Пожар.

409 Когда в одночасье могут сгинуть всяческие шмотки и вообще много добра рукодельного, принято бить в набат и собирать весь мир на последнее сражение... Кто, кроме истинной литературы, созовет на более трудное дело спасения рукаминедотрагиваемой души человеческой? Не много ли расплодилось на землях наших «покорителей природы» да «архаровцев»?

(отпуск – пп. 405–409)

24 Диспут о существовании бога [Бертран Рассел – Фредерик Коплстон]. Вопросы философии, № 6, 1986.

410 «Бог» здесь, конечно, не строчной буквы, как велено в философском журнале. Несмотря на уверения публикатора, нахожу позицию Расселова оппонента куда более деловой и деятельной, и менее догматичной. Да, в споре (неоконченном) теизма с атеизмом *проблема смысла* обретает архиважное место – место попросту *болевое!*

25 Записки княгини М.Н. Волконской (М., 1977).

411 Подлинная, жизненная история пишется *только* бесхитростно.

Сентябрь 1986

2 Б.М. Кедров. Запечатленный образ Ленина (М., 1986).

412 « – А кто спрашивает? – Скажите, что брат»... Драгоценные частицы святого, – драматичного и трагического – прошлого донесены до нас со сдержанным благородством *несуетившегося*. Рад, что не прозевал эту маленькую книжицу, которая еще способна как-то укрепить мои (сильно пошатнувшиеся?) социально-политические идеалы.

7 М. Горький. Лето.

413 Расстояние геометрическое (далече отсель до Капри!) сравнялось с отдаленностью социально-политической. Благостная голубизна идиллии крестьянского братства проглядывает сквозь мазки мастера слова и, извините, «реалиста».

11 Мальчишник. Мечтательная книга Михаила Коришунова и Виктории Тереховой (Пионер, №№ 6–9, 1986).

414 Пушкин и Лермонтов. Тема – только об этом единственном «и». Мы почитаем совпадения, переключки, мосты меж временами лишь по причине стихийной веры в уникальность любой человеческой жизни, зависящей от тысяч случайностей. Но нет же на свете случайного, есть только *пока-не-понятое!* Мир наш суть «предустановленная хаокосмическая гармония» (у Лосева эта формулировка, помню, относится к частному мнению Прокла).

23 В.Д. Пришвина. Наш дом (М., 1977).

415 Из его Дневника: «Чем я силен? Только тем, что ценное людям слово покупаю ценой собственной жизни»; «я – участник всего...»; «долг быть самим собой» «ради прекрасного Всечеловека, организм которого может и должен складываться из лиц (личностей), а не из личин»; «Соловей поет, что люди невинны. Неужели напрасно пел соловей?...» У Пришвина всякое слово – *тайный смысл дела*.

24 Дж. Рифкин. Алгения. Новое слово – новый мир (реферат в «США – экономика, политика, идеология», № 12, 1985, № 1, 1986).

416 Вот чем опасна любая метафизика: поначалу она чопорно рядится в парадные одежды логики и любознания, потом, отправляясь от избранной глупости и прибывая в тупик, она же мстит за свою бесплодность неким конкретным деянием, напяливая грязный фартук мясника либо палача.

Октябрь 1986

1 Роберт Най. Странствие «Судьбы» (М., 1986).

417 Многослойны не только заголовок или само содержание романа (странствие «Судьбы» – судьбы – Судьбы), столь же сложно *авторство* его. И здесь словес никак не три – а) автор, пишущий от имени исторического лица б) Уолтера Рэли, наблюдая за самим собой γ) как бы со стороны, – нет, ситуация скорее похожа на ту, когда берешь одно зеркало, подходишь к другому и видишь в анфиладе отражений свой уходящий в бесконечность лик... А писательство – это искусство или ремесло: умение смотреть именно в зеркала, в систему зеркал?

6 Н. Гоголь. Выбранные места из переписки с друзьями (ПСС, т. 8, 1952) + Письмо В.А. Жуковскому от 10.01.1848 («Искусство есть примирение с жизнью»).

418 Ошибки? Поповщина? Извивы христианской любви? Трагедия одиночества? ... Не посмею изрекать хоть что-то оценочное по поводу сего человеческого документа, Документа Человековости. Себе же, в печалях ныне пребывающему, могу сказать строго: как же можно нам уставать, ныть и останавливаться, когда сама жизнь с ее уроками – суть *вечное ученичество*?

7 Л. Фейхтвангер. Черт во Франции (Новый мир, №№ 8, 9, 1986).

419 Попасть под колпак, быть не в своей тарелке, взлезть в чужую шкуру, унести ноги – подобные фразеологизмы невольно взбрели в голову при попытке мысленно «округлить» содержание сих заметок. Не подбираются только словеса в похвалу достойному спокойствию автора – может быть, потому, что сам Фейхтвангер исчерпывающе-скромно высказался насчет присутствия *фатализма*. Добавить нечего.

7 Анна Ахматова, Николай Гумилёв. Стихи и письма (Новый мир, № 9, 1986).

420 Они еще ничего не могут знать о своем конкретном (тягчайшем) будущем, но любовь их, «враждующих друзей», уже обречена, эти они чувствуют. Страдать – занятие для одиночек. И предназначение для (обреченных) поэтов?

8 Чингиз Айтматов. Плаха (Новый мир, №№ 6, 8, 9, 1986).

421 Буквально приказал себе прочесть 3-ю часть – и без того по горло этой самой *правды*. Если оставаться в идейных границах романа, то получается, вроде, дорога в тупик, ибо нельзя ведь уповать ни на «спасение души» (аж две тыщи лет тому, как Бог *вроде бы умер* и более не являл Себя), ни на плоды «партийно-политической работы» (провал ее столь очевиден нынче), ни на духовные силы «природного» человека, человека труда и просторного горизонта (и его дни сочтены?!). Или сказанное – *пересол*. Просто давайте-ка не будем спешить и отучимся *врать себе*, для начала.

15 В.И. Толстых. Сократ и мы (М., 1986).

422 Удивили изощренность и обилие категориального аппарата суждений – и вышло вроде как много шума из ничего. Моральные ценности не скорее ли закрепляются (у потребителя, здесь – читателя) метафорой, притчей, чеканным проблеском афоризма, нежели глухим, отдаленным и долгим прохотом доказательств? Учит молния, а не гром, за ней следующий!

Ноябрь 1986

10 Л.К. Шкаренков. Агония белой эмиграции (М., 1986).

423 Их не выкинешь из нашей истории, они по отношению к нам дополнительные, а иногда – как то самое зеркальное изображение, беспощадное в правоте закона отражения – нам (анти)симметричны. Иначе почему это русский фашист Родзаевский планировал одолеть Союз за три года и сроком назначал 1 мая 1938 года? *1938-го*.

14 Эрих Церен. Библейские холмы (М., 1986).

424 Уж слишком ремесленное исполнение, текст разочаровывает – сделано явно наспех и обильно усеяно (простонародными) побрякушками в стиле нашего «Знания – сила». Порадовало явственно проглянувшее чувство удивления перед стойкостью и скрытой мудростью языческой и библейской символики. Да, именно так – интегральный опыт человечества оседает на правильных формой гранях знака-кристалла.

15 А.Ф. Лосев. О единстве трех понятий (Студенческий меридиан, №№ 9, 10, 1986).

425 Ясность и выпуклость его мысли имеет орлиное происхождение, ибо длинный и долгий путь целиком виден только с высот

полета сильной птицы. Говорите, всю-то жизнь переводил, комментировал, изучал-штудировал чужие мысли?.. – Жил и живет *пернатом!*

19 В. Белов. Всё впереди (Наш современник, №№ 7, 8, 1986).

426 Наверное, правильное было бы утвердить в заголовке знак вопроса. С полемическим либо даже прямо-язвительным, подначивающим акцентом.

21 В. Астафьев. Место действия (Наш современник, №5, 1986).

427 Если в Грузии обиделись на «пескарей», то что же тогда делать бедным русским, о коих сказано с куда *большим* упреком и печальями?

А заголовок безошибочен: конструктивно выполняя объединение всех трех рассказов, он еще и (содержательно) итожит и вызывает – еще, товарищи, не поздно! надо исправляться! надо действовать!

Декабрь 1986

3 Н.С. Семенкин. Философия богоискательства: Критика религиозно-философских идей софиологов (М., Политиздат, 1986).

428 Это первое моно-, где так много слов о Флоренском⁹⁸. И не скажу, что его образ как-то поблек или исказился. Для меня П.А.Ф. не стал менее гениальным, уважаемым, загадочным и... и все-таки в чем-то жизненно важным – отрицаемым?

15 И. Стоун. Муки и радости.

429 Мрак. Пламя свечи на картонном козырьке выхватывает лики двух живых существ: изможденное, некрасивое – творца, и рядом мощное, прекрасное – творимого.

Оба устремлены ввысь. Оба – Микеланджело.

20 Е. Глебова. Воспоминания о брате (Нева, № 10, 1986).

430 Филонова-художника можно, конечно, «определить» и так: *раб идеи*. Но это в лучшем случае поверхностно. Вернее будет сказать, что он – подлинный *творец* (именно!) *счастья* (именно!), если за счастье принимать гармонию *души и дела*.

---

⁹⁸ И это был текст, из которого я впервые узнал об «Афонском деле» и имяславии – так получил большое задание уже себе и на много лет («... имеславческое движение пробудило у некоторых философов-идеалистов интерес к проблеме имени, что привело к созданию особой отрасли знания: философии имени. Факт, который нельзя обойти молчанием», с. 56). В недавние времена *Николай Семенович Семенкин* (28.08.1935–21.08.2012) неоднократно участвовал в работе нашего семинара «Русская философия». И я не раз слышал от него: он горд тем, что просто ввел в научный (пусть и «советский») оборот темы софиологии и имяславия. Спасибо ему за это!

27 *Геворг Эмин*. Семь песен об Армении (М., 1979).

431 Потрясение мое от чтения, кажется, столь же значительно, как если бы я влюбился в неведомую женщину, взглянув лишь на ее портрет... точнее даже, прочтя словесное ее описание. В *такую* Армению грех не влюбиться.

29 *Ю. Нагибин*. Терпение.

432 Такие истории не выдумашь – они поставляются самой жизнью с ее первообразной нелогичностью и подноготной правдой.

Январь 1987

2 *Н.Ф. Федоров*. Сочинения (М., 1982).

433 Куда – «проективно», да – зовет Николай Федорович? *Назад*, уповая на силу и мудрость крестьянской общины? *Вперед*, определяя задачи неимоверной инженерной сложности и соблазнительной притягательности? *В сторону* (от рационализма), устремляясь под крылышко Вседержителя и на Него уповая? – Поскольку все три (взаимоисключающие) направления здесь можно, при желании, обнаружить, выходит, что эти оценки как минимум неполны. Не назад, не вперед, не в сторону, а... именно *вверх*, по Федорову, должна лежать дорога человечества. Так что – в рай? В рай – без Бога?

9 *А. и Б. Стругацкие*. Хромая судьба (Нева, №№ 8, 9, 1986).

434 Не сложно заметить шрамы и родимые пятна, свидетельствующие о том, что текст сей претерпел немалые мытарства, обращаясь из «современной сказки» в репортажно-реалистическую прозу. Но больше привлекла меня важная интонация – *печалование*, что мир устроен *не по-булгаковски*, без воздаяния «каждому по своей вере». Трезвая печаль.

11 *В. Губарев*. Саркофаг (Знамя, № 9, 1986).

435 ... А мне – понравилось! Если же говорить специально о существе (инженерно-техническом) дела, то отдельные детали – те немногие, что я еще не знал к моменту чтения, – просто дополнили картинку до законченности шедевра. Чернобыль есть шедевр *болтологизма*, а еще и памятник ему. Бог даст – будет и усыпальницей.

17 *В. Набоков*. Защита Лужина (Москва, № 12, 1986).

436 Какая изящная, какая тонкая *игра слов*! Читаешь, к примеру, сценку примерки ново-пошитого костюма – чем тебе не *высокая проза* (когда «мимоходом портной полоснул его мелом по сердцу»...), в коей воистину слышишь *хоры звезд*. Но припомнив похожие «астральные» мотивы из «Моби Дика» (скажем, главу «Мы ткали мат»), сразу найдешь – спасибо за ту «сердечную» подсказку! – и немалую разницу: Набоков стремится замкнуть вселенную в сердце собственного Я, Мелвилл же велит распахнуть грудь и саму звезду сердца своего выпустить туда, к родственным созвездиям.

23 А. Битов. Молодой Одоевцев, герой романа. Птицы, или Новые сведения о человеке (1976).

437 Кроме восхищения, сей баланс на вервии, натянутом (вроде как над свободным пространством) меж натурфилософией и морализаторством, кажется, не вызывает ничего. Во, как даёт – виртуоз!..

25 <Интервью А.Ф. Лосева в «Литературной учебе», № 6, 1986>.

438 Аза Алибековна не забыла «старого незнакомца» – прислала, с надписью. Прочел. Теперь стал чуть больше понимать, что такое есть (должен быть) *звездный язык*. Звездословие...

Февраль 1987

5 Г. Маркес. Полковнику никто не пишет.

439 О, да, читателя стоило *так убаюкивать* этим шелестом бесконечного дождя и скучными песнями нужды, чтобы внезапно встряхнуть и взбодрить бравой полковничьей отповедью. Едино слово – почище многотомия рассуждений о праведности жизни и прочем не-вдруг-выговариваемом.

7 В.П. Григорьев. Грамматика идиостиля. Хлебников (М., Наука, 1983).

440 Книги бывают кентаврами, что скорее плохо, а иногда – уже к лучшему, – силенами. Так здесь: академически безликое название хорошо сокрыло чувства нежной любви и последующие слова заразительного почтения к герою повествования. Так же, кажется, и у Хлебникова: за (под) неуклюжестью, подчас коряво-хтонической, лежит себе красота, по преимуществу небесная. Силены...

13 Д. Гранин. Зубр (Новый мир, №№ 1, 2, 1987).

441 Тварям – по харям, душе – ватрушку, мертвым – хоть «прости», живым – родство обрести. Крепкая вещь.

17 Б. Окуджава. Свидание с Бонапартом.

442 Проза пушкинского замеса.

Проза жизни как теплое, ранимое нутро эпоса истории.

Литература как по-за-былое.

21 Лукиан. Биография. Религии (М., 1915).

443 Наиярчайшее: Зевс, сетующий на превратности руководящей доли – его таланты не простираются далее сексуальных подвигов, а тут изволь корчить из себя Вседержителя... а всеми же, как известно, вертят Мойры; на земле и вокруг – «великие философы», коим пристало не загадки бытия разгадывать, а «с наслаждением обсасывать грязь с оболлов»; сценка «сбрасывания всего лишнего» при входе на ладью Харона – ибо легки только

смех и благородство; бурные собрания богов по причине нехватки (на всех) амброзии с нектаром и хронического отсутствия Добродетели в составе олимпийцев; парад лжи и дурачеств (от Демокрита – шутникам) в конце тома... Античность в лице великого юмориста из Самосаты учила достойному примеру умирать (как раз при Лукиане, да, античность уходила с мировой сцены). Умирать, улыбаясь!

22 Курт Воннегут. Малый Не Промак (Иностранная литература, № 9, 1986).

444 Случайный взрыв нейтронного боеприпаса, что буквально смёл все живое из американского городка – пусть и вымысел, но это вымысел какой-то необходимо-жизненный.

Взрыв – форма физиологического отравления сегодняшнего (без всяких шуток) «средневековья».

23 Ф.Х. Кессиди. Гераклит (серия «Мыслители прошлого»).

445 Человек укрупненных мыслей и чувств, зоркий на контрасты слов и явлений – вот, наверное, кто есть философ. Гераклит Эфесский «тёмен» только для тех, кто никогда не подымал лица к небу или даже к горизонту, откуда свет приходит и приходиться должен.

Март 1987

2 А.Т. Твардовский. По праву памяти (Знамя, № 2, 1987).

446 Кто помнит о принадлежности к своему народу, тот обрекает и свое единоличное тело на трудную жизнь (а на что – свою душу?), старость того не будет беспечальна, а смерть... смерти тогда, кажется, не будет.

7 «Хождение за три моря Афанасия Никитина» (Л., 1986).

447 Сквозь пелену книжных условностей и многоголосие ритуальных песнопений до уха нынешнего русича доносятся-таки живые голоса собратьев: Данила Заточника (из века XIII-го), Афанасия Тверитина (XV-го), Аввакума Петрова (XVII-го). Добавивши век XIX-й, где *имен* уже не счесть, получим мы вполне наглядный гармонический ряд *вспышек искренности*. С периодом – ровно 200 лет... Так, почти по Пифагору, и воззрится на нашу книжную историю.

11 Альберт Валентинов. Маятник Вселенной? (Уральский следопыт, № 1, 1987).

448 Кажется, первая на что-то похожая публикация о Николае Александровиче Козыреве, великом *открывателе проблемы времени*. Досаду на свою стеснительность – так и не написал ему (а собирался, и даже адрес узнавал), а люди все-таки смертны... Ну, я-то обойдусь, не велика фигура-с. Жаль, не смогли встретиться Козырев с Хлебниковым.

22 В.В. Шульгин. Дни (Л., Прибой, 1925).

449 Описав «дни Российской Конституции», что, как видим, «началась еврейским погромом и кончилась разгромом династии», хроникер, сам «природный киевлянин, а значит чистой воды черносотенец» – бредит кошмаром «расхлябанного моря знаменитой “общественности”»... Это «общее неизреченно-гноусное лицо» революционного народа будет мерещиться ему до самого гроба.

31 Средневековые французские фарсы (М., 1981).

450 Пройдя оный сеанс освежающей юной бодрости, уношу с собой – в величайшей, признаться, задумчивости – и *grand-вопрос* адвоката Патлена: «Я – это я? С чего вы взяли?...»

Год – 64 (5, 33)

Апрель 1987

16 Н.А. Померанцева. Эстетические основы искусства Древнего Египта (М., 1985)⁹⁹.

451 А кому как-то мнится, что *обратное отражение сознания в действительность* (по Лосеву) – штука слишком простая или скучная, тому предложим помыслить о левом глазе несравненной Нефертити...

22 И. Стаднюк. Москва, 41-й (Роман-газета, №№ 18, 19, 1985).

452 О той Войне знаем мы больше с привеском «так могло быть», а не «так было». Что же опаснее: сказать «лишнее» (и есть ли этакое, ежели сама война архи-излишня человеку?) или не сказать «главное» (поди определи, что именно дало победу привело к поражению), что?! Не «лишнее» и не «главное» – правда нужна, правду сказывайте, правду дайте!

24 Семен Кирсанов. Стихотворения (СС, т.1, 1974).

453 Рад, что поэт пренебрег датами, и стихи здесь следуют сплошняком, вне хронологии. В идеале, похоже, они стремятся стать и анонимными, ибо зачем тогда давать – вернее, навязывать! – читателю, скажем, описание самых конкретных переживаний по частному случаю из вроде бы личной жизни имярек. Я (писатель) стремлюсь стать *ты* (читателем)¹⁰⁰. Так: литература над-временна и запечатлевает мгновение, поэзия над-личностна и требует подвига сверх-именного.

---

⁹⁹ Имел честь быть представленным Наталье Алексеевне Померанцевой (11.06.1933–3.02.2014) и несколько раз плодотворно с ней общаться. К моим «египетским» студиям (всё больше вокруг знака *анх*) она отнеслась спокойно и с пониманием. Для нового издания «Эстетических основ...» мне довелось приготовить несколько деловых (около-математических) и, надеюсь, полезных справок, давал даже небольшую «критику» в пределах моей, тоже «около-», компетенции.

¹⁰⁰ В эту запись то пред-ощущение не попало, а теперь смело могу утверждать: именно у Кирсанова обнаружил (впервые, – еще не ведая, к примеру, о пиитических упражнениях Симеона

Не суть ли творчества брезжит в этих парадоксальных соединениях и трансформациях?

27 В. Маканин. Утрата (Новый мир, № 2, 1987).

454 Наверное, все наши попытки покинуть «собственную шкуру» и соединиться с целым, *во-времени-цельным* свои телом – они так же смешны и почтенны одновременно, как это (нешутейное, маканинское) прорытие туннеля под Уралом. А сумасшедший Пекалов всё продолжает копать и копать дальше: «Нет времени... Чего тебе от меня надо?»... Видишь ли ты его спину?

Май 1987

1 А.В. Семушкин. Эмедокл (серия «Мыслители прошлого»).

455 Острая мысль, глубинная интуиция, сильный поступок, лихое словцо – это ли (только) ценно у древне-греков? А если нас, как взрослых в места давнего детства, безотчетно тянет к забытому и, одновременно, такому родному именно она, эта аттическая тоска по утраченной целостности, по *оцутимому бессмертию*, скажем?

15 В. Тендряков. Покушение на миражи (Новый мир, №№ 4, 5, 1987).

456 Роман неплохо совместил и сопоставил два рода *моделирования*, естественнонаучное (допустим, на ЭВМ) и гуманитарное («имитация словом»). Выигрывает, несомненно, художественная «машина времени» – так яркие и убедительны эти «сказания» при всем при том, что они отображают не самую реальную историю, но ее приращения, вариации, рисуют существующее лишь в потенции.

19 С. Каледин. Смирненное кладбище (Новый мир, № 5, 1987).

457 Сразу донесся знакомый глас шпаны с девяносто какого-то километра, считай от Питера, сиречь шпаны Войбокальской. Едва ли не у каждого из нас было (есть) свое «бандитское» детство, где жизнь представляла и предстает пусть и не вовсе изнанкой, но и не со стороны парадного подъезда.

– Какие же это, к лешакам, *негативные явления*?! Это *просто наше*, пусть и до поры. И «безхозы» – тоже наши, не чье-нибудь ничье.

23 Искусство стран Востока (М., 1986).

458 Мы, нынешние, блуждаем в прошлом подобно мифологическим душам, с рыданьем и воплями взыскующим утерянного тела. Где же наши-то корни, братья славяне, на какой же горе Меру сидючи, впервые праотец наш подумал и воспечалился о нас?

Полоцкого) и записал себе куда-то в подкорку навик работы с фигурным стихом. Теперь то «краесловие» составило одну из главных стиливых черт моих недавних *Exempla*.

27 Г. Прошин. Черное воинство (М., 1985).

459 ... *Такое* «развенчание» легенд о православном монастыре никак не принимаю. Уверен, любое движение человеческой души, любую идею способно приземлить (редакцию «опоганить» поберегу, пожалуй, до более подходящего повода) уже само соседство экономики, товарно-денежной зоологии и т.п. Теперь, между прочим, мы вполне догадываемся, сколь много святых... приземлено было в иных обителях, вполне светских по содержанию, социалистических и общественно-нужных по форме-внешности. А за прочие детали и *частности*, мне ранее не ведомые – только спасибо скажу.

22 А. Логунов. Новая теория гравитации (Наука и жизнь, №№ 2, 3, 1987).

460 Как (не вполне удавшийся) математик могу только подозревать, чего стоит так по-новому решить некие *диф'уры*; как уже изрядно владеющий правилами поведения в общежитии, должен сдернуть картуз и должным образом *почтить храбрость*: не всякий день посягают на высшие авторитеты да реабилитируют в придачу – виват! – давно опороченные и привычно отвергаемые идеи. Зреет, похожа, знатная история (история и научная и чисто, так сказать, человеческая).

Июнь 1987

5 А. Платонов. Котлован (Новый мир, № 6, 1986).

461 Вместо комментариев и каких-то рассуждений пока способен лишь (в старомодной форме) сознаться: *заболел горячкой*. Ощущаю почти физическую боль, ибо (не по своей воле) вырос-то уродом, а теперь вот воспалился и болит недоразвитый орган памяти.

Прибавление в сентябре 2018 года. После публикации «Котлована», как и многие на читающей Руси, я не мог не *заболеть Платоновым*. В дальнейшем даже немного поучаствовал (по доброй воле, не по служебной обязанности) в разыскании и издании некоторых его неизвестных работ. Так в журнале «Знания-сила» (№ 9–10, 1999) под рубрикой «Андрею Платонову – 100 лет» опубликовали две таких статьи 1921 года – «Слышные шаги (Революция и математика)» и «Истина, сделанная из лжи», ну, и мое предисловие к ним тоже, под названием «Испытатель вещества существования». Чего стоило найти нужные выпуски газеты «Воронежская коммуна»! Пожухлые распадающиеся листы, жуткий нечитаемый шрифт...

Но самое поразительное в найденном было – даже не язык или стиль платоновский (к нему привыкаешь быстро, легко узнавая его), но сам замах и сами темы, о которых заговорил здесь Платонов. О совершившихся тогда революционных событиях XX века в науке – теории относительности Эйнштейна–Минковского и теории бесконечных множеств Кантора, – взял и высказался. И сказал так нелепо-криво, так по-платоновски крепко «поймал

мысль», так по-русски схватил «ее крайнюю сущность», что у меня до сих пор, кажется, еще пальцы продолжают гореть, – помнят, как переписывали эти огненные строки в богатой библиотеке Центрального государственного архива РФ.

6 Диалектическое противоречие (М., 1979).

462 Сборник этот несколько лет мотало меж полкой для книг и рабочим столом моим – трудно читалось (конечно, не потому, что там напечатана статья Лосева). И вполне материальные перемещения совокупности целлюлозных клочков, испачканных типографской краской, неплохо отображают (если не 1:1) сегодняшнюю мою маяту в сфере идеально-мыслительной. Получается, вроде, по капле выдавливаю из себя... позитивиста и логициста, да-да.

14 В Дудинцев. Белые одежды (Нева, №№ 1–4, 1987).

463 . Чтение, воистину, *духо-укрепительное и боле-утоляющее*. Слава Создателю, настала пора...

15 Г. Маркес. Рассказ человека, выброшенного за борт корабля (Студенческий меридиан, №№ 5, 6, 1987).

464 Случай как раз тот, когда литература кажется безропотной служанкой текущей жизни, и скромный рабочий фартук только красит ее, литературы, внешность. Кажется, поэтика такого репортажа (торопливой репортажности) в арсенале будущего «магического реалиста» не стала, да, черт-те-чем-и-с-боку-бантиком.

Июль 1987

4 Г. Бёльль. Потерянная честь Катарины Блюм (Октябрь, №3, 1986).

465 А здесь обнаруживается даже не репортажность, здесь почти вчистую сымитирован судейский протокол. Впрочем, напускная эта беспристрастность фактографии плохо укрывает нервную дрожь и пятна по лицу – от негодования.

5 Как совершается поворот (Новый мир, № 7, 1987).

466 Поворот, «Память», Поклонная Гора... Сии иероглифы объединились отнюдь не по формальному признаку – чрез «пэ» в начале. Недавние П-начинания зашифровали в себе приметы злых сил, скопленных (сего дня злобою и) нашей историей. – Ну да, ну да, «перестройка» и «перековка» – они тоже на «пэ», ничего случайного.

7 Г. Уэллс. Люди как боги.

467 Мистер, Ваш рецепт счастье-устроительства человеческого (закон! долг!! воспитание!!!) еще совсем недавно показался бы мне смешным. Теперь он кажется опасным: ведь сегодняшняя наша

«перестройка» – Вы ее, естественно, не застали, – рискует взять на знамя свое именно Ваши зовущие вперед категории... А России «на роду» предначертано: Вера. Честь. Любовь. *Есть разница.*

10 В. Дудинцев. Не хлебом единым.

468   Одoleвать хтонические силы тупости и зла, создавать жизненно-насушное, будь то на поприще прокатки труб либо картофелеводства, – одoleвать и создавать, отрешившись от многого земного, от пыльного, от пачкающего, – таковы (в тяжеловесной глагольной форме) необходимые признаки самого творчества. «Формула» сия, оной повестью, кажется, насаждаемая, напрочь лишена и романтизма и трагичности. Она скорее тянет на эпос.

15 О. Базунов. Мореплаватель (Новый мир, №№ 6, 7, 1987).

469   Блистательное осмеяние ходячей мудрости насчет «лить воду» и вообще многого «ходячего», посильная – неслабая – попытка начертать образ человека не только *чистого*, что для русской литературы в традиции, но и человека *целого*. Правду сказать, непрестанные блики и отсветы на глади прихотливо уложенных слов, действительно, спят и заставляют жмуриться – не уснуть бы, чего доброго, в таком преизбытке рефлексов...

21 М. Булгаков. Собачье сердце (Знамя, № 6, 1987).

470   Та (великая) революция – это когда Шариковы против Преображенских-Покровских? – Не имею оснований считать, что Булгаков только-то подсовывал язвящие шпильки в пуховичок... И, конечно, никакое не иносказание... Может быть, только *мифу* и его, мифа жизненной *прямоте* впору не опощлить святой миг, в котором целая эпоха корчится от боли...

26 М. Анчаров. Самшитовый лес.

471   Жалею, что проза Анчарова пришла ко мне несколько поздно¹⁰¹: могла ведь избавить от многих сомнений и ошибок, неизбежно свершенных в глухой камере «самодеятельности». Впрочем, и мой штык еще не воткнул в землю!.. Полезно сопоставить мнение автора и того же Дудинцева по вполне частному (а попробуй-ка обойди его!) вопросу – зачем *Сапожникову* женщины? Дудинцев рыцарствует, Анчаров желчен. Как бы не правду говорят сны, где мальчики, как водится, летают, а девочки... те готовятся, конечно, замуж.

30 А. Бек. Новое назначение (Знамя, №№ 10, 11, 1986).

---

¹⁰¹ Признаться, был такой план – найти адрес или телефон Михаила Леонидовича Анчарова (28.03.1923–11.07.1990), чтобы представиться, познакомиться и, конечно, поговорить с ним. И вопросы свои задать: меня особенно занимал его опыт такого странноватого *философско-поэтического* синтеза. Чувствовал к нему особую близость. Увы, так и прособирался...

472 Да, придется одолжить у врачей-терапевтов сей профессионально-вульгаризованный термин «ошибка» – он вполне годится для диагноза болезней на многих отрезках нашей социалистической (не столь уж и длинной) истории. И еще: после чтения захотелось вновь пройти по дорожкам Новодевичьего, пройти и задумчиво остановиться у некоторых надписей на надгробиях. Постоять – со своими вопросами и согласиями.

Август 1987

15 А. Рыбаков. Дети Арбата (Дружба народов, №№ 4–6, 1987).

473 (Ничего не скажу такого про этих «детей»). Листая недавно поучительнейший календарь-справочник на 1941 год, обязался-озаботился таким подсчетом: статья о Сталине занимает 4 страницы, о Ленине – в восемь раз меньше, причем из 26 – на круг – строчек 21 (двадцать одна!) повествует о преимстве опять-таки И.В. Даже бесстрастная, казалось, цифирь той поры вопиет!.. А – народ? Наверное, как и полагается, безмолвствовал...

19 М. Булгаков. <Тайному другу. Правительству СССР> (Новый мир, № 8, 1987).

474 Несчастен, болезненно-тонок, раним... Извлекал из *прозы жизни* цельные заготовки *высокой поэзии*, обращал (*почти* или, напротив, *даже вовсе* невольню?) обстоятельства места и времени в причастные бессмертию обороты – таков Михаил Булгаков.

20 В. Набоков. Слава (Дружба народов, № 6, 1987).

475 ... Этот лощеный везунок, гляньте-ка, *тоже страдал!* – Отогнал от себя первое, скорее обывательское впечатление-суждение и обнаружил (в который раз), что для подлинной, т.е. не первой, неспешной, длящейся и, следовательно, нужной оценки следует откладывать чтение лет эдак на... Доживи до своих итогов – и тогда (если смел) суди других.

28 А. Платонов. Ювенильное море.

476 Когда люди возводят «сооружение социализма в скудной стране, беря первичное вещество для него из своего тела», чью же сторону, спросим, держит автор – Умрищева ли, который «не хотел соваться в железный самотёк истории», или Николая Вермо, если тому так вот *просто соваться* было явно мало («Зачем наш труд вообще как повторение однообразных процессов: нужно заменить его бесперывным творчеством изобретений»), чью? Ответ – для автора – вполне ясен. А всегда ли знал и понимал, с кем и как, собственно, хотел и хочешь быть – ты?

ФОРМУЛЯР ЧИТАТЕЛЯ

№ 232 № _____ № _____

Фамилия Литвинский
 Имя и отчество Виктор Петрович

Возрастная группа (для профессии для слушателей и членов семей) составляет

Год рождения 1957

Образование высшее

Патридония с. В. Волки

Национальность русский

№ книжной записки или личной карточки
916, с.б. 35, с.г. 1-35

Правила библиотечной записки и выписки

Подпись _____

Дата записки 0873

Сред. выписка книг	Номерной. до		Отдел
	1	2	
17.1.74	20-73	20	
20.1.74	451	Р2	
4.2.74	4734	001/081	
" "	355	322	
8.2.74	4803	7	
18.2.74	1-10	6301	
" "	0-30	5704	
" "	1934	51	
25.2.74	4767	Р2	
11.3.74	946	Р2	
" "	143	Р2	
34.5.74	4956	5304	
34.6.74	1982	675	
" "	1-73	20	

Автор и название книги	Регистрационный и инвентарный номер	
	1	2
КВС		
История философии		
Антикварная книга		
Большая медицинская энциклопедия		
Энциклопедия естествознания		
Российская история		
Краткая история философии		
Краткая история культуры		
Работы по философии		
Работы по истории		
Ученые труды		
Ученые труды		
В. И. Ленин		
Сочинения Э. М. Ремизова		
Наука и искусство		

В ЭККЛЕЗИАСТОВОЙ ШКУРЕ

Томился, томился и... притомился. Вплоть до того притомился, что для-ради проверки старой максимы о «суете сует» сам вроде как стал Проповедующим-в-Собрании.

Кохелетом стал.

Сам себе *удивляюсь*.

Попутно выяснил, сколько людей и сколько людишек непосредственно меня окружают. Пропорции не обескураживают.

Пропорции архи-нормальны.

Главное, облегчил душу, сказавши, что думаю.

А взойти на общественно-значимую, т.е. партийную трибуну стоило уже затем, чтобы хотя бы для себя на-свежо перечеркнуть эти строчки:

Сей семена с утра и руке до вечера не давай отдохнуть,

Ибо ты не знаешь, что удастся – то или это...

В том-то и дело, что не знаю. Осталось с облегчением завершить эту тетрадь и пододвинуть к себе новую.

Апрель 1990

Примечание при составлении этой книги: полезным приложением к данной записи в «Опытах» может служить текст «резюме» кандидата в делегаты XXVIII съезда Коммунистической партии, каковой (текст) мои дорогие «выборщики» размножили на печатающих устройствах «Эльбруса-2» (на Софринском объекте) в количестве экземпляров, вполне достаточном для надежной поставки информации в компетентные органы.

[На широком листе АЦПУ расположена информация в два столбца, в левом – сведения о нашем наивном «кандидате в делегаты», в правом – его попытка формулировать, по случаю, некий *modus vivendi*:]

Ему 38 лет, русский. Отцовская линия восходит к рабочим Донбасса, материнская – к крестьянам Приладожья. Родился в г. Северо-Курильске (Курильские острова) в семье военнослужащего. Окончил среднюю школу под Ленинградом, отдавая предпочтение математике и физике. С 1969 по 1973 гг. – в ПВКУРЭ командир курсантского отделения, редактор батареинной стенгазеты, знаменщик Училища.

В течение 15 лет служил в войсковой части 03863 инженером КТП передающей позиции, командиром взвода технологической роты, далее на различных должностях в отделе боевых алгоритмов и программ. Вступил в КПСС в 1978 г., был секретарем цеховой парторганизации, членом партбюро парторганизации Управления части. Принимал активное участие в Государственных испытаниях средств, подготовке к заступлению войсковой части на боевое дежурство, а также во всех последующих доработках изделия. Разработал и внедрил несколько десятков алгоритмов обработки РЛ-информации, постоянно работал над повышением боеготовности средств. В 1982 г. награжден медалью «За боевые заслуги». Имеет 6 научных публикаций в открытых изданиях по теории информации, культурологии и проблемам искусственного интеллекта, а также около 15 отчетов по НИР и статей в закрытых изданиях по вопросам радиолокации и системотехники. Неоднократно выступал с лекциями по философии и истории культуры перед сослуживцами и в средней школе. С 1988 г. служит в войсковой части 75555, занимаясь испытаниями и приемом новой военной техники, организацией подготовки специалистов по боевым алгоритмам и программам. Женат, имеет двух дочерей школьного возраста.

Общественно-политическую ситуацию формулирует так:

1. Налицо кризис Советского общества и Коммунистической партии. Не надо спасать старую партию, в спасении нуждается Отечество. Только радикальное обновление КПСС даст шанс на реализацию задач перестройки.

2. Опубликованные «платформы» для КПСС содержат много нового и ценного, однако в целом они никак не могут удовлетворить. Мне близка «Демократическая платформа», за исключением, прежде всего, положения о необходимости фракций внутри одной партии.

3. Для партии и для общества, в котором партия является руководящей силой, фракции смертельны; партии нужны не фракции, но оппозиция других равноправных партий. Без неоднородности нет жизни и движения.

4. Важно публично признать прошлые (в том числе и недавние) ошибки и преступления, свершенные партией и от имени партии. Пора расстаться с упрощенным, нетворческим пониманием марксизма. Пора внятно сказать: какое же общество «мы» построили и какое, кстати, «они».

5. Будущее страны связываю с переходом власти в руки народных советов, с преодолением монополизма государственной собственности путем развития многоукладного (если угодно, по Ленину времен нэпа) хозяйства и рыночной (в определенной доле) экономики, при главенстве государственной собственности в фундаментальных областях народного хозяйства и при обязательном конституционном народном контроле.

6. Не потеряла смысла и потенциальной силы старая формула социализма «от каждого – по способностям, каждому – по труду», только обе части ее должны развиваться в диалектическом единстве. Ошутимый ныне крен в сторону распределительной (уравнительной) справедливости в ущерб творческой инициативе человека возвратит нас к прежним временам диктата бюрократии (распределителя) над народом (производителем).

7. Вопрос о партии в Советской армии и Военно-морском флоте не может определяться одним только уставом КПСС. В условиях возможной многопартийности отношения Вооруженных Сил и других государственных органов к общественно-политическим организациям должны регулироваться особым законом о партиях (во множественном числе).

8. Признание значимости общечеловеческих ценностей (примата их над классовыми и групповыми интересами) дает не только новое направление коммунистическому движению – через демократический социализм к обществу свободного творческого труда, – но и составляет естественную основу для необходимой ныне консолидации сил добра.

ОДА ЛЮБИМОЙ¹⁰²

СРЛС «Дунай – 3У»

О надежная и ажурная, покладистая и разумная!

Вот уже сколько десятилетий ты купаешься в ветрах Подмосковья и уверенно озираешь космические бездны, полные тайн. Твоя девически нежная чувствительность сделала ошутимым каждый вздох Солнца и шепоты далеких созвездий. Твой по-мужски дерзкий потенциал позволил достать Луну и положить ее драгоценную капельку на зеленоватый бархат линзовых индикаторов. Твоя необъятная пропускная способность и могучая производительность с честью выдерживают экзамены третьего тысячелетия. Твои дисперсии столь же малы и убедительны, как грудь юной гимнастки (или, положим, балерины). И как виртуозны и отточены все движения

---

¹⁰² «Ода» составлена, сиречь стремительно сотворена (с большим, вспоминается, энтузиазмом) к 70-летию *Александра Николаевича Мусатова* (6.04.1925–7.08.2008), и была ему вручена, и им самим потом цитировалась в мемуарах (см. выше, в гл. II, после экскурса об интенциональности). Затем несколько раз, в разные годы воспроизводилась в буклетах для наших «Дней программиста».

спортсмена экстра-класса, так и твои алгоритмы и программы столь же отлажены и гибки.

В тебе всё нераздельно и, вместе с тем, неслиянно, ибо ты совершенна. В тебе сошлись, утихомирившись, людские амбиции и технические противоречия. Даже твои служебные аббревиатуры несут печать гармонии и самодостаточности, поскольку они троичны: ЦВС, САУ, КМС, ТИК, КСС, КСП, СУФ, ЛЧМ¹⁰³. Но ты никогда не устранилась от текущих событий, как это можно было бы предположить для совершенных и гордых созданий. Потому в твоей биографии столь много славных дел на службе Отечеству, потому челленджеры и лакроссы, дуны и першинги повержены к твоим ногам. И даже в самые черные дни, когда (вспомнят уже немногие) «не пошла» знаменитая 20-я траектория или когда выявились злосчастные «дифракционники», в тебе неизменно отыскивались неиссякаемые запасы изящества и интеллекта.

За твоими бетонными одеждами разместился настоящий университет, где учили смело мыслить и точно действовать. Здесь определяли погоду не деньги и похвальба, но профессионализм и обязательность. У твоих создателей были столь направлены усилия и столь остра интуиция – словно крепкое лезвие после умелой заточки, – потому что с ними был достойный Главный. Недаром «мусатом» на Руси когда-то называли полоску стали для правки кос и ножей. И недаром ты сама предстала перед нами, словно вырезана одним верным и окончательным движением.

Слава Мусатову! Тебе, любимая, хвала!

Май 1995

*Грустил на берегу «ДОНА» и вспоминал иные берега
В.П. Троицкий*

---

¹⁰³ Прошу прощения у тех, кто не знает или забыл, что означают эти аббревиатуры. Они кратко и скромно (почти кратко) символизируют разнокалассные «капельки» из большого потока смыслов нашего «Дуная»: Центральный Вычислитель Станции (ЦВС), Система Автоматического Управления (САУ), Комплексная Модель Станции (КМС) и Точный Измеритель Координат (ТИК) представляют основные части нашей вычислительной системы, Контрольный Сигнал Спектроанализаторов (КСС), Контрольный Сигнал Приемников (КСП) и Система Управления Фазой (СУФ) относятся к системе контроля и управления аппаратуры, Линейная Частотная Модуляция (ЛЧМ) описывает тип использованного радиолокационного сигнала. Подобных «троиц» в описании «Дуная» наберется, думаю, десятка три.

КОММЕНТАРИИ К ИЗОБРАЖЕНИЯМ

К стр. 13. Это часть нашей Тропы, начиная с мостков через ручей. Снимала Валентина Ревякова-Косимовская, специально по моей просьбе, днем 14 октября 2018 года, на Покров. Ею же сделана фотография, помещенная на обложку данного издания.

К стр. 15. «Философская тропа» в Шварцвальде. Оригинал хранится в ОР РГБ, в фонде М.К. Морозовой. Помог «разжиться» изображением Владимир Кейдан, исследователь из Италии, многие годы работающий над интереснейшей перепиской М.К. Морозовой и кн. Е.Н. Трубецкого.

К стр. 24. Регистрируем брак в ЗАГСе города Чехова. Вместе с нами радуются наши свидетели – Людмила Голенская и Владимир Фокеев (специально приехал из Питера).

К стр. 25. Теперь нас трое. Дочке Леночке примерно полгода. Снимал в конце декабря 1975 года Рустам Юмаев, мой училищный друг и сосед по холостяцкой «общаге». Рустам погибнет в 90-е, когда начнется гражданская война в Таджикистане.

К стр. 29. Здесь большая часть нашего отдела, собрались, судя по всему и по хорошему настроению, на партсобрание: Турьгин, Кударис,

Амелин, Цаплин, в.п.с. Где-то за кадром хлопочет остальной «партактив» – Епанешников и Романенков.

К стр. 30. Драматический момент передачи лыжной эстафеты: Епанешников => Троицкий. Если я, чего доброго, сплеховал на своем этапе, знаю твердо – дальше еще бежит Толя или Серега: всех победим...

К стр. 44. У здания приемной части нашей станции (зд. 201А) сняты: мне не известный, Кударис, Ревякова-Косимовская, Мусатов, Романенков.

К стр. 46. Приятный эпизод на одном из «Дней программиста». Ветераны решают шуточную вводную, для чего перед ними выложена распечатка с каверзными ситуациями. Увлечены – все.

К стр. 47. Календарик с изображением «нашей Ады», сделан к юбилейной, 20-й встрече (декабрь 2017 года).

К стр. 53. Обложка сборника «Семиотика и информатика», в котором увидела свет моя первая (в открытой печати) научная публикация «Семиотическое существование». Сборник издавался в ВИНТИ.

К стр. 65. Юлий Анатольевич Шрейдер в своем домашнем кабинете (он жил в районе «Динамо»). Хорошо помню, что когда я впервые очутился в этой комнате, меня потрясло обилие мне не ведомых книг и множество икон по стенам.

К стр. 74. Закат, вид реки Лопасни в районе усадьбы «Зачатье». Изображение взято с последней страницы журнала «Огонек» (июнь 1968 года), в котором помещалась большая статья Юрия Сбитнева «Слово о моем Учителе». Этот номер «Огонька» Тамара хранит уже полвека, потому хорошо видны почтенные следы времени.

К стр. 79. Алексей Михайлович Прокин, Учитель. Съемка на уроке истории в средней школе № 4 города Чехова. Это – первая страница обложки того же «Огонька».

К стр. 80. Тамара с нашей внучкой Катей возле памятника А.М. Прокину. Как видим, идет процесс воспитания нового учителя: сейчас Катя заканчивает учебу на историческом факультете в НГУ-ВШЭ и собирается работать так же, как и бабушка...

К стр. 86. Нас шестеро (отсутствует Сергей Амелин, он так ни разу и не собрался, кажется, на наши посиделки), на одном из первых «Дней программиста».

К стр. 87. Автограф на книге Г.В. Кисунько (в этот день, 2 апреля 1997 года состоялась презентация «Секретной зоны»). Меня представил Генеральному дорогой Н.К. Свечкопал.

К стр. 89. Тоже из ранних «Дней программиста». Справа налево: три начальника отдела боевых алгоритмов и программ (разумеется, в разные годы) – Сыроватский, Романенков, Кударис, и начальник кафедры по нашей специализации в Пушкинском училище – Епанешников, Друг.

К стр. 90. Отдел отработывает строевые приемы. Увы, нет ни одной фотографии, где бы нас можно было увидеть за настоящей боевой работой. Режим секретности не позволял.

К стр. 94. «Шапка» академического журнала «Научно-техническая информация. Серия 2. Информационные процессы и системы» (там иногда выходили мои статьи), в существование которого как-то не очень поверил Николай Михайлович Назаров.

К стр. 140. Рисунок «триггера мысли» (скан из моей рукописи). Прошу прощения за качество изображение и каракули письменной формы выражения.

К стр. 145. Наш черный кот Василий в интерпретации художницы Маши. Февраль 1984 года. К сожалению, доступные здесь «оттенки серого» никак не могут передать всю палитру этого шедевра.

К стр. 180. В гостях у Твардовских («Ивана да Марьи») на Смоленщине. Фотография возле их дома. Май 1997 года.

К стр. 257. Завершает данный блок «Чтива» мой читательский билет, для гарнизонной библиотеки. Долгие годы его хранила Людмила Липатова, зав. библиотекой, и однажды она передала сей билет Тамаре, на прощание.

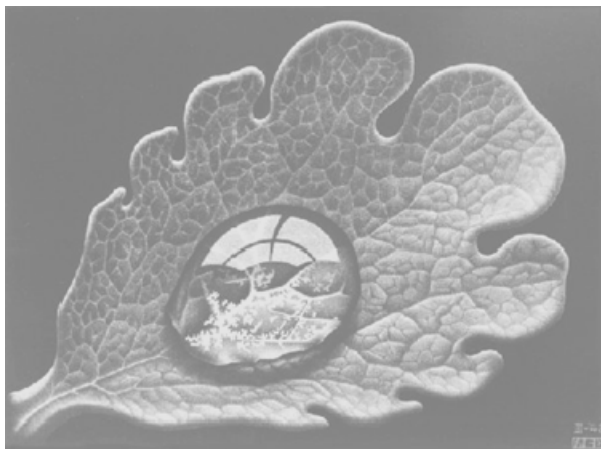
К стр. 261. Так наш «Дунай» смотрится издали. Правда же, похож на питерские знаменитые мосты, когда они уже разведены, но все еще остаются в неразлучной паре?

К стр. 264. Моя подпись, или «аватарка». Пользуюсь шедевром М. Эшера «Росинка» (которая, ясное дело, просто отражает весь мир).

**ТРОПА И ПУТЬ.
ИЗ ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ И ИДЕЙ**

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. Наш хронотоп.....	5
II. Думать и делать.....	27
III. Форма числа.....	Вып. 2
IV. Символизм.....	Вып. 2
VI. Информация и время.....	Вып. 2
V. Сложные системы.....	Вып. 3
VII. Русская философия.....	Вып. 3
VIII. Приложение 1. Статьи и публикации.....	53
IX. Приложение 2. Послания, дневники, письма	111
Комментарии к изображениям.....	261

Виктор Троицкий

**ТРОПА И ПУТЬ.
ИЗ ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ И ИДЕЙ**

Книга выходит в авторской редакции
Отпечатано с готового оригинал-макета автора

Издательство «Перо»
109052, Москва, Нижегородская ул., д. 29–33, стр. 27, ком. 105
Тел.: (495) 973–72–28, 665–34–36
Подписано в печать 16.10.2018. Формат 60×90/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 16,625. Тираж 120 экз. Заказ 655.
Отпечатано в ООО «Издательство «Перо»